

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР 4(117)

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Импортозамещение в союзном государстве
Import substitution in the Union State

Геоэкономические стратегии стран Азии
в новых геополитических реалиях
Geo-economic strategies of Asian countries in the new geopolitical realities

Эволюция сил передового развертывания НАТО
к середине 2022 г.
The evolution of NATO'S forward presence force by mid-2022

Роль образования в распространении
российских интересов на пространстве СНГ
The role of education in spreading Russian foreign interests in the CIS

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2022

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2022.04.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.gossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Ленчук Е. Б.
*Импортозамещение в Союзном
государстве: направления
эффективного взаимодействия
России и Беларуси* **6**

*Ланник Л. В.,
Тарасов К. А.*
*Финансист контрреволюции.
Прогерманский политико-
экономический проект
К. И. Ярошинского в 1918 г.* **23**

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

Заклязьминская Е. О.
*Геоэкономические стратегии
России, Индии и Китая
в Центральной Азии в новых
геополитических реалиях* **42**

Бритов И. В.
*Специальная военная операция
России на Украине: позиция
Вьетнама* **65**

Чернега В. Н.
*Ресурсные возможности
и инструменты державной
политики Франции: между
желаемым и действительным* **80**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

Lenchuk E. B.
*Import Substitution in
the Union State: Directions for
Effective Cooperation between
Russia and Belarus*

*Lannik L. V.,
Tarasov K. A.*
*Counterrevolution's financier.
The pro-German political
and economic project
of Karl Jaroszynski in 1918*

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

Zakliazminskaja E. O.
*Geo-economic strategies
of Russia, India and China
in Central Asia in the new
geopolitical realities*

Britov I. V.
*Russia's Special Military
Operation in Ukraine:
Vietnam's stance*

Chernega V. N.
*Resources and instruments
of France's policy of power:
between the desired
and the actual*

Трунов Ф.О.
Эволюция сил передового
развертывания НАТО
к середине 2022 г. **100**

Trunov F. O.
The evolution of NATO`s
Forward Presence Force
by mid-2022

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY**

Филатов Г.А.
Испано-советские отношения
и проблема колоний
в XX в. **123**

Filatov G. A.
Spanish-Soviet relations
and the problem of colonies
in the 20th century

Хайнциг Д.
Принудительное отчисление
из Гумбольдтского
университета в 1954 г.
Воспоминания **146**

Heinzig D.
Forced expulsion
from the Humboldt university
in 1954.
A memoir

**РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

**REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS**

Коданева С.И.
Энергетический переход:
перспективы и механизмы
реализации **162**

Kodaneva S. I.
Energy transition:
perspectives and mechanisms
of realization

Захаров А.И.
Внешнеполитические
последствия пандемии
коронавируса для Индии **184**

Zakharov A. I.
The Covid-19 pandemic`s
implications for India`s
foreign policy

Шебалина Е.О.
Святая Земля и Иерусалим как
перекрёсток христианских
конфессий: дипломатический
аспект **206**

Shebalina E. O.
The Holy Land and
Jerusalem as the crossroads
of Christian confessions:
the diplomatic aspect

Качян М.А.
Роль образования
в распространении
российских интересов
на пространстве СНГ **222**

Kachyan M. A.
The role of education
in spreading Russian
foreign interests
in the CIS

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

*Левченков А.С.
Интеграционные процессы
на пространстве Большой
Евразии в осмыслении
историка. Рецензия на:
Е.И. Пивовар Пространство
Большой Евразии XXI века.
СПб.: Алетейя, 2022. 468 с.* **235**

*Ковалев М.В.
Новый труд чешских
историков по истории
российской эмиграции
в Чехословакии
1920–1930-е годы* **241**

REVIEWS

*Levchenkov A.S.
Integration processes
in the Greater Eurasia
in a historian's understanding.
The review of Pivovar E.I.
The space of Greater Eurasia
of the XXI century.
SPb.: Aletejya. 2022. 468 p.*

*Kovalev M.V.
A new work by Czech
historians on Russian
emigration
in Czechoslovakia
in the 1920s–1930s*

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2022.04.01

Е.Б. Ленчук

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ: НАПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Аннотация. В условиях резкого ограничения поставок высокотехнологичной продукции, оборудования и технологий в связи с введением санкций со стороны Запада, серьезно обострилась проблема высокой импортозависимости экономик России и Беларуси. В результате возникают угрозы разрыва в производственных цепочках и остановки работы ряда производств и секторов экономики. Это не может не сказаться на общей экономической динамике развития двух государств уже в ближайшей перспективе. В таких условиях поиск путей эффективного импортозамещения продукции из западных стран становится одной из важнейших задач обеспечения устойчивости экономик России и Беларуси. Одним из таких путей является объединение усилий России и Беларуси в рамках Союзного государства и выход на новый уровень взаимодействия как в промышленной, так и в научно-технологической сфере.

Реализация такого курса в рамках Союзного государства объективно требует формирования общей стратегии импортозамещения, реализация которой должна проводиться в рамках согласованной промышленной политики, разработки совместных программ и проектов. Накопленный опыт реализации союзных отраслевых и научно-технологических программ создает хорошую основу для этого процесса. Кроме того, особое внимание должно быть уделено выработке единой научно-технологической политики в рамках Союзного государства, обеспечивающей мобилизацию научно-технологических потенциалов России и Беларуси не просто на создание импортозамещающей продукции, а на разработку конкурентоспособной продукции и технологий в таких высокотехнологичных отраслях экономики, как микроэлектроника, станкостроение, машиностроение, авиация, космос, цифровые технологии, энергетика, фармацевтика и др. Эффективное взаимодействие в научно-технологической сфере требует наращивания научно-технологических потенциалов двух стран, увеличения инвестиций в эту сферу, формирования соответствующей институциональной среды, а также повышения качественного уровня подготовки исследователей, специалистов и инженерных кадров.

Ключевые слова: импортозамещение; санкции; промышленная политика; научно-технологическое сотрудничество; научно-технологический потенциал.

Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук,
руководитель научного направления «Экономическая политика»
Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: lenalenchuk@yandex.ru
Scopus Author ID: 14121314400

Lenchuk E.B. Import Substitution in the Union State: Directions for Effective Cooperation between Russia and Belarus

Abstract. In the context of a sharp restriction in the supply of high-tech products, equipment and technologies due to the imposition of sanctions by the West, the problem of high import dependence of the economies of Russia and Belarus has seriously deteriorated. As a result, there exist threats of a break in production chains and shutdown of a number of industries and sectors of the economy. Already in the short term, this cannot but affect the overall economic dynamics of the development of the two states. Under such conditions, the search for ways of effective import substitution of products from Western countries is becoming one of the most important tasks for ensuring the sustainability of the economies of Russia and Belarus. One of such ways is to combine efforts in this area within the framework of the Union State and reach a new level of interaction in both industrial and scientific-technological sphere.

The implementation of such a course within the framework of the Union State objectively requires the creation of a common strategy for import substitution, the implementation of which should be carried out within the framework of a coordinated industrial policy, joint programs and projects. The accumulated experience in the implementation of joint sectoral and scientific and technological programs in the Union State creates a good basis for this process. In addition, particular attention should be paid to the development of a common scientific and technological policy within the framework of the Union State, which ensures the mobilization of the scientific and technological potentials of Russia and Belarus not only in the creation of import-substituting products, but in the development of competitive products and technologies in such high-tech sectors of the economy as microelectronics, machine tool building, mechanical engineering, aviation, space, digital technologies, energy, pharmaceuticals, etc. Effective interaction in the scientific and technological development requires building up the scientific and technological potential of the two countries, increasing investment in this area, creating an appropriate institutional environment, as well as improving the quality level of training of researchers, specialists and engineers.

Keywords: import substitution; sanctions; industrial policy; scientific and technological cooperation; scientific and technological potential.

Lenchuk Elena Borisovna – Doctor of Science, Economics,
Head of Economic Policy Department, Russian Academy of Science,
Institute of Economics. Russia, Moscow.
E-mail: lenalenchuk@yandex.ru
Scopus Author ID: 14121314400

Введение

В условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны Запада, усилившегося в связи с началом спецоперации России на Украине и повлекшего за собой финансовые ограничения, разрыв торгово-экономических связей и логистических цепочек, для России и Беларуси возникли серьезные угрозы торможения экономического роста в обозримой перспективе. Причем наиболее болезненными и жесткими стали санкции в технологической сфере, связанные с ограничением доступа к импорту высокотехнологичной продукции и технологий, уходом иностранных высокотехнологичных компаний, приостановкой сотрудничества в рамках международных проектов. Цель таких санкций – экономическая изоляция России и Беларуси, возможность остановки отдельных производств, деятельность которых в значительной мере зависит от зарубежных технологий, импортного оборудования и комплектующих. Особенно значимы эти риски для наукоемких и высокотехнологичных секторов экономики, таких как авиастроение, автомобилестроение, фармацевтика, электротехника, машины и оборудование. Так, например, санкции сегодня затрагивают более 50% высокотехнологичного импорта в Россию. И можно ожидать, что рост дальнейших ограничений по поставкам будет нарастать, поскольку западные страны стремятся подорвать технологическую мощь России и Беларуси, снизить конкурентоспособность их экономик, нанести удар по стратегическим отраслям. По расчетам Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, только ограничения по поставкам промежуточной машиностроительной и фармацевтической продукции, а также уход с российского рынка ряда потребительских компаний в условиях 2022 г. сократят российский ВВП примерно на 4% [Широв, Гусев 2022, с. 56]. В целом падение экономического роста может к концу года составить 6–8%. Примерно такое же сокращение ВВП ожидает и Беларусь. По оценкам международного агентства Fitch экономика Беларуси сократится на 5% в 2022 и на 1,2% в 2023 гг. [Fitch Affirms Belarus 2022].

В таких условиях проблема импортозамещения становится крайне значимой и определяющей, от скорости решения которой во многом будет зависеть динамика макроэкономического роста России и Беларуси. Для России и Беларуси как союзного государства, это предполагает концентрацию усилий на совместном решении проблем импортозамещения, усилении взаимодействия в научно-технологической, инновационной и промышленной сферах. Ставка на свои силы в условиях санкций очень важна, тем более, как неоднократно отмечали главы государств России и Беларуси, потенциал для решения этой проблемы имеется. За последние годы союзное государство сохранило и даже расширило свои компетенции в ряде высокотехнологичных отраслей [Как Беларусь и Россия 2022]. В частности, А. Лукашенко отмечал,

что именно промышленная, научная кооперация видится главным двигателем нашей интеграции, а углубленное партнерство с Россией – это единственный способ поддержания не только отечественной экономики, но и экономики в рамках строительства Союзного государства [Экономическое и научно-техническое развитие 2021].

Импортозависимость экономик России и Беларуси

Хотя сегодня в мире не существует ни одной страны, которая развивается только за счет самообеспечения, и импорт никогда не считался абсолютным злом, в условиях разрыва торгово-экономических отношений со странами Запада, Россия и Беларусь попали в непростую ситуацию. Импортозависимость по ряду критически важных товаров в некоторых секторах экономики оказалась чрезвычайно высокой. Так, в России в ряде отраслей промышленности такая зависимость становится критической. Это отрасли электроники, станкостроения, приборостроения, где импортозависимость достигает 60–90%, в тяжелом машиностроении – 60–80%, в фармацевтической отрасли – 80%, медицинской промышленности – 70–80%, в то время как по оценке экспертов, угроза национальной безопасности уже возникает при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25% [Новая промышленная политика 2016, с. 90].

Не менее проблематичная ситуация складывается и в Беларуси, импортоемкость экономики которой составляет около 40%. При этом отмечается высокая доля импорта в структуре промежуточного спроса – 36,4%. Так, предприятия БелАЗа и МАЗа получают от западных партнеров широкую номенклатуру комплектующих – на страны ЕС приходится 22% импорта двигателей внутреннего сгорания, свыше 75% – импорта шасси и 36% – коробок передач [Желиба 2021, с. 90].

Одновременно отмечается усиление зависимости экономики от готового потребительского и инвестиционного импорта. Расчеты свидетельствуют о том, что по ряду критически значимых позиций Беларусь практически утратила внутренний рынок. Доля импорта в конечном потреблении домашних хозяйств бумажной, химической продукции, резиновых и пластмассовых изделий, машин, электрического оборудования приближается к 100%. Удельный вес импорта готовых металлических изделий, компьютеров, электронного и оптического, электрического оборудования и машин в структуре валового накопления основного капитала превышает 80% [Рожковская 2022].

Усиление технико-технологической зависимости от импорта в условиях масштабного расширения санкционных мер в отношении белорусской и российской экономик прежде всего сказывается на работе крупных компаний,

деятельность которых значительно зависит от импортного оборудования и комплектующих и критическим образом «завязана» на поставки импортного высокотехнологичного оборудования из развитых стран.

С проблемой импортозамещения Россия столкнулась еще в 2014 г., когда к территории страны присоединился Крым, и были введены первые ограничительные санкции со стороны Запада на поставку ряда высокотехнологичной продукции и технологий. Ответом на эти вызовы явилась разработка государственной программы импортозамещения «Развитие промышленности и повышения ее конкурентоспособности», которая была запущена в апреле 2014 г. Документом были утверждены планы развития импортозамещения для каждого вида промышленности вплоть до 2024 г. на реализацию которых ежегодно выделяются миллиарды рублей. Так, например, в 2021 г. на эти цели было выделено 330 млрд руб. [Импортозамещение в России 2022].

Оценивая итоги реализации этой программы, нельзя не отметить положительные результаты, которые выражаются, прежде всего, в снижении критической зависимости от зарубежных поставок в таких отраслях, как ОПК, сельское хозяйство, энергетика, нефтепереработка, однако целый ряд секторов и отраслей экономики по-прежнему сохраняют высокую импортозависимость. Так, например, доля отечественной микроэлектроники на российском рынке не превышает 10%, доля импортных компонентов в судостроении – свыше 70% и т.п. Россия закупает по импорту высоких технологий на 600 млрд руб., а производит на 15 млрд руб.

Республика Беларусь стала испытывать санкционное давление на экономику после политических событий августа 2020 г., которое последовательно усиливалось с введением новых пакетов санкций – в 2021 г. после проведения президентских выборов в стране и в 2022 г. после начала военной операции России на Украине. Ответом на ограничение импорта продукции и комплектующих в результате введенных санкций стал поиск новых поставщиков и локализация производства импортозамещающей продукции. Так, уже в 2020 г. в соответствии с Планом НАН Беларуси осуществлен выпуск импортозамещающей продукции (услуг) на сумму 474,3 млн долл. США (по 257 наименованиям) [Импортозамещающая продукция 2021, с. 4]. Вместе с тем ужесточающиеся санкции постоянно актуализируют необходимость поиска путей импортозамещения все новой и новой продукции.

Пути решения проблемы импортозамещения

Решение проблемы импортозамещения высокотехнологичной продукции и технологий лежит в плоскости реализации трех направлений: изменение географии импорта и поиск новых торговых партнеров из дружественных стран; параллельный импорт; локализация производства импортозамещаю-

щей продукции, т.е. собственная разработка продукции. Частично в рамках союзного государства Россия и Беларусь способны решить проблему импортозамещения за счет наращивания взаимопоставок, и прежде всего, в промышленной сфере.

В настоящее время активизировалось взаимодействие российских и минских автогигантов – КАМАЗа и БелАЗа. Как известно, из-за западных санкций белорусские производители вынуждены частично вернуться к выпуску более простых моделей грузовиков, но планируют развивать производство полного цикла, от штамповки рам до двигателей и высокотехнологичных систем АБС, других узлов, насыщенных электроникой, которые могут быть востребованы россиянами. Белорусские предприятия способны заменить импорт ряда продукции в сфере производства станков и оборудования, некоторых видов микроэлектроники. Заказы России на оборудование для микроэлектроники уже размещены и оплачены на площадке предприятия «Планар», их стоимость составляет около 4 млрд руб. Это уникальные технологии, которые будут изготовлены в ближайшие годы [Минпром и НАН, 2022]. Россия, у которой есть заводы, производящие топливную аппаратуру, в свою очередь сможет помочь Беларуси в области топливных систем, также Россия может нарастить поставки электрических машин, пластмассовых изделий и т.п.

Конкретных направлений для расширения сотрудничества немало. К примеру, знаменитый «Интеграл» с белорусской стороны и подобные предприятия в России могли бы решить целый ряд проблем импортозамещения в микроэлектронике. Минский «Горизонт», который производит много продукции, связанной с управлением космическими аппаратами и самолетами, мог бы содействовать решению проблемы импортозамещения в России в сфере авиастроения. В совместной кооперации и сотрудничестве могут быть задействованы такие наукоемкие предприятия, как «БелОМО», «Пеленг». Есть хорошие перспективы и для взаимодействия в IT-сфере [Как Беларусь и Россия 2022].

На прошедшем в 2022 г. IX Форуме регионов Беларуси и России в г. Гродно отмечалось, что в некоторых российских регионах с помощью Беларуси удастся закрыть более 500 из 850 критически значимых для региональной экономики товарных позиций, выпавших в результате санкций [Какие выгоды, 2022]. В рамках форума было подписано более 60 новых соглашений по выпуску продукции в сфере машиностроения и сельского хозяйства в целях совместного противостояния западным санкциям. Приоритетным направлением было выделено сотрудничество в сфере высоких технологий, прежде всего в сфере ИТ. Общая сумма заключенных контрактов достигла рекордной суммы – 65 млрд руб. [Более 60 различных соглашений 2022].

В рамках Союзного государства России и Беларуси должна формироваться общая политика импортозамещения. Важнейшим шагом для ее формирования должна стать оценка объемов и параметров импортозамещения, анализ доступности импорта, оценка степени критичности импортируемой продукции для экономик двух стран. Следует отметить, что странами уже сформированы «горячие списки» недостающих из-за санкций импортных товаров, по которым планируется оперативно организовать взаимные импортозамещающие поставки. Так, например, Беларусь планирует увеличить объемы производства импортозамещающей продукции в 2022 г. до 25 млрд долл. [В России раскрыли детали 2022].

В качестве приоритетной совместной задачи прежде всего рассматривается запуск перспективных программ, нацеленных на промышленное и технологическое обновление. Россия уже заявила о своей готовности поддерживать реализацию целого ряда инвестиционных проектов Беларуси по созданию новых и модернизации действующих производств в рамках импортозамещения и выделить Беларуси на эти цели 1,5 млрд руб. Кроме того, часть средств на программы импортозамещения может быть выделена из Союзного бюджета. Уже сегодня отобраны 14 таких промышленных проектов, семь из которых находятся в высокой степени проработки и могут быть запущены уже в текущем году [В России раскрыли детали 2022].

Следует отметить, что и внутри каждого государства используется широкий инструментарий для поддержки крупных и малых компаний, занимающихся решением проблем импортозамещения. Среди них предоставление льготных займов на реализацию инвестиционных проектов промышленных предприятий по разработке перспективных технологий и производственной продукции, способной заменить зарубежные аналоги; льготное налогообложение высокотехнологичных компаний; расширение сети инновационной инфраструктуры в виде промышленных парков и технопарков, центров научно-технологической инициативы; создание специальных фондов поддержки высокотехнологичных производств и т.д.

Россия и Беларусь планируют частично покрывать критический импорт высокотехнологичной продукции и технологий через параллельный импорт, налаживая новые каналы поставок. В частности, в России принято Постановление Правительства РФ № 506 от 29 марта 2022 г., разрешающее ввоз в страну необходимой иностранной продукции без согласия правообладателей, перечень которой формируется Минпромторгом РФ [Постановление правительства 2022]. В российском перечне параллельного импорта уже значатся 289 товарных кодов ТН ВЭД ЕАЭС. Белорусское правительство также приняло решение о разработке проекта законодательного акта о легализации параллельного импорта [Принцип исчерпания 2022]. Такая схема закупок позволит на определенном этапе восстановить разорванные цепочки поставок и

избежать дефицита критически важной продукции, возникшего в ходе введения санкций. Однако параллельный импорт – это мера скорее временного характера. В дальнейшем необходимо стремиться к снижению импортозависимости, путем расширения локализации производства соответствующей продукции и обеспечению технологического суверенитета двух стран. Особенно важно это для тех направлений, которые обеспечивают рост технологического уровня экономики.

В связи с этим ключевой задачей Союзного государства России и Беларуси становится повышение их глобальной конкурентоспособности, что в современном мире практически невозможно без серьезного укрепления научно-технологических потенциалов двух стран, углубления взаимодействия в сфере инноваций и научно-технологического развития.

Готовность научно-технологических потенциалов России и Беларуси к решению проблем импортозамещения

Россия и Беларусь несомненно обладают положительным опытом научно-технологического взаимодействия, реализуя ряд совместных программ союзного государства в научно-технической сфере. В рамках Союзного государства в настоящий момент уже реализовано более 60 союзных научно-технических программ в таких областях, как космические технологии, микроэлектроника, информационные технологии, машиностроение, медицина и мн. др. Сегодня в разработке находится целый ряд новых проектов концепций программ, шесть из которых – в высокой степени готовности. Эти программы соответствуют приоритетным направлениям формирования единого научно-технологического пространства и позволят в дальнейшем разработать современные технологии обнаружения и преодоления устойчивости микроорганизмов к лекарственным препаратам (программа «Преодоление») и новые медицинские клеточные продукты (программа «Союзбиомембраны»). Также в планах создание технологий, материалов и оборудования для 3D-печати (программа «Аддитивность»), разработка комплекса на основе сверхпроводящих резонаторов (программа «Ускоритель-СПР») и инновационных технологий развития фотонной компонентной базы Союзного государства (программа «Компонент Ф»), в финальной стадии согласования проекта концепции – новая программа в области космоса – «Комплекс-СГ» [Беларусь и Россия 2021].

В условиях санкционного давления актуализировался вопрос о формировании единого научно-технологического пространства России и Беларуси в целях обеспечения глобальной конкурентоспособности и безопасности Союзного государства. В связи с этим Министерство науки и высшего образования РФ совместно с Российской академией наук и Курчатовским институтом

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

при взаимодействии с белорусскими коллегами приступило к разработке проекта стратегии научно-технологического развития Союзного государства. В рамках такой стратегии должны быть определены перспективы и направления дальнейшего сотрудничества двух стран с упором на решение проблем импортозамещения.

В свою очередь перед Россией и Беларусью встает задача повышения эффективности деятельности научной сферы, наращивания научно-технологических потенциалов, выведение научно-технологических и производственных компетенций на новый качественный уровень. Не секрет, что в последние два десятилетия Россия и Беларусь уступали западным странам по многим показателям научно-технологического развития (табл. 1).

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ СО СТРАНАМИ-ЛИДЕРАМИ

<i>Показатель</i>	<i>Россия</i>	<i>Беларусь</i>	<i>Страны-лидеры</i>
Внутренние затраты на НИОКР (в % к ВВП)	1,1	0,6	Израиль – 4,94, Южная Корея – 4,53, Тайвань – 3,46, Швейцария – 3,37.
Численность исследователей на 10 000 занятых в экономике	56	37	Израиль – 174, Дания – 157, Южная Корея – 153, Швеция – 148.
Доля предприятий, осуществляющих инновационную деятельность (в % от общей численности)	10,8	26,2	Канада – 79, Швейцария – 72, Норвегия – 71, Бельгия – 68.
Число патентных заявок, поданных национальными заявителями в стране и за рубежом	29 829	1278	Китай – 1 441 085, США – 495 883, Япония – 423 254, Южная Корея – 260 610, Германия – 168 005.
Доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме промышленного экспорта	9,0	5,2	Филиппины – 63, Малайзия – 54, Южная Корея – 36, Китай – 31, Израиль – 28.
Доля высокотехнологичных производств в выпуске обрабатывающей промышленности.	25,7	28,4	Швейцария – 68,5, Япония – 55,1, Китай – 48,5, США – 44,9.

Источник: составлено по: [Индикаторы науки 2022], [О научной 2021], [Business and Economic Data 2022]

Данные таблицы свидетельствуют, что Россия и Беларусь серьезно уступают западным странам и по уровню финансирования НИОКР, и по количеству исследователей, и по инновационной активности предприятий, и по выпуску высокотехнологичной продукции. Без положительной динамики этих показателей вряд ли возможно ставить вопрос о технологическом суверенитете двух стран и обеспечить конкурентоспособность их экономик.

Наращивание собственных научных компетенций России и Беларуси требует расширения сферы фундаментальных и прикладных разработок и прежде всего в тех областях, которые формируют долгосрочный потенциал импортозамещения. К таким направлениям сегодня можно отнести микроэлектронику, сферу ИКТ, низкоуглеродные технологии, фармацевтику, и т.п. И если Беларусь сумела за последние два десятилетия сохранить связь науки с производством, и НАН Беларуси сегодня выступает в роли крупнейшего исследовательского центра, который развивается по типу научно-производственной корпорации, где на базе 55 научных учреждений функционирует более 230 производственных участков, секторов и лабораторий [Импортозамещающая продукция 2021], то Россия за это время практически утратила свою прикладную науку. Для нее задача увязки науки с производством остается одной из важнейших. Восстановление такой связи в первую очередь требует развития институтов прикладной науки, инжиниринговых центров, проектных офисов и опытных производств.

Однако нельзя не отметить, что сама научно-технологическая сфера двух государств также находится под санкциями. Сегодня Россия и Беларусь исключены из международных проектов, приостановлена поставка научного оборудования и реактивов в наши страны, также наши страны отключены от доступа к международным системам информации, возможности публикаций статей в международных рейтинговых журналах. Так, например, в России более 37% научного оборудования – импортное, серьезная импортозависимость существует и в области реактивов и комплектующих для лабораторного оборудования. В России есть несколько заводов, выпускающих узкую номенклатуру биореактивов, но этого недостаточно, чтобы заменить импорт как у себя в стране, так и в Беларуси. Безусловно, в условиях таких санкционных ограничений значительно сложнее проводить научные исследования и разработки, особенно на высоком мировом уровне.

Санкционные ограничения в научно-технологической сфере стимулируют отток высококвалифицированных специалистов и исследователей за рубеж. Только за два месяца после президентских выборов в Беларуси в 2021 г. с целью трудоустройства из страны уехали в Украину – около 3 тыс. человек, в Польшу – 10 тыс. человек, в Литву и Латвию – 4 тыс. человек [Шурубович 2021, с. 75]. Особенно показателен отток специалистов из сферы ИТ. В Украину переехали около 40 белорусских ИТ-компаний, более 2000 фрилансеров.

И это притом, что существующий спрос на специалистов в сфере ИТ в Беларуси превышает предложение более чем в 3 раза [Богдан 2018, с. 119].

Еще более массовый отток специалистов в сфере ИТ наблюдался в феврале–апреле 2022 г. из России. Страну покинули более 70 тыс. ИТ-кадров [Касперская 2022]. По оценкам Минцифры России, к 2024 г. дефицит квалифицированных кадров в ИТ-сфере может достичь 1 млн человек [Заседание Совета 2022]. Причем Запад стремится всячески ускорить процесс оттока умов из России, лишив ее наиболее талантливых ученых и исследователей. В частности, глава Белого дома уже обратился к американскому конгрессу об ускорении выдачи виз российским ученым, которые хотят покинуть страну в разгар вооруженного конфликта на Украине. Прежде всего США хотят привлечь россиян с опытом работы с полупроводниками, космическими технологиями, кибербезопасностью, современными вычислениями, ядерной инженерией, искусственным интеллектом и другими наукоемкими областями [Bloomberg 2022].

Направления активизации совместной работы

Решение проблемы импортозамещения в рамках Союзного государства России и Беларуси объективно требует выхода на новый уровень взаимодействия двух стран как в промышленной сфере, так и в сфере научно-технологического сотрудничества. В связи с этим целесообразно сформулировать основные направления совместных действий в целях снижения импортозависимости России и Беларуси в условиях постоянно нарастающего санкционного давления в технологической сфере, которые состоят в следующем.

Прежде всего необходимо формирование общей стратегии импортозамещения Союзного государства России и Беларуси, направленной на снижение технологической зависимости и импортоемкости экономик двух стран в долгосрочной перспективе, особенно в высокотехнологичных отраслях экономики. Реализация такой стратегии должна осуществляться в рамках согласованной промышленной и научно-технологической политики этих стран. В свою очередь это предполагает возрождение практики совместного долгосрочного стратегического планирования, развития проектного подхода.

Требуются корректировка программ союзного государства и разработка новых проектов, направленных на развитие кооперационных производственных цепочек в рамках Союзного государства и ориентированных на импортозамещение продукции из третьих стран. Этому должно предшествовать формирование общих списков критического импорта, определение направлений локализации импортозамещающей продукции на территории Союзного государства с учетом имеющихся компетенций у двух стран, их производственных, научно-технологических и инвестиционных возможностей. Вместе с тем

для активизации взаимодействия в сфере промышленного развития нужны новые институты, работающие на запуск и развитие экономики.

Особое внимание должно быть уделено расширению взаимодействия в сфере научно-технологического развития, выработке общей стратегии научно-технологического развития Союзного государства России и Беларуси, обеспечивающей мобилизацию научно-технологических потенциалов на создании конкурентной продукции и технологий в таких высокотехнологичных отраслях экономики, как микроэлектроника, станкостроение, машиностроение, авиация, космос, цифровые технологии, энергетика, фармацевтика и др.

Успех в деле укрепления технологического суверенитета России и Беларуси во многом зависит от наращивания их научно-технологических потенциалов, расширения компетенций в сфере научно-технологического развития. Решение этой задачи требует серьезных инвестиций в сферу НИОКР, и выведение их на уровень 2–2,5% ВВП. Причем учитывая, что в условиях системных санкций, затрагивающих различные сферы экономики, привлечение дополнительного бюджетного финансирования весьма проблематично, требуется наращивание внебюджетных инвестиций в научные разработки. В свою очередь, для этого должны быть созданы соответствующие стимулирующие условия для таких инвестиций. Например, расширение налоговых преференций и льгот для науки и инноваций, формирование инструментов и механизмов для скорейшей коммерциализации научных разработок. Не последнюю роль в поддержке научно-технологических разработок в рамках решения проблем импортозамещения могут сыграть и финансовые институты развития. По оценкам экспертов ИМП РАН, увеличение внутренних затрат на НИОКР на 1% ВВП в текущих условиях компенсирует выпадение затрат на результаты НИОКР, поступавших по импорту [Широв, Гусев 2022, с. 59].

И, наконец, необходимо не просто сохранить и нарастить количество исследователей, инженеров и высококвалифицированных специалистов в России и Беларуси, но и повысить их качественный уровень. Сегодня в России уже планируется создание 30 передовых инженерных школ на базе ведущих вузов. На эти цели в 2022–2024 гг. в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие» уже предусмотрено выделение 36,6 млрд руб. [Постановление Правительства № 619 2022]. Также обозначен перечень вузовских специальностей и направлений подготовки, которые имеют важнейшее значение для решения задач научно-технологического развития. Всего выделено более 60 направлений – это математика, прикладная информатика, картография и геоинформатика, радиотехника, электроника и наноэлектроника, робототехника, авиастроение, кораблестроение и т.п. Для них обозначены и некоторые преференции в виде отсрочки от призыва на военную службу. Вместе с тем этими преференциями далеко не исчерпывается весь спектр мер, которые требуется принять для повышения качества кадрового потенциала

научно-технологической сферы. Над созданием системных условий для наращивания компетенций в высокотехнологичных секторах экономики с целью выхода по ним на лидирующие мировые позиции активно работают и государственные власти Республики Беларусь.

Вместе с тем в целях обеспечения экономик России и Беларуси высококвалифицированными специалистами, исследователями и инженерами, позволяющего укрепить технологический суверенитет двух стран и успешно решать задачи сокращения импортозависимости в отдельных секторах экономики, было бы целесообразно в рамках Союзного государства расширить научно-образовательный диалог и разработать общую программу подготовки научных и инженерных кадров в лучших российских и белорусских вузах на бесплатной основе в соответствии с общей стратегией импортозамещения Союзного государства.

Обозначенные направления – это лишь часть мер, необходимых для эффективного решения проблемы импортозамещения в условиях западных санкций и повышения уровня технологического суверенитета России и Беларуси. Однако их реализация безусловно позволит существенно продвинуться в решении проблемы снижения импортозависимости России и Беларуси, восстановить целый ряд производственных цепочек, придать устойчивость экономическому развитию Союзного государства.

Библиография

Bloomberg: США упростят въезд для научных специалистов из России // BFM.RU. 2022. 30 апр. URL: <https://www.bfm.ru/news/498987> (дата обращения: 18.05.2022).

Беларусь и Россия планируют создать единый реестр технопарков Союзного государства // Белта. 2021. 29 июн. URL: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-rossija-planirujut-sozdat-edinuj-reestr-tehnoparkov-sojuznogo-gosudarstva-448127-2021/?ysclid=17uh85pwfd844853488> (дата обращения: 20.06.2022).

Богдан Н.И. Инновации и человеческие ресурсы для развития цифровой экономики // Белорусский экономический журнал. 2018. № 3. С. 110–123.

Более 60 различных соглашений подписано на Форуме регионов в Гродно // Первый канал. 2022. 1 июл. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-07-01/432447-bolee_60_razlichnyh_soglasheniy_podpisano_na_forume_regionov_v_grodno (дата обращения: 04.07.2022).

В России раскрыли детали программы импортозамещения с Беларусью // Рамблер. 2022. 15 июл. URL: https://finance.rambler.ru/business/49006542/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 18.07.2022).

Желиба Б.Н. Влияние санкций Запада на экономику Беларуси // Стратегии развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Национальная академия наук Беларуси. Институт экономики НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2021. 640 с.

Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. (18 июля 2022) // Kremlin.ru. Президент России. 2022. 18 июл. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69019> (дата обращения: 20.07.2022).

Импортозамещающая продукция НАН Беларуси 2020–2021: перечень важнейших для экономики направлений деятельности НАН Беларуси / Нац. акад. наук Беларуси. отв. ред. А.И. Иванец. Минск: Беларуская навука, 2021. 337 с.

Импортозамещение в России в 2022 г. // МТС Касса. URL: <https://kassa.mts.ru/blog/for-business/importozameshchenie-v-rossii-v-2022-godu/> (дата обращения: 20.05.2022).

Индикаторы науки: 2022: статистический сборник Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 400 с.

Как Беларусь и Россия решают задачи по импортозамещению // Российская газета. 2022. 18 май. URL: <https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/s/2022/05/18/kak-belarus-i-rossiia-reshaiut-zadachi-po-importozameshcheniiu.html> (дата обращения: 10.06.2022).

Касперская: в конце февраля из России выехали табуны ИТ-специалистов // Ведомости. 2022. 2 мар. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/03/22/914629-kasperskaya-tabuni-it-spetsialistov> (дата обращения: 20.05.2022).

Минпромторг и НАН планируют составить программу развития // Белта. 2022. 18 июнь. URL: <https://www.belta.by/economics/view/minprom-i-nan-planirujut-sostavit-programmu-razvitiya-508759-2022/> (дата обращения: 23.06.2022).

Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / Под ред. Ленчук Е.Б. СПб.: Алтейя, 2016. 336 с.

О научной и инновационной деятельности Республики Беларусь в 2021 году // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_50315/ (дата обращения: 06.05.2022).

Постановление Правительства Российской Федерации от 08.04.2022 № 619 «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ» // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/140436/> (дата обращения: 20.05.2022).

Постановление Правительства РФ № 506 от 29 марта 2022 г. «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах и средствах индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCKhIqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

Принцип исчерпания прав: как будет работать параллельный импорт в Беларуси? // Sputnik. 2022. 13 июн. URL: <https://sputnik.by/20220613/printsip-ischerpaniya-prav-kak-budet-rabotat-parallelnyy-import-v-belarusi-1063579261.html> (дата обращения: 20.06.2022).

Приходько А. Форум регионов: какие выгоды получает Беларусь от углубления связей с регионами России? // Евразия Эксперт. 2022. 29 июн. URL: <https://eurasia.expert/kakie-vygody-poluchaet-belarus-ot-uglubleniya-svyazey-s-regionami-rossii/> (дата обращения: 30.06.2022).

Рожковская Е.А. Направления и механизмы реализации структурной политики в контексте вызовов и угроз экономической безопасности Беларуси // Первое экономическое издательство. Экономическая безопасность. 2022. Том 5. № 4. URL: <https://1economic.ru/lib/114998?ysclid=17uisrabet14718923> (дата обращения: 20.06.2022).

Широв А., Гусев М. Импортозамещение: стратегия и тактика успеха // Эксперт. 2022. № 27. С. 56–59.

Шурубович А.В. Экономика Белоруссии в период политической нестабильности // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1. С. 72–81.

Экономическое и научно-техническое развитие Беларуси в рамках Союзного Государства // Всем!Ру. Журнал Союзное государство. 2021. 12 окт. URL: https://wsem.ru/publications/razvitie-belarusi_posle_sankcii_2021_488/ (дата обращения: 08.06.2022).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Business and Economic Data for 200 Countries // The GlobalEconomy.com. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/industry_value_added/ (дата обращения: 08.06.2022).

Fitch Affirms Belarus at 'CCC' // FitchRatings. 2022. 29 Apr. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-affirms-belarus-at-ccc-29-04-2022> (дата обращения: 20.05.2022).

References

Belarus` i Rossiya planiruyut sozdat` ediny`j reestr texnoparkov Soyuznogo gosudarstva [Belarus and Russia plan to create a unified register of technoparks of the Union State]. Belta. 2021. 29 Jan. URL: <https://www.belta.by/society/view/belarus-i-rossija-planiruyut-sozdat-edinyj-reestr-tehnoparkov-sojuznogo-gosudarstva-448127-2021/?ysclid=17uh85pwfd844853488> (date of access: 20.06.2022). (In Russ.)

Bloomberg: SShA uprostyat v`ezd dlya nauchny`x specialistov iz Rossii [The United States will simplify entry for scientific specialists from Russia]. BFM.RU. 2022. 30 Apr. URL: <https://www.bfm.ru/news/498987> (date of access: 18.05.2022). (In Russ.)

Bogdan N.I. Innovacii i chelovecheskie resursy` dlya razvitiya cifrovoj e`konomiki [Innovation and human resources for the development of the digital economy]. Belarusian Economic Journal. 2018. N 3. P. 110–123. (In Russ.)

Bolee 60 razlichny`x soglashenij podpisano na Forume regionov v Grodno [More than 60 different agreements signed at the Forum of Regions in Grodno]. Pervy`j kanal [The first channel]. 2022. 1 Jull. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-07-01/432447-bolee_60_razlichnyh_soglasheniy_podpisano_na_forume_regionov_v_grodno (date of access: 04.07.2022). (In Russ.)

Business and Economic Data for 200 Countries. The GlobalEconomy.com. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/industry_value_added/ (date of access: 08.06.2022).

E`konomicheskoe i nauchno-texnicheskoe razvitie Belarusi v ramkax Soyuznogo Gosudarstva [Economic and scientific and technical development of Belarus within the framework of the Union State]. Vsem!Ru. Zhurnal Soyuznoe gosudarstvo. 2021. 12 Oct. URL: https://wsem.ru/publications/razvitie_belarusi_posle_sankcii_2021_488/ (date of access: 08.06.2022). (In Russ.)

Fitch Affirms Belarus at 'CCC'. FitchRatings. 2022. 29 Apr. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-affirms-belarus-at-ccc-29-04-2022> (date of access: 20.05.2022).

Importozameshchayushaya produkciya NAN Belarusi 2020–2021: perechen` vazhnejshix dlya e`konomiki napravlenij deyatel`nosti NAN Belarusi [Import-substituting products of the National Academy of Sciences of Belarus 2020–2021: a list of the most important areas of activity for the economy of the National Academy of Sciences of Belarus]. Nacz. akad. nauk Belarusi. otv. red. A.I. Ivanecz. Minsk: Belaruskaya navuka [Belarusian science], 2021. 337 p.

Importozameshchenie v Rossii v 2022 g. [Import substitution in Russia in 2022] // MTS Kassa. URL: <https://kassa.mts.ru/blog/for-business/importozameshchenie-v-rossii-v-2022-godu/> (date of access: 20.05.2022). (In Russ.)

Indikatory` nauki: 2022: statisticheskij sbornik Nacz. issled. un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki» [Science Indicators: 2022: Statistical Compendium of the National. research University Higher School of Economics]. M.: NIU VShE`, 2022. 400 p. (In Russ.)

Kak Belarus` i Rossiya reshayut zadachi po importozameshcheniyu [How Belarus and Russia solve the problems of import substitution] // Rossijskaya gazeta [Russian newspaper]. 2022. 18 May. URL: <https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/s/2022/05/18/kak-belarus-i-rossiia-reshaiut-zadachi-po-importozameshcheniyu.html> (date of access: 10.06.2022). (In Russ.)

Kasperskaya: v konce fevralya iz Rossii vy`exali tabuny` IT-specialistov [Kaspersky: at the end of February, herds of IT specialists left Russia] // Vedomosti. 2022. 2 Mar. URL: <https://>

www.vedomosti.ru/economics/news/2022/03/22/914629-kasperskaya-tabuni-it-spetsialistov (date of access: 20.05.2022). (In Russ.)

Minpromtorg i NAN planiruyut sostavit` programm razvitiya [The Ministry of Industry and Trade and the National Academy of Sciences are planning to draw up a development program]. Belta. 2022. 18 Jun`. URL: <https://www.belta.by/economics/view/minprom-i-nan-planirujut-sostavit-programmu-razvitiya-508759-2022/> (date of access: 23.06.2022). (In Russ.)

Novaya promy`shlennaya politika Rossii v kontekste obespecheniya tehnologicheskoy nezavisimosti [New industrial policy of Russia in the context of ensuring technological independence]. Pod red. Lenchuk E.B. SPb.: Aletejya, 2016. 336 p. (In Russ.)

O nauchnoj i innovacionnoj deyatel`nosti Respubliki Belarus` v 2021 godu [On scientific and innovative activities of the Republic of Belarus in 2021]. Nacional`ny`j statisticheskij komitet Respubliki Belarus` [National Statistical Committee of the Republic of Belarus]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/statisticheskie-izdaniya/index_50315/ (date of access: 06.05.2022). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel`stva RF № 506 ot 29 marta 2022 g. «O tovarax (gruppax tovarov), v otноshenii kotory`x ne mogut primenyat`sya otdel`ny`e polozeniya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zashhite isklyuchitel`ny`x prav na rezul`taty` intellektual`noj deyatel`nosti, vy`razhenny`e v takix tovarax, i sredstva individualizacii, kotory`mi takie tovary` markirovany`» [Decree of the Government of the Russian Federation N 506 dated March 29, 2022 «On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods, and means of individualization by which such goods are marked»]. Pravitel`stvo Rossii [Russian government]. URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCKhLqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (date of access: 20.05.2022). (In Russ.)

Postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 08.04.2022 № 619 «O merax gosudarstvennoj podderzhki programm razvitiya peredovy`x inzhenerny`x shkol» [Decree of the Government of the Russian Federation N 619 dated 08.04.2022 «On measures of state support for programs for the development of advanced engineering schools»]. Pravitel`stvo Rossii [Russian government]. URL: <http://government.ru/docs/all/140436/> (date of access: 20.05.2022). (In Russ.)

Princip ischerpaniya prav: kak budet rabotat` paralel`ny`j import v Belarusi? [The principle of exhaustion of rights: how parallel imports will work in Belarus]. Sputnik. 2022. 13 Iyun. URL: <https://sputnik.by/20220613/printsip-ischerpaniya-prav-kak-budet-rabotat-parallelnyy-import-v-belarusi-1063579261.html> (date of access: 20.06.2022). (In Russ.)

Prixod`ko A. Forum regionov: kakie vy`gody` poluchaet Belarus` ot uglubleniya svyazey s regionami Rossii? [Forum of Regions: What benefits does Belarus get from deepening ties with Russia's regions?]. Evraziya E`kspert. 2022 29 Iyun. URL: <https://eurasia.expert/kakie-vygody-poluchaet-belarus-ot-uglubleniya-svyazey-s-regionami-rossii/> (date of access: 30.06.2022). (In Russ.)

Rozhkovskaya E.A. Napravleniya i mexanizmy` realizacii strukturnoj politiki v kontekste vy`zovov i ugroz e`konomicheskoy bezopasnosti Belarusi [Directions and mechanisms for the implementation of structural policy in the context of challenges and threats to the economic security of Belarus]. Pervoe e`konomicheskoe izdatel`stvo. E`konomicheskaya bezopasnost` [First economic publishing house. Economic security]. 2022. Tom 5. N 4. URL: <https://1economic.ru/lib/114998?ysclid=17uisrabet14718923> (date of access: 20.06.2022). (In Russ.)

Shirov A., Gusev M. Importozameshhenie: strategiya i taktika uspeha [Import substitution: strategy and tactics of success]. E`kspert [Expert]. 2022. N 27. P. 56–59. (In Russ.)

Shurubovich A.V. E`konomika Belorussii v period politicheskoy nestabil`nosti [Economy of Belarus in the period of political instability]. Rossiya i novy`e gosudarstva Evrazii [Russia and the New States of Eurasia]. 2021. N 1. P. 72–81. (In Russ.)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

V Rossii raskry`li detali programmy` imortozameshheniya s Belarus`yu [[Details of import substitution program with Belarus revealed in Russia]. Rambler. 2022. 15 Jul. URL: https://finance.rambler.ru/business/49006542/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (date of access: 18.07.2022). (In Russ.)

Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i nacional`ny`m proektam. (18 iyulya 2022) [Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects. (July 18, 2022)]. Kremlin.ru. Prezident Rossii. 2022. Jull. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69019> (date of access: 20.07.2022). (In Russ.)

Zheliba B.N. Vliyaniye sankcij Zapada na e`konomiku Belarusi [[The Impact of Western Sanctions on the Economy of Belarus]. Strategii razvitiya e`konomiki Belarusi: vy`zovy`, instrumenty` realizacii i perspektivy`. Nacional`naya akademiya nauk Belarusi. Institut e`konomiki NAN Belarusi [Strategii razvitiya e`konomiki Belarusi: vy`zovy`, instrumenty` realizacii i perspektivy`. Nacional`naya akademiya nauk Belarusi. Institute e`konomiki NAN Belarusi]. Minsk: Pravo i e`konomika, 2021. 640 p. (In Russ.)

Л.В. Ланник, К.А. Тарасов

ФИНАНСИСТ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. ПРОГЕРМАНСКИЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ К.И. ЯРОШИНСКОГО В 1918 г.

Аннотация. Данная статья посвящена контактам между германскими дипломатическими представителями и российским финансистом К.И. Ярошинским в 1918 г. В годы Первой мировой войны, даже после падения монархии, предприниматель занимался скупкой контрольных пакетов акций основных российских коммерческих банков. После Октябрьского переворота реализация его масштабного финансового проекта стала зависеть от свержения большевиков. Ярошинский предлагал свои услуги немцам по осуществлению контроля над крупнейшими банками России, что должно было уберечь их активы от национализации. Кроме того, он обещал создать прогерманское правительство, которое не стало бы пересматривать итоги Брестского мира. В ответ от немцев требовалось направить свои войска против Петрограда, изгнать большевиков и провозгласить монархию. Пусть и не сразу, но германские эмиссары поддержали проект и доложили о нем в Берлин. Однако все же в руководстве Германии возобладали сторонники поддержания мира на Востоке. Проект не был реализован, а сам Ярошинский вынужден был покинуть Советскую Россию под угрозой ареста.

Ключевые слова: К.И. Ярошинский; антибольшевистское движение; Первая мировая война; коммерческие банки; национализация; германская дипломатия; Восточная политика Германии.

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABD-9832–2020

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: senderkeeper@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAL-5906–2021

Lannik L.V., Tarasov K.A. Counterrevolution's financier. The pro-German political and economic project of Karl Jaroszynski in 1918

***Abstract.** The article is devoted to contacts between German diplomatic agents and Russian financier Karl Jaroszynski in 1918. During the First World War, even after the fall of the monarchy, the entrepreneur was buying up controlling stakes in the main Russian banks. After the October coup, the implementation of this large-scale financial project became dependent on overthrowing the Bolsheviks. Jaroszynski offered the Germans his help in taking control over the largest banks in Russia, which was supposed to protect their assets from nationalization. In addition, he promised to create a pro-German government that would not revise the Treaty of Brest. In response, the Germans were required to send their troops against Petrograd, drive out the Bolsheviks, and proclaim a monarchy. Although not immediately, the German emissaries nevertheless supported the project and reported it to Berlin. However, supporters of maintaining peace in the East prevailed in the leadership of Germany. The project was not implemented, and Jaroszynski was forced to leave Soviet Russia under threat of arrest.*

***Keywords:** Karl Jaroszynski; anti-Bolshevik movement; First world war; commercial banks; nationalization; German diplomacy; German Eastern policy.*

**Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Researcher ID: ABD-9832–2020**

**Tarasov Konstantin Andreevich – Candidate of Historical Sciences, researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Russia, St. Petersburg.
E-mail: senderkeeper@mail.ru
Researcher ID: AAL-5906–2021**

Большевики и их союзники, пришедшие к власти в октябре 1917 г., никогда не скрывали, что «капиталисты» и «буржуазия» являются их основными противниками. В обращении председателя Совета народных комиссаров к населению уже 5 ноября открыто говорилось: «Вполне понятно, что помещики и капиталисты, высшие служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно» [Декреты Советской власти 1957, с. 50]. Подобные пассажи могут восприниматься как идеологи-

ческие декларации. Конкретные же формы сопротивления советской власти со стороны крупных предпринимателей требуют более внимательного изучения [Шацилло 2008; Rendle 2010].

Данная статья посвящена деятельности Карла Иосифовича Ярошинского, крупного предпринимателя и финансиста. В поле зрения историков он попал почти исключительно как организатор скупки контрольных пакетов российских банков в интересах Великобритании в конце 1917 – начале 1918 г. [Kettle 1981; Фурсенко 1991]. Исключение составляет вышедшая почти 30 лет назад публикация документов, осуществленная Ю.А. Петровым. В ней раскрываются не менее интенсивные контакты К.И. Ярошинского с германскими представителями в мае–сентябре 1918 г. [Русский Вандербильт 1993]. Политические и экономические проекты К.И. Ярошинского, преподнесенные немцам, и их реакция на подобные предложения позволяют расширить представления о направлениях антибольшевистской борьбы и лучше понять тенденции *Ostpolitik*, связанной с имплементацией Брест-Литовского мира.

* * *

Имя Карла Иосифовича Ярошинского даже накануне Первой мировой войны было едва известно. Он был сыном богатого польского землевладельца и сахарозаводчика, после которого унаследовал часть семейного состояния. За годы войны К.И. Ярошинский приумножил свое богатство, занимаясь скупкой и продажей ценных бумаг различных банков и промышленных компаний. К концу 1916 г. он уже являлся одним из самых богатых людей в Российской империи [Шемякин 1959, с. 60; Фурсенко 1991, с. 266; Wasyl 2014]. По заявлению самого Ярошинского, он был лично знаком с царской семьей. Предприниматель финансировал лазарет в Царском селе и состоял помощником коменданта санитарного поезда императрицы Александры Федоровны [Российский Архив 1998, с. 248].

Падение монархии не помешало его кипучей деятельности, даже наоборот. Беря кредиты в быстро обесценивающейся валюте, Ярошинский стал скупать предприятия и приобретать концессии. Весной 1917 г. ему удалось завладеть контрольным пакетом акций Русского для внешней торговли банка и значительной частью акций Петроградского Международного банка [Гиндин, Шепелев 1966, с. 37–38]. Такой сравнительно легкий успех в овладении ценными бумагами двух банков, входивших в пятерку крупнейших в России, объяснялся тем, что они имели крайне высокую долю германских капиталов [Бовыкин 2001, с. 170–171]. На эти два банка приходилось 60% от всех германских капиталов в российских кредитных учреждениях [Оль 1922, с. 78]. Значительная часть акционеров являлась германскими подданными, и они не могли участвовать в общих собраниях [Русский для внешней торговли банк 1915, с. 7;

Ган 1917]. Однако полный контроль над Петроградским Международным банком финансисту получить не удалось. В своей деятельности он столкнулся с влиятельной финансовой группой Стахеева-Батолина [Китанина 1969]. Этой группе удалось перекупить часть акций, не дав Ярошинскому завладеть контрольным пакетом [Борьба вокруг 1917; Шатающиеся миллионы 1917].

Даже Октябрьский переворот финансист скорее воспринял не столько как препятствие для реализации своих планов, сколько как новую возможность для них. Нуждаясь в средствах для продолжения своего проекта, в конце ноября 1917 г. Ярошинский предложил представителям Великобритании план скупки контрольных пакетов акций основных российских коммерческих банков, обеспечив тем самым финансирование антибольшевистского движения на Юге, а также – в будущем – контроль английского правительства над экономикой России. В феврале 1918 г. британское правительство предоставило Ярошинскому заем, который позволил финансисту увеличить свои пакеты акций Русского для внешней торговли банка и Петроградского международного банка. Кроме того, он получил право перекупить крупный пакет акций Сибирского банка, приобретенный на имя партнера финансиста из Интеллидженс сервис. Несмотря на то, что первоначальную сделку в полном объеме осуществить не удалось, Добровольческой армии была передана сумма в 15 млн руб. [Фурсенко 1991, с. 271, 279–280].

К этому времени ситуация для Ярошинского, как и других банкиров, стала приобретать опасный характер. 14 декабря 1917 г. советское правительство приняло декрет о национализации. В соответствии с ним банковское дело объявлялось государственной монополией, все частные акционерные банки и банкирские конторы объединялись с Государственным банком, которому передавались все их активы и пассивы. А на следующий день властями был отдан приказ об аресте целого ряда банкиров, в том числе и Ярошинского [Захват банков 1917; Захват частных банков 1917; Набег на банки 1917]. Сотрудник Ярошинского записал в дневнике, что дом финансиста был опечатан, но тот избежал ареста, поскольку ночевал на другой квартире. «Повидимому, Ярошинский вообще теперь боится засиживаться в одном помещении. Он сошелся с английскими капиталистами», – отмечал он [Финдейзен 2016, с. 220].

Затем декрет СНК от 26 января 1918 г. провозгласил, что акционерные капиталы передавались Народному банку, все банковские акции аннулировались, прекращалась и выплата дивидендов. Под угрозой тюремного заключения были запрещены всякие сделки по передаче акций. Но и это, вероятно, не поколебало бы планов Ярошинского. Национализация двигалась медленно, слияние независимых кредитно-финансовых учреждений в единый Народный банк продолжались фактически до конца 1919 г. [Гиндин 1962, с. 134]. Иное дело, что наступление германской армии на Петроград в конце февраля и за-

ключение Брест-Литовского мира в марте 1918 г. вынудило британских партнеров Ярошинского покинуть город или перейти на нелегальное положение.

* * *

В этой ситуации, не разрывая отношений с британцами, Ярошинский начал искать контакты с представителями Германии. Вероятно, определенную роль сыграла весомая доля германских капиталов в банках под контролем предпринимателя. Вместе с тем Ярошинский, стремительно разбогатевший в годы Первой мировой войны, не был известен в германских финансовых и политических кругах. Информация о происходящем в России, в том числе в финансово-экономической сфере, поступала в Германию по различным каналам, в том числе через скандинавские страны. Еще в ходе переговоров в Бресте именно из Стокгольма через занимавшегося там специально российскими проблемами К. Рицлера [Kurt Riezler 1972] последовали первые сообщения о настроениях российских банкиров в связи с шокировавшими их мероприятиями большевиков. Эту информацию очень ждали в германских банках и финансовых ведомствах, где уже в начале января оценивали перспективы будущего мира с Россией и возобновления активного товарооборота, а также капиталовложений и выплат по прежним обязательствам [РА АА. RZ 201/10307. Вл. 119–124].

В те же недели делегация Центральных держав, прибывшая для переговоров о частичной репатриации пленных, вступила в активные и негласные контакты с антибольшевистскими силами в Петрограде. Прямых доказательств их консультаций с Ярошинским или его эмиссарами нет и не могло быть, поскольку в секретных отчетах старались не называть конкретные фамилии [Baumgart 1968]. Однако в дальнейшей истории прогерманских кругов подполья заметны следы контактов, продолжавшихся несколько недель в начале 1918 г. [Михайловский 1993, с. 44–47, 60–62, 74–91]. С разрывом переговоров в Брест-Литовске и отъездом делегаций Центральных держав 13–14 февраля 1918 г. данный первичный канал связи между германскими инстанциями и антибольшевистскими силами в Петрограде оборвался.

Интерес к антибольшевистским проектам российских финансистов и их германских партнеров из военно-дипломатической среды подстегнуло подписание, а затем быстрая ратификация Брестского мира. Многие германские магнаты и держатели российских ценных бумаг ожидали возобновления выплаты по обязательствам, реституции или хотя бы масштабной компенсации за утраченную собственность, оставшуюся на подконтрольной (и пока быстро сокращавшейся) большевикам территории [Menzel 1931, s. 42–45]. Некоторое время в Кайзеррейхе полагали, что курс на выполнение Брестского мира, взятый большевиками с середины марта, несмотря на тяжелейший внутри-

политический кризис и давление Антанты, покончит с шансами на возвращение России в стан «союзников», а потому открывались и более широкие перспективы глобального передела собственности.

Задумывались об этом и российские магнаты, тем более что сигналы от германских финансистов поступали по различным каналам. Во-первых, финансовый вопрос был немедленно поставлен перед прибывшим в Берлин в конце апреля 1918 г. советским полпредом А.А. Иоффе. Он вынужден был срочно запросить содействия со стороны находившегося в Стокгольме Б.А. Каменки, бывшего председателя правления крупнейшего Азовско-Донского банка. По мнению Иоффе, только такой эксперт мог бы выдержать давление германских банкиров [Брестский мир 2022, с. 354–358]¹. Каменка выразил готовность к переговорам, завязалась переписка [RZ 201 / 10099. Вл. 73–74; RZ 201 / 2001. Вл. 167]. Вскоре немцы стали готовить первые экспертные финансовые миссии в Россию, о чем заинтересованные лица не могли не знать. Во-вторых, в Москве и в Петрограде открылись германские дипломатические представительства. От них антибольшевистские силы ожидали очень много. Их надежды весьма подогрел гетманский переворот в Киеве в конце апреля, в котором видели образец скорого неминуемого свержения большевиков и замены их прогерманским правительством консервативной ориентации².

* * *

Планируя несмотря ни на что реализовать свой финансовый проект по скупке контрольных пакетов российских банков, Ярошинский, по воспоминаниям его тогдашнего компаньона В.М. Вонлярлярского, «организовал получение политических сведений, как от союзников, так и от германцев» [Вонлярлярский 1939, с. 229]. Важнейшим источником об этой деятельности являются показания бывшего гвардейского офицера А.А. Кованько по делу «Весна» в 1930 г. Он писал: «У Вонлярлярского был штаб Ярошинского. Ярошинский хотел иметь, как я понимаю, для своих финансовых целей информацию о положении вещей, о настроениях и проч[ее]». Именно для этих целей финансист собрал вокруг себя группу из Вонлярлярского, а также бывших офицеров во главе с П.П. Дурново [Тинченко 2000, с. 397]. Характеризуя в целом деятельность этой группы, Кованько писал, что она «преследовала цели подготовить интервенции, таким путем восстановить монархию» [Тинченко 2000, с. 398]. Для этого группа занималась «обработкой нужных

1. *О настойчивости германских банкиров речь идет и во втором докладе Иоффе из Берлина от 3 мая [Доклад А.А. Иоффе].*

2. *О реакции на переворот и об оценках в нем германской роли и целей [Ланник 2020а; Машкевич 2020].*

авторитетов к приходу немцев в Петроград» [Гинченко 2000, с. 401–402]. По указаниям Дурново некоторым известным деятелям царского периода передавались деньги [там же, с. 397, 401]. Большую сумму Ярошинский выделил и семье великого князя Павла Александровича [Princesse Paley 1923, p. 164.]. Великий князь мыслился многими, в том числе немцами, если не в качестве нового потенциального монарха для России, то по крайней мере в качестве диктатора. Наконец, следует отметить, что предприниматель согласился помочь семье бывшего императора. В середине января 1918 г. он смог передать в Тобольск крупную сумму [Российский Архив 1998, с. 176, 186, 248]. Возможно, этот поступок также был частью политического проекта Ярошинского о восстановлении монархии после свержения большевиков. Но реализовать эти большие планы без крупной военной силы было попросту невозможно.

Именно через П.П. Дурново Ярошинский наладил контакты с прибывшим в Москву 24 апреля германским послом графом В. фон Мирбахом. Бывший офицер выделялся среди многочисленных посетителей графа тем, что намеревался передать письмо великого князя Павла Александровича лично кайзеру. Дипломат, ехавший в Москву с уверенностью в необходимости взаимодействия с большевиками, отнесся к инициативе петроградских монархистов скептически, а вот военные симпатизировали коллегам значительно больше. Уже 19 мая Дурново прибыл в Главнокомандование германских войск на Востоке в Ковно. После консултации с офицером запросили позицию германской Ставки, куда на рассмотрение Людендорфу был направлен меморандум Дурново. Благодаря настойчивым усилиям главы германского внешнеполитического ведомства Р. фон Кюльмана удалось парировать эту апелляцию к кайзеру, который пока что отнесся к предлагаемой внезапной оккупации Петрограда скептически [РА АА. RZ 201 / 2002. Вл. 4–6, 9–10б, 120–121а; RZ 201 / 10685. Вл. 276, 288]. Отсутствие быстрой реакции на высшем уровне охладило пыл Дурново и стоявшего за ним Ярошинского, ведь они не знали о том, что с поданным полковником меморандумом ознакомился и заинтересовался им Э. Людендорф. Истинный глава германской Ставки уже 28 мая 1918 г. запросил дополнительные сведения о названном в этом документе по фамилии (что было крайне рискованно даже с учетом дипломатических каналов передачи) российском банкире, которого в нем расхваливали как истинного друга императорской фамилии и убежденного германофила [РА АА. RZ 201 / 10102. Вл. 249–256].

Неудача в попытке поскорее добиться высочайшей поддержки не смутила истинного организатора предприятия, ведь Ярошинский пытался наладить каналы с Мирбахом, а через него с берлинскими ведомствами и по другим каналам. Первое донесение посла в Москве, в котором упоминался финансист, было направлено рейхсканцлеру 24 мая 1918 г. Из него можно узнать, что

бывшие противники группы Ярошинского и Стахеева-Батолина в новых условиях пошли на соглашение и совместно осуществляют контроль над девятью банками. Мирбах с подозрением отнесся к предложениям посланников финансиста. Посол отмечал, что скупка акций крупнейших банков происходит на французские, британские и американские деньги. Дипломат не исключал, что Ярошинский «надеется в данный момент обеспечить свои интересы с помощью Германии и хочет расстаться с противной стороной, или стремится застраховать свои интересы с помощью обеих сторон» [Русский Вандербильт 1993, с. 148]. Последнее предположение находит свое подтверждение в свидетельствах Вонлярлярского. По крайней мере, судя по его воспоминаниям, рассматривались оба варианта развития событий: «Кто бы ни овладел положением, союзники ли, или немцы, Ярошинский, а следовательно я, сохранили бы крупное финансовое положение в России, т. к. в то время масса промышленных предприятий была сосредоточена в банках, большинством акций которых владел Ярошинский» [Вонлярлярский 1939, с. 230–231].

В начале июня деятельность вокруг финансовых инициатив резко активизировалась: сказались запросы о дополнительной информации и из германского Верховного командования, и из банковских кругов, общее ощущение недостатка сведений о Ярошинском. Кроме того, возникла необходимость отправки специальных финансовых миссий в Москву, где все новые посетители приходили к Мирбаху, и в Петроград, где у прибывшего только что консула М. Бирманна побывал, например, крупный финансист И.П. Манус [РА АА. RZ 201 / 10308. Вл. 26–33]. Степень недоверия к почти неизвестному до войны королю спекуляции Ярошинскому была слишком высока, ведь его подозревали в попытке вызволить с германской помощью и средства на благо Антанты. Тем более что готовность к сотрудничеству изъявляли имевшие крепкие связи с Россией до войны дельцы. Крупнейшим банкам Кайзеррейха нужны были более надежные эмиссары. 16–17 июня было решено отправить советника коммерции Альфреда Кона. Подготовка его миссии заняла еще около 2 недель.

* * *

За полтора месяца с середины мая по начало июля положение Советской России значительно ухудшилось, а Мирбах серьезно изменил свою первоначальную позицию, все активнее (при поддержке Рицлера) склоняясь к поддержке антибольшевистских сил. Посол обратил особенное внимание на Правый центр, представители которого убеждали его в легкости свержения Совнаркома [Bothmer 2010]. Активной реализации этих планов постоянно противился глава германской дипломатии Р. фон Кюльман, однако с 24–25 июня его позиции были подорваны резким правительственным кризисом и

конфликтом с Людендорфом. В таких обстоятельствах нарастало своеволие Мирбаха и Рицлера, которые продолжали развивать контакты с противниками большевиков практически строго вопреки указаниям прямого начальства, готовя одновременный мятеж в обеих столицах, пытаясь наладить связи с представителями Сибири и т.д. В отчетах Мирбаха уже постоянно упоминался Ярошинский, а также описывались его масштабные связи в деловом мире. Кюльман отвечал послу, что следует непременно дождаться прибытия в Москву А. Кона, миссия которого носит инспекционный характер, но он ни в коем случае не давал сигнала к началу реализации предложенного российским финансистом масштабного проекта [РА АА. RZ 201 / 10308. Вл. 41–58].

Такое внимание к Ярошинскому объяснялось тем, что его планы были поистине грандиозными. Он не просто стремился передать контроль над банками, которые советское правительство уже объявило национализированными, в обмен на германские гарантии их защиты от действий большевиков. В своем донесении рейхсканцлеру 20 июня 1918 г. Мирбах чуть ли не с восторгом писал: «Ярошинский разработал почти титаническую программу: он хочет предоставить нам полную власть над российским центром³, Треповым, Кокковцовым, Кривошеиным и tutti quanti [и всеми остальными (итал.). – Л. Л., К. Т.], с помощью находящихся в его распоряжении средств, посадить на нашу цепь полностью американизированный банковский аппарат, держать министров в подчинении, избавиться от противников, финансировать партии и передать в распоряжение газетные тресты» [Baumgart 1968, S. 93]. По словам Мирбаха, его собеседник не только был против пересмотра Брестского мира, но «больше всего он хочет, и лучше раньше, чем позже, германского вторжения и монарха, к ногам которого вновь послушно упадет святая Русь» [там же].

Может показаться удивительным, что германские представители с большим энтузиазмом принимали проекты Ярошинского. Однако, во-первых, нужно иметь в виду, что это были не единственные переговоры, шедшие в тот же период. Именно в последние дни июня П.Н. Милюков и прибывший, по-видимому, через Берлин несостоявшийся помощник советского полпреда банкир Б.А. Каменка вели консультации в Киеве с офицерами штаба группы армий Эйхгорна [Дневник П.Н. Милюкова 2004, с. 32–39, 51–53, 79–83]. Создавалось впечатление наличия громадного консорциума финансистов и политиков, способных по договоренности с германскими инстанциями добиться радикальных перемен на всем пространстве Российской империи.

Во-вторых, планы Ярошинского не были основаны только на бурной фантазии предпринимателя, они имели серьезное основание. По свидетельству

3. Вероятно, имеется в виду Правый центр.

В.Б. Лопухина, в Совет по управлению делами Ярошинского в качестве членов входили бывший председатель Совета министров Российской империи В.Н. Коковцов⁴ и бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин [Лопухин 2009, с. 321, 322.]. Кроме того, на средства банкира был создан «Союз международных торговых товариществ». Председателем его Совета стал последний царский министр иностранных дел Н.Н. Покровский, а среди членов числились другие крупные чиновники и бывшие министры [Лопухин 2009, с. 331, 427]. В литературе можно встретить утверждение, что делами предпринимателя ведали пять бывших министров и десять бывших сенаторов [Wasyl 2014, S. 135]. Иными словами, Ярошинский буквально содержал целое «теневое» правительство, которое мог использовать для своих политических целей. К этому стоит добавить связи среди бывшей царской элиты и финансовая помощь великому князю Павлу Александровичу и царской семье, о которой говорилось выше.

* * *

Между тем время работало вовсе не в пользу планов Ярошинского, хотя падения большевиков ожидали чуть ли не со дня на день. Национализация банковской системы хоть и медленно, но продвигалась. 28 мая в Петроградском международном коммерческом, а 12 июля в Русском торгово-промышленном банках уже были созданы технические коллегии, руководившие ликвидацией дел перед слиянием с Народным банком [Гиндин 1962, с. 134]. 28 июня 1918 г. было отдано распоряжение наркома финансов, в соответствии с которым все акции, квитанции и процентные бумаги, не зарегистрированные в отделении Народного банка, считались аннулированными и не подлежали приему [История Министерства финансов 2002, с. 172]. Щедро подлило масла в огонь и опубликование в тот же день декрета Совнаркома о национализации крупной и части средней промышленности, а также предприятий железнодорожного транспорта⁵.

В этот же период советские инстанции заинтересовались деятельностью крупных петроградских банкиров, выведивших свои финансы за пределы Советской России, прежде всего в независимую Украинскую державу и в Си-

4. По воспоминаниям В.Н. Коковцова, в начале марта 1918 г., находясь в Кисловодске, он получил письмо с извещением об избрании его председателем Союза защиты русских интересов в Германии. В Петроград бывший министр прибыл только в конце мая, потом некоторое время находился под арестом [Коковцов 1933, с. 431, 444].

5. Впрочем, это распоряжение было сделано в контексте начавшихся в Берлине важнейших консультаций по заключению будущего Добавочного договора [Baumgart 1969; Ватлин, Ланник 2021].

бирь. Среди них упоминалось и имя Ярошинского. 4 июля 1918 г. один из ключевых фигурантов дела, И.П. Манус, был арестован Петроградской ЧК. Его напрямую обвиняли в нарушении декрета о сделках с акциями и другими ценными бумагами [Лизунов 2007].

Последовавший с 4 июля 1918 г. водоворот военно-политических событий в Советской России и в Германии, а также на фронтах Первой мировой и Гражданской войн резко деформировал и затянул дальнейшее развитие намерений Ярошинского. Однако отменить их или полностью сорвать не смогла даже эффектная вереница: убийство Мирбаха, левозсеровский мятеж, отставка Кюльмана, острый кризис вокруг требований о вводе германских войск для охраны посольства, мятеж Муравьева, назначение нового главы германской дипломатии П. фон Хинтце, провал германского наступления на Западном фронте, убийство царской семьи, подавление Ярославского восстания, расширение интервенции Антанты на Севере. Рисунок будущего масштабного государственного переворота все усложнялся, его участники и нанимаемые исполнители менялись, объемы и формы германского участия постоянно уточнялись при неременном условии открытой поддержки Кайзеррейхом будущего свержения большевиков. Обстановку в своих донесениях в Берлин нагнетал временно возглавивший посольство К. Рицлер, которому тяжело далась психологическая травма теракта в Денежном переулке. Его всемерно поддерживали военные эмиссары, убеждавшие в необходимости скорейшей военной операции в РСФСР, чтобы упредить в ликвидации Совнаркома Антанту и всех тех, кто пользуется ее поддержкой.

Между тем, едва успели стихнуть бои с левыми эсерами, к полудню 8 июля в Москву прибыл А. Кон. Несмотря на чрезвычайные меры важному германскому эмиссару не посмели чинить препятствий, так что вскоре он провел серию встреч с российскими финансистами. Характерно, что германский эксперт пробыл в Москве не более 3–4 суток, а уже 13 июля был в Петрограде. Здесь вместе со своим коллегой из консульства Г. Трееком до своего отъезда 18 июля он провел новую серию встреч [РА АА. RZ 201 / 10308. Вл. 67–75].

В это же время продолжался интенсивный обмен данными между банками и МИДом в Германии. Это указывает на финальную стадию проверки возможных рисков неких предлагаемых авантур. В эти же дни активно работала германская экономическая миссия в Москве во главе с А. Листом, а в Берлине разворачивались все более головокружительные неофициальные торги советского полпреда с политическими и экономическими представителями Германии [Kessler 2009, S. 438; Gatzke 1957, S. 76–90]. Этому витку интриг положило конец только затянувшееся вступление в должность нового главы внешнеполитического ведомства П. фон Хинтце. Только 19–20 июля он смог постепенно восстановить должное единоначалие в дипломатических инстанциях, а затем парировать наиболее опасные авантюры, подготовленные

Рицлером. Не оправдал надежд Хинтце на быстрое оформление новой советско-германской сделки и новый посол в Москве К. Гельферих, прибывший в столицу Советской России к 29 июля [Ланник, 2020b].

В этот же день в ряде берлинских инстанций получили записку А. Кона от 22 июля с изложением результатов его миссии и переговоров с банкирами [РА АА. RZ 201 / 10308. Вл. 101–121]. Кон сообщал, что намеревался провести переговоры с обеими крупными группировками – Стахеева и Ярошинского, причем с первой он вел консультации с помощью А. Листа и К. Рицлера в Москве (10 июля), не добившись должной ясности и готовности к уточнению всех деталей. С Ярошинским же, которому как раз пока удалось «добиться отмены приказа об его аресте», прошли два совещания в Петрограде. Петроградский финансист еще раньше обсудил ряд деталей с Трееком и теперь произвел на Кона впечатление куда более перспективного делового партнера. Банкир демонстрировал широчайшие политические связи и возможности и настаивал на скорейшей германской интервенции с захватом Петрограда. Вернувшись с большим массивом данных и впечатлений, Кон ожидал в Берлине возможности изложить ряд подробностей и довести операцию до логического финала. Он сообщил и о желании Ярошинского поскорее выехать в Берлин для дополнительных консультаций.

10 августа из имперского казенного ведомства ответили, что особенных перспектив в отчете Кона не просматривается. Причины этой очередной неудачи Ярошинского организовать германскими силами перераспределение собственности и власти в Советской России, добившись этого по финансовой линии, были различного рода. Даже в отчете Кона говорилось о склонности финансиста к попыткам спекулировать акциями при этой крупнейшей сделке в его жизни. Никуда не исчезло и прежнее недоверие к Ярошинскому, которого подозревали в работе на Антанту. Однако главным фактором стало то, что Хинтце удалось пресечь антибольшевистский курс Рицлера и поддержавшего его нового посла Германии в Москве.

Глава МИД Германии смог добиться отъезда «для доклада» Гельфериха вечером 6 августа. Затем к концу августа в сложной серии интриг Хинтце смог парировать негативные последствия выезда основной части посольства в Петроград 7–9 августа [РА АА. RZ 201/ 2009]. Едва ли приходится сомневаться в том, что Рицлер, вывозя – по указанию Гельфериха и вопреки приказу Хинтце – посольство из Москвы в Петроград, рассчитывал застать в старой столице начало антибольшевистского переворота при участии германских войск в рамках спешно готовившейся в те дни операции «Шлюссштайн» [Baumgart 1970]. Он был готов быстро выехать из Петрограда, чтобы не подвергать германских подданных риску, однако твердо рассчитывал на радикальные перемены в обстановке в ближайшее время. Тем удивительнее для него и его единомышленников оказалось срочное распоряжение о выезде (менее чем через сутки) в

Финляндию, а оттуда в Ревель. Затем под жестким давлением Хинтце часть посольства надолго остановилась в Пскове, обозначая продолжение дипломатических отношений между Кайзеррейхом и Советской Россией.

* * *

С середины июня 1918 г. обстановка в Петрограде становилась все более опасной. В городе прошли массовые аресты, в газетах появились объявления о расстрелах. На фоне ожидания скорого германского наступления на Северо-Западе и инцидентов в Финском заливе отъезд Гельфериха, а затем и всего посольства мог трактоваться как открытый разрыв между Москвой и Берлином. В отсутствии влиятельных покровителей можно было ожидать начала жестких репрессий против всех заподозренных в связях с германскими эмиссарами. Вместе с тем никаких позитивных сигналов для Ярошинского от финансовых инстанций Германии за это время получено не было. По-видимому эта совокупность факторов повлияла на решение финансиста покинуть Советскую Россию.

13 августа 1918 г. атташе генконсульства в Петрограде Треек дал телеграмму о том, что он прибыл с Ярошинским в Псков, а теперь просит заказать номера в берлинских гостиницах. В столицу Германии они планировали прибыть утром 15 августа [РА АА. RZ 201 / 2009. Вл. 273]. Таким образом, Ярошинский мог покинуть Петроград вместе с германским посольством еще 10 августа. В таком случае он проделал весь путь через Финляндию в Ревель, а затем в Псков, куда кайзеровские дипломаты прибыли 13–14 августа [РА АА. RZ 201 / 10936. Вл. 141–190]. Однако русский финансист вполне мог выехать из Петрограда с Трееком и отдельно, добившись санкции на поездку в германскую столицу. Детали и продолжительность берлинской миссии Ярошинского пока выяснить не удалось, однако не позже середины сентября 1918 г. он уже находился в Киеве. Там он снова встречался с дипломатическими представителями Германии, предлагая свою финансовую помощь и связи для свержения большевиков и восстановления монархии [Русский Вандербильт, с. 154].

* * *

Вполне вероятно, что политико-экономический проект Ярошинского был лишь одним из многих вариантов антибольшевистского переворота, рассматривавшихся весной-летом 1918 г. крупными предпринимателями. Известно, что некоторые из них вели переговоры с представителями Антанты или Центральных держав. Случай Ярошинского дает возможность оценить мотивы и возможности реализации аналогичных инициатив.

Долгое время петроградский финансист не связывал себя с определенной внешнеполитической ориентацией. Он выбирал, кому будет более выгодно продать свой проект, лавируя, как и многие другие политические деятели того периода. В случае реализации плана Ярошинский не только увеличивал свое богатство и упрочивал финансовое положение, что явно являлось одной из основных его целей. Предприниматель получил бы и колоссальное политическое влияние. С одной стороны, Ярошинский мог рассчитывать на вознаграждение своих услуг со стороны победителей большевиков, будь то «союзники» или немцы. Вместе с тем он выглядел бы спасителем в глазах прежней элиты, которую поддерживал в сложный период и смог бы вернуть утраченный статус. Тем самым финансист, которого многие считали выскочкой, утвердил бы собственное положение в высшем обществе. Важнейшим компонентом данного плана являлось свержение советской власти и восстановление монархии. При большевиках Ярошинского ждали только национализация всех активов и неминуемый арест. В этом смысле даже его последовательный антибольшевизм мог являться лишь более выгодной политической позицией для осуществления финансовой стратегии.

Возможность реализации подобных проектов напрямую зависела от непредсказуемой внутренней и внешней ситуации. В первой половине 1918 г. далеко не очевидна была вероятность свержения советской власти на окраинах страны и складывания фронтов Гражданской войны. В этот период антибольшевистское подполье готовилось собственными силами совершить переворот в Петрограде, Москве и других крупных городах. Успех такого предприятия связывался с военной, экономической или хотя бы моральной поддержкой со стороны Антанты или Центральных держав. Однако и та, и другая внешнеполитическая ориентация осложнялась противоречивыми действиями представителей блоков в Советской России. Курс Антанты на ограниченное сотрудничество с большевиками для восстановления Восточного фронта сменился открытой интервенцией. Германские же дипломатические и военные эмиссары, не симпатизировавшие большевикам, стремились к контактам с подпольем, внимательно относились к проектам по свержению советской власти. Вместе с тем такие инициативы пресекались в Берлине, чтобы сохранить хрупкое равновесие на Востоке.

Бегство Ярошинского из Петрограда оказалось крайне своевременным. В сентябре 1918 г. большевики объявили красный террор, массовые аресты привели к рассеиванию антибольшевистского подполья, многие его деятели вынуждены были бежать за пределы Советской России. Помощь в отъезде со стороны кайзеровских дипломатов приостановило сложное маневрирование Ярошинского между воюющими коалициями. Однако выбор этот был сделан неудачно, поскольку к концу августа наметилось крушение Центральных держав, что на оккупированных Германией территориях было очевидно дале-

ко не всем. Накануне финала Великой войны игра вокруг громадных активов на территории бывшей Российской империи была далеко не окончена. Условия будущего всеобщего мира относительно Востока предугадывались с трудом, а шансы на продолжение германской оккупации и дальнейшее существование кайзеровских сателлитов (в первую очередь гетманской Украины) оценивались достаточно высоко. Это оставляло Ярошинскому шансы на новые проекты, к реализации которых он вскоре приступил с помощью германского посольства в Киеве.

Библиография

- Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2001. 318 с.
- Борьба вокруг Петроградского международного банка (по телефону) // Коммерческий телеграф. 1917. 8 августа.
- Брестский мир: пролог, заключение, итоги: сб. док-тов / Отв. сост. А.В. Репников, А.В. Борисова, Л.В. Ланник. М.: РОССПЭН, 2022. 839 с.
- Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.
- Вонлярляровский В.М. Мои воспоминания, 1852–1939 гг. Берлин: Русское национальное издательство, 1939. 253 с.
- Ган А. Борьба двух финансовых групп (вокруг пакета Петроградского Международного Банка) // Коммерческий телеграф. 1917. 19 октября.
- Гиндин А.М. Как большевики национализировали частные банки. М.: Госфиниздат, 1962. 143 с.
- Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторические записки. 1966. Т. 66. С. 20–95.
- Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. 626 с.
- Дневник П.Н. Милюкова / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2004. 845 с.
- Доклад А.А. Иоффе, 3 мая 1918 // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 028. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 16–24.
- Захват банков // Наш век. 1917. 15 декабря.
- Захват частных банков // Петроградский голос. 1917. 15 декабря.
- История Министерства финансов России: в 4 т. М.: ИНФРА-М, 2002. Т. II. 509 с.
- Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг.: Концерн Путилова-Стахеева-Батолина. Л.: Наука, 1969. 180 с.
- Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919: 2 кн. Париж: Издание журнала иллюстрированная Россия, 1933. Кн. 2. 504 с.
- Ланник Л.В. Германский фактор в государственном перевороте на Украине (апрель 1918 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1> (дата обращения: 04.05.2022).
- Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 189–212.
- Лизунов П.В. «Великий Манус»: Взлет и падение петербургского биржевого короля // Английская набережная, 4. СПб.: Лики России, 2007. С. 279–312.

- Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2009. 536 с.
- Машкевич С.В. «Wir werden Ordnung schaffen!» Начало немецкой оккупации Украины, февраль–апрель 1918 г. (по материалам немецких архивов) // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2020. Т. 28: Гражданская война и интервенция в России. С. 240–284.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: 2 кн. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 2. 686 с.
- Набег на банки // День. 1917. 15 декабря.
- Оль П.В. Иностранные капиталы в России. Пг.: 4-я Государственная типография, 1922. 304 с.
- Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VIII: Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. М.: Студия «Тритэ», 1998. 463 с.
- «Русский Вандербилт» и планы германской экспансии после Брестского мира // Отечественная история. 1993. № 5. С. 144–157.
- Русский для внешней торговли банк // Биржа и русская промышленность. 1915. № 35. С. 7.
- Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М.: МНФ, 2000. 496 с.
- Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915–1920. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 428 с.
- Фурсенко А.А. Концерн К.И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. К 100-летию со дня рождения Б.А. Романова. СПб.: Наука, 1991. С. 265–287.
- Шатающиеся миллионы // Коммерсантъ. 1917. 25 октября.
- Шацилло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. 341 с.
- Шемякин И.Н. О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М.: [б/и], 1959. С. 5–71.
- Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. 1969. Bd. 89. S. 116–152.
- Baumgart W. Die militärpolitischen Berichte des Freiherrn von Keyserlingk aus Petersburg Januar-Februar 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. Bd. 15. Hf. 1. S. 87–104.
- Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Hf. 1. S. 68–96.
- Baumgart W. Unternehmen «Schlußstein»: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin: [k.v.], 1970. 84 S.
- Bothmer K. v. Moskauer Tagebuch 1918 / hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2010. 137 S.
- Gatzke H.W. Stresemann und Litwin // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 76–90.
- Kessler H.G. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Bd. 6. Stuttgart: Cotta, 2009. 962 S.
- Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 – March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.
- Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.
- Menzel C. Das deutsche Vorkriegs-Vermögen in Rußland und der deutsche Entschädigungsvorbehalt. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 1931. 236 S.
- Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). RZ 201 / 2001.
PA AA. RZ 201 / 10099.

PA AA. RZ 201 / 10102.

PA AA. RZ 201 / 10307.

PA AA. RZ 201 / 10308.

PA AA. RZ 201 / 10685.

PA AA. RZ 201 / 10936.

PA AA. RZ 201 / 2002.

PA AA. RZ 201 / 2009.

Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. 1916–1919. Paris: Plon- Nourrit, 1923. 319 p.

Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford: Oxford University Press, 2010. 274 p.

Wasył F. Karol Jaroszyński (1878–1929) europejski finansista i wizjoner z Kresów // Krakowskie Pismo Kresowe. № 6. 2014. S. 110–118.

References

Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. 1969. Bd. 89. S. 116–152.

Baumgart W. Die militärpolitischen Berichte des Freiherrn von Keyserlingk aus Petersburg Januar-Februar 1918. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1967. Bd. 15. Hf. 1. S. 87–104.

Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April–Juni 1918. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1968. Hf. 1. S. 68–96.

Baumgart W. Unternehmen «Schlußstein»: zur militärisch-politischen Geschichte des 1. Weltkrieges. Berlin: [k.v.], 1970. 84 S.

Bor'ba vokrug Petrogradskogo mezhdunarodnogo banka (po telefonu) [Struggle around the Petrograd International Bank (by phone)]. Kommercheskiy telegraf [Commercial Telegraph]. 1917. 8 August. (In Russ.)

Bothmer K. v. Moskauer Tagebuch 1918. Hrsg. von G. Böhme, bearb. von W. Baumgart. Paderborn u.a.: Schöningh, 2010. 137 S.

Bovykin V.I. Finansovyy kapital v Rossii nakanune Pervoy mirovoy voyny [Financial capital in Russia on the eve of the First World War]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 318 p. (In Russ.)

Brestskiy mir: prolog, zaklyucheniye, itogi / [The Brest Treaty: prologue, conclusion, results]. Eds. A.V. Repnikov, A.V. Borisova, L.V. Lannik. Moscow: ROSSPEN, 2022. 839 p. (In Russ.)

Dekrety Sovetskoy vlasti. Moscow: Politizdat, 1957. T. I: 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. [Decrees of Soviet power. T. I. October 25, 1917 – March 16, 1918]. 626 p. (In Russ.)

Dnevnik P.N. Milyukova [P.N. Milyukov's Diary]. Comp. N.I. Kanishchev. Moscow: ROSSPEN, 2004. 845 p. (In Russ.)

Findeizen N.F. Dnevniki. 1915–1920 [Diaries. 1915–1920]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016. 428 p. (In Russ.)

Fursenko A.A. Kontsern K.I. Yaroshinskogo v 1917–1918 gg. [K.I. Yaroshinsky's Concern in 1917–1918]. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.A. Romanova [Problems of socio-economic history of Russia. To the 100th anniversary of the B.A. Romanov's birth]. Saint Petersburg, 1991. P. 265–287. (In Russ.)

Gan A. Bor'ba dvukh finansovykh grupp (vokrug paketa Petrogradskogo Mezhdunarodnogo Banka) [Struggle between two financial groups (around the package of the Petrograd International Bank)]. Kommercheskiy telegraf [Commercial Telegraph]. 1917. 19 October. (In Russ.)

Gatzke H.W. Stresemann und Litwin. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1957. Hf. 1. S. 76–90.

Gindin A.M. Kak bol'sheviki natsionalizirovali chastnyye banki [How the Bolsheviks nationalized private banks]. Moscow: Gosfinizdat, 1962. 143 p. (In Russ.)

Gindin I.F., Shepelev L.E. Bankovskiy monopolii v Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [Banking monopolies in Russia on the eve of the Great October Socialist Revolution]. Istoricheskiye zapiski [Historical Notes]. Vol. 66. 1966. P. 20–95. (In Russ.)

Istoriya Ministerstva finansov Rossii [History of the Ministry of Finance of Russia. In 4 vols.]: 4 vol. Moscow: INFRA-M, 2002. Vol. II. 509 p. (In Russ.)

Kessler H.G. Das Tagebuch 1880–1937: 9 Bde. Stuttgart: Cotta, 2009. Bd. 6. 962 S.

Kettle M. The Allies and the Russian Collapse. March 1917 – March 1918. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 287 p.

Kitanina T.M. Voenno-inflyatsionnyye kontserny v Rossii 1914–1917 gg.: Kontsern Putilova-Stakheyeva-Batolina [Military-inflation concerns in Russia 1914–1917: Putilov-Stakheev-Batolin Concern]. Leningrad: Nauka, 1969. 180 p. (In Russ.)

Kokovtsov V.N. Iz moyego proshlogo. Vospominaniya 1903–1919 [From my past. Memoirs 1903–1919]: 2 vol. Paris: Izdaniye zhurnala illyustrirovannaya Rossiya, 1933. Vol. 2. 504 p. (In Russ.)

Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 766 S.

Lannik L.V. Germanskiy faktor v gosudarstvennom perevorote na Ukraine (aprel' 1918 g.) [The German factor in the coup d'état in Ukraine (April 1918)]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal «History»]. 2020 a. Vol. 11. N 3 (89). URL: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1> (date of access: 04.05.2022). (In Russ.)

Lannik L.V. Missiya Gel'ferikha v Moskve: zabytaya fluktuatsiya sovetsko-germanskikh otnosheniy letom 1918 g. [Gelferich's mission in Moscow: the forgotten fluctuation of Soviet-German relations in the summer of 1918]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the modern world]. 2020b. N 4. P. 189–212. (In Russ.)

Lizunov P.V. «Velikiy Manus»: Vzlet i padeniye peterburgskogo birzhevogo korolya [«Great Manus»: The Rise and Fall of the St. Petersburg Exchange King]. Angliyskaya naberezhnaya, 4 [Angliyskaya Embankment, 4]. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007. P. 279–312. (In Russ.)

Lopukhin V.B. Zapiski byvshego direktora departamenta Ministerstva inostrannykh del [Notes of the former director of the Department of the Ministry of Foreign Affairs]. Saint Petersburg: Nestor-Istoria, 2009. 536 p. (In Russ.)

Mashkevich S.V. «Wir werden Ordnung schaffen!». Nachalo nemetskoy okkupatsii Ukrainy, fevral'–aprel' 1918 g. (po materialam nemetskikh arkhivov) [«Wir werden Ordnung schaffen!». The beginning of the German occupation of Ukraine, February–April 1918 (based on materials from the German archives)]. Russkiy sbornik [Russian collection]. Moscow: Modest Kolerov, 2020. Vol. 28. P. 240–284. (In Russ.)

Menzel C. Das deutsche Vorkriegs-Vermögen in Rußland und der deutsche Entschädigungsvorbehalt. Berlin; Leipzig: De Gruyter, 1931. 236 S.

Mikhaylovskiy G.N. Zapiski. Iz istorii rossiyskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914–1920 gg.: [Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry, 1914–1920]: 2 vol. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1993. Vol 2 686 p. (In Russ.)

Nabeg na banki [Raid on banks]. Den' [Day]. 1917. 15 December. (In Russ.)

Ol' P.V. Inostrannyye kapitally v Rossii [Foreign capital in Russia]. Petrograd: 4-ya Gosudarstvennaya tipografiya, 1922. 304 p. (In Russ.)

Otchet A.A. Ioffe [A.A. Ioffe report] 3 May 1918 // Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. F. 028. Inv. 1. P. 1. F. 1. P. 16–24. (In Russ.)

Princesse Paley [O.V.] Souvenirs de Russie. 1916–1919. Paris: Plon-Nourrit, 1923. 319 p.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). RZ 201 / 2001.

РА АА. RZ 201 / 10099.

РА АА. RZ 201 / 10102.

РА АА. RZ 201 / 10307.

РА АА. RZ 201 / 10308.

РА АА. RZ 201 / 10685.

РА АА. RZ 201 / 10936.

РА АА. RZ 201 / 2002.

РА АА. RZ 201 / 2009.

Rendle M. Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. Oxford: Oxford University Press, 2010. 274 p.

Rossiyskiy Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Moscow: Studiya «Trite», 1998. T. VIII: N.A. Sokolov. Predvaritel'noye sledstviye 1919–1922 gg. [Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries. T. VIII: N.A. Sokolov. Preliminary investigation 1919–1922]. 463 p. (In Russ.)

Russkiy dlya vneshney trgovli bank [Russian bank for foreign trade]. Birzha i russkaya promyshlennost' [Stock exchange and Russian industry]. 1915. N 35. P. 7. (In Russ.)

«Russkiy Vanderbilt» i plany germanskoy ekspansii posle Brestskogo mira [«Russian Vanderbilt» and plans for German expansion after the Brest Peace]. Otechestvennaya istoriya [Motherland History]. 1993. N 5. P. 144–157. (In Russ.)

Shatayushchiyesya milliony [Reeling millions]. Kommersant [Merchant]. 1917. 25 October. (In Russ.)

Shatsillo M.K. Rossiyskaya burzhuaziya v period Grazhdanskoy voyny i pervyye gody emigratsii, 1917 – nachalo 1920-kh godov [The Russian bourgeoisie during the Civil War and the first years of emigration, 1917 – early 1920 s]. Moscow: Nauka, 2008. 341 p. (In Russ.)

Shemyakin I.N. O nekotorykh ekonomicheskikh predposylkakh Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [On some economic prerequisites for the Great October Socialist Revolution]. Sotsialisticheskiye preobrazovaniya v SSSR i ikh ekonomicheskiye predposylki [Socialist transformations in the USSR and their economic prerequisites]. Moscow: [s.n.], 1959. P. 5–71. (In Russ.)

Tinchenko Ya. Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR, 1930–1931 gody [Calvary of Russian officers in the USSR, 1930–1931]. Moscow: MNF, 2000. 496 p. (In Russ.)

Vatlin A.Yu., Lannik L.V. Taynyye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyy syuzhet iz istorii sovetsko-germanskikh otnosheniy na iskhode Pervoy mirovoy voyny [Secret notes to the Additional Treaty of 27 August 1918: an unknown story from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War]. Novaya i noveyshaya istoriya [New and Contemporary History]. 2021. N 5. P. 208–230. (In Russ.)

Vonlyarlyarsky V.M. Moi vospominaniya, 1852–1939 [My memoirs, 1852–1939]. Berlin Russkoye natsional'noye izdatel'stvo, 1939. 253 p. (In Russ.)

Zakhvat bankov [Seizure of banks]. Nash vek [Our century]. 1917. 15 December. (In Russ.)

Zakhvat chastnykh bankov [Capture of private banks]. Petrogradskiy golos [Petrograd voice]. 1917. 15 December. (In Russ.)

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21st CENTURY

DOI: 10.31249/rsm/2022.04.03

Е.О. Заклязьминская

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ, ИНДИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. В 2022 г. Россия, Индия и Китай отпраздновали 30-летний юбилей установления дипломатических отношений со странами Центральной Азии. На протяжении последних трех десятилетий центральноазиатская политика стран РИК претерпевала многократные изменения. В настоящий момент Россия, Индия и Китай находятся на новом витке развития отношений с пятью странами Центральной Азии.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей геоэкономических стратегий Китая и Индии в регионе в новых геополитических реалиях, которыми стали пандемия COVID-19, кризис системы региональной безопасности в Южной Азии и политика западных стран, нацеленная на сдерживание Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, а также в определении роли и места России в меняющейся архитектуре региона.

К выводам исследования стоит отнести следующие положения.

Во-первых, Пекин нацелен на дальнейшее увеличение экономического присутствия в регионе. Китай по-прежнему интересуется масштабный импорт сырьевых ресурсов Центральной Азии. Завершено строительство сопутствующей инфраструктуры, растут объемы поставок китайских грузов по маршруту «Китай – Европа» через Казахстан. Пекин намерен осуществить перенос ряда грязных и избыточных промышленных мощностей. Страна выстраивает новый формат многостороннего диалога «Китай + Центральная Азия» без учета мнения Москвы.

Во-вторых, Нью-Дели предпринимает новую попытку по сближению со странами региона в многостороннем формате. Индия нацелена на решение вопроса транспортной несвязности. Для экономического роста стране требуется увеличение поставок сырьевых ресурсов и их диверсификация. Однако инфраструктурные проекты в области энергоресурсов, электроэнергетики и логистики по-прежнему не реализованы.

В-третьих, в экономической плоскости продолжается ослабление позиций России. Интеграционные площадки (ЕАЭС), в которые входят Казахстан и Киргизия, не могут стать альтернативой китайской инициативе «Пояса и пути». Целесообразным видится сближение Москвы с Нью-Дели для снижения роли Пекина в регионе.

Ключевые слова: Россия; Китай; Индия; Центральная Азия; геоэкономика; геополитика; ЕАЭС; ШОС; Инициатива «Пояс и путь».

Заклязьминская Екатерина Олеговна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН, доцент кафедры зарубежного регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук МГИУ. Россия, Москва.
E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2777-4973
Web of Science Researcher ID: AAG-5234-2021

***Zakliazminskaja E.O.* Geo-economic strategies of Russia, India and China in Central Asia in the new geopolitical realities**

Abstract. *In 2022, Russia, India and China celebrated the 30th anniversary of the establishment of diplomatic relations with the countries of Central Asia. Over the past three decades, the Central Asian policy of the RIC countries has undergone multiple changes. Now, Russia, India and China are in a new stage of developing relations with the five Central Asia countries.*

The goal of this study is to identify the features of the geo-economic strategies of China and India in the region in the new geopolitical realities, as well as to determine the role and place of Russia in the changing regional architecture in Central Asia.

The conclusions of the study include the following:

First, Beijing aims to further increase its economic presence in the region. China is still interested in large-scale imports of raw materials from Central Asia. The construction of infrastructure has been completed, and the volume of deliveries of Chinese cargo along the China-Europe route through Kazakhstan is growing. Beijing intends to transfer «dirty» and excess industrial capacities and build a multilateral dialogue «China + Central Asia» without considering Moscow's opinion.

Secondly, New Delhi is making a new attempt to get closer to the countries of the region in a multilateral format. India is determined to tackle the issue of transport decoupling. For economic growth, the country needs an increase in the supply of raw materials and their diversification. However, infrastructure projects in the field of energy resources, electricity and logistics are still not ready.

Thirdly, in the economic dimension, the weakening of Russia's positions continues. The integration platforms cannot become an alternative to the Chinese Belt and Road initiative. It seems expedient to draw Moscow closer to New Delhi to reduce the role of Beijing in the region.

Keywords: *Russia, China; India; Central Asia; geoeconomics; geopolitics; EAEU; SCO; Belt and Road Initiative.*

Zakliazminskaja Ekaterina Olegovna – Candidate of Science (Economics), Senior Research Fellow of the Centre of World Politics and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Science,

Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences MSLU. Russia, Moscow.
E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2777-4973
Web of Science Researcher ID: AAG-5234-2021

Центральная Азия в орбите интересов стран РИК

Центрально-Азиатский регион отличается выгодным геополитическим, геоэкономическим и геостратегическим положением, значительными запасами природных ресурсов и дешевой рабочей силой. Это регион притяжения и соперничества для многих стран мира: России, Китая, США, европейских государств, Индии и др. События второго и третьего десятилетий XXI в., а именно подведение итогов 30-летия независимой государственности, кризис системы безопасности в Южной Азии, активизация конкурентной борьбы основных акторов, ставят перед исследователями новые задачи изучения происходящих в регионе процессов и тенденций.

За 30 лет геополитическая и геоэкономическая архитектура мира претерпела значительные изменения. Биполярный мир перешел к многополярности и движется к новой биполярности. Китай стал значимой мировой экономической силой, активизировав свою внешнюю политику со странами-соседями. Россия продолжает оказывать влияние на страны постсоветского лагеря. США увеличивают свою инвестиционную активность в регионе, ставя своей целью снизить влияние других полюсов силы. «Возвышающаяся» Индия вновь обратила внимание на своих северных соседей.

Пандемия COVID-19 обострила затухающие конфликты, оказавшись вызовом, активизировавшим поиски ответов на новые глобальные вопросы. Выстраивание нового баланса между глобальными и региональными интересами, интеграцией и дезинтеграцией, национальными и коллективными усилиями поставили новые вопросы взаимодействия с соседями в странах Центральной Азии.

Актуальность исследования связана с трансформацией роли Центрально-Азиатского региона во внешнеэкономической стратегии Китая и Индии во втором и третьем десятилетии XXI в. и с необходимостью изучения интересов рассматриваемых стран для коррекции российского внешнеэкономического курса.

Целью исследования является выявление новых геоэкономических стратегий России, Индии и Китая (далее РИК) в регионе и возникающих между ними противоречий.

В научной литературе геополитическая проблематика и вопросы региональной безопасности в Центральной Азии преобладают над геоэкономикой. Известные исследователи региона (Байков А.А. и Болгова И.В. [Байков, Болгова 2022], Фененко А.В. [Фененко 2022], Малышева Д.Б. [Малышева 2021], Притчин С. [Притчин 2021], Чуфрин Г.И. [Чуфрин 2010] и пр.) преимущественно сконцентрированы на проблемах геополитики и угрозах безопасности. Ученые-регионоведы и видные международники проводят отдельные исследования интереса страны изучения по отношению к государствам Центральной Азии (Лексютина Я.В. [Лексютина 2020], Кашин В.Б. [Кашин, Королев 2018], Гельбрас В.Г. [Гельбрас 2010]), Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. [Куприянов, Макаревич 2021]). В зарубежных научных публикациях также преобладает изучение геостратегических инициатив (Rhea Menon, Sharanya Rajiv [Rhea, Sharanya 2019]). Однако китайских ученых отличает высокое внимание к геоэкономическим аспектам, которое, вероятно, определяется интенсификацией торгово-экономического сотрудничества (Ван Чжицянь, [Ван 2021], Сюй Янгуэй, Лю Юньган [Сюй, Лю 2019], Цюй Вэньи и Чжан Ся [Цюй, Чжан 2021]).

В данном исследовании автор предпринимает попытку заполнить пробелы в изучении геоэкономических стратегий крупнейших «соседей» государств Центральной Азии (России, Китая и Индии) в новых геополитических реалиях.

Основной методологией исследования стали ресурсно-акторный, политико-экономический, компаративистский и бихевиористский подходы, методы теории выбора и принятия решений и математико-статистический метод.

Ретроспективный анализ экономической ситуации в Центральной Азии в постсоветский период

В современных границах Центрально-Азиатский регион сложился после распада СССР. Официально он был образован подписанием соглашения на ташкентской встрече между лидерами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, состоявшейся в январе 1993 г. В новейшей истории постбиполярного мира к Центрально-Азиатскому региону относят пять стран [Малышева 2021].

С конца XX в. геостратегическая архитектура Центрально-Азиатского региона претерпела глубокие трансформации. В экспертном сообществе звучали мнения о начале «Большой игры 2.0¹», в которую были вовлечены США, Россия, Китай, ЕС, Турция, Иран и некоторые другие государства [Kleveman 2004].

1. Большая игра – геополитическое соперничество второй половины XIX в. между Британией и Российской империей за влияние в Центрально-Азиатском регионе. – Прим. авт.

Возвышение стран-соседей (Китая и Индии) и движение пришедшего к многополярности в 90-е годы XX в. мира к новой биполярной конфронтации (подразумеваемая «связка» США и Китая) привели к очередному «переделу» сфер влияния в Центральной Азии.

В Китае все острее проявлялась необходимость восстановления внутренних трансъевроазиатских маршрутов. Получившая распространение транспортировка грузов морским путем из Китая стала сопровождаться рядом рисков. На своем пути контейнеровозы проходят через два «узких горлышка» в Малаккском проливе и в Суэцком канале. Эти транспортные артерии контролируются западными силами, поэтому обострение противоречий Пекина с западными странами угрожает безопасности морских перевозок. Китай нацелен на диверсификацию транспортных маршрутов, поэтому в Пекине вновь вспомнили о забытом сухопутном коридоре «Восток – Запад», проходящем через Центральную Азию.

Центрально-Азиатский регион обладает сравнительно высокой численностью населения. К концу 2020 г. в нем проживали около 74,5 млн человек [Население 2020]. С 1990 по 2019 г. население региона увеличилось на 46,1%. Согласно прогнозам ООН, высокая рождаемость приведет к тому, что к 2050 г. в регионе будут проживать около 100 млн человек. Причем темпы прироста населения не коррелируют с уровнем экономического развития. В частности, страной с наибольшей численностью населения в регионе является Узбекистан (42,9 млн), далее идут Казахстан (24 млн), Таджикистан (16,2 млн), Киргизия (9,1 млн) и Туркменистан (7,9 млн) [UN Population]. В случае устойчивого экономического развития в 2020–2050 гг. в Центрально-Азиатском регионе будет сформирован емкий внутренний рынок для сбыта продукции, произведенной в странах-соседях.

Центральную Азию отличает неравномерное развитие и ряд сложностей на пути к экономическому процветанию. После распада СССР все страны региона столкнулись с необходимостью модернизации национальной экономики. Было зафиксировано заметное падение объемов ВВП, связанное с реконфигурацией торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Однако уже с начала XXI в. наблюдался стремительный экономический рост (см. табл. 1), связанный с появлением иностранных инвесторов, ростом экономической интеграции и торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Китаем и Россией. Регион стал одним из наиболее динамично развивающихся мировых пространств.

Анализ внешнеторгового оборота пяти стран Центральной Азии демонстрирует единую тенденцию: сокращение объемов внешней торговли в 90-е годы XX в. и резкий рост после 2001 г., который был связан прежде всего с экономической интеграцией с Россией и увеличением присутствия Китая в регионе (см. табл. 2).

Таблица 1

ОБЪЕМЫ НОМИНАЛЬНОГО ВВП СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1991–2021 гг.

Страна	ВВП, в млрд долл.				Темпы прироста ВВП (1991=100), %
	1991 г.	2001 г.	2011 г.	2021 г.	
Казахстан	24,92	22,15	192,6	202,9	714
Киргизия	2,57	1,5	6,2	8,5	230
Узбекистан	13,68	11,4	56,52	69,2	405
Таджикистан	1,352	1,081	6,5	8,7	543
Туркменистан	1,6 (1992 г.)	3,53	29,23	47,35 (2020 г.)	286

Источник: составлено и рассчитано по: [Preview]

Таблица 2

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1991–2021 гг.

Страна	Внешнеторговый оборот, в млрд долл.				Темпы прироста внешнеторгового оборота (1991=100), %
	1991 г.	2001 г.	2011 г.	2021 г.	
Казахстан	1,5	15	121	101	663
Киргизия	0,7	0,94	6,5	7,2	926
Узбекистан	Нет данных	6,3	26,3	42,1	568 (к 2001 г.)
Таджикистан	0,35 (1992)	1,34	3,3	6,4	1728
Туркменистан	Нет данных	Нет данных	Нет данных	16,9 (2018)	Нет данных

Источник: составлено и рассчитано по: [Внешняя торговля Республики Казахстан], [30 лет], [Внешнеэкономическая деятельность 2022], [Внешнеторговый оборот], [Аналитическая таблица]

Кроме транспортного потенциала регион привлекателен наличием богатых залежей топливного минерального сырья (нефти, природного газа, угля и урановой руды). Стоит отметить значительный гидроэнергетический потенциал Центральной Азии. Через территорию Центрально-Азиатского региона протекают две крупные реки – Сырдарья и Амударья. Наличие малонаселенных пустынных и полупустынных равнин, нагорий, плоскогорий, резко континентального сухого климата и значительного количества солнечных дней открывают большой потенциал для развития альтернативной энергетики, прежде всего для использования энергии ветра и солнца. Наличие огромных объемов разведанных запасов урановых руд позволяют рассматривать

возможности строительства атомных электростанций. В Казахстане, Киргизии и Узбекистане уже обсуждаются данные инициативы [Торбаева 2022].

Страновой анализ показывает, что каждое из государств региона обладает избыточными ресурсами, которые полностью покрывают внутренние потребности и могут быть предложены на экспорт в другие страны.

Например, в Казахстане находятся более 50% мировых залежей вольфрама, 25% урана, 23% хрома, 19% свинца, 13% цинка, 10% меди и 10% железа. Страна занимает второе место по разведанным запасам урана, находится на седьмом месте в мире по объемам подтвержденных запасов нефти и на 22-м месте по запасам природного газа [Справочники].

Узбекистан богат нефтью и газом, природным ураном и золотом.

Туркменистан обладает крупными запасами нефти, газа, цветных и редкоземельных металлов. Страна находится на четвертом месте в мире по разведанным запасам природного газа [там же].

Таджикистан занимает восьмое место в мире по объемам водных ресурсов и находится на первом месте по подушевому потреблению воды [Справочники]. Водные ресурсы страны составляют более половины всех ресурсов Центрально-Азиатского региона, но они плохо разработаны. Аналогичная ситуация наблюдается в нефтегазовом секторе, поэтому стране приходится опираться на широкомасштабный импорт энергоресурсов.

Киргизия занимает третье место среди стран СНГ по разведанным запасам золота и водных ресурсов и третье место в мире по объемам добычи ртути [там же].

Богатые ресурсы региона и его потенциал в качестве альтернативного мультимодального транспортного коридора привлекают внимание других центров силы, в первую очередь стран-соседей, которыми для государств Центральной Азии являются Россия и Китай.

Геоэкономическая стратегия Китая в Центральной Азии: экономическое наступление

В 1992 г. Китай одним из первых установил дипломатические отношения со странами региона.

Первым приоритетным направлением двустороннего сотрудничества стала демаркация государственных границ. Китай имеет достаточно протяженную (около 3,7 тыс. км) границу с тремя государствами Центрально-Азиатского региона (Кыргызстаном, Таджикистаном и Казахстаном).

Вторым важным пунктом повестки стали традиционные угрозы уйгурского сепаратизма. Развал социалистического лагеря и демократически настроенные силы в Центральной Азии создали условия для деятельности уйгурских экстремистских организаций [Игитян 2019, с. 251]. В те годы

основой сотрудничества были традиционные задачи по поддержанию стабильности в Синьцзяне [Гельбрас, 2010, с. 49]. Уйгурское население исторически, религиозно и культурно близко к населению стран Центрально-Азиатского региона. Эти сходства усиливают риски сепаратистских движений в Синьцзяне, на который приходится шестая часть всей территории материкового Китая, значительные запасы углеводородов и около 80% производства хлопка в стране.

В ходе экономических реформ увеличивался разрыв между отсталым западным и процветающим приморским Китаем, в котором располагались специальные экономические зоны с массой заводов, ориентированных на масштабный экспорт за границу. В 1999 г. была озвучена стратегия развития западных провинций страны, нацеленная на комплексное освоение отсталых территорий и рассчитанная на период вплоть до 2049 г. Сроки реализации стратегии совпадают с временными рамками инициативы «Пояса и пути», подчеркивая особую роль региона во внешнеэкономической политике КНР.

Кроме стратегии развития западных районов страны, в Китае действует инициатива по «выходу вовне» (走出去, *цзо чу цюй*), нацеленная на увеличение объемов экспорта за рубеж.

«Выход вовне», программа развития западных провинций и вступление Китая в ВТО в 2001 г. способствовали увеличению экономического присутствия страны в Центрально-Азиатском регионе. Развитие промышленности Китая требовало бесперебойных поставок углеводородов в обход контролируемых Западом маршрутов.

Объем товарооборота Китая со странами Центрально-Азиатского региона вырос более чем в 25 раз с 2000 по 2020 г. (с 1,5 млрд долл. до 38,6 млрд долл.), а объемы прямых иностранных инвестиций достигли 14 млрд долл. [Объем...].

Ключевой партнер Китая в Центральной Азии – Казахстан. Китай интересуется нефтегазовые ресурсы страны, уран и цветные металлы (медь, вольфрам, алюминий). В XXI в. Китай реализовал ряд проектов по строительству инфраструктуры для транспортировки казахстанской нефти: в 2001 г. было завершено строительство нефтепровода «Кенкияк – Атырау», в 2006 г. – нефтепровода «Атасу – Алашанькоу», в 2009 г. – нефтепровода «Кенкияк – Кумколь». Под китайским началом была создана инфраструктура для прямой транспортировки нефти с каспийского побережья Казахстана в китайский Синьцзян, соединены казахстанский город Атырау, который находится недалеко от впадения реки Урал в Каспийское море, с китайским городом Алашанькоу на границе с Казахстаном в СУАР. Через нефтепровод «Казахстан – Китай» с 2009 по 2021 г. было поставлено около 150 млн т нефти. Кроме того, в 2017 г. были достигнуты договоренности о 52-м совместном казахско-китайском проекте на общую сумму более 21 млрд долл. [Си Цзиньпин 2022].

Значительно выросли объемы торговли с Туркменистаном за счет окончания строительства газопровода «Казахстан – Китай» в 2015 г. Казахская ветвь завершила мегапроект строительства самого длинного газопровода в мире «Китай – Центральная Азия», по которому осуществляются поставки газа через Туркменистан, Узбекистан, Казахстан в Китай. За 2015–2021 гг. через него было перекачано более 380 млрд м³ природного газа [China 2019].

В целом рост торговли наблюдается со всеми странами региона (см. табл. 3). В Узбекистане и Киргизии Китай привлекают возможности добычи золота, черных и цветных металлов. В Таджикистане страну интересует разработка золоторудных месторождений (например, «Верхний Кумарг») и богатые водные ресурсы страны (в частности, озеро Сарез).

Таблица 3

**ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ КНР СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В 2000–2020 гг.**

Страна	Внешнеторговый оборот с КНР, в млрд долл.				
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Казахстан	1,56	6,8	20,5	14,3	21,5
Киргизия	0,18	0,97	4,2	4,3	2,9
Узбекистан	0,05	0,68	2,5	3,4	6,6
Таджикистан	0,02	0,16	1,4	1,85	2,1
Туркменистан	0,02	0,1	1,6	8,6	6,5

Источник: составлено и рассчитано по: [Статистический ежегодник КНР]

В 2013 г. именно в Центральной Азии была озвучена мегастратегия Китая – инициатива «Один пояс – один путь». Страны Центрально-Азиатского региона первыми стали частью «Экономического пояса шёлкового пути» (ЭППП).

С китайской помощью была обновлена транспортная инфраструктура региона. В 2019 г. были завершены китайская и казахстанская части трансконтинентального автодорожного коридора «Западная Европа – Западный Китай». Были построены автодороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» и «Китай – Таджикистан». С 2015 г. Пекин развивает железнодорожный маршрут «Китай – Европа» в обход России. С 2015 по начало 2022 г. по маршруту в обе стороны прошло более 25 тыс. отправок [Обзор: Китай 2022].

Значимую роль в увеличении товарооборота с Казахстаном играют открытие КПП «Хоргос – Алтынколь» в 2012 г., создание зоны свободной торговли в международном центре пограничного сотрудничества Хоргос и увеличение пропускной способности КПП «Алашанькоу – Достык».

В 2019 г. в СУАР запущена ветка железной дороги «Карамай – Тачэн», которая будет продлена на территорию Казахстана (трансграничный маршрут Тачэн (СУАР) – Аягоз (Казахстан)). Она станет третьей китайской железной дорогой, ведущей в район китайско-казахстанской границы, и позволит сформировать еще одну зону свободной торговли в КПП Бакту.

С середины 90-х годов XX в. продолжают обсуждаться строительства железной дороги «Китай – Киргизия – Узбекистан», однако китайская сторона не проявляет заинтересованности в данном проекте.

Пекин укрепляет политический диалог со странами региона не только на площадке ШОС, но и в формате «Китай + Центральная Азия». В 2020 г. был запущен новый формат «5+1» («Центральная Азия – Китай») на уровне министров иностранных дел. В январе 2022 г. был проведен первый онлайн-саммит «Центральная Азия – Китай» на уровне глав государств. Основной повесткой служило 30-летие установления дипломатических отношений, однако лейтмотивом встречи стало желание Китая увеличить не только экономическое, но и политическое и военное присутствие в регионе, снизив роль других акторов. Этим объясняются желания страны опередить в проведении подобного саммита еще одного крупного игрока в регионе – Индию.

На Китайско-Центральноазиатском саммите стороны совместно заявили о вступлении отношений со странами Центральной Азии в «новую эпоху» [Обзор: взаимоотношения 2022]. Китайская сторона выразила намерения углублять двусторонние связи. Си Цзиньпин обозначил планы по увеличению двустороннего товарооборота фактически в 2 раза до 70 млрд долл. к 2030 г. [Полный текст 2022]. Во избежание продовольственного кризиса в Китае стороны намерены углублять сотрудничество в области поставок сельскохозяйственной продукции и продуктов питания [Хитахунов].

Пекин сформировал со странами региона отношения взаимодополняемости по схеме «сырье в обмен на готовую продукцию». На современном этапе формируется новая тенденция – Китай переводит грязные и избыточные производственные мощности на территорию региона, содействуя своему «зеленому» развитию и реализации целей по достижению углеродной нейтральности.

Китай экспортирует в страны Центральной Азии продукцию с высокой добавленной стоимостью (машины и оборудование, электротехнику, запчасти и пр.). Экспорт стран Центральной Азии представлен первичным сырьем (энергоресурсами, черными и цветными металлами и пр.) [Платформа].

Стороны активизируют инвестиционное сотрудничество: реализован и запланирован ряд крупных проектов в области альтернативной энергетики (строительство ВЭС, СЭС, модернизации ТЭЦ, ГЭЦ и пр.), в промышленном секторе (возведение металлургических заводов, налаживание производства сплавов, стальных труб, цемента, стекла, керамики), логистике (развитие сухого порта «Хоргос – Восточные ворота»), переработке нефтяного сырья

(модернизация НПЗ), разработке месторождений (меди, вольфрамовых руд, золота, первичного алюминия), в агропромышленном комплексе (производство соды, рапсового масла, сухого верблюжьего и кобыльего молока, строительство мясокомбинатов), в производстве нефтехимической продукции (удобрений, пестицидов, полипропилена, переработке опасных отходов), в автомобилестроении и в других областях.

Опасности тесного взаимодействия с Китаем заключены в рисках попадания в долговые ловушки из-за невозможности расплатиться по счетам за китайские кредиты. В зоне риска находятся Киргизия и Таджикистан. Долги данных стран Центральной Азии перед Китаем достигают до 40% их ВВП [Лексютина 2020, с. 308]. Долги других стран перед Пекином тоже значительны: Туркменистан должен около 17% своего ВВП, Узбекистан – 16%, Казахстан – 6,5% [Умаров 2020].

Таджикистан уже столкнулся со сложностями с обслуживанием долга перед Китаем за строительство ТЭЦ «Душанбе-2». Выход был найден путем заключения соглашения с китайской стороной на разработку золоторудного месторождения «Верхний Кумарг». Китай нередко использует схему «ресурсы за долги» (показательный пример Шри-Ланки, которая из-за финансовых сложностей потеряла на 99 лет стратегически важный порт в Индийском океане), однако страны, сотрудничающие с Пекином, в последние годы пытаются избегать попадания в «долговые ловушки» и отказываются от ряда проектов и от передачи стратегических национальных ресурсов под китайское управление. Например, ведутся ожесточенные споры о необходимости передачи месторождения по разработке железной руды Жетим-Тоо в Киргизии, однако власти страны пока не намерены повторять сценарий Таджикистана.

Роль Центрально-Азиатского региона для Китая ежегодно возрастает. Пекин намерен окончательно «сдвинуть» Российскую Федерацию с ее традиционно сильных позиций в экономике региона и значительно увеличить свое присутствие.

Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии: защита завоеванных позиций

Россию и страны Центральной Азии объединяют общая история, географическое соседство и социокультурная близость. На протяжении длительного периода взаимодействия России с пятью странами Центральной Азии были сформированы тесные торгово-экономические связи. После развала плановой экономической системы и перехода к рынку роль Центрально-Азиатского региона во внешней политике России была незначительной. Однако с 2000-х годов Россия начала увеличивать свое экономическое присут-

ствие (см. табл. 4). Косвенно экономическому росту способствовала и нормализация афганского вопроса. Режим талибов был свергнут в 2001 г. [Чуфрин 2010, с. 14].

С 1995 до 2021 г. объемы внешнеторгового оборота России со странами региона выросли в 4,6 раз с 8 млрд до 37 млрд долл. До 2000-х годов в двусторонней торговле превалировал центральноазиатский экспорт в Россию, однако в XXI в. Россия увеличила свои поставки в Центральную Азию. Одно из значимых конкурентных преимуществ региона – сырьевые ресурсы – не пользуются большим спросом со стороны богатой природными ресурсами России. Страна экспортирует в Центральную Азию древесину, машины и оборудование, продукцию химической промышленности, металлы, минеральные продукты и небольшие объемы продовольствия. Из Центрально-Азиатского региона импортируются незначительные объемы минерального сырья, металлов, продукция химической промышленности, текстиль и обувь.

Таблица 4

**ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ОБОРОТ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В 1995–2021 гг.**

<i>Страна</i>	<i>Внешнеторговый оборот с Россией, в млрд долл.</i>				
	<i>1995 г.</i>	<i>2001 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2016 г.</i>	<i>2021 г.</i>
Казахстан	5,2	4,4	20,7	13,3	25,6
Киргизия	0,3	0,15	1,5	1,2	2,5
Узбекистан	1,7	0,99	4	2,7	6,9
Таджикистан	0,24	0,2	0,8	0,69	1,2
Туркменистан	0,27	0,18	1,3	0,9	0,9

Источник: составлено и рассчитано по: [Внешняя торговля]

Две страны региона (Казахстан и Киргизия) являются участниками российской инициативы Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Узбекистан входит в государства-наблюдатели. Казахстан, Россия и Белоруссия создали Таможенный союз ЕАЭС, предполагающий единый Таможенный кодекс и отсутствие таможенных контролей. В первые годы после создания Таможенного союза отмечался рост взаимной торговли, однако внутриэкономические сложности в Российской Федерации после санкций, введенных западными странами на фоне присоединения Крыма к России в 2014 г., и девальвации национальной валюты снизили потенциальные выгоды от экономической интеграции.

Страны активно реализуют совместные проекты. Планируется строительство первой в Узбекистане атомной электростанции при помощи российской госкорпорации «Росатом». В 2009 г. в Таджикистане завершен совместный

проект строительства второй по мощности гидроэлектростанции страны – Сангтудинской ГЭС-1, которая также контролируется российским «Росатомом». В 2020 г. в Киргизии начали строительство совместного Таласского золоторудного комбината. В Казахстане построен завод по производству минеральных удобрений. В Туркменистане долгое время действовал контракт ПАО «Камаз» на поставку автомобильной техники.

Страны Центрально-Азиатского региона унаследовали от СССР развитую инфраструктуру (автодороги, пограничные узлы ЛЭП, трубопроводы «Центральная Азия – Центр»). Однако ее модернизация и строительство новой инфраструктуры осуществляется уже при содействии китайской стороны.

Россия – традиционно значимый игрок в Центральной Азии. Однако геоэкономические притязания Москвы ограничиваются сдержанным экономическим потенциалом Российской Федерации, особенно в сравнении с Китайской Народной Республикой.

Геоэкономическая стратегия Индии в Центральной Азии: поиск своей ниши

Контакты Индии со странами Центральной Азии из-за отсутствия прямого транспортного сообщения долгое время не развивались. После начала колонизации Индии в XVI–XVII вв. экономические интересы страны были направлены на обслуживание колониального хозяина. С обретением независимости контакты со странами Центрально-Азиатского региона не были налажены. Полноценный политический диалог с Центральной Азией начал формироваться лишь в 90-е годы XX в. Однако индийско-центральноазиатские отношения складывались не линейно, а волнообразно.

С 1993 г. после признания Индией независимости пяти государств Центральной Азии начался первый виток интереса Нью-Дели к региону. В те годы политика страны в Центрально-Азиатском регионе определялась двумя основными инициативами: геостратегической платформой «расширенного соседства» («Extended Neighbourhood») и политикой «смотрим на север» («Look North Policy»). На данном этапе было необходимо решить оперативные задачи, поэтому взаимодействие со странами региона базировалось на двустороннем, а не на многостороннем формате.

В 2000-е годы с увеличением китайского интереса к Центрально-Азиатскому региону у Индии появились новые планы по активизации сотрудничества по ряду направлений: по линии энергетики с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, в инфраструктурных проектах с Таджикистаном и пр. Однако в реальную плоскость большая часть проектов не перешла.

С 2012 г. начался новый виток двусторонних взаимоотношений. Были пересмотрены подходы к региону и озвучена новая стратегия – «связь с Цен-

тральной Азией» («Connect Central Asia Policy»), реальное начало которой состоялось чуть позже в 2015 г. после турне премьер-министра Индии Нарендра Моди по странам региона. Приход к власти Нарендра Моди способствовал переходу центральноазиатской политики от двустороннего к многостороннему формату.

Со вступлением Индии в ШОС в 2017 г. начался новый период более пристального внимания к региону. В 2019 г. был создан многосторонний формат диалога Нью-Дели со странами Центральной Азии – совет глав внешнеполитических ведомств «Центральная Азия – Индия». В январе 2022 г. впервые был проведен саммит «Индия – Центральная Азия» на высочайшем уровне с участием глав государств [Delhi Declaration 2022].

Торгово-экономические связи Нью-Дели со странами Центральной Азии по-прежнему развиты достаточно слабо. Совокупный товарооборот Индии с Центрально-Азиатским регионом составляет менее 1% от всего объема внешней торговли страны. В 2020 г. объемы индийско-центральноазиатской торговли достигли около 1,5 млрд долл. [Department of Commerce]. По сравнению с объемами внешней торговли Центральной Азии с Россией и Китаем индийско-центральноазиатская торговля занимает совершенно незначительную долю во внешнеторговом обороте стран Центральной Азии, поэтому говорить о сколь-нибудь значимой роли Индии в экономике стран региона не приходится.

Индия импортирует из стран Центральной Азии нефть, серебро и уран. Импорт из Индии представлен лекарствами, чаем и телефонами. Развитие индийской промышленности требует увеличения поставок энергоресурсов, которые могут быть импортированы не из нестабильного Ирана, который находится под западными санкциями, а из стран Центральной Азии. Однако данные инициативы станут возможны лишь после решения транспортного вопроса.

С конца 90-х годов XX в. появилась идея о строительстве трансконтинентального транспортного коридора «Север – Юг», который соединит Индийский океан, Каспийское море и Персидский залив. Логистический маршрут будет брать свое начало в западной Индии (в портах Джавахарлал Неру и Кандла), далее продвигаться в иранский порт Бендер-Аббас и по автомобильным магистралям или по железной дороге через Азербайджан (Баку) направляться в Москву, Санкт-Петербург и в Европу.

Возможна прокладка второй ветви маршрута вдоль западного побережья Каспийского моря по восточной ветви «Север – Юг» (по железной дороге «Казахстан – Туркменистан – Иран», построенной в 2009–2014 гг.). Индийская сторона предлагает соединить железнодорожные маршруты «Казахстан – Туркменистан – Иран» и железную дорогу «Казахстан – Узбекистан – Иран» (порт Чабахар).

Проект имеет стратегическую важность: он будет способствовать увеличению объемов торговли между Индией и странами региона и выступать противовесом китайскому влиянию и инициативе Пекина «Один пояс – один путь». Западные санкции, наложенные на Иран, нестабильная политическая ситуация в Афганистане и смена власти в Пакистане в 2022 г. не способствуют реализации проекта.

Для развития сотрудничества в области энергетики еще в 1997 г. была озвучена инициатива CASA 1000. Данный проект ставит своей задачей связать между собой энергетические системы двух регионов – Центральной и Южной Азии. Планируется объединение энергетических систем Киргизии и Таджикистана с Афганистаном и Пакистаном для потенциальной возможности использования летних излишков электроэнергии из данных стран и их транспортировки в Афганистан, Пакистан и в перспективе в Индию. Оценочная стоимость проекта – около 1,1 млрд долл. [О проекте] – значительные средства для стран региона без китайской финансовой поддержки. Возможно, именно финансовый вопрос откладывает претворение инициативы в жизнь.

В 2010 г. было подписано соглашение о строительстве газопровода «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия» (ТАПИ). Оценочная стоимость проекта – 8–10 млрд долл. Причем туркменская часть газопровода будет строиться с помощью российской стороны, которая осуществит поставки труб.

Реализация инфраструктурных проектов Индии в Центральной Азии идет крайне медленно. Пекин уже к 2019 г. завершил строительство необходимой инфраструктуры, однако Нью-Дели еще не удалось завершить ни один из амбициозных трансграничных проектов.

Основная сложность индийско-центральноазиатского сотрудничества – отсутствие транспортной связанности. Все стремления Нью-Дели по решению транспортной проблемы наталкиваются на финансовые сложности, афганский вопрос и угрозу международного терроризма. Однако в 2022 г. Индия осуществила первый «прорыв»: через транспортный коридор «Южная Азия – Центральная Азия» и территорию Афганистана прошел индийский караван с грузом [Панфилова 2022]. Данная инициатива станет первым шагом на пути к решению транспортного вопроса.

Пересечения интересов стран РИК в регионе

В геоэкономике региона в XXI в. усиливается роль Китая. В настоящий момент объемы торгово-экономического сотрудничества России с Центральной Азией и Китая с регионом примерно равны, но китайская сторона намерена удвоить объемы товарооборота, поэтому в обозримой перспективе

Пекин займет лидирующие позиции в качестве главного партнера стран Центральной Азии. Экономическое лидерство позволит Китаю диктовать свои условия странам региона и усиливать свое влияние не только в тех государствах, которые накопили значительные долги перед Китаем (в Таджикистане и Киргизии), или в тех странах, где отмечается высокая зависимость от китайских заказов (как в Туркменистане с экспортом природного газа), но и в других странах региона (в первую очередь в экономически развитом Казахстане, в котором правят лояльные Пекину элиты). Возможности России в торгово-экономическом сотрудничестве крайне ограничены, а сотрудничество с Индией сталкивается с логистическими сложностями, поэтому рассматриваемым странам крайне сложно противопоставить что-либо китайскому «наступлению» в Центральной Азии.

Инициированные российской стороной интеграционные экономические инициативы не позволят увеличить объемы взаимной торговли на те уровни, которые предлагает странам Центральной Азии Китай. Проблема заключается еще и в структурных особенностях экономики Российской Федерации. Главный экспортный продукт стран Центральной Азии – минеральное топливо – не интересен России. Хотя ряд проектов сотрудничества по линии энергетики существует. В 2019 г. после трехлетнего перерыва российский «Газпром» подписал пятилетнее соглашение на закупку газа у туркменского «Туркменгаза». Российская цель, по-видимому, заключается не в получении дополнительных партий природного газа, а в создании «противовеса» Китаю.

Россия также предлагает для широкого экспорта свои сырьевые ресурсы, которые, в свою очередь, не пользуются спросом в странах Центральной Азии. Несмотря на ряд совместных проектов, в том числе энергетических, Россия и страны Центральной Азии в первую очередь конкурируют за рынки сбыта минеральной продукции в Китае.

Угрозами устойчивому развитию являются наличие антикитайских настроений и противодействие со стороны населения китайской экспансии, которая часто опирается на коррупционные практики. Кроме того, вырастает поколение граждан, не заставших советские времена, не ощущающих тесную связь с Москвой и нацеленных на более прагматичное сотрудничество, которое может предложить Пекин.

Выводы

Китай, Россия и Индия являются крупными игроками в центральноазиатском пространстве. В третьем десятилетии XXI в. в регионе отмечается новое перераспределение баланса сил.

Тесные экономические связи стран Центральной Азии с Москвой ослабевают.

В экономическом сотрудничестве Россию догнал Китай, который активно продвигает свои интересы в регионе. Пекин построил всю необходимую инфраструктуру для энергетического сотрудничества, завершена модернизация и строительство транспортной инфраструктуры. При поддержке Китая возрождена роль региона в качестве «перевалочного пункта» между Западом и Востоком. Китай намерен удвоить объем товарооборота с регионом до 2030 г. В таком случае роль России в торгово-экономическом сотрудничестве резко снизится.

В данной связи сближение стран Центральной Азии с Индией может рассматриваться российской стороной позитивно. Индия пока не способна играть столь значимую роль в торгово-экономическом сотрудничестве, как Россия и Китай, однако намерена увеличить свое присутствие и завершить реализацию крупных транспортно-логистических и энергетических проектов. Транспортная несвязанность – наибольшая проблема, ограничивающая потенциал индийско-центральноазиатского взаимодействия [Байдаров 2018]. Однако в случае решения транспортного вопроса сотрудничество может быть расширено по всем направлениям. Индия сможет балансировать интересы России в регионе, сдерживать экспансию Китая, а транспортный коридор «Север – Юг» в случае его успешной реализации сможет стать альтернативой инициативе «Пояса и пути», позволит увеличить объемы товарооборота Индии со странами Центральной Азии и Россией и будет способствовать более тесному взаимодействию не только в торгово-экономической, но и в политической и военной сферах.

Геоэкономические интересы России, Китая и Индии в Центральной Азии определяются стратегическим расположением региона, соединяющего Запад и Восток, и наличием сырьевых ресурсов, необходимых для развития промышленности в активно развивающихся Китае и Индии. Повышение экономической мощи Китая, а затем и Индии увеличили внимание Пекина и Нью-Дели к региону и активизировали стремление «сдвинуть» Россию с ее традиционно сильных позиций. В перспективе Пекин увеличит свое экономическое влияние, но и российские позиции будут сильны, а Индия будет пытаться решить вопросы транспортной связанности и завершить поиски своей ниши в регионе.

Библиография

30 лет независимости Кыргызской республики. Цифры и факты // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. 2021. URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/24b4c5d6-1d78-4634-b90b-c0e6a5df9f3c.pdf> (дата обращения: 03.06.2022).

Аналитическая таблица экспорта – импорта товаров по странам // Национальный банк Таджикистана. URL: https://nbt.tj/ru/payments_balance/analytical_table.php (дата обращения: 03.06.2022).

Байдоров Е. Индия и Китай подбирают ключ к Центральной Азии, но разными способами – казахстанский эксперт // Евразия Эксперт. 2018. 21 мар. URL: <https://eurasia.expert/indiya-i-kitay-podbirayut-klyuch-k-tsentralnoy-azii-no-raznymi-sposobami-kazakhstanskiy-ekspert/> (дата обращения: 09.03.2022).

Байков А.А., Болгова И.В. Глава 23. Международные отношения в постсоветском ареале // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: ООО Издательство «Аспект Пресс», 2022. С. 445–466.

Внешнеторговый оборот между Республикой Таджикистан и другими странами // Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан. URL: https://medt.tj/documents/add_menu/ved/ru/03-04-01-ru.pdf (дата обращения: 03.06.2022).

Внешняя торговля // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://gosstat.gov.ru/folder/11193> (дата обращения: 04.06.2022).

Внешняя торговля Республики Казахстан 2007–2011, 2011–2015, 2016–2020 // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> (дата обращения: 03.06.2022).

Внеэкономическая деятельность // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. 2022. 25 июл. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 03.06.2022).

Гельбрас В.Г. Китай. Чем недовольны уйгуры // Азия и Африка сегодня. 2010. № 6 (635). С. 9–54.

Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. 2019. Т. 27. № 3. С. 250–259.

Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 78–85.

Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Международная аналитика. 2021. Т. 12. № 2. С. 74–92.

Лексютин Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 305–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontury-ekonomicheskogo-prisutstviya-kitaya-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 02.06.2022).

Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 82–99.

Население Центральной Азии вырастет более чем на миллион в 2020 году // Интернет-портал СНГ. 2020. 17 мар. URL: <https://e-cis.info/news/567/86015/> (дата обращения: 27.06.2022).

О проекте // CASA 1000 Kyrgyz Republic. URL: <https://casa-1000.kg/about-casa-1000> (дата обращения: 14.04.2022).

Обзор: взаимоотношения Китая и стран Центральной Азии вступили в новую эпоху // Синьхуа Новости. Russian. News. CN. 2022. 27 янв. URL: http://russian.news.cn/2022-01/27/c_1310443680.htm (дата обращения: 07.06.2022).

Обзор: Китай и страны Центральной Азии прилагают совместные усилия к высококачественному строительству «Пояса и пути» // Синьхуа Новости. Russian. News. CN. 2022. 11 мар. URL: https://russian.news.cn/2022-03/11/c_1310509324.htm (дата обращения: 20.06.2022).

Панфилова В. Индия открыла торговый путь в Узбекистан // Независимая. 2022. 21 мар. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-03-21/5_8396_uzbekistan.html (дата обращения: 02.06.2022).

Полный текст речи председателя КНР Си Цзиньпина на онлайн-саммите глав государств Центральной Азии и Китая // Синьхуа Новости. Russian. News. CN. 2022. 25 янв. URL: http://russian.news.cn/2022-01/25/c_1310440535.htm (дата обращения: 10.02.2022).

Притчин С. Узбекистан и Казахстан: особенности транзита власти // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 2. С. 89–99.

Торебаева М. Искра разума: зачем Центральной Азии атомная энергетика // *Известия*. 2022. 21 фев. URL: <https://iz.ru/1293503/madiia-torebaeva/iskra-razuma-zachem-tcentralnoi-azii-atomnaia-energetika> (дата обращения: 04.09.2022).

Умаров Т. На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая // *Московский Центр Карнеги*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81265> (дата обращения: 20.05.2022).

Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991–2021: Учебное пособие для вузов / А.В. Фененко. 4-е издание, исправленное и дополненное. М.: ООО Издательство «Аспект Пресс», 2022. 493 с.

Хитахунов А. Экономическое сотрудничество между Центральной Азией и Китаем // *Eurasian Research Institute*. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china/?lang=ru> (дата обращения: 30.04.2022).

Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии: монография. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2010. 220 с.

China remains biggest importer of Turkmen gas // *Trend News Agency*. 2019. 22 Oct. URL: <https://en.trend.az/business/energy/3137277.html> (дата обращения: 10.05.2022).

Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit // *Ministry of External Affairs. Government of India*. 2022. 27 Jan. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (дата обращения: 07.03.2022).

Department of Commerce. Export Import Data Bank // *Ministry of Commerce and Industry. Government of India*. URL: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecntq.asp> (дата обращения: 19.04.2022).

Kleveman L. *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia*. New York: Grove Press, 2004. 185 p.

Preview // *The World Bank*. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD&country=> (дата обращения: 06.04.2022).

Rhea Menon, Sharanya Rajiv. Realizing India's Strategic Interests in Central Asia // *Carnegie India*. 2019. 01 Dec. URL: <https://carnegieindia.org/2019/12/01/realizing-india-s-strategic-interests-in-central-asia-pub-80576> (дата обращения: 06.04.2022).

UN Population Prospects: Case of Central Asia // *Eurasian Research Institute*. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/un-population-prospects-case-of-central-asia/> (дата обращения: 27.06.2022).

中国对中亚五国直接投资存量超140亿美元 [Объем прямых инвестиций Китая в пять стран Центральной Азии превысил 14 миллиардов долларов США] // *Public Service of Global of Department of Commerce of Guangdong Province*. 2022. 18 Jan. URL: <http://com.gd.gov.cn/go/article.php?typeid=31&contentId=20770> (дата обращения: 06.06.2022).

中国统计年鉴 2021, 2016, 2011, 2006, 2001 年 [Статистический ежегодник КНР 2021, 2016, 2011, 2006, 2001 гг.] // *National Bureau of Statistics*. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 04.05.2022).

习近平在哈萨克斯坦媒体发表署名文章.: [Си Цзиньпин публикует авторскую статью в СМИ Казахстана] // *Министерство иностранных дел КНР*. 2022. 13 сен. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202209/t20220913_10765654.shtml (дата обращения: 07.09.2022).

对外投资合作国别(地区)指南 [Справочники по странам и районам для иностранного инвестиционного сотрудничества] // *Министерство коммерции КНР*. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/> (дата обращения: 05.09.2022).

曲文轶, 张霞. [Цю Вэньи Чжан Ся]. 中俄在中亚市场的出口竞争研究—基于动态促进效应的实证分析 [Исследование конкуренции России и Китая в экспорте на центральноазиатский рынок – на основе эмпирических данных ускорения динамики] // 欧亚经济 [Journal of Eurasian Economy]. 2021. № 5. С. 1–22.

海关统计数据在线查询平台 [Платформа онлайн-запросов таможенной статистики] // Главное таможенное управление КНР. URL: <http://43.248.49.97/> (дата обращения: 27.04.2022).

王志倩 [Ван Чжицянь] “一带一路”背景下中国对中亚五国对外直接投资现状分析 [Анализ ПИИ Китая в пять стран Центральной Азии в ходе [реализации] «Пояса и пути»] // 山西农经 [Shanxi Agricultural Economy]. 2021. № 1. С. 29–30.

许阳贵, 刘云刚 [Сюй Янгуй, Лю Юньган] 中国与“一带一路”沿线国家贸易及其影响因素 [Торговля Китая со странами «Пояса и пути» и факторы, влияющие на нее] // 热带地理 [Tropical Geography]. 2019. Т. 39. № 6. С. 855–868.

References

30 let nezavisimosti Ky'rgy'zskoj respubliki. Cifry' i fakty' [30 years of independence of the Kyrgyz Republic. Figures and facts] // Nacional'ny'j statisticheskij komitet Ky'rgy'zskoj Respubliki [National Statistical Committee of the Kiyorgyoz Republic]. 2021. URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/24b4c5d6-1d78-4634-b90b-c0e6a5df9f3c.pdf> (date of access: 03.06.2022).

Analiticheskaya tablicza e'ksporta – importa tovarov po stranam [Analytical table of export – import of goods by country] // Nacional'ny'j bank Tadzhiqistana. URL: https://nbt.tj/ru/payments_balance/analytical_table.php (date of access: 03.06.2022).

Bajdarov E. Indiya i Kitaj podbirayut klyuch k Central'noj Azii, no razny'mi sposobami – kazaxstanskij e'kspert [India and China are picking up the key to Central Asia, but in different ways – Kazakh expert] // Evraziya E'kspert. 2018. 21 Mar. URL: <https://eurasia.expert/indiya-i-kitaj-podbirayut-klyuch-k-tsentralnoy-azii-no-raznymi-sposobami-kazaxstanskiy-ekspert/> (date of access: 09.03.2022).

Bajkov A.A., Bolgova I.V. Glava 23. Mezhdunarodny'e otnosheniya v postsovetskom areale [Chapter 23. International relations in the post-Soviet area] // Megatrendy': Osnovny'e traektorii e'voljucii mirovogo poryadka v XXI veke: Uchebnik [Megatrends: The main trajectories of its evolution of the world order in the XXI century: A textbook] / Pod. red. T.A. Shakleinoj, A.A. Bajkova. M.: OOO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2022. P. 445–466.

Chufrin G.I. Rossiya v Central'noj Azii: monografiya [Russia in Central Asia: monograph]. Almaty': Kazaxstanskij institut strategicheskix issledovanij pri Prezidente RK, 2010. 220 p.

China remains biggest importer of Turkmen gas // Trend News Agency. 2019. 22 Oct. URL: <https://en.trend.az/business/energy/3137277.html> (date of access: 10.05.2022).

Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit // Ministry of External Affairs. Government of India. 2022. 27 Jan. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (date of access: 07.03.2022).

Department of Commerce. Export Import Data Bank // Ministry of Commerce and Industry. Government of India. URL: <https://tradedat.commerce.gov.in/eidb/iecntq.asp> (date of access: 19.04.2022).

Fenenko A.V. Sovremennaya istoriya mezhdunarodny'x otnoshenij: 1991–2021: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Modern History of International Relations: 1991–2021: Textbook for Universities] / A.V. Fenenko. 4-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: OOO Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2022. 493 p.

Gel'bras V.G. Kitaj. Chem nedovol'ny' ujugury' [Why are the Uighurs unhappy?] // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. 2010. N 6 (635). P. 9–54.

Igityan M.Yu. Kitajskaya vneshnyaya politika v Central'noj Azii i interesy` Rossii [Chinese Foreign Policy in Central Asia and Russia's Interests] // *Vlast` [Power]*. 2019. V. 27. N 3. P. 250–259.

Kashin V., Korolev A. Pomoshh` KNR stranam Central'noj Azii [China's assistance to the countries of Central Asia] // *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya [Its world economy and international relations]*. 2018. V. 62. N 3. P. 78–85.

Kleveman L. *The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia*. New York: Grove Press, 2004. 185 p.

Kupriyanov A.V., Makarevich G.G. Indiya v postbipolyarnuyu e`poxu: tridezatiletie poiska mesta v mire [India in the post-bipolar era: 30 years of searching for a place in the world] // *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*. 2021. V. 12. N 2. P. 74–92.

Leksyutina Ya.V. Kontury` e`konomicheskogo prisutstviya Kitaya v Central'noj Azii [Outlines of China's Economic Presence in Central Asia] // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost` [China in world and regional politics. History and modernity]*. 2020. N 25. S. 305–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontury-ekonomicheskogo-prisutstviya-kitaya-v-tsentralnoy-azii> (date of access: 02.06.2022).

Maly`sheva D.B. Postsovetskaya Central'naya Aziya v fokuse interesov krupny`x aziatskix gosudarstv (2019–2020 gg.) [Post-Soviet Central Asia in the focus of interests of large Asian states (2019–2020)] // *Kontury` global'ny`x transformacij: politika, e`konomika, pravo [Kontury` global'ny`x transformacij: politika, e`konomika, pravo]*. 2021. V. 14. N 2. P. 82–99.

Naselenie Central'noj Azii vy`rastet bolee chem na million v 2020 godu [The population of Central Asia will grow by more than a million in 2020] // *Internet-portal SNG [Internet-portal SNG]*. 2020. 17 Mar. URL: <https://e-cis.info/news/567/86015/> (date of access: 27.06.2022).

O proekte [About the project] // *CASA 1000 Kyrgyz Republic [CASA 1000 Kyrgyz Republic]*. URL: <https://casa-1000.kg/about-casa-1000> (date of access: 14.04.2022).

Obzor: vzaimootnosheniya Kitaya i stran Central'noj Azii vstupili v novuyu e`poxu [Overview: China-Central Asia Relations Enter a New Era] // *Sin`xua Novosti. [Russian. News]. CN. 2022. 27 Yanv.* URL: http://russian.news.cn/2022-01/27/c_1310443680.htm (date of access: 07.06.2022).

Obzor: Kitaj i strany` Central'noj Azii prilagayut sovmetstny`e usiliya k vy`sokokachestvennomu stroitel'stvu «Poyasa i puti» [Overview: China and Central Asian Countries Jointly Effort to High-Quality Belt and Road Construction] // *Sin`xua Novosti. Russian. News. CN. 2022. 11 Mar.* URL: https://russian.news.cn/2022-03/11/c_1310509324.htm (date of access: 20.06.2022).

Panfilova V. Indiya otkry`la torgovy`j put` v Uzbekistan [India opened a trade route to Uzbekistan] // *Nezavisimaya [Independent]*. 2022. 21 Mar. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-03-21/5_8396_uzbekistan.html (date of access: 02.06.2022).

Preview // *The World Bank*. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD&country=> (date of access: 06.04.2022).

Polny`j tekst rechi predsedatelya KNR Si Czzin`pina na onlajn-sammite glav gosudarstv Central'noj Azii i Kitaya [Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at the online summit of the heads of state of Central Asia and China] // *Sin`xua Novosti. Russian. News. CN. 2022. 25 Yanv.* URL: http://russian.news.cn/2022-01/25/c_1310440535.htm (date of access: 10.02.2022).

Pritchins S. Uzbekistan i Kazaxstan: osobennosti tranzita vlasti [Uzbekistan and Kazakhstan: features of the transit of power] // *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya [Its world economy and international relations]*. 2021. V. 65. N 2. P. 89–99.

Rhea Menon, Sharanya Rajiv. Realizing India's Strategic Interests in Central Asia // *Carnegie India*. 2019. 01 Dec. URL: <https://carnegieindia.org/2019/12/01/realizing-india-s-strategic-interests-in-central-asia-pub-80576> (date of access: 06.04.2022).

Torebaeva M. Iskra razuma: zchem Central'noj Azii atomnaya e'nergetika [Spark of Reason: Why Central Asia Needs Nuclear Energy] // Izvestiya. 2022. 21 Fev. URL: <https://iz.ru/1293503/madiia-torebaeva/iskra-razuma-zchem-tcentralnoi-azii-atomnaia-energetika> (date of access: 04.09.2022).

Umarov T. Na puti k Pax Sinica: chto neset Central'noj Azii e'kspansiya Kitaya [On the way to Pax Sinica: what China's expansion brings to Central Asia] // Moskovskij Centr Karnegi. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81265> (date of access: 20.05.2022).

UN Population Prospects: Case of Central Asia // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/un-population-prospects-case-of-central-asia/> (date of access: 27.06.2022).

Vneshnetorgovy'j oborot mezhdru Respublikoj Tadjikistan i drugimi stranami [Foreign trade turnover between the Republic of Tajikistan and other] // Ministerstvo e'konomicheskogo razvitiya i trgovli Respubliki Tadjikistan [Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Tajikistan]. URL: https://medt.tj/documents/add_menu/ved/ru/03-04-01-ru.pdf (date of access: 03.06.2022).

Vneshnyaya trgovlya [International trade] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF [Federal State Statistics Service RF]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193> (date of access: 04.06.2022).

Vneshnyaya trgovlya Respubliki Kazaxstan 2007–2011, 2011–2015, 2016–2020 [Foreign trade of the Republic of Kazakhstan 2007–2011, 2011–2015, 2016–2020] // Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazaxstan [Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. URL: <https://stat.gov.kz/edition/publication/collection> (date of access: 03.06.2022).

Vneshnyaya trgovlya Respubliki Uzbekistan [Foreign trade of the Republic of Uzbekistan] // Gosudarstvenny'j komitet Respubliki Uzbekistan po statistike [State hedgehog committee of the Republic of Uzbekistan on statistics]. 2022. 25 Jul. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (date of access: 03.06.2022).

Xitaxunov A. E'konomicheskoe sotrudnichestvo mezhdru Central'noj Aziej i Kitaem [Economic cooperation between Central Asia and China] // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china/?lang=ru> (date of access: 30.04.2022).

中国对中亚五国直接投资存量超140亿美元 [Ob'em pryamy'x investicij Kitaya v pyat' stran Central'noj Azii prevy'sil 14 milliardov dollarov SSHA] // Public Service of Go-global of Department of Commerce of Guangdong Province. 2022. 18 Jan. URL: <http://com.gd.gov.cn/go/article.php?typeid=31&contentId=20770> (date of access: 06.06.2022).

中国统计年鉴 2021, 2016, 2011, 2006, 2001 年 [Statisticheskij ezhegodnik KNR 2021, 2016, 2011, 2006, 2001 gg.] // National Bureau of Statistics. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/> (date of access: 04.05.2022).

习近平在哈萨克斯坦媒体发表署名文章.: [Si Czzin'pin publikuet avtorskuyu stat'yu v SMI Kazaxstana] // Ministerstvo inostranny'x del KNR. 2022. 13 Sen. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202209/t20220913_10765654.shtml (date of access: 07.09.2022).

对外投资合作国别（地区）指南 [Spravochniki po stranam i rajonom dlya inostrannogo investicionnogo sotrudnichestva] // Ministerstvo kommercii KNR. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/> (date of access: 05.09.2022).

曲文轶, 张霞. [Czyu Ve'n'i Chzhan Sya]. 中俄在中亚市场的出口竞争研究—基于动态促进效应的实证分析 [Issledovanie konkurencii Rossii i Kitaya v e'ksporte na central'noaziatskij ry'nok – na osnove e'mpiricheskix dannyx uskorenija dinamiki] // 欧亚经济 [Journal of Eurasian Economy]. 2021. N 5. P. 1–22.

海关统计数据在线查询平台[Platforma onlajn-zaprosov tamozhennoj statistiki] // Glavnoe tamozhennoe upravlenie KNR. URL: <http://43.248.49.97/> (date of access: 27.04.2022).

王志倩 [Van Chzhiczyan] “一带一路”背景下中国对中亚五国对外直接投资现状分析 [Analiz PII Kitaya v pyat' stran Central'noj Azii v xode [realizacii] «Poyasa i puti»] // 山西农经 [Shanxi Agricultural Economy]. 2021. N 1. P. 29–30.

许阳贵, 刘云刚 [Syuj Yanguj, Lyu Yun'gan] 中国与“一带一路”沿线国家贸易及其影响因素 [Torgovlya Kitaya so stranami «Poyasa i puti» i faktory', vliyayushhie na nee] // 热带地理 [Tropical Geography]. 2019. T. 39. N 6. P. 855–868.

И.В. Бритов

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ:
ПОЗИЦИЯ ВЬЕТНАМА**

Аннотация. В статье рассматривается официальная позиция Вьетнама относительно специальной военной операции России на Украине. Выявляются причины, по которым Ханой заявил о приверженности политике нейтралитета по данной проблеме. Отмечается, что однозначный выбор Вьетнама в пользу России или Украины может негативно сказаться на его международных связях, внутренней экономической ситуации и отрицательно повлиять на ход выполнения стоящих перед страной масштабных задач. Тем не менее за любыми действиями или заявлениями официального Ханоя по поводу событий на Украине политики и эксперты пытаются разглядеть либо пророссийскую, либо проукраинскую позиции. Представлен анализ комплекса факторов, которые, с одной стороны, сдерживают Вьетнам от участия в западной антироссийской кампании, а с другой – не позволяют ему прямо и активно поддержать РФ. К первой группе факторов относятся следующие: статус всеобъемлющего стратегического партнерства, который с 2012 г. носят российско-вьетнамские отношения; влияние на Ханой китайской позиции по проблеме Украины; исторические аналогии, связанные с вводом вьетнамских войск в Камбоджу в связи с возникшей угрозой безопасности Вьетнаму со стороны «красных кхмеров»; неоднозначное восприятие во Вьетнаме политического образа нынешнего президента Украины. Вторая группа факторов включает в себя политическое давление на Вьетнам со стороны стран, внесенных Россией в список «недружественных»; опасение Ханоя в связи с возможностью введения против него экономических санкций за поддержку России; проблему обеспечения безопасности вьетнамских граждан, находящихся на Украине. Прогнозируются возможные изменения в позиции Вьетнама в зависимости от дальнейшего хода и результатов российской военной специальной операции на Украине.

Ключевые слова: Россия; Украина; специальная военная операция; западная антироссийская кампания; позиция Вьетнама.

Бритов Игорь Викторович – старший преподаватель
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: igorviet@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAD-1299–2020

Britov I.V. Russia's Special Military Operation in Ukraine: Vietnam's stance

***Abstract.** The article analyzes the official position of Vietnam on Russia's special military operation in Ukraine and reasons why Hanoi has declared the policy of neutrality on the issue. It notes that a definitive choice of either Russia or Ukraine by Vietnam would be harmful for its international standing, the domestic economic situation, and the achievement of large-scale national objectives. Nonetheless, politicians and experts try to discern either a pro-Russian or a pro-Ukrainian stance behind any action or statement of Hanoi officials on the events unfolding in Ukraine. The article presents an analysis of factors, which, on the one hand, prevent Vietnam from taking part in the Western anti-Russian campaign and, on the other hand, do not allow it to vocally support Russia. The first group of factors includes the status of the comprehensive strategic partnership, which Russia and Vietnam established in 2012; the influence of China's stance in regard to Ukraine on Hanoi; historical analogies related to the deployment of Vietnamese forces to Cambodia to deal with the high threat to Vietnam's security from the Khmer Rouge; and mixed sentiment towards the political image of the incumbent Ukrainian president in Vietnam. The second group of factors includes the political pressure on Vietnam from the countries listed by Russia as «unfriendly»; Hanoi's fears of economic sanctions against it over support to Russia; and the need to ensure security of Vietnamese citizens in Ukraine. The article predicts a possible change in the Vietnamese posture depending on further progress and results of the Russian special military operation in Ukraine.*

***Keywords:** Russia; Ukraine; special military operation; Western anti-Russian campaign; stance of Vietnam.*

Britov Igor Viktorovich – lecturer of HSE University. Moscow, Russia.

E-mail: igorviet@mail.ru

Web of Science Researcher ID: AAD-1299-2020

Введение

Искусство балансирования является характерной чертой внешней политики Вьетнама на протяжении последних нескольких десятилетий. В 1950–1960 гг. Демократическая Республика Вьетнам гибко балансировала между СССР и КНР. После 1986 г., когда была провозглашена политика обновления, Вьетнам перешел к многовекторному балансированию, активно развивая отношения с КНР, США, ЕС, странами АСЕАН, Японией, Южной Кореей, Россией. Накопленный опыт политики балансирования Ханой пытается использовать и в контексте нынешней ситуации на Украине, стремясь не допустить крена в какую-то одну сторону и держаться на равноудаленной дистанции и от Москвы и от Киева.

Предлагаемая статья является одной из первых попыток в российском вьетнамоведении раскрыть и оценить официальную позицию Вьетнама в отношении специальной военной операции России на Украине.

Проанализированы две группы факторов: те, которые сдерживают Вьетнам от участия в западной антироссийской кампании, и те, которые не позволяют Вьетнаму прямо и активно поддержать Россию. Отмечается, что изменение позиции Вьетнама во многом будет зависеть от хода и результатов российской военной операции на Украине.

Автор опирался на текущую информацию во вьетнамских, российских и западных электронных СМИ. Это позволило собрать конкретные факты, отражающие позицию Вьетнама в отношении конфликта на Украине. Выводы были сделаны с учетом общих тенденций в нынешней внешней и внутренней политике Вьетнама. Подспорьем для этого послужили исследовательские работы Е.В. Кобелева [Кобелев 2020], В.М. Мазырина [Мазырин 2020], Н. Чапмэна [Чапмэн 2021].

Вьетнам старается сохранять нейтралитет, балансируя между Москвой и Киевом

Во вьетнамском общественном мнении относительно специальной военной операции России на Украине нет единства. Судя по обсуждению данной темы в социальных сетях и по комментариям на различных интернет-платформах, действия России находят поддержку у людей старшего возраста. Молодежь больше склонна к негативным отзывам о специальной военной операции РФ на Украине. Во многом такое восприятие событий молодыми вьетнамцами объясняется их неосведомленностью в нюансах российско-украинских отношений и геополитической ситуации, а также их глубокой вовлеченностью в пространство западных СМИ, которые активно продвигают свой взгляд на происходящее в отношениях России и Украины. Информационная кампания России во Вьетнаме явно проигрывает западной. Позиция РФ регулярно отражается лишь одним российским информационным каналом – мультимедийным порталом «Спутник», который публикует материалы на вьетнамском языке.

Официальная позиция властей Вьетнама основана на стремлении минимизировать возможное негативное воздействие событий на Украине на их страну. Ведь ситуация на Украине напрямую или косвенно затрагивает интересы многих стран, даже такой, казалось бы, далекой от эпицентра событий, как Вьетнам. Ханюю невыгодно отдавать предпочтение какой-либо одной стороне. Однозначный выбор в пользу России или Украины может негативно сказаться на международных связях Вьетнама, его безопасности, внутренней экономической ситуации и отрицательно повлиять на ход выполнения

масштабных задач, поставленных XIII съездом *Коммунистической партии Вьетнама (КПВ)* (январь-февраль 2021 г.). Поэтому власти Вьетнама заявили о своей нейтральной позиции. Однако в современном взаимосвязанном мире трудно держать дистанцию равноудаленности от участников того или иного конфликта. Вот и в данном случае все же приходится делать выбор и реагировать вполне определенным образом на события в российско-украинских отношениях. За любыми действиями или заявлениями официального Ханоя по поводу происходящего на Украине политики и эксперты пытаются разглядеть либо пророссийскую, либо проукраинскую позицию.

По некоторым фактам складывается впечатление, что в своей позиции Ханой ближе к России, чем к Украине. Вьетнам был в числе 34 стран, которые воздержались при голосовании по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Украине. В документе содержится призыв к России прекратить специальную военную операцию на Украине. Вьетнамская делегация на ГА ООН проголосовала против приостановления участия РФ в Совете ООН по правам человека. В июле министр иностранных дел России Сергей Лавров совершил визит во Вьетнам, где провел переговоры с руководством СРВ. В официальной вьетнамской прессе не встречаются слова «война», «агрессия», а используется принятый в России термин «специальная военная операция ВС России на Украине». Вьетнам заявил, что не поддерживает санкций против РФ в связи с нынешними событиями на Украине.

Однако когда премьер-министр Вьетнама пообещал направить на Украину гуманитарную помощь в размере полумиллиона долл., некоторые политики «недружественных» России стран посчитали, что вьетнамский маятник качнулся в сторону Киева [Việt Nam tuyên bố 2022].

Лавировать Вьетнаму приходится под давлением целого комплекса факторов с разнонаправленными векторами. Одни факторы не позволяют осудить Россию, другие – мешают прямо и активно поддержать ее.

Рассмотрим каждую из этих двух групп факторов в отдельности.

Факторы, сдерживающие Вьетнам от участия в западной антироссийской кампании

Институциональный фактор. В нынешнем году отмечается десятилетие установления отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ. Данный статус отношений предполагает соблюдение особого «кодекса» поведения сторон в рамках двустороннего взаимодействия. Широкий набор принципов этого «кодекса» применительно к России и Вьетнаму был закреплен за три месяца до начала специальной военной операции российских ВС на Украине в Совместном заявлении о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ на

период до 2030 г. С этим заявлением, по итогам переговоров в Москве, выступили президенты В.В. Путин и Нгуен Суан Фуку.

В документе, в частности, отмечается, что «Стороны считают международную безопасность неделимой и всеобъемлющей, исходят из того, что безопасность одних государств недопустимо обеспечивать за счет безопасности других» [Совместное заявление 2021]. Подписавшись под этим положением, Вьетнам не может не учитывать реальной угрозы безопасности России. Еще до начала специальной военной операции на Украине президент РФ, говоря о желании Украины вступить в НАТО, обращал внимание международного сообщества на то, что «каждая сторона имеет право выбора своей собственной системы безопасности». Но нужно учитывать интересы всех стран, в том числе и России. «Принятие Украины в НАТО подрывает нашу безопасность» [Путин 2022]. Стремление не допустить возрастания угрозы, исходящей с территории Украины, стало одной из причин начала специальной операции.

В Совместном заявлении В.В. Путина и Нгуен Суан Фука также отмечается, что «основываясь на близости или совпадении позиций по многим глобальным и региональным вопросам, Стороны продолжают тесное сотрудничество в рамках ООН и других многосторонних международных объединений в интересах обеспечения мира, стабильности и процветания» [Совместное заявление 2021]. Видимо, следуя этому обязательству, Вьетнам не встал на сторону «недружественных» по отношению к России стран, когда на сессии ГА ООН проходило голосование по вышеупомянутым резолюциям, связанным с событиями на Украине.

В Совместном заявлении президентов двух стран односторонние принудительные меры и экономические санкции в обход Совета Безопасности ООН и в нарушение международного права называются неприемлемыми. Введение санкций против РФ в связи с нынешними событиями на Украине Вьетнам не поддержал [Малайзия 2022]. Хотя до этого в течение долгого времени (в 2014–2019 гг.) Вьетнам не выступал против антироссийских санкций, введенных США, и «как следствие, сам стал их заложником в той мере, в какой его компании вынуждены были ограничить сотрудничество с российскими партнерами, попавшими под санкции, не смогли выполнить взятые на себя обязательства» [Мазырин 2020, с. 116].

Вьетнаму невыгодно ослабление России. Она является одним из важных факторов стабильности в регионе АТР. В контексте территориального спора в Южно-Китайском море (ЮКМ) большое значение для безопасности Вьетнама имеет военно-техническое сотрудничество с РФ. Что касается экономического сотрудничества, то в ближайшей перспективе оно будет испытывать негативное влияние, связанное с западными санкциями против России, логистическими трудностями, ростом цен на энергоносители. Однако в долго-

срочной перспективе уход из России компаний «недружественных» стран может открыть новые возможности для экономического взаимодействия РФ с Вьетнамом.

Во время визита министра иностранных дел РФ С. Лаврова в июле этого года в Ханой, где он провел переговоры с генсеком ЦК КПВ, премьер-министром и министром иностранных дел СРВ, его вьетнамский коллега Буй Тхань Шон заявил, что «развитие отношений с Россией – один из главных приоритетов внешней политики Вьетнама». При этом он отметил, что Вьетнам «как традиционный друг России и Украины призывает их проявлять сдержанность и активизировать диалоговые усилия для поиска долгосрочного решения текущего конфликта» [Байназаров 2022]. Факт визита С. Лаврова в Ханой дает определенные основания полагать, что Вьетнам, по крайней мере, понимает складывающуюся ситуацию: санкции против РФ не приносят желаемого Западом результата, ВСУ даже при иностранной помощи не могут одержать победу на поле боя. Состоявшиеся переговоры можно рассматривать как некий признак нарушения принципа равноудаленности Ханоя от Москвы и Киева. Тем более если сравнивать действия Вьетнама на начальной стадии специальной военной операции РФ на Украине: в марте министр иностранных дел СРВ провел с небольшим временным разрывом телефонные разговоры и с главой МИД России, и с главой МИД Украины, сохраняя тем самым паритет между двумя странами.

Китайский фактор. Нынешние вьетнамо-китайские отношения характеризуются сложным клубком противоречий, связанных с территориальным спором в Южно-Китайском море, разными взглядами на роль США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, несовпадающими экономическими интересами и рядом других. Вьетнам не заинтересован в том, чтобы имеющиеся противоречия переходили в острую фазу. Одним из негласных принципов его внешней политики на китайском направлении является приписываемое Наполеону Бонапарту изречение: «Китай спит. Пусть он спит и дальше. И не дай бог нам дожить до того дня, когда Китай проснется». Поэтому в своих внешнеполитических решениях вьетнамскому руководству приходится учитывать «китайский фактор», и оно не заинтересовано в появлении новых разногласий и противоречий, которые бы заставили Китай «проснуться» и попытаться «поставить Вьетнам на место». Что касается конфликта на Украине, Вьетнам не мог не учитывать точку зрения китайских властей по данной проблеме.

Китайскую позицию можно сформулировать в следующих пунктах: официальные представители КНР заявляют, что «сожалеют из-за того, что конфликт уносит жизни; надеются, что он скоро завершится миром; призывают не подливать масла в огонь односторонними санкциями и поставками оружия; подчеркивают необходимость уважать территориальную целостность и безопасность всех стран. Эти заявления перемежаются указаниями на то, что,

если бы не США и НАТО с их двойными стандартами, трагедии можно было бы избежать» [Кашин 2022].

Показательной является созвучность позиций Вьетнама и Китая при голосовании на сессиях ГА ООН по резолюциям, связанным с событиями на Украине. В марте Вьетнам, как и Китай, воздержался при голосовании по резолюции, осуждающей военную операцию России на Украине. В апреле Вьетнам, как и Китай, не поддержал резолюцию, приостанавливающую работу России в Совете по правам человека.

Есть еще один мотив. Вопросы мировой политики занимают значительное место в межпартийных связях Китая и Вьетнама. В условиях глубокого кризиса в международном коммунистическом и рабочем движении для КПК и КПВ, двух ведущих в сегодняшнем мире правящих коммунистических партий, важно демонстрировать единство по ключевым проблемам международной жизни.

Фактор АСЕАН. Вьетнам с каждым годом играет все более заметную роль в АСЕАН, которая является одной из наиболее авторитетных и динамично развивающихся региональных организаций. В отношении России АСЕАН нацелена на развитие полномасштабного диалогового партнерства. Вьетнаму отводится роль моста в отношениях между РФ и АСЕАН. С 2005 г. было проведено четыре саммита АСЕАН–Россия, на которых неизменно подтверждалась взаимная заинтересованность в развитии сотрудничества в различных областях. В период проведения специальной военной операции на Украине министр иностранных дел РФ С. Лавров принял участие в разноформатных мероприятиях АСЕАН в Камбодже (август 2022 г.). Камбоджа, как и семь других стран асеановской «десятки», проголосовала за резолюцию ГА ООН, осуждающую действия РФ на Украине (воздержались, Вьетнам и Лаос). Но, несмотря на это, премьер-министр Хун Сен назвал Россию «другом Камбоджи». «Мы уже объявили, что не осуждаем ни Россию, ни Украину, мы хотим, чтобы они стремились к беспроблемному диалогу на благо обеих стран и народов», – заявил в марте пресс-секретарь правительства Камбоджи Пхэй Сипхан [Васильева 2022]. Участие С. Лаврова в мероприятиях АСЕАН в Камбодже показало, что страны ЮВА ценят сотрудничество с РФ, и подтвердило провал международной «изоляции» России.

Фактор исторических аналогий. Одна из целей спецоперации российских ВС на Украине – устранить возраставшую под влиянием Запада угрозу безопасности России, исходившую с территории соседней страны. В современной истории Вьетнама тоже был факт ввода его войск на территорию соседнего с ним государства в связи с тем, что оттуда исходила угроза безопасности вьетнамскому государству. Речь идет о событиях 1978–1989 гг. в Кампучии (нынешней Камбодже).

В 1975 г., придя к власти в Камбодже, националистическая леворадикальная группировка «красные кхмеры» во главе с Пол Потом приступила к истреблению этнических вьетнамцев внутри своей страны и взяла курс на проведение антивьетнамской внешней политики, что выразилось в регулярных провокациях на границе. Вьетнам был объявлен главным внешним врагом кхмерского народа. В сознание собственных граждан внедрялась установка о том, что Вьетнам намерен поглотить территорию Кампучии. Задача, озвученная Пол Потом в его многочисленных выступлениях, состояла в том, чтобы «уничтожить под самый корень не только всех вьетнамских граждан в самой Камбодже, но и всю вьетнамскую нацию» [Бектимирова 2019, с. 57]. Полпотовцы осуществляли политику геноцида не только в отношении вьетнамцев, но и в отношении своего собственного населения. По разным оценкам, численность людей, казненных или умерших от рабского труда, голода, истощения и пыток, составляет от 1,7 до 2,5 млн человек – 25% населения [Бектимирова 2012, с. 89]. В декабре 1978 г. Вьетнам ввел войска в Кампучию с целью свержения режима «красных кхмеров», что и было сделано уже в самом начале следующего года. Благодаря предпринятым действиям Вьетнам обеспечил свою безопасность на юго-западных рубежах.

Важно отметить, что Советский Союз поддерживал Вьетнам в его действиях. План свержения режима Пол Пота обсуждался летом 1978 г. в Москве в ходе неофициального визита генсека ЦК КПВ Ле Зуана. Заключение в ноябре того же года Договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами стало для Вьетнама своеобразной гарантией помощи со стороны СССР [Мосьяков 2010, с. 393].

В контексте этих исторических событий мотивы и логика действий российских властей в отношении Украины должны, по крайней мере, находить понимание у вьетнамского руководства. Так как прослеживается немало параллелей между тем, что давно случилось в Кампучии, и тем, что с недавних пор происходит на Украине.

Личностный фактор. В отличие от В. Путина (на посту президента четыре раза совершил визит во Вьетнам) В. Зеленский не проявляет интереса к странам Дальнего Востока, и к Вьетнаму в частности. За все время своего президентства он всего лишь один раз побывал в этом регионе – с визитом в Японию.

Правда, однажды Зеленскому удалось побывать на территории «самопровозглашенного украинского Вьетнама». Во время посещения частей ВСУ на передовых позициях в Донбассе, его сфотографировали на фоне блиндажа с надписью «Вьетнам»¹. Видимо, военнослужащие ВСУ считают жителей

1. Фото: <https://clck.ru/hAxVR>

Донбасса «вьетгонговцами». Эта фотография вполне могла бы стать поводом для дипломатического скандала.

В сознании определенной части вьетнамцев имидж Зеленского ассоциируется с образом первого президента Республики Вьетнам Нго Динь Зьема, о котором в истории осталась недобрая память. Есть немало схожего между ними. Зеленский, как когда-то и Нго Динь Зьем, находится в полной зависимости и под контролем США. Кадровые решения президент Украины принимает, ориентируясь, главным образом, на степень лояльности людей из ближайшего круга своих друзей, часто не беря в расчет их профессиональные качества. Нго Динь Зьем также назначал на государственные должности своих друзей и ближайших родственников. Президент Республики Вьетнам жестоко расправлялся с коммунистами и проводил жесткую политику в отношении буддистов, что вызвало мощную волну протестов и привело к буддийскому кризису. Зеленский своим врагом «назначил» русскоязычное население Украины, не способствовал прекращению войны на востоке страны, а, наоборот, еще больше разжигал ее. В 1963 г. Нго Динь Зьем был убит в результате военного переворота.

Факторы, сдерживающие Вьетнам от прямой и активной поддержки России

Фактор внешнего давления. Нейтральная позиция Вьетнама в отношении специальной военной операции РФ на Украине не устраивает страны, которые Россия объявила «недружественными». Вьетнам, реализующий в рамках политики «обновления» курс на многовекторность и диверсификацию, за прошедшие годы установил с этими странами довольно прочные связи. Что касается ситуации на Украине, то «недружественные» России страны предпринимают попытки оказать на Ханой прямое давление с тем, чтобы он встал на их сторону.

«Первой ласточкой» оказался визит в Ханой премьер-министра Японии Фумио Кисида, который активно выступал там с антироссийской риторикой. Кстати, российские власти бессрочно запретили ему въезд в Россию в ответ на недружественную политику Токио. Японский премьер призывал вьетнамское руководство к сотрудничеству в отношении ситуации на Украине. «Агрессия поколебала основы мирового порядка не только в Европе, но и в Азии. Для стабильности в регионе и мире нам нужно идти, взявшись за руки», – призывал Кисида [Премьер-министр 2022]. По мнению японского премьера, его попытки оказать влияние на Ханой не были безрезультатными, так как Вьетнам впервые объявил о гуманитарной помощи Украине и «это позитивный шаг».

Однако желание оказать гуманитарную помощь – это, скорее всего, выражение милосердия, а не политический жест руководства Вьетнама. Тем более с вьетнамской стороны было подчеркнуто, что помощь будет оказана через международные гуманитарные организации, а не непосредственно правительству Украины.

Очередная попытка надавить на Вьетнам была предпринята во время пребывания премьер-министра Вьетнама Фам Минь Тьиня в США, куда он приехал на специальный саммит АСЕАН–США (май 2022 г.). Его «обрабатывали» многие представители американской политической элиты, в том числе и президент Джо Байден. Итоги обсуждения международных и региональных проблем с намеком на события на Украине были обозначены лишь одной обтекаемой фразой: «Стороны высказались за отказ от применения силы для решения конфликтов и за урегулирование любых споров мирным путем на основе международного права и Устава ООН» [Премьер Вьетнама 2022]. Но как признают сами американские СМИ, визит оказался лишь относительно успешным, Ханой не подал никаких знаков к дальнейшему сближению с Вашингтоном. «В условиях российско-украинского конфликта Ханой сохраняет дружеские отношения с Москвой» [Thủ tướng 2022].

После установления в 1995 г. дипотношений между США и СРВ во Вьетнаме (как среди руководства, так и среди населения) в течение многих лет наблюдалось «очарование Америкой». В последнее время вьетнамские власти начинают более трезво оценивать своего американского партнера. На XIII съезде компартии Вьетнама среди проблем внешнеполитической деятельности отмечалось чрезмерное внимание Вьетнама к Западу и «преклонение перед США»². Действия Вашингтона в связи с событиями на Украине могут служить для Ханоя своеобразной моделью поведения США в случае, если территориальный спор в Южно-Китайском море перейдет в острую фазу: желая в своих интересах ослабить Россию, Вашингтон поддерживает Киев с призывом «воевать против восточного соседа до последнего украинца». В случае конфликта в ЮКМ Ханой может стать инструментом американской политики. Тем не менее в настоящее время Вьетнам рассматривает США в качестве одного из гарантов своей безопасности. Поэтому в своей внешнеполитической деятельности ему в той или иной степени приходится учитывать позицию Вашингтона по мировым проблемам, в том числе украинской.

Экономический фактор. Ни с Россией, ни тем более с Украиной экономическое сотрудничество не имеет для Вьетнама первостепенного значения. В 2021 г. российско-вьетнамский товарооборот составил 7,1 млрд долл. [Тор-

2. По тезисам выступления доцента Академии Хо Ши Мина, к. и.н. Чан Тхо Куанга на круглом столе ИДВ РАН на тему «Компартия Вьетнама в национальном строительстве и итоги 13-го съезда КПВ», 19–20 мая 2021 г..

говля 2022], объем торговли Украины и Вьетнама и того меньше, в планах было повысить его до 1 млрд долл. в ближайшие три года, что в нынешних условиях является маловероятным [Вьетнам 2020]. Для сравнения: товарооборот СРВ с ее главным торговым партнером – Китаем в том же году достиг 166 млрд долл. [В 2021 году объем 2022].

Но события на Украине грозят оказать косвенное негативное влияние на экономические связи с другими важными для Ханоя странами. В первую очередь с США, которые являются вторым после Китая экономическим партнером Вьетнама. Как уже отмечалось, Вьетнам заявил, что не поддерживает санкций против РФ в связи со специальной военной операцией России на Украине. Такая позиция Вьетнама не может удовлетворять Вашингтон и таит в себе определенные риски для вьетнамской экономики. Министр иностранных дел РФ С. Лавров в ходе своего визита в Ханой поблагодарил Вьетнам за сбалансированную позицию по украинскому вопросу. Это стало ответом на то, что Ханой официально не присоединился к санкциям Запада против России [Байназаров 2022].

Политическая и экономическая турбулентность в Европе, связанная с военным конфликтом на Украине, западными санкциями и ответными мерами России, грозит экономическими трудностями для Вьетнама и с другими значимыми для него партнерами – странами ЕС. В 2019 г. Ханой подписал с Евросоюзом соглашение о свободной торговле, которое предусматривает снятие 99% таможенных пошлин между ними. Вьетнам проявляет крайнюю заинтересованность в этом соглашении, рассчитывая на активное освоение европейского рынка и наполнение его своими ключевыми экспортными товарами. События на Украине становятся определенным тормозом для успешной реализации этих намерений в ближайшее время, а может быть и в долгосрочный период.

Фактор вьетнамской общины на Украине. Специальная военная операция России создала угрозу безопасности вьетнамских граждан на Украине. Это вызвало большую обеспокоенность вьетнамского руководства. По данным Госкомитета по делам зарубежных вьетнамцев, до начала операции на Украине проживали 7 тыс. вьетнамцев, в основном в крупных городах, таких как Киев (800), Харьков (около 3000), Одесса (около 3000) [Прилагаются все усилия 2022]. Сотрудниками МИД СРВ и диппредставительствами Вьетнама на Украине были предприняты меры для эвакуации вьетнамских граждан в другие страны, в частности в Польшу, Молдову, Румынию, Словакию, Венгрию. Незначительное количество вьетнамцев выехало в Россию. В марте министр иностранных дел Вьетнама Буй Тхань Шон во время телефонного разговора с российским коллегой С. Лавровым предложил российской стороне и дальше создавать гуманитарные коридоры для эвакуации мирных граждан, в том числе и вьетнамцев. Российский министр подтвердил, что сделает все

возможное, чтобы поддержать безопасную эвакуацию вьетнамских граждан из зон боевых действий [Вьетнам 2020].

Для вьетнамского руководства важна не только проблема обеспечения безопасности вьетнамских граждан на Украине за счет эвакуации в другие страны Европы, но и вопрос их последующего возвращения на родину. Существует большая вероятность того, что далеко не все захотят вернуться во Вьетнам, а воспользуются появившейся возможностью, чтобы закрепиться в Западной Европе. «Утечка умов и квалифицированных кадров» становится все более масштабным явлением и серьезной проблемой для Вьетнама, перед которым стоят важные задачи по модернизации и индустриализации страны с опорой на достижения четвертой технологической революции. Вьетнам не заинтересован терять свои квалифицированные кадры, в том числе те, которые уехали в Западную Европу из Украины.

К началу августа вьетнамскими властями были организованы шесть специальных авиарейсов, благодаря которым на родину смогли вернуться 1,7 тыс. граждан Вьетнама, некогда проживавших на Украине. По информации МИД СРВ, на конец июля в самой Украине оставались 350 вьетнамских граждан, которые ранее были эвакуированы, но вернулись туда для улаживания личных вопросов [Việt Nam lên tiếng: 2022].

Заключение

Внешнеполитический курс на многовекторность и диверсификацию, которого в последние десятилетия придерживается Вьетнам, несет в себе риски подпасть под давление разнополюсных интересов стран-партнеров. В ситуации российско-украинского конфликта Ханой оказался под воздействием комплекса разнонаправленных факторов. Желая нивелировать это влияние, вьетнамское руководство взяло курс на нейтралитет. Объявляя о нейтралитете, Вьетнам исходит из своих политических и экономических интересов, учитывает реалии геополитической ситуации в контексте отношений Россия–США–Китай и проявляет неуверенность в исходе развития событий на Украине (по крайней мере, проявлял ее на начальном этапе спецоперации РФ на Украине). Исходя из проведенного анализа комплекса факторов, оказывающих влияние на позицию Вьетнама в отношении специальной военной операции России на Украине, можно сделать вывод, что с точки зрения интересов России Вьетнам придерживается позитивного нейтралитета. Однако позиция Ханоя может меняться под влиянием усиления воздействия того или иного фактора, а также в результате прояснения перспектив развития ситуации на Украине.

Библиография

Байназаров Э. Вьетнаму и не снилось: Ханой назвал Москву одним из приоритетов во внешней политике // Известия. 2022. 06 июл. URL: <https://clck.ru/s5JVz> (дата обращения: 20.07.2022).

Бектимирова Н.Н. Вглядываясь в прошлое: к 40-летию свержения режима «красных кхмеров» в Камбодже // Вьетнамские исследования. 2019. Сер. 2. № 2. М.: ИДВ РАН. С. 55–65.

Бектимирова Н.Н. Международный трибунал над «красными кхмерами» как механизм правосудия переходного периода // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. М.: МГУ. С. 87–102.

В 2021 году объем двустороннего товарооборота между Вьетнамом и Китаем вырос почти на 25% // Thời đại [Современность]. 2022. 27 янв. URL: <https://cutt.us/Zvn21> (дата обращения: 10.04.2022).

Васильева М. АСЕАН возможностей: встретились ли Лавров и Блинкен в Камбодже // Известия. 2022. 04 авг. URL: <https://clck.ru/sX3yd> (дата обращения: 06.08.2022).

Вьетнам готов внести вклад в процесс урегулирования конфликта на Украине // VOV-5. 2022. 16 мар. URL: <https://clck.ru/hBPLj> (дата обращения: 23.04.2022).

Вьетнам и Украина стремятся увеличить объем двусторонней торговли до 1 млрд долл. США // Vietnam+. 2020. 29 дек. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/vietnam-i-ukraina-stremyatsya-uvlichit-obem-dvustoronnei-torgovli-do-1-mlrd-doll-ssha-11852.vnp?ysclid=170q14j76u619312354> (дата обращения: 11.04.2022).

Кашин В. Как в Китае относятся к конфликту на Украине и какие делают выводы // EurAsia Daily. 2022. 29 апр. URL: <https://clck.ru/hBGXM> (дата обращения: 05.05.2022).

Кобелев Е.В. Вьетнам и политика поворота России на Восток // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 17–28.

Мазырин В.М. Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 114–131.

Малайзия и Вьетнам договорились не поддерживать санкции против России // РИА-Новости. 2022. 22 март. URL: <https://clck.ru/hUnbV> (дата обращения: 15.05.2022).

Мосяков Д.В. История Камбоджи. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. 743 с.

Премьер Вьетнама и президент США обсудили торговлю и реагирование на изменение климата // ТАСС. 2022. 13 май. URL: <https://clck.ru/hnEBX> (дата обращения: 20.05.2022).

Премьер-министр Японии призвал Вьетнам сотрудничать по ситуации на Украине // РИА-Новости. 2022. 30 апр. URL: <https://clck.ru/hBN2u> (дата обращения: 30.04.2022).

Прилагаются все усилия для защиты вьетнамцев на Украине // Vietnam+. 2022. 04 мар. URL: <https://clck.ru/hBNbC> (дата обращения: 25.04.2022).

Путин назвал возможный сценарий войны между Россией и НАТО // Lenta.ru. 2022. 01 фев. URL: <https://clck.ru/agYJ6> (дата обращения: 22.04.2022).

Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам на период до 2030 года // Kremlin.ru. Сайт Президента РФ. 30 ноя. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742> (дата обращения: 23.04.2022).

Торговля между Россией и Вьетнамом в 2021 г. // Внешняя торговля России. 2022. 12 фев. URL: <https://clck.ru/fAJ5x> (дата обращения: 09.04.2022).

Чапмэн Н. Активизация многосторонней внешней политики Вьетнама и XIII съезд КПВ // Компартия Вьетнама: новая веха в истории. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 64–79.

Thủ tướng Phạm Minh Chính kết thúc chuyến công du Hoa Kỳ [Премьер-министр Фам Минь Тьинь завершил визит в США] // VOA tiếng Việt [VOA на вьетнамском языке]. 2022. 18 May. URL: <https://clck.ru/hmzYE> (дата обращения: 23.05.2022).

Việt Nam lên tiếng về việc bảo hộ công dân ở Ukraine [Вьетнам заявил о защите своих граждан на Украине] // VOA tiếng Việt [VOA на вьетнамском языке]. 2022. 21 Jun. URL: <https://clck.ru/sLyM6> (дата обращения: 23.07.2022).

Việt Nam tuyên bố hỗ trợ nhân đạo cho Ukraine nửa triệu đô la [Вьетнам заявил о гуманитарной помощи Украине в размере полмиллиарда долларов] // VOA tiếng Việt [VOA на вьетнамском языке]. 2022. 02 May. URL: <https://clck.ru/hBF78> (дата обращения: 03.05.2022).

References

Bajnazarov E. V'etnam i ne snilos': Hanoj nazval Moskvu odnim iz prioritetov vo vneshnej politike [Vietnam never dreamed of: Hanoi called Moscow one of the priorities in foreign policy]. *Izvestiya*. 2022. 06 Jul. URL: <https://clck.ru/s5JVz> (date of access: 20.07.2022). (In Russ.)

Bektimirova N.N. Mezhdunarodnyj tribunal nad «krasnymi kkhmerami» kak mekhanizm pravosudiviya perekhodnogo perioda [International Khmer Rouge Tribunal as Mechanism of Justice in Transitional Period]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 25. *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [International Relations and World Politics]. N 2. 2012. Moscow: MGU. P. 87–102. (In Russ.)

Bektimirova N.N. Vglyadyvayas' v proshloe: k 40-letiyu sverzheniya rezhima «krasnyh kkhmerov» v Kambodze [Looking into the Past: the 40th Anniversary of Overthrowing the Khmer Rouge Regime in Cambodia]. *V'etnamskie issledovaniya* [Vietnam Studies]. 2019. Ser. 2. N 2. M.: IDV RAN. P. 55–65. (In Russ.)

Chapme`n N. Aktivizatsiya mnogostoronnej vneshnej politiki V`etnama i XIII s`ezd KPV [Activation of Vietnam's multilateral foreign policy and the III Congress of the CPV]. *Kompartiya V`etnama: novaya vеха v istorii*. M.: IDV RAN, 2021. P. 64–79. (In Russ.)

Kashin V. Kak v Kitae odnosyatsya k konfliktu na Ukraine i kakie delayut vyvody [How China feels about conflict in Ukraine and what conclusions are drawn]. *EurAsia Daily*. 2022. 29 Apr. URL: <https://clck.ru/hBGXM> (date of access: 05.05.2022). (In Russ.)

Kobelev E.V. V'etnam i politika povorota Rossii na Vostok // Rossijsko-v'etnamskie otnosheniya segodnya: sfery` sovpadeniya interesov [Vietnam and the Policy of Russia's Turn to the East. Russian-Vietnamese Relations Today: Spheres of Concurrence of Interests]. M.: IDV RAN, 2020. P. 17–28. (In Russ.)

Malajziya i V'etnam dogovorilis' ne podderzivat' sankcii protiv Rossii [Malaysia and Vietnam have agreed not to support sanctions against Russia]. *RIA-Novosti*. 2022. 22 Mar. URL: <https://clck.ru/hUnbV> (date of access: 15.05.2022). (In Russ.)

Mazyrin V.M. Sderzhki ekonomicheskogo sotrudnichestva mezhdru Rossiej i V'etnamom [Obstacles to economic cooperation between Russia and Vietnam]. *Rossijsko-v'etnamskie otnosheniya segodnya: sfery sovpadeniya interesov* [Russian-Vietnamese relations today: areas of convergence of interests]. Moscow: IDV RAN, 2020. P 114–131. (In Russ.)

Mosyakov D.V. *Istoriya Kambodzhi HKH vek* [History of Cambodia. 20th Century]. Moscow: IV RAN, 2010. 743 p. (In Russ.)

Prem'er-ministr Yaponii prizval V'etnam sotrudnichat' po situacii na Ukraine [Japanese prime minister urges Vietnam to cooperate in Ukraine situation]. *RIA-Novosti*. 2022. 30 Apr. URL: <https://clck.ru/hBN2u> (date of access: 30.04.2022). (In Russ.)

Prem'er V'etnama i prezident SSHA obsudili trgovlyu i reagirovanie na izmenenie klimata [Vietnamese PM and US President discuss trade and response to climate change]. TASS. 2022. 13 May. URL: <https://clck.ru/hnEBX> (date of access: 20.05.2022). (In Russ.)

Prilagayutsya vse usiliya dlya zashchity v'etnamcev na Ukraine [Everything being done to protect Vietnamese citizens in Ukraine]. Vietnam+. 2022. 04 Mar. URL: <https://clck.ru/hBNbC> (date of access: 25.04.2022). (In Russ.)

Putin nazval vozmozhnyj scenarij vojny mezhdu Rossiej i NATO [Putin describes scenario of possible Russia-NATO war]. Lenta.ru. 2022. 01 Feb. URL: <https://clck.ru/arYJ6> (date of access: 22.04.2022). (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie o videnii razvitiya otnoshenij vseob'emlyushchego strategicheskogo partnyorstva mezhdu Rossijskoj Federaciej i Socialisticheskoj Respublikoj V'etnam na period do 2030 goda [Joint Statement on the Vision of the Development of Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam over the Period until 2030]. Kremlin.ru. Sajt Prezidenta RF [Russian presidential website]. 2021. 30 Nov. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742> (date of access: 23.04.2022). (In Russ.)

Thủ tướng Phạm Minh Chính kết thúc chuyến công du Hoa Kỳ [Prime Minister Pham Minh Chinh has completed a visit to the United States]. VOA. 2022. 18 May. URL: <https://clck.ru/hmzYE> (date of access: 23.05.2022). (In Viet.)

Torgovlya mezhdu Rossiej i V'etnamom v 2021 g. [Russia-Vietnam trade in 2021]. Vneshnyaya torgovlya Rossii [Russian Foreign Trade website]. 2022. 12 Feb. URL: <https://clck.ru/fAJ5x> (date of access: 09.04.2022). (In Russ.)

V 2021 godu ob'yom dvustoronnego tovarooborota mezhdu V'etnamom i Kitaem vyros pochti na 25% [Bilateral trade turnover between Vietnam and China grew almost 25% in 2021]. Thời đại [Sovremennost]. 2022. 27 Jan. URL: <https://cutt.us/Zvn21> (date of access: 10.04.2022). (In Russ.)

Vasil'eva M. ASEAN vozmozhnostej: vstretilis' li Lavrov i Blinken v Kambodzhe [ASEAN of Opportunities: Did Lavrov and Blinken meet in Cambodia]. Izvestiya. 2022. 04 Aug. URL: <https://clck.ru/sX3yd> (date of access: 06.08.2022). (In Russ.)

V'etnam gotov vnesti vklad v process uregulirovaniya konflikta na Ukraine [Vietnam ready to contribute to settling the conflict in Ukraine]. VOV-5. 2022. 16 Mar. URL: <https://clck.ru/hBPLj> (date of access: 23.04.2022). (In Russ.)

V'etnam i Ukraina stremyatsya uvelichit' ob'em dvustoronnej torgovli do 1 mlrd doll. SSHA [Vietnam, Ukraine seek to enlarge bilateral trade to \$1 billion]. Vietnam+. 2020. 29 Dec. URL: <https://ru.vietnamplus.vn/vetnam-i-ukraina-stremyatsya-uvelichit-obem-dvustoronnei-torgovli-do-1-mlrd-doll-ssha-11852.vnp?ysclid=17oq14j76u619312354> (date of access: 11.04.2022). (In Russ.)

Việt Nam lên tiếng về việc bảo hộ công dân ở Ukraine [Vietnam declared protection of its citizens in Ukraine]. VOA. 2022. 21 Jul. URL: <https://clck.ru/sLyM6> (date of access: 23.07.2022). (In Viet.)

Việt Nam tuyên bố hỗ trợ nhân đạo cho Ukraine nửa triệu đô la [Vietnam announces \$500-million humanitarian assistance to Ukraine]. VOA. 2022. 02 May. URL: <https://clck.ru/hBF78> (date of access: 03.05.2022). (In Viet.)

В.Н. Чернега

**РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ
ДЕРЖАВНОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ: МЕЖДУ ЖЕЛАЕМОМ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ**

Аннотация. Несмотря на то, что вес Франции в мировой экономике и политике в последние десятилетия неуклонно снижался, значительная часть ее населения и элит считают необходимым, чтобы страна проводила на международной арене державную политику. Ностальгия по утраченному в годы Второй мировой войны статусу великой державы проявляется, в частности, в вере многих французов в «исключительность» своей страны, в ее «особую миссию» глобального масштаба, обусловленную ее вкладом в мировую цивилизацию. В статье рассматриваются возможности и инструменты, которыми Франция располагает для проведения державного курса, в частности составляющие ее «жесткой» и «мягкой» силы. В отношении «жесткой силы» особо отмечается, что помимо ядерного арсенала, Франция обладает конвенциональными силами и сетью баз в заморских территориях и на территории других государств, которые позволяют ей проецировать военную мощь далеко за свои пределы. Основными факторами ее «мягкой силы» являются экспорт вооружений, помощь развивающимся странам, «франкофония», третья в мире сеть посольств, консульских учреждений, а также большое число различных зарубежных представительств, научных центров и учебных заведений. Однако ресурсы Франции все же недостаточны, чтобы поддерживать все эти инструменты и факторы на уровне ее державных притязаний. В статье показываются изъяны ее «жесткой» и «мягкой» силы, которые все больше накладывают ограничения на глобальную политику Парижа. Автор делает вывод, что Франция не является ни великой державой, ни обычной средней державой. Правильнее было бы назвать ее «средней державой с глобальными амбициями».

Ключевые слова: державная политика; «особая миссия»; «жесткая» и «мягкая» сила; недостаточность ресурсов; амбиции.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
главный научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Россия, Москва.
E-mail: v.n.tchernega@gmail.com
Web of Science Researcher ID-AAD-3569-2022
ORCID-0000-0002-3031-0187

**Chernega V.N. Resources and instruments of France's policy of power:
between the desired and the actual**

***Abstract.** Despite the fact that the weight of France in the world economy and policy has been steadily declining in recent decades, a significant part of its population and elites consider it necessary that it pursue a policy of power in the international arena. Nostalgia for the status of a great power lost during the Second World War is manifested, in particular, in the belief of many French people in the «exclusivity» of their country, in its «special mission» on a global scale, due to its contribution to world civilization. The article discusses the possibilities and tools that France has to pursue a global course, in particular, the components of its «hard» and «soft» power. With regard to «hard power», it is emphasized that, in addition to the nuclear arsenal, France has conventional forces and a network of bases in overseas territories and on the territory of other states, which allow it to project military power far beyond its borders. The main factors of its «soft power» are the export of arms, aid to developing countries, «la Francophonie», the world's third largest network of embassies, consular offices, as well as a large number of various foreign missions, research centers and educational institutions.*

However, France's resources are still insufficient to support all these instruments and factors at the level of its claims of power. The article shows the flaws of its «hard» and «soft» power, which are increasingly imposing restrictions on the global policy of Paris. The conclusion of the article is that France is neither a great power nor an ordinary middle power. It would be more correct to call it a «medium power with global ambitions».

***Keywords:** sovereign policy; «special mission»; «hard» and «soft» power; lack of resources; ambition.*

**Chernega Vladimir Nikolaevich – State Doctor of Law,
Principal Researcher of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS).
Russia, Moscow.
E-mail: v.n.tchernega@gmail.com
Web of Science Researcher ID-AAD-3569-2022
ORCID-0000-0002-3031-0187**

Введение

Входит ли Франция в число великих держав и может ли она проводить соответствующий курс на международной арене? Со времени Второй мировой войны этот вопрос не исчезает с повестки дня экспертных обсуждений, практической политики страны, хотя с тех пор сменилось не одно поколение французских элит. Шарль де Голль, как известно, посвятил всю свою политическую карьеру восстановлению «величия» Франции, хотя и осознавал недостаточность ее экономических, финансовых и военных возможностей по

сравнению с двумя гигантами – США и СССР. Де Голль пытался в определенной мере компенсировать это созданием ядерного арсенала, «волевой» политикой на международной арене, попытками найти свою «нишу» в глобальном соперничестве сверхдержав.

При сохранении общей солидарности с Соединенными Штатами в рамках западного блока Де Голль шел на риск обострения отношений с ними, если считал, что того требуют национальные интересы. Вывод Франции из интегрированных военных структур Северо-Атлантического альянса, выдворение штаб-квартиры Альянса и закрытие 29 американских баз на французской территории в 1966 г., равно как и сближение с СССР остались в истории ярким примером его державной политики. Де Голль поддерживал участие Франции в тогдашнем ЕЭС, поскольку считал, что помимо «европейского приручения» Германии, это будет способствовать экономическому развитию Франции и повышению ее политического веса перед лицом сверхдержав. ЕЭС воплощало в его глазах «европейскую Европу», в которой Франция должна играть лидирующую роль [Peurefitte 1994, p. 273]. Как известно, Де Голль дважды, в 1963 и 1967 гг., блокировал вступление в ЕЭС Великобритании, поскольку считал ее «троянским конем» США. Однако он видел в объединении главным образом «союз наций», т.е. межгосударственное объединение.

Следует также отметить, что создание Де Голлем в 1958 г. режима Пятой республики, в рамках которого президент обладает обширными полномочиями, а внешняя политика и оборона являются «зарезервированными» за ним областями, было направлено прежде всего на то, чтобы сконцентрировать политико-дипломатические и военные возможности страны на проведении державного курса.

Преемники Де Голля на посту главы государства, независимо от их взглядов на данный режим до своего избрания, быстро привыкали к роли «республиканского монарха». В то же время они постепенно отходили от идеи «величия», как ее понимал основатель Пятой республики. Уже Жорж Помпиду (1969–1974), воспитанник банка Ротшильда, бывший премьер-министр, имевший дело прежде всего с экономическими, финансовыми и социальными реалиями, вел более гибкую политику в отношении США. При нем Великобритания была принята в ЕЭС в 1973 г. В его правление во французских элитах стало более заметным течение, придерживающееся установки, что Франция является «средней державой», которая не может позволить себе дорогостоящую внешнюю политику, риск конфронтации с американским союзником и ослабления «атлантической солидарности». Валери Жискар д'Эстен, избранный президентом в 1974 г., стал употреблять вместо «величия» термин «gaupnement», который можно перевести как «блеск» или «влияние». В дальнейшем руководители Франции чаще предпочитали говорить о ее «ранге», предполагающем достойное место в мировой иерархии государств.

Результатом усиления проатлантической тенденции явилось возвращение Франции при Николя Саркози (2007–2012) в интегрированные военные структуры НАТО (кроме Группы ядерного планирования) в 2009 г. Вместе с тем французские президенты, исходя из представления о ЕЭС-ЕС как «мультипликатора» возможностей страны в экономике и на международной арене, компенсирующего недостаточность национального потенциала, постепенно отходили от дегаулевской идеи ЕС как «союза наций». Стоит упомянуть, что, к примеру, во время правления В. Жискара д'Эстена (1974–1981) министр иностранных дел Франции Жан Франсуа-Понсе впервые заговорил о «державе Европе», объективно предполагающей высокий уровень наднациональной сплоченности [Lequesne 2021, p. 78]. Именно при В. Жискаре д'Эстене начал функционировать франко-германский «тандем» как «мотор» интеграционного процесса. Свой вклад в интеграцию вносил каждый последующий глава французского государства. Но дальше всех по пути интеграции пошел Эммануэль Макрон, зарекомендовавший себя убежденным «европеистом» еще до избрания президентом в мае 2017 г. В своем получившем широкий резонанс во Франции и за рубежом выступлении в Сорбонском университете в сентябре того же года он изложил интеграционную программу, которая по существу должна была дать импульс превращению ЕС в квази-государственное образование, сочетающее элементы межгосударственного объединения, конфедерации и федерации. Суверенитет Франции в современном мире, заявил он, может быть реализован только в рамках суверенитета ЕС, который должен превратиться в такой же мировой «центр силы» как США и Китай [Initiative 2017]. Благодаря осторожной, но реальной поддержке Ангелы Меркель ряд пунктов упомянутой программы, в том числе в военной области («европейская совместная оборона»), в течение первого мандата Э. Макрона получили практическое развитие [Сидоров 2020; Чернега 2020].

Казалось бы, эти изменения должны были если не похоронить, то сделать неактуальной идею державной, самостоятельной роли Франции на международной арене. Однако как отмечено выше, вопрос о сохранении ею державного статуса по-прежнему стоит в политической повестке дня. Все французские президенты, в том числе В. Жискара д'Эстен и Э. Макрон, прибегали к державной риторике и пытались вести державную политику, там где это возможно. Французские эксперты, объясняя это противоречие, указывают на укорененность представления о таком статусе в общественном мнении. Действительно, как неизменно показывают опросы и социологические исследования, большинство французов, в том числе представители элитной прослойки и сегодня сохраняют убеждение в «исключительности» своей страны, обусловленной ее историей, в частности, той ролью, которую она сыграла в становлении «гуманистической цивилизации». Они считают ее «родиной прав человека», наследницей блестящей культуры, которая призвана нести

миру некое позитивное послание, направленное на утверждение универсальных гуманистических ценностей. Таким образом, у Франции есть «универсальная миссия», что объективно требует ее участия в глобальной политике. В тех или иных вариациях эта идея озвучивалась и продолжает озвучиваться на вершине власти. Как отмечает профессор парижской Высшей школы политических исследований (Сьянс По) Бертран Бади, в моменты международных кризисов французские президенты обычно напоминают об «особой ответственности» страны за мир и стабильность вне ее границ. Своей политикой они стремятся доказать, что Франция входит в число держав, которые «способны действовать, мешать действовать другим или принуждать их к действиям» [Badie 2021, p. 9].

Державность, естественно, предполагает сохранение национального суверенитета. Приверженность ему большинства французов ярко проявилась в виде отрицательного голосования на референдуме по проекту «европейской конституции» в 2005 г., предусматривавшей, помимо прочего, увеличение полномочий Европарламента, учреждение постов «президента» и «министра иностранных дел» ЕС (соответственно, председателя Европейского совета и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности). Опросы свидетельствовали, что многие из этих французов в принципе поддерживали интеграцию в экономической области, но не хотели растворения страны в наднациональном ансамбле. Н. Саркози все же «продавил» одобрение указанных изменений, но на парламентском уровне, т.е. фактически обойдя результаты референдума. Однако державно-суверенистская тенденция не исчезла, более того в дальнейшем миграционный кризис в ЕС, исламистские теракты на территории Франции, потребовавшие мобилизации национально-государственных структур, привели если не к ее укреплению, то к большей кристаллизации. Это проявилось, в частности, во время президентских выборов 2017 г. Из 11 официальных кандидатов восемь выступали за большую самостоятельность Франции по отношению к ЕС, НАТО и США. Вместе они собрали в первом туре почти половину голосов. Ситуация повторилась на президентских выборах 2022 г. Более того, во втором туре суверенистка Мари Ле Пен получила 41,5% голосов, более чем на 7% превзойдя свой результат 2017 г. [Gouvernement 2022]. Стоит упомянуть и появление на политическом небосклоне Эрика Земмура, призывающего Францию «подняться с колен» и «стать хозяйкой своей судьбы» [Le programme d'Eric Zemmour 2022].

В правящем лагере даже такие, в целом проамериканские, президенты, как Н. Саркози или Франсуа Олланд, все же стремились избегать прямого подчинения США. Они пытались утверждать державную роль Франции там, где это не грозило подрывом «атлантической солидарности» и обострением отношений с американским «большим братом». Э. Макрон также неодно-

кратно отмечал важность этих отношений. В то же время в 2018–2019 гг. он сделал нашумевшие заявления о необходимости «европейской армии», которая защищала бы ЕС от Китая, России и США, а также о «смерти мозга НАТО». Он неоднократно подчеркивал, что Франция должна использовать в своих интересах на международной арене такие национальные «козыри», как статус ядерной державы и постоянного члена СБ ООН, военные базы за рубежом (второе место в мире после США), заморские департаменты и территории в Атлантике, в регионах Индийского и Тихого океанов, вторую в мире по размерам (также после США) морскую экономическую зону, сильные позиции в Африке. Попытки Э. Макрона проводить на практике державную политику во время его первого президентского срока были достаточно исчерпывающе проанализированы профессором МГИМО Е.О. Обичкиной [Обичкина 2021].

Иначе говоря, принадлежность к течениям «атлантистов» и «европейстов» отнюдь не несовместима с приверженностью державной роли Франции. Принципиальное различие между ними и суверенистами состоит в том, что одни пытаются примирить ее, соответственно, с проатлантической линией и равнением на США или с усилением наднационального начала в ЕС, другие считают, что это невозможно и призывают к большей державной самостоятельности. Последнее также не обязательно означает разрыв с «атлантической солидарностью» и «европейской интеграцией». М. Ле Пен, например, в ходе президентской кампании 2022 г., в отличие от аналогичной кампании 2017 г., уже не требовала выхода Франции из ЕС и возвращения к национальному франку, ограничившись обещанием добиваться трансформации объединения в «европейский альянс наций», по образцу «союза наций» Ш. де Голля. Программное положение о необходимости для страны покинуть НАТО сократилось до ее выхода из интегрированных военных структур последней [Le programme de Marine Le Pen 2017].

С точки зрения автора, про-атлантическая ориентация в контексте нынешнего глобального соперничества США и Китая, тотальной конфронтации между Западом и Россией из-за событий на Украине оставляет Франции все меньше возможностей для проведения самостоятельной державной политики. Попытки Э. Макрона подвинуть ЕС к превращению в «державу Европу», которая своими ресурсами усиливала бы политический вес Франции, также вряд ли увеличат шансы на это. Во-первых, несмотря на упомянутые выше некоторые успехи Э. Макрона в продвижении интеграции, «державные» перспективы ЕС на данном этапе остаются туманными, особенно в оборонной области, где объединение пока фактически находится в прямом подчинении у НАТО. Вступление в Альянс Швеции и Финляндии также будет означать усиление «атлантической» тенденции. Во-вторых, если в 60-е годы Франция могла надеяться на политическое лидерство в ЕС в составе шести государств,

то сейчас, даже после «Брекзита», с учетом ее относительно скромного экономического потенциала, притязания подвинуть в нужную ей сторону 27 членов выглядят все менее реалистичными. Конечно, «тандем» с Германией может облегчить эту задачу. Однако при все большем превосходстве Германии в экономике, именно она будет определять содержание интеграционных проектов, а ее одобрение будет во многом определять решение вопроса о поддержке со стороны ЕС французских инициатив или акций в тех или иных регионах мира. В-третьих, хотя Э. Макрон, как и его предшественники, старается сохранить в ЕС важную роль Европейского совета, в котором представлены государства, усиление наднационального начала в объединении объективно несет риск маргинализации данного органа.

Но можно ли считать, что позиция суверенистов, считающих что Франция может и должна проводить самостоятельную державную политику, более обоснована? Способна ли страна реально претендовать на место среди великих держав или она находится в какой-то другой категории? В связи с этими вопросами представляется целесообразным хотя бы очень схематично рассмотреть ресурсы и инструменты, которые Франция может использовать для проведения державного курса.

«Жесткая» и «мягкая» сила Франции

Основой «жесткой силы» Франции и важнейшим фактором ее «державности» является, конечно, ядерный арсенал. Со времени Ш. де Голля во французской военной доктрине делается акцент на том, что он представляет собой инструмент «сдерживания слабого сильным», поскольку у страны никогда не было возможности создать ядерные силы, сопоставимые с советскими (российскими) и американскими. Отсюда также понятие «строгой достаточности» данного арсенала, определяемого как способность нанести неприемлемый ущерб любому потенциальному агрессору. При всей расплывчатости этого понятия считается, что с периода правления Н. Саркози речь идет о 300 боеготовых ядерных зарядах. Носителями является «стратегическая диада», состоящая из четырех атомных подводных лодок и 52 самолетов «Mirage 2000 N» и «Rafale B» [Baille 2019, p. 67].

Следует, однако, указать, что вопреки идеям «слабый против сильного» и «строгой достаточности» в интерпретации французских президентов «сдерживание» никогда не ограничивалось защитой национальной территории. Ф. Олланд, например, заявлял: «Сдерживание – это то, что дает нам возможность при любых обстоятельствах сохранять свободу действий и свободу принятия решений... Ядерные силы позволяют гарантировать, что наши международные обязательства будут всегда выполняться» [Déclaration d M. François

Hollande 2015]. Э. Макрон со своей стороны, подчеркнув, что эти силы являются «ключом свода нашей обороны», связал их с общей стратегией, «обеспечивающей свободу действий и защиту суверенных интересов Франции повсюду в мире, как того требует наша заморская география и густая сеть стратегических партнерств, а также поддержание нашего ранга и нашего влияния среди наций» [Déclaration de M. Emmanuel Macron 2020].

Разумеется, ядерный арсенал Франции, при всем ключевом значении для ее «державности», не может прямо задействоваться для обеспечения французских интересов в мире. Эта задача возлагается на конвенциональные силы. В связи с этим стоит отметить, что многие французские эксперты называют свою страну «интервенционистской» державой. Действительно, со времени Ш. де Голля и до прихода к власти Э. Макрона Франция осуществила 53 крупные военные операции за пределами национальной территории (opérations extérieures или сокращенно OPEX) [Schmitt 2021, p. 184]. В качестве недавних примеров можно вспомнить операции в Африке, в частности в регионе Сахеля, а также в Афганистане, Ливии, Ираке, Сирии. Тот факт, что в большинстве случаев она делала это в составе коалиций, в том числе под эгидой ООН, и что одновременно французская дипломатия декларирует приверженность мирному разрешению конфликтов, сути дела не меняет. Применение «жесткой» силы считалось и считается французскими руководителями очень важным фактором державной внешней политики. Участие в миротворческих операциях ООН призвано подтверждать, что Франция обоснованно является постоянным членом СБ ООН.

Около 30 тыс. французских военных постоянно мобилизованы для участия в OPEX, значительная их часть дислоцирована на зарубежных базах. Эти последние делятся на две категории: «передовые оперативные базы» (BOA); «оперативные полюса сотрудничества» (POC). В первом случае речь идет о базах в Африке и на Ближнем Востоке (Джибути, Кот-д'Ивуар, ОАЕ), служащих «опорными пунктами» и местами сосредоточения резервов на случай необходимого вмешательства в «кризисные ситуации». Во втором случае это контингенты, задачей которых является модернизация и обучение вооруженных сил государств-партнеров (Сенегал, Габон). Существуют и «гибридные» силы, как например, более чем пяти тысячный контингент, действовавший до недавнего времени в Мали в рамках антиджихадистской операции «Бархан», но одновременно помогавший этой стране, а также Буркина-Фасо, Мавритании, Нигеру и Чаду укреплять их национальные армии. В основном эти войска дислоцировались на опорных пунктах в Мали, но также использовали небольшие базы на территории остальных стран. После прекращения операции «Бархан» во второй половине 2021 г. их значение для французской армии резко возросло, особенно в Нигере.

К силам, расположенным за рубежом, следует прибавить контингенты, находящиеся в заморских департаментах и территориях Франции, за многие тысячи километров от бывшей колониальной метрополии. С учетом возрастающей важности в мировом экономическом и геополитическом раскладе Юго-Восточной и Южной Азии, особое значение французские руководители придают сейчас базам, находящимся на островах Реюньон, Майотта, а также на Новой Каледонии, т.е. в акваториях Индийского и Тихого океанов. Прошедший в декабре 2021 г. на Новой Каледонии третий (и последний) референдум по вопросу о независимости, закончившийся победой сторонников сохранения острова в составе Франции, вызвал в Елисейском дворце настоящий вздох облегчения. Новая Каледония рассматривается французскими стратегами как важнейший форпост влияния в этой зоне, а растущая экономическая активность Китая на нем как угроза ему. На Новой Каледонии, а также на островах Французской Полинезии дислоцированы 2,8 тыс. французских военных, на Реюньоне и Майотте – 1,95 тыс. (они объединены в рамках Вооруженных сил южной зоны Индийского океана – FASZOI) [Ministère des Armées, Les Forces Armées 2021]. Вместе с тем значительные контингенты расположены в Атлантике, в частности во Французской Гвиане, где находится космодром в Куру (2,3 тыс. человек), а также на Антильских островах (1,25 тыс.) [Schmitt 2021, p. 85].

Содержание всех этих баз и контингентов всегда дорого обходилось французскому государству и негативно сказывалось на финансировании многих других компонентов вооруженных сил. Длительное время разработчики оборонного бюджета страны были вынуждены кроить и перекраивать его, чтобы свести концы с концами, поскольку общественное мнение было против роста военных расходов. Когда в 2017 г. к власти пришел Э. Макрон, оборонный бюджет составлял 32,4 млрд евро, или 1,8% ВВП. Вначале новый президент еще сократил его на 850 млн евро и даже уволил пытавшегося протестовать начальника генерального штаба генерала П. де Вилье. Однако в следующем году, по его инициативе, был принят закон о военном программировании на 2019–2025 гг., согласно которому военные расходы должны возрасти до 45 млрд евро и достичь планки в 2% ВВП, требуемой НАТО. На 6 тыс. человек (до 274 тыс.) увеличивается численность личного состава, в том числе для покрытия потребностей новых родов войск, в частности космических и кибер-сил [Loi N 2018–607].

Применительно к теме настоящей статьи, следует выделить три аспекта этого закона: в нем подчеркивается необходимость иметь «полную армию», располагающую всей гаммой вооружений и средств для обеспечения национальной безопасности; около 25 млрд евро предназначаются для поддержания в боеготовности и совершенствования ядерного арсенала; примерно на 2% увеличиваются расходы на ОПЕХ.

В «Стратегическом обзоре обороны и национальной безопасности 2017», который послужил обоснованием для указанного закона, говорилось о необходимости отвечать на «новые угрозы», в частности в Европе со стороны России, но одновременно подчеркивался императивный характер выполнения Францией ее международных обязательств, в том числе перед союзниками и партнерами в различных регионах мира [Ministère des Armées. Revue stratégique 2017].

Важнейшую роль в поддержании «полной армии» призван играть французский военно-промышленный комплекс – один из самых крупных на Западе. Стоит упомянуть, что Э. Макрон в целях его укрепления сразу после прихода к власти, в мае 2017 г., учредил Национальный инвестиционный фонд обороны. Новые заказы, связанные с ростом оборонного бюджета, должны придать ВПК дополнительный импульс, однако даже с учетом этого общее их число все же недостаточно для производства вооружений крупными сериями, и, соответственно, понижения себестоимости изделий. Между тем в большинстве случаев разработка новых видов оружия стоит все дороже. Отсюда огромное внимание, которое все французские президенты уделяли продвижению национальной военной продукции за рубежом. Благодаря соглашениям, подписанным Н. Саркози и Ф. Олландом, Франция экспортировала ее, например в 2018 г., на рекордную сумму в 9,1 млрд евро, заняв в результате третье место в мире после США и России [Bauer 2020]. Личным достижением Э. Макрона в данном плане можно считать сделку, заключенную им во время визита в ОАЭ в декабре 2021 г. на приобретение этой страной 80 боевых многоцелевых самолетов «Рафаль», гордости французской авиационной индустрии, а также соглашение с Индонезией, подписанное в феврале 2022 г., на поставку ей 42 таких самолетов [Massion, Bauer 2021; L'Indonésie 2022].

Если главной задачей ВПК является обеспечение материально-технической основы «жесткой силы», экспорт вооружений относится к «мягкой силе», поскольку он создает определенную зависимость государства-покупателя от поставщика (кредиты, обучение персонала, сервисное обслуживание, запасные части и т.п.) и тем самым позволяет последнему утверждать свое влияние. Существует множество определений такой «силы», однако большинство специалистов сходятся с американским автором Дж. Наем, запустившим в оборот это понятие еще в 80-е годы, что речь идет прежде всего о наборе политико-дипломатических, финансово-экономических, промышленно-технологических и культурных инструментов, которые позволяют влиять на политику других государств без применения грубого давления и тем более прямого военного вмешательства.

Некоторые французские исследователи трактуют данное понятие более широко и включают в факторы «мягкой силы» своей страны притягательность ее социальной модели, в основе которой лежит щедрая система социальной

защиты. Другие авторы подчеркивают ее туристическую привлекательность. Как не без гордости пишет, например, преподаватель Сьянс По Ф. Пармантье, Франция является «великой туристической державой», что дает ей возможность одновременно поддерживать свой престиж в мире и обеспечивать приток значительных средств в национальную экономику. Действительно, в 2019 г., до пандемии коронавируса, Францию с туристическими целями посетили около 90 млн иностранцев, что ставит ее в один ряд с мировыми лидерами в этой области – США и Великобританией [Parmentier 2021, p. 38]. Американская неправительственная организация Американо-калифорнийский центр публичной дипломатии (USC Center on Public Diplomacy), руководствуясь таким широким представлением о «мягкой силе», в 2017 и 2019 гг. ставила Францию на первое место в мире [La France 2020].

Однако большинство французских экспертов выдвигают на передний план четыре инструмента: финансово-экономическая помощь, которую Франция оказывает развивающимся государствам, экспорт вооружений, «франкофония», третья в мире, после США и Китая сеть посольств, генеральных консульств и консульств, а также значительное число других французских заграничных учреждений. Французские специалисты отмечают, что хотя Франция является седьмой страной мира по размеру ВВП, по объему упомянутой помощи она занимает пятое место (после США, Великобритании, Германии и Японии). К примеру, в «допандемийном» 2019 г. Французское агентство развития (AFD) предоставило развивающимся государствам займов и кредитов на сумму в 38 млрд евро, а вместе с другими министерствами и ведомствами выдало им дотаций и субсидий на сумму в 12,4 млрд евро. В марте 2021 г. Франция обязалась увеличить эту безвозмездную помощь в 2022 г. до 15 млрд евро, а к 2025 г. довести ее до 18 млрд [Ministère de l'Europe 2019; Aide au développement 2021].

О втором инструменте уже говорилось выше. Третий инструмент, «франкофония», основывается на использовании в целях обретения влияния французского языка и французской цивилизации. Сам этот термин, появившийся в конце XIX в., соединяет в себе лингвистический и культурно-ценностный аспекты. В 1986 г. усилиями Франции была создана Международная организация франкофонии (OIF), направленная на поддержание и расширение франкофонного пространства. В нее входят сегодня 54 государства-члена, семь ассоциированных членов и 27 государств-наблюдателей. OIF опирается на 300 млн человек в разных странах, для которых французский язык является родным или вторым (пятое место в мире после китайского, английского, хинди и испанского). С точки зрения «франкофонии» важно также, что французский является одним из официальных языков ООН и ряда других международных организаций. OIF, кстати, имеет свои представительства в 36 международных организациях и в ЕС, она сотрудничает со структурами ООН, в

том числе в вопросах урегулирования конфликтов. OIF регулярно проводит саммиты глав государств и правительств (последний состоялся в 2018 г. в Ереване), в промежутках между ними проходят заседания Министерской конференции. Среди других ее органов заслуживают упоминания Парламентская ассамблея, Международная ассоциация мэров-франкофонов, Университетское агентство франкофонии. Организация располагает Многосторонним единым фондом для реализации проектов технологического, научно-технического и культурно-гуманистического характера, а также телевизионным каналом TV 5 Monde (La Francophonie 2020).

Четвертый инструмент, как уже было сказано, состоит из посольств (162), генеральных консульств и консульств (88), постоянных представительств при международных организациях (28), а также многочисленных представительств AFD, «французских институтов», научно-исследовательских центров, финансируемых Францией, школ в различных странах, работающих под эгидой Агентства по французскому образованию за рубежом (AEFE) [Charillon 2021, p. 17]. К этим последним следует прибавить учебные заведения по изучению французского языка и французской культуры в рамках Французского альянса (Alliance Française), действующие в 146 государствах. Формально Французский альянс является неправительственной организацией, в действительности он контролируется министерством иностранных дел Франции. Хотя названные школы, «институты», центры, учебные заведения не находятся под эгидой OIF, они, конечно, работают на цели «франкофонии».

Что касается столь большого числа посольств и самостоятельных консульских учреждений (не являющихся частью дипломатической миссии), то, как отмечает, например, профессор Сьянс По Кристиан Лекен, оно соответствует «державной» традиции, которая требует «физического присутствия» Франции в государстве, с которым поддерживаются дипломатические отношения, даже если речь об «очень маленькой команде». Он указывает также, что в 2020 г. французский МИД добился того, чтобы бюджеты представителей различных ведомств, входящих в состав посольств, контролировались генеральными секретарями последних. В результате резко возросла роль посольств в координации действий таких ведомств в странах пребывания. Многочисленные представительства при международных организациях также вписываются в «державную» традицию. Стоит упомянуть, что, помимо дипломатических миссий, консульских учреждений и различных представительств, Франция содержит за рубежом 88 военных атташе (с соответствующими аппаратами) и военных миссий. В их функции, наряду с прочим, обычно входят развитие военного сотрудничества и содействие экспорту французских вооружений [Lequesne 2021, p. 163–169; Schmitt 2021 p. 190].

Изыяны «жесткой» и «мягкой» силы

Таким образом, на первый взгляд Франция обладает достаточной «жесткой» и «мягкой» силой, чтобы претендовать на проведение глобальной державной политики. Однако при более детальном анализе вырисовывается весьма неоднозначная ситуация. Так, одной из причин неудачи военной операции «Бархан» в Мали, по единодушному мнению французских военных экспертов, явилась недостаточность сил и средств, которые французская армия смогла задействовать в ее рамках. Франция была вынуждена просить помощи в ЕС, которая была оказана, но направленные рядом государств-членов подразделения выполняли в основном вспомогательную функцию и не были способны серьезно повлиять на ситуацию. Вместе с тем в ряде случаев характер этой помощи показывал, что Франции пока еще далеко до «полной армии». Так, из-за слабости собственной дальней военно-транспортной авиации Франции пришлось использовать для переброски живой силы и различных грузов для нужд контингента в Мали самолеты С-300 военно-транспортной авиации Германии. Более того, как и в ходе операций в Ливии, Ираке и Сирии, французские ВС должны были опираться на элементы логистики и разведывательные службы США или НАТО (что по большому счету одно и то же).

Выше уже говорилось, что закон о военном программировании на 2019–2025 гг. предусматривает рост военных расходов Франции с 1,8% до 2% ВВП, что в принципе позволяет французской армии расширить свои возможности. Российская специальная военная операция на Украине используется сейчас как предлог для оправдания наращивания ею боевого потенциала. Однако в связи с нанесенным пандемией коронавируса мощным ударом по экономике и финансовым ресурсам страны достигнуть поставленных целей будет весьма затруднительно. К примеру, государственный долг Франции вырос с 55% ВВП в 2019 г. до 115,7% в 2020 г., бюджетный дефицит за то же время с 3,1% ВВП до 9,2%. Государственные расходы, которые и без того были самыми высокими среди стран ОЭСР – 55,4% ВВП, достигли в 2020 г. рекордных 61,8%. [Les dépenses 2021]. К сказанному следует прибавить существенное повышение цен на сырье, горючее, газ, электричество, многие виды промышленной и сельскохозяйственной продукции. Экономический рост в 7% в 2021 г., после падения на 8,3% в предыдущем году из-за пандемии коронавируса, внушил властям определенный оптимизм, но в первом квартале 2022 г. он оказался нулевым [Croissance 2022]. Санкционная война, развязанная Западом, в частности Евросоюзом, против России, обернулась усугублением всех этих негативных процессов.

В более широком плане главной проблемой с точки зрения содержания державной армии, как и проведения державной внешней политики, является недостаточность экономического потенциала страны, которая, к тому же, дли-

тельное время усугубляется, особенно в относительном выражении (т.е. по сравнению с другими государствами). Французский специалист Ж-Р. Жуанни, сопоставляя в экономическом плане Францию с Германией приводит следующие цифры: удельный вес в ВВП добавленной стоимости, производимой французской промышленностью, снизился с 30,2% в 1960 г. до 17% в 2018 г., в то время как аналогичный показатель Германии остался на уровне 27%. Доля Франции во внутренней торговле ЕС сократилась с 2000 по 2018 г. с 12 до 9%, Германия за тот же период нарастила свою долю с 20 до 22%. На мировом рынке товаров и услуг удельный вес Франции уменьшился с 1990 по 2018 г. с 6,4 до 3,5%, Германия также «просела», однако не так сильно и ее доля более чем в 2 раза превышает французскую – 7,6% [Jouanny 2021, p. 69]. К этому следует добавить, что Франция отстает по конкурентоспособности своей промышленности от многих западных государств, в том числе от США, Германии, Японии, а по развитию цифровых технологий – от большинства своих партнеров по ЕС.

Конечно, французская экономика по-прежнему входит в десятку крупнейших в мире. Однако ослабление ее позиций в мире медленно, но верно влечет за собой снижение общего международного веса страны, что, помимо прочего, негативно сказывается на экспорте вооружений. Круг крупных покупателей французских вооружений сравнительно узок, важное место среди них занимают Египет, Катар, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, режимы которые пользуются плохой репутацией во Франции. Оппозиционные силы страны, особенно в левом лагере, не упускают возможности в связи с этим подвергнуть критике президента и правительство. Э. Макрон прилагает большие усилия, чтобы переориентировать данный экспорт на рынки Запада, особенно ЕС. В 2021 г. ему удалось продвинуть соглашения о покупке 24 самолетов «Рафаль» Грецией и 12 Хорватией. Но одновременно сорвалась крупная сделка с Финляндией, которая в декабре того же года предпочла купить вместо «Рафалей» американские самолеты F-35. Ранее, в 2018 г., такой же выбор сделала Бельгия, а в 2020 – Польша [Massion, Bauer 2021]. Еще более тяжелый удар Франция получила в сентябре 2021 г., когда в результате заключения Соединенными Штатами, Великобританией и Австралией оборонного соглашения AUKUS, последняя внезапно аннулировала сделку с Францией на приобретение 12 дизельных подлодок на сумму 56 млрд евро, чтобы закупить американские атомные подлодки [Guisnel 2021]. Заключение упомянутой выше сделки с Индонезией в феврале 2022 г. на поставку 42 «Рафалей» стоимостью 8,1 млрд евро несколько смягчило горечь этой неудачи, но в марте 2022 г. новый удар по престижу Франции нанесла Германия, объявившая о планах закупки 35 F-35, несмотря на сотрудничество двух стран в деле создания нового «европейского» многоцелевого боевого самолета [L'Indonésie 2022; L'Allemagne 2022].

Экономическая слабость Франции не позволяет ей нарастить безвозмездную помощь развивающимся странам до 1% ВВП, хотя эта цель ставится ею уже около 50 лет. Даже если в 2025 г., как указано выше, такая помощь достигнет 18 млрд евро (что с учетом экономических последствий пандемии коронавируса и санкционной войны с Россией весьма сомнительно), это будет равнозначно 0,7% ВВП. Между тем африканские страны, являющиеся ее основными получателями (на первом месте до сих пор была Мали), считают ее недостаточной и все чаще обращают свои взоры к другим донорам, в том числе к Китаю, который, естественно, не упускает случая усилить свои стратегические позиции в регионе. Открытие китайской военной базы в Джибути в 2017 г. было в связи с этим весьма симптоматичным. Стоит упомянуть, что в плане инвестиций и торговли Францию, даже в бывших ее колониях в Юго-Западной Африке, обгоняет Германия. Влияние Франции в них снижается, что, помимо прочего, показал последний саммит глав государств и правительств Африка–Франция в октябре 2021 г. в Монпелье. Автору статьи довелось посмотреть дебаты на нем с участием Э. Макрона по французскому телевидению. Лейтмотивом выступлений африканских участников, были, с одной стороны, жалобы на «несоответствующую потребностям и плохо адаптированную к местным реалиям» помощь Франции, с другой – неприятие «французского патернализма», который, как подчеркивалось, не исчез вместе с колониальной эпохой. Обострение отношений между Францией и Мали после военного переворота в этой стране в мае 2021 г., панические сообщения французских СМИ о ее «повороте в сторону Москвы» (ранее то же самое говорилось о ЦАР), отразили указанную выше тенденцию к ослаблению роли Франции.

Между тем влияние в африканских странах до сих пор считалось руководителями Франции одним из важнейших факторов ее державности. Э. Макрон, с учетом растущего населения и экономического потенциала Африки, неоднократно называл ее «континентом будущего». Он подчеркивал, что по прогнозам специалистов-демографов в 2050 г. в африканских странах с присутствием французского языка будет жить около 700 млн жителей, что должно дать новые шансы «франкофонии» [Maston 2016, p. 97]. Однако в этой области также наметились тревожные тенденции, связанные, с одной стороны, с развитием местных языков, с другой – с экспансией английского. Еще в 2008 г. Руанда, например, где долгое время в государственном аппарате доминировал французский, перевела его на английский. Французские специалисты отмечают в связи с этим неустойчивость позиций «языка Мольера» в ДРК, где формально проживают больше его носителей, чем в самой Франции. Продвижению английского, помимо прочего, способствует цифровизация экономик и различных сфер жизни, доминирование в мире американских «цифровых гигантов».

Французский язык постепенно уступает свои позиции английскому в международных организациях. Автору довелось наблюдать это во время работы

в Совете Европы в 1998–2013 гг. Уменьшается использование французского языка в ЕС. Э. Макрону приходилось жаловаться на то, что несмотря на выход из объединения Великобритании, ему все чаще приходится выступать на евросоюзных мероприятиях на английском языке, так как большинство участников французский не понимают, а перевод чреват искажениями важных моментов.

Наконец, Франции все тяжелее содержать описанную выше огромную сеть заграничных учреждений и заведений, в том числе дипломатических и консульских миссий. Уже упоминавшийся К. Лекен указывает, например, что с 2007 по 2020 г. бюджет и численность сотрудников системы министерства иностранных дел страны сократились на 20% (в абсолютном выражении число сотрудников уменьшилось на 3 тыс.). Более того, по решению правительства, принятому в 2019 г., и без того урезанный фонд заработной платы МИДа должен уменьшиться в 2022 г. еще на 5,7%. Правда, в 2020 г. тогдашний министр иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан смог увеличить его бюджет на 3,7%, Правительство и парламент, однако, считали, что дипломатический инструмент обходится стране слишком дорого [Lequesne, p. 167]. В апреле 2022 г. Э. Макрон издал указ о реформе дипломатической службы, предусматривающий, помимо прочего, сокращение на 50% персонала МИДа в возрасте до 30 лет, уменьшение числа консульских учреждений, перевод советников-посланников и советников (700 человек) из особой категории дипломатических работников в категорию обычных государственных служащих. Сотрудники МИДа даже объявили забастовку [Décret N 2022–561].

Резюмируя, можно утверждать, что с учетом сказанного Францию вряд ли можно назвать полноценной великой державой. Но она не является и «средней державой» в полном смысле этого слова. Французские эксперты, которые говорят о «средней державе с глобальным призванием» или с «глобальными амбициями» [Vitto 2021, p. 245], скорее, ближе к истине. Международные позиции Франции медленно, но верно ослабляются, что, как замечает известный французский международник, профессор университета Клермон-Овернь Ф. Шарийон, является «огромным вызовом» для страны, которая психологически к нему не готова [Charillon 2001, p. 26].

Библиография

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 137–169.

Обичкина Е.О. Внешняя политика Эмманюэля Макрона: поиски геополитической стратегии в разлажившейся мировой иерархии // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 235–274.

Чернега В.Н. Европейский проект Э. Макрона и Россия // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 57–72.

Aide au développement: la France s'engage à donner plus aux pays pauvres // La Croix. 2021. 02 Mar. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/Aide-developpement-France-sengage-donner-pays-pauvres-2021-03-12-1201143285> (дата обращения: 21.03.2022).

Badie B. Entre obsession du passé et et réalité présente, une politique étrangère décalée // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. L'Etat du monde 2022. Paris: Editions La Découverte, 2021. P. 9–20. 261 p.

Baille M-L. L'épisode nucléaire tactique français // La France et l'arme nucléaire français au XXIe siècle. Sous la direction de Nicolas Haupaïs. Paris: CNRS Editions. 2019. 262 p.

Bauer A. La France réoriente ses exportations d'armes vers l'Europe // Les Echos. 2020. 2 Juin. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-france-reorientee-ses-exportations-darmes-vers-leurope=1207643> (дата обращения: 26.03.2022).

Charillon F. Introduction // La France dans le monde. Sous la direction de Frédéric Charillon. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 9–26. 222 p.

Croissance nulle pour la France au premier trimestre 2022 // La Croix. 2022. 29 Avr. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/croissance-nulle-au-premier-trimestre-2022-2022-04-29-1201212701> (дата обращения: 29.03.2022).

Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur la stratégie de défense et de dissuasion, à Paris, le 7 février 2020 // République Française. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/273257-emmanuel-macron-07022020-politique-de-defense> (дата обращения: 17.03.2022).

Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres, le 19 février 2015 // ELYSÉE. 2015. 19 Fév. URL: Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres le 19 février 2015 / Élysée (elysee.fr) (дата обращения: 15.03.2022).

Décret № 2022–561 du 16 avril 2022 portant application au ministère de l'Europe et des affaires étrangères de la réforme de la haute fonction publique et modifiant le décret № 69–222 du 6 mars 1969 astatut particulier des agents diplomatiques et consulaires // Journal officiel de la République française. № 0091. 2022. 17 avril. Texte № 2.

Guisnel J. Trafalgar australien sur les sous-marins français // Le Point, 2021. 16 Sep. URL: https://www.lepoint.fr/monde/sous-marins-l-australie-rompt-le-contrat-du-siecle-avec-la-france-16-09-2021-2443427_24.php#11 (дата обращения: 16.01.2022).

Jouanny J-R. Le déterminant économique // La France dans le monde. Paris : CNRS Editions, 2021. P. 61–78.

L'Allemagne achète des F-35 américains : ah, elle est belle «la défense européenne»! // Marianne. 2022. 16 Mar. URL: <https://www.marianne.net/societe/defense/lallemagne-achete-des-f-35-americaains-ah-elle-est-belle-leurope-de-la-defense> (дата обращения: 25.07.2022).

L'Indonésie s'offre 42 Rafale // Les Echos. 2022. 10 Fév. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/lindonesie-achete-six-rafale-et-prevoit-den-commander-36-supplementaires-1385915> (дата обращения: 15.03.2022).

La France, une nation toujours influente // Areion24 News. 2020. 24 Dec. URL: <https://www.areiion24.news/2020.12.24/la-france-une-nation-toujours-influente/> (дата обращения: 16.11.2021).

La Francophonie en bref // Organisation Internationale de la francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754> (дата обращения: 15.12.2021).

Le programme d'Eric Zemmour à la présidentielle 2022 // Programme.ericzemmour. URL: https://assets.nationbuilder.com/themes/61c071ce4764e8b1483d1a8c/attachments/original/1648220408/programme_eric_zemmour_presidentielle_2022.pdf?1648220408 (дата обращения: 22.02.2022).

Le programme de Marine Le Pen pour la présidentielle 2017 // Le Parisien. 2017. 23 Avr. URL: <https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/le-programme-de-marine-le-pen-pour-la-presidentielle-2017-13-02-2017-6677067.php> (дата обращения: 15.03.2022).

Lequesne Ch. Réflexions sur l'outil diplomatique de la France // La France dans le monde. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 163–177.

Lequesne Ch. Recurrences et changements dans l'engagement européen // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: Editions La Découverte, 2021. P. 72–80.

Les chiffres de l'aide française // Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. 2019. URL: Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. Les chiffres de l'aide française 2019 (дата обращения: 26.04.2022).

Les dépenses publiques pendant la crise et le bilan opérationnel de leur utilisation. Cour des comptes // Vie publique. 2021. 09 Sep. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/281413.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

Les Forces Armées dans la zone sud de l'Océan indien // Ministère de Armées. 2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/forces-prepositionnees/forces-souverainete/forces-armees-zone-sud-locean-indien> (дата обращения: 15.12.2021).

Les résultats du second tour de l'élection présidentielle // Gouvernement. 2022. 25 Avr. URL: <https://www.gouvernement.fr/actualite/les-resultats-du-second-tour-de-lelection-presidentielle> (дата обращения: 29.04.2022).

Loi № 2018–607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaires pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense // Journal officiel de la République française. № 161 2018. 14 juill. texte 1.

Macron E. Révolution. Paris: Editions XO, 2016. 268 p.

Massion F., Bauer A. La Finlande préfère le F-35 au Rafale // Les Echos. 2021. 10 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-finlande-prefere-le-f-35-au-rafale-et-passe-une-commande-de-8-milliards-deuros-1371680> (дата обращения: 20.01.2022).

Maussion F. Rafale: les pays du Golf, meilleurs clients de l'industrie militaire française // Les Echos. 2021. 04 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/rafale-les-pays-du-golf-meilleurs-clients-de-l-industrie-militaire-francaise-13669613> (дата обращения: 10.01.2022).

Ministère des Armées. Revue stratégique : une analyse lucide et volontariste pour préparer la prochaine loi de programmation militaire // Ambassade de France Au Japon. URL: <https://jp.ambafrance.org/Revue-strategique-une-analyse-lucide-et-volontariste-pour-preparer-la-prochaine> (дата обращения: 15.10.2021).

Parmentier F. Les déterminants politiques // La France dans le monde, Paris: CNRS Editions, 2021. P. 29–43.

Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Tome 1. La France redevient la France. Paris: Editions Fallois Fayard, 1994. 598 p.

Projet pour la France de Marine Le Pen. M. la France. Mon projet présidentiel. URL: <https://www.mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).

Schmitt O. L'épée et la carte: les forces armées et la présence française dans le monde // La France dans le monde. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 179–193.

Vitto A. L'interventionnisme pour maintenir la place de la France dans le monde // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: La Découverte, 2021. P. 244–249.

References

Aide au développement: la France s'engage à donner plus aux pays pauvres // La Croix. 2021. 02 Mar. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/Aide-developpement-France-sengage-donner-pays-pauvres-2021-03-12-1201143285> (date of access: 21.03.2022).

Badie B. Entre obsession du passé et et réalité présente, une politique étrangère décalée // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. L'Etat du monde 2022. Paris: Editions La Decouverte, 2021. P. 9–20. 261 p.

Baille M-L. L'épisode nucléaire tactique français // La France et l'arme nucléaire français au XXIe siècle. Sous la direction de Nicolas Haupaïs. Paris: CNRS Editions. 2019. 262 p.

Bauer A. La France réoriente ses exportations d'armes vers l'Europe // Les Echos. 2020. 2 Juin. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-france-reorientee-ses-exportations-darmes-vers-leurope=1207643> (date of access: 26.03.2022).

Charillon F. Introduction // La France dans le monde. Sous la direction de Frédéric Charillon. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 9–26. 222 p.

Chernega V.N. Evropejskij proekt E'. Makrona i Rossiya [European project of E. Macron and Russia] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]. 2020. N 2. S. 57–72. (In Russ.)

Croissance nulle pour la France au oremier trimestre 2022 // La Croix. 2022. 29 Avr. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/croissance-nulle-au-premier-trimestre-2022-2022-04-29-1201212701> (date of access: 29.03.2022).

Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur la stratégie de défense et de dissuasion, à Paris, le 7 février 2020 // Republique Francaise. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/273257-emmanuel-macron-07022020-politique-de-defense> (date of access: 17.03.2022).

Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres, le 19 février 2015 // ELYSSEE. 2015. 19 Fev. URL: Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la dissuasion nucléaire, à Istres le 19 février 2015. / Élysée (elysee.fr) (date of access: 15.03.2022).

Décret N 2022–561 du 16 avril 2022 portant application au ministère de l'Europe et des affaires étrangères de la réforme de la haute fonction publique et modifiant le décret N 69–222 du 6 mars 1969 astatut particulier des agents diplomatiques et consulaires // Journal officiel de la République française. N 0091. 2022. 17 avril. Texte N 2.

Guisnel J. Trafalgar australien sur les sous-marins français // Le Point, 2021. 16 Sep. URL: https://www.lepoint.fr/monde/sous-marins-l-australie-rompt-le-contrat-du-siecle-avec-la-france-16-09-2021-2443427_24.php#11 (date of access: 16.01.2022).

Jouanny J-R. Le déterminant économique // La France dans le monde. Paris : CNRS Editions, 2021. p. 61–78.

L'Allemagne achète des F-35 américains : ah, ele est belle «la défense européenne»! // Marianne. 2022. 16 Mar. URL: <https://www.marianne.net/societe/defense/lallemagne-achete-des-f-35-americaains-ah-ele-est-belle-leurope-de-la-defense> (date of access: 25.07.2022).

L'Indonesie s'offre 42 Rafale // Les Echos. 2022. 10 Fev. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/lindonesie-achete-six-rafale-et-prevoit-den-commander-36-supplementaires-1385915> (date of access: 15.03.2022).

La France, une nation toujours influente // Areion24 News. 2020. 24 Dec. URL: <https://www.areion24.news/2020.12.24/la-france-une-nation-toujours-influente/> (date of access: 16.11.2021).

La Francophonie en bref // Organisation Internationale de la francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754> (date of access: 15.12.2021).

Le programme d'Eric Zemmour à la présidentielle 2022 // Programme.ericzemmour. URL: https://assets.nationbuilder.com/themes/61c071ce4764e8b1483d1a8c/attachments/original/1648220408/programme_eric_zemmour_presidentielle_2022.pdf?1648220408 (date of access: 22.02.2022).

Le programme de Marine Le Pen pour la présidentielle 2017 // Le Parisien. 2017. 23 Avr. URL: <https://www.leparisien.fr/elections/presidentielle/le-programme-de-marine-le-pen-pour-la-presidentielle-2017-13-02-2017-6677067.php> (date of access: 15.03.2022).

Lequesne Ch. Réflexions sur l'outil diplomatique de la France // La France dans le monde. Paris : CNRS Editions, 2021. P. 163–177.

Lequesne Ch. Recurrences et changements dans l'engagement européen // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: Editions La Découverte, 2021. P. 72–80.

Les chiffres de l'aide française // Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. 2019. URL: Ministère de l'Europe et des des Affaires Etrangères. France Diplomatie. Les chiffres de l'aide française 2019 (date of access: 26.04.2022).

Les dépenses publiques pendant la crise et le bilan opérationnel de leur utilisation. Cour des comptes // Vie publique. 2021. 09 Sep. URL: <https://www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/281413.pdf> (date of access: 15.10.2021).

Les Forces Armées dans la zone sud de l'Océan indien // Ministère de Armées. 2021. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/forces-prepositionnees/forces-souverainete/forces-armees-zone-sud-locean-indien> (date of access: 15.12.2021).

Les résultats du second tour de l'élection présidentielle // Gouvernement. 2022. 25 Avr. URL: <https://www.gouvernement.fr/actualite/les-resultats-du-second-tour-de-lelection-presidentielle> (date of access: 29.04.2022).

Loi N 2018–607 du 13 juillet 2018 relative à la programmation militaires pour les années 2019 à 2025 et portant diverses dispositions intéressant la défense // Journal officiel de la République française. N 161 2018. 14 juill. Texte 1.

Macron E. Révolution. Paris: Editions XO, 2016. 268 p.

Massion F., Bauer A. La Finlande préfère le F-35 au Rafale // Les Echos. 2021. 10 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/la-finlande-prefere-le-f-35-au-rafale-et-passe-une-commande-de-8-milliards-deuros-1371680> (date of access: 20.01.2022).

Maussion F. Rafale: les pays du Golf, meilleurs clients de l'industrie militaire française // Les Echos. 2021. 04 Dec. URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-services/air-defense/rafale-les-pays-du-golf-meilleurs-clients-de-l-industrie-militaire-francaise-13669613> (date of access: 10.01.2022).

Ministère des Armées. Revue stratégique : une analyse lucide et volontariste pour préparer la prochaine loi de programmation militaire // Ambassade de France Au Japon. URL: <https://jp.ambafrance.org/Revue-strategique-une-analyse-lucide-et-volontariste-pour-preparer-la-prochaine> (date of access: 15.10.2021).

Obichkina E.O. Vneshnyaya politika E'mmanyue'lya Makrona: poiski geopoliticheskoy strategii v razladivsheysya mirovoj ierarxii [The foreign policy of Emmanuel Macron: the search for a geopolitical strategy in a disordered world hierarchy] // Aktual'ny'e problemy' Evropy' [Actual problems of Europe]. 2021. N 3. P. 235–274. (In Russ.)

Parmentier F. Les déterminants politiques // La France dans le monde, Paris: CNRS Editions, 2021. P. 29–43.

Peyrefitte A. C'était de Gaulle. Tome 1. La France redevient la France. Paris: Editions Fallois Fayard, 1994. 598 p.

Projet pour la France de Marine Le Pen. M. la France. Mon projet présidentiel. URL: <https://www.mlafrance.fr/pdfs/manifeste-m-la-france-programme-presidentiel.pdf> (date of access: 12.03.2022).

Schmitt O. L'épée et la carte: les forces armées et la présence française dans le monde // La France dans le monde. Paris: CNRS Editions, 2021. P. 179–193.

Sidorov A.S. «Evropejskaya oborona» cherez prizmu francuzskix interesov i vozmozhnostej [«European defense» through the prism of French interests and opportunities] // Aktual'ny'e problemy' Evropy' [Actual problems of Europe]. 2020. N 4. P. 137–169. (In Russ.)

Vitto A. L'interventionnisme pour maintenir la place de la France dans le monde // Badie B., Vidal D. La France, une puissance contrariée. Paris: La Découverte, 2021. P. 244–249.

Ф.О. Трунов

**ЭВОЛЮЦИЯ СИЛ ПЕРЕДОВОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НАТО
К СЕРЕДИНЕ 2022 г.**

***Аннотация.** К числу значимых составляющих современной конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и РФ относится наращивание стратегического присутствия НАТО в Восточной Европе¹. Его стержнем выступают силы передового развертывания (СПР). В статье предпринята попытка изучить процесс создания и усиления СПР с фокусом на первое полугодие 2022 г. Исследование опирается на положения теории строительства вооруженных сил, использованы методы сравнительного и ивент-анализа.*

Наращивание СПР представляет планомерный процесс, находящийся к середине 2022 г. на третьем этапе развития. На первом (2004–2013) были учреждены военно-морские и прецедентная воздушная компоненты присутствия. В ходе второго этапа (2014–2021) создана разветвленная система штабов многосторонних сил, спускающаяся вниз от корпусного и дивизионного звеньев. С некоторым отставанием по времени и особенно уровню стали развертываться две компоненты наземных войск. Одна – силы США в национальном статусе, другая – многосторонние батальонные тактические группы (БТГ). Штабы задавали рамочные условия для объемной перспективной архитектуры СПР, которая стала ускоренными темпами наполняться войсковым содержанием уже с января 2022 г., т.е. на третьем этапе. Рассматриваются детали усиления войск США в национальном статусе, начало трансформации в бригады имевшихся БТГ в северной части Восточной Европы, развертывание новых БТГ – в южной. Исследуются особенности и «узкие места» участия в этом стран – участниц НАТО, особенно ведущих (США, Великобритании, Германии и Франции).

***Ключевые слова:** Североатлантический альянс; многосторонние силы; Восточная Европа; многонациональные батальонные тактические группы; США.*

1. Здесь и далее к региону Восточной Европы отнесена группа государств постсоциалистического пространства (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия) и три прибалтийские бывшие республики СССР (Латвия, Литва, Эстония), вошедшие в состав НАТО.

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru

Trunov F.O. The evolution of NATO's Forward Presence Force by mid-2022

Abstract. *One of the key elements of modern Cold War between the Euro-Atlantic community and Russia is the strengthening of NATO's Forward Presence Force (FPF) in Eastern Europe. The article tries to explore the process focusing on the first half of 2022. The methodical base is represented the theory of armed forces building, with event-analyses and comparative analyses serving as the key methods.*

The strengthening of NATO FPF is the systematic process that by mid-2022 is in the third stage of development. During the first period (2004–2013), the naval and first air military groups have been created. At the second stage (2014–2021), the structure of staffs from corps and division levels has been established. The ground troops of FPF have begun to deploy with some delay in time and especially in level from the staffs. The first component of FPF ground troops are the US forces in national status, the second one is multinational battalion tactic groups (BTG). The staffs created the structure of large perspective architecture of NATO FPF. It has rapidly begun to fill with troops since January 2022, which marked the beginning of the third stage. The author explores the details of the strengthening of US forces in national status, the reorganization into brigades of existing BTGs in the northern part of Eastern Europe and the establishment of new ones in the southern part. The paper also investigates the features and «narrow places» of the participation in BTG functioning of NATO member states, particularly the leading ones (the US, the UK, Germany and France).

Keywords: *North Atlantic Treaty Organization; multinational forces; Eastern Europe; multinational battalion tactic groups; the USA.*

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences,
Presenter Researcher, Department of Europe and America,
INION RAS. Russia, Moscow.
E-mail: 1trunov@mail.ru

Как и предшествующая («классическая») «холодная война», развернувшаяся современная конфронтация между Евро-Атлантическим сообществом и РФ имеет полноценное военное измерение. Так, страны – участницы НАТО создали и существенно усиливают систему «сдерживания» оппонента, расположенную в восточной части зоны ответственности Альянса. Основу составляют силы передового развертывания (СПР, NATO *Forward Presence Force*, FPF).

Одна, притом активно декларируемая, функция СПР – проявление на практике гарантий обеспечения безопасности и обороны стран – участниц НАТО в Восточной Европе, прежде всего в контексте противодействия якобы существующей «российской угрозе» [Warsaw Summit 2016]. Согласно этой логике, подразделения СПР уподоблялись «растяжке», дотрагивание до которой приводило к «взрыву» «мины-ловушки», т.е. активации статьи 5 Вашингтонского договора об Альянсе (1949). Этим под осуществление данного шага подводилось бы сразу два обоснования: создание угрозы не только для «новых» государств – членов блока, но и дислоцированных на их территории многосторонних авангардов ВС «старых» стран – участниц Альянса. Представляется, однако, что данная функция была сугубо гипотетической, так как никаких признаков наличия «российской угрозы» не наблюдалось в принципе. Ключевым тезисом Евро-Атлантического сообщества о существовании таковой обозначалось проведение РФ специальной военной операции (СВО) на Украине (с 24 февраля 2022 г.) [Madrid Summit 2022]. Однако СВО представляется стратегически оборонительной мерой, притом сугубо вынужденной, направленной на ликвидацию очага экзистенциальной угрозы безопасности самой России, ее граждан, и, что весьма важно, международного сообщества в целом. Усилия РФ нацеливались на борьбу с агрессивным национализмом, приобретшим черты неонацизма, – радикальной идеологией порабощения, несущей прямую опасность для мирного развития человечества. Ее недооценка чревата самыми пагубными последствиями: примером служила политика «умиротворения агрессора» (в лице нацистской Германии), проводимая «западными демократиями» и ставшая одной из ключевых причин начала Второй мировой войны. В ходе нее исключительные потери, особенно среди мирного населения, понес Советский Союз, а потому не просто закономерно, но легитимно стремление его самого и РФ как правопреемницы к дерадикализации миропорядка в целом, особенно когда речь идет о возникновении очагов неонацизма у границ страны.

Другая функция СПР НАТО – обеспечивать не столько оборонительное, но, по сути, наступательное по характеру наращивание возможностей Альянса по «сдерживанию» России. По сравнению с «классической» «холодной войной» в реалиях новой достаточно мощный первый стратегический эшелон блока расположен существенно восточнее, т.е. намного ближе к жизненно важным центрам оппонента по конфронтации. В целом развитие системы *FPF* представляет стремление «коллективного» Запада к закреплению архитектуры миропорядка, основанного на ведущей роли именно стран – участниц НАТО и ЕС.

Задача статьи – исследовать особенности создания и эволюции сил передового развертывания НАТО в восточной части зоны ответственности, сфокусировавшись прежде всего функционально на многосторонней наземной

компоненте СПР, хронологически – на первом полугодии 2022 г. Методологической основой исследования выступает теория строительства вооруженных сил [Останков 2004], применяемая к СПР как особому военному механизму, находящемуся в непрерывном процессе совершенствования. В работе использованы методы сравнительного и ивент-анализа. Специалистами создан определенный задел в изучении заявленной проблематики. Наибольшее внимание уделялось эволюции группировки сил США в составе СПР, что функционирует в национальном качестве [Deni 2016, Смирнов 2021], причем из числа отечественных ученых здесь следует особо отметить разработки сотрудника Балтийского федерального университета Ю.М. Зверева [Зверев 2021]. Вместе с тем комплексной картины развития СПР, особенно с учетом масштабного их приращения в первом полугодии 2022 г., создано еще не было.

Формирование и развитие структуры сил передового развертывания НАТО

В представлении автора система элементов сил передового развертывания НАТО в середине 2022 г. находилась на третьем этапе своего развития, т.е. развертывания сетки войсковых и штабных единиц. Следует подчеркнуть, что все они комплектовались исключительно на *ротационной* основе с обновлением личного состава, большинства единиц ВиВТ каждые шесть-девять месяцев (более полугодя срок был у войск, прибывавших из США).

На **первом** этапе (2004–2013) создавались механизмы лишь военноморского и воздушного присутствия. С 2004 г. стали функционировать Миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии, 1-я постоянная морская и 1-я постоянная контрминная группы (ПМГ и ПКМГ соответственно). Последние две оперировали в акваториях, отделяющих Западную и Восточную Европу, с одной стороны, Северную – с другой, прежде всего в Балтийском и Северном морях, Финском и Ботническом заливах. Три эти прецедентных военных механизма были созданы под предлогом стремления НАТО к частичному снятию обеспокоенности стран Балтии относительно «российской угрозы» [Standing 2022]. С 2008 г. после нападения Грузии при М. Саакашвили на Южную Осетию и вынужденной операции ВС РФ по принуждению агрессора к миру были учреждены 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ, курсирующие прежде всего в Чёрном и Средиземном морях, в целом в акваториях к югу и востоку от Южной и Юго-Восточной Европы. Если Миссия представляла собой небольшую компоненту авиакрыла (воздушной эскадры), то ПМГ или ПКМГ – полноценную оперативную группу, «ядро» военно-морской эскадры (четыре-шесть боевых кораблей и одно-два судна поддержки), притом исключительно из надводных вымпелов. В единой увязке с развертыванием этих сил осуществлялась модернизация баз (в частности, авиабаз в Шауляе в

Литве и Эмари в Эстонии) с привлечением ресурсов «старых» стран – участниц НАТО. С середины 2010-х годов все четыре перечисленные морские группы НАТО были причислены к силам быстрого реагирования, т.е. II стратегическому эшелону блока, однако продолжили оперировать преимущественно в зоне I [Standing 2022].

Второй этап (весна 2014 – 2021 г.) характеризовался развертыванием штабов и главное – наземных войсковых единиц. При этом скорость создания первых, достигнутый ими предельный военно-организационный уровень (вплоть до корпуса включительно) в целом существенно превышали данные показатели для вторых.

На базе трехстороннего (Германия, Дания, Польша) корпусного управления «Северо-Восток» был создан одноименный многосторонний штаб между февралем 2015 и июлем 2016 г. [Trilateral 2015; Warsaw Summit 2016], т.е. датой проведения Варшавского саммита Альянса. К этому времени были учреждены два многосторонних командования дивизионного уровня: «Северо-Восток» (в Польше) и «Юго-Восток» (в Румынии) [Warsaw Summit 2016], в подчинение которым постепенно передавалась сетка штабов бригадного и батальонного уровней – как непосредственно имевших в своем подчинении соответствующие войсковые силы, так и управления без оных. На рубеже 2010–2020-х годов стало формироваться еще одно многостороннее командование дивизионного уровня – «Центр» с дислокацией в Венгрии [Headquarters 2022]. Наконец, в октябре 2020 г. был создан штаб дивизии «Север», учреждения которого были развернуты в Латвии и Дании [NATO's Forward 2022].

Войсковое наземное присутствие в рамках *FPF* состояло из двух основных составляющих, объем и географическое расположение которых были определены на Варшавском саммите НАТО [Warsaw Summit 2016]. Место принятия данного решения неслучайно: Республика Польша (РП) стремилась быть основным реципиентом военного присутствия под эгидой НАТО в регионе. Реальный старт полноценного функционирования каждой из составляющих СПР был осуществлен через полгода после саммита – в январе 2017 г. Это время потребовалось для завершения формирования тыловой инфраструктуры и отработки маршрутов и технических деталей передвижения частей и подразделений из Северной Америки и Западной Европы в Восточную Европу.

Одна компонента – силы под национальным командованием США, прежде всего задействуемые в рамках операции *Atlantic Resolve* («Атлантическая решимость»). Начало этому положило развертывание ротных тактических групп в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии с апреля 2014 г. первоначально из войск Соединенных Штатов, уже дислоцированных в Европе (из состава 173-й аэромобильной бригады в Италии) [Deni 2016]. С января 2017 г. было развернуто присутствие уровня «тяжелой» бригады (4–4,5 тыс.

военнослужащих) (*Armored Brigade Combat Team, ABCT*) [American Armored 2017]. Она обычно имела в своем составе четыре мотопехотных и (или) танковых батальона, по батальону артиллерии, инженерных войск и сил поддержки. В рамках ротации в основном поочередно использовались уже соединения, имевшие районы постоянной дислокации в самих США – так, это 3-я бронетанковая бригада 4-й пехотной дивизии (штат Колорадо) [American Armored 2017], 1-я бронетанковая бригада 1-й кавалерийской дивизии (штат Техас), 1-я бронетанковая бригада 1-й пехотной дивизии (штат Канзас) [Зверев 2021]. «Ядро» бригады дислоцировалось в Польше, выдвинутые подразделения (от одной до нескольких рот в каждом случае) – в странах Балтии.

Другая компонента – группа многонациональных батальонных тактических групп (БТГ), комплектуемых с участием большинства «старых» стран – участниц НАТО. С января 2017 г. первая волна – четыре БТГ – была развернута в трех республиках Балтии и Польши из расчета одна войсковая часть на каждое государство-реципиент. Суммарная численность четырех БТГ составляла 4–4,5 тыс. военнослужащих [NATO's Enhanced 2020], т.е. была равна объему присутствия США в составе «тяжелой» бригады. В отличие от нее, в случае многонациональных БТГ подразделения артиллерии, инженерных войск и сил поддержки включались в состав каждой [NATO's Enhanced 2020], что объяснялось высокой степенью их автономности друг от друга. Для каждой БТГ была определена своя «рамочная нация», т.е. государство-координатор, вносящий ведущий вклад в комплектование: США, Германия, Канада, Великобритания для групп в Польше, Литве, Латвии и Эстонии соответственно [NATO's Enhanced 2020]. Если в случае «тяжелой» бригады Соединенных Штатов большинство ее подразделений было сосредоточено в Польше, а меньшая часть – в странах Балтии, то в случае четырех БТГ схема расположения была обратной. Это отражало географическое и функциональное (учитывая расположение в северо-восточной части региона) взаимодействие друг другом двух составляющих СПР НАТО в Восточной Европе. Притом демонстрировалось де-юре равное внимание к обеспокоенностям всех стран, ставших реципиентами военного присутствия Альянса.

Притом по своему характеру (ротационный) и объему (бригада или эквивалентной) каждая из компонент *FPF* блока де-юре не противоречила положениям Основополагающего акта Россия–НАТО (1997) [Founding act 1997]. Де-факто с учетом уже реализованных и главное – планируемых (исходя из уровня штабов) объемов СПР НАТО действия Альянса стали вступать в противоречие с обязательствами 1997 г.

В южной части Восточной Европы БТГ развернуты не были, т.е. юго-восточный фланг зоны I стратегического эшелона НАТО оказался в еще более отставшем положении, чем это было в 2004–2013 гг. Почему? Для Румынии значимая причина усматривается в осознании чрезмерной провокационности

таких шагов для возникновения неконтролируемой эскалации напряженности с РФ, учитывая географическую близость вооруженного конфликта на востоке Украины от территорий официального Бухареста. Такое восприятие со стороны Евро-Атлантического сообщества, особенно группы континентальных западноевропейских стран, было особенно характерно на самых первых этапах новой «холодной войны». По мере отдаления от них и институционализации конфронтации чувство данного риска стало притупляться. Это проявилось в проведении учений «Sea Breeze 21» в июле 2021 г. не только в акватории Чёрного моря (с опорой на румынские и болгарские порты и в целом инфраструктуру), но прибрежных районах Украины. За этим – уже к осени 2021 г. – последовало фактическое развертывание многосторонней миссии по воздушному патрулированию Румынии – географически симметричную той, что функционировала в интересах стран Балтии с 2004 г. [Romania 2022]. Вновь необходимо подчеркнуть, что штаб дивизии «Юго-Восток», предназначенный для принятия командования войсками НАТО в Румынии и Болгарии, был сформирован еще согласно решениям Варшавского саммита 2016 г. [Warsaw Summit 2016].

Ряд других игроков, прежде всего Венгрия, в меньшей степени Болгария, Словакия, Чехия, в реалиях второй половины 2010-х годов еще не демонстрировали повышенной заинтересованности в развертывании на своей территории войск СПР НАТО. Однако, как уже отмечалось, и в случае Венгрии к началу 2020-х годов был учрежден штаб дивизии «Центр» [Headquarters 2022].

Как и управление этой дивизией «Юго-Восток» – это свидетельствовало о безусловном желании на уровне НАТО развернуть здесь полноценные силы передового развертывания. Тем самым решение было принципиальным, но отложенным в смысле «вызревания» согласия у местных и части «старых» стран – участниц НАТО и времени на заблаговременную подготовку необходимой инфраструктуры. Ее составляющими стали небольшие миссии связи НАТО, размещаемые по всему региону, включая его южную часть [Headquarters 2022]. Вместе с тем к концу 2021 г. дивизии «Юго-Восток» и особенно «Центр» оставались скорее «бумажными» соединениями, имея в подчинении лишь мелкие подразделения, притом невойсковые. Напротив, штабам дивизий «Северо-Восток» и «Север» подчинялись по две БТГ (в Литве и Польше, Латвии и Эстонии соответственно) [NATO's Forward 2022], а также расположенные в зоне их ответственности подразделения «тяжелой» бригады армии США.

Чем объяснялась существенная разница в уровне вновь созданных командований и объемов войск, реально находившимися в их подчинении в 2016–2021 гг.? Создавались организационные (штабы, а вслед за ними склады и в целом необходимая тыловая инфраструктура) рамочные условия для развертывания многонациональных соединений СПР. Однако «старые»

страны – участницы НАТО не были готовы немедленно наполнить их необходимым объемом войск ни политически, ни в собственно военном отношении. Почему? В политическом отношении руководство данных стран стремилось к плавности наращивания СПР, что отнюдь не противоречило планомерности этого процесса, но, сохраняя его сугубо поступательную динамику, позволяло минимизировать риск неконтролируемой эскалации в развитии конфронтации между «коллективным» Западом и РФ. Сторонниками данного подхода являлись прежде всего германо-французский тандем и блокировавшийся с ним ряд континентальных европейских стран – участниц НАТО. Время требовалось и для «вызревания» необходимого мнения у общественности в государствах Евро-Атлантического сообщества под влиянием правительственных заявлений для СМИ: рост СПР и в целом военной нагрузки не мог не вызвать вопросы у рядового гражданина в смысле сокращения трат на социальные нужды. Особенно острой данная проблема была у Германии, Франции, в целом континентальных западноевропейских, а также южноевропейских стран. В результате по линии СПР наземное войсковое присутствие США в Восточной Европе было *впервые* развернуто уже в апреле 2014 г. [Deni 2016], а основной массив европейских стран – участниц НАТО принял данное решение лишь в июле 2016 г., реально осуществив его к январю 2017 г. [Warsaw Summit 2016].

В собственно военном отношении это объяснялось инерционностью вооруженных сил «старых» государств – членов Альянса: им требовалось время, чтобы перестать двигаться по накатанной за четверть века (с начала 1990-х годов) колее постоянных редуций и перейти к траектории восстановительного роста. Кроме того была необходима концептуальная реорганизация задач в области строительства вооруженных сил. Фокус смещался с создания и функционирования малочисленных (несколько тысяч человек) сил кризисного реагирования, предназначенных к использованию на значительном удалении от Евро-Атлантического сообщества, на наращивание сил многочисленных (десятки и сотни тысяч) сил общего назначения, обязанных действовать внутри зоны ответственности НАТО и вблизи нее. Преодоление обеих проблем для восточноевропейских стран – участниц Альянса в целом оказалось намного быстрее, чем для западноевропейских, применительно к численности войск, что отражено в таблице 1. Почему? По сравнению со «старыми», «новые» страны – участницы НАТО процесс масштабных сокращений начали позже (в основном после своего вступления в Альянс), не организовали его столь качественно: так, сохранялся полноценный (с учетом масштаба ВС каждой страны) корпус резервистов из числа прошедших службу в кадровых войсках. Кроме того, вновь вступившие в блок государства в существенно меньшей степени уделяли внимание развитию и использованию сил кризисного реагирования, продолжая фокусироваться на эволюции сил общего назначения.

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ВС РЯДА СТРАН – УЧАСТНИЦ НАТО
(ТЫС. ВОЕННЫХ)²**

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 ³	2020 г. к 2014 г. (в %)
<i>Западная Европа:</i>									
Бельгия	30,5	29,7	28,8	27,8	26,5	23,3	22,8	22,7	74,8
Великобритания	168,7	141,4	139,5	149,4	146,6	144,0	147,3	156,2	87,3
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8	102,9
Люксембург	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	100,0
Нидерланды	41,2	40,6	40,0	39,5	39,3	39,7	40,4	40,8	98,1
Франция	207,0	204,8	208,1	208,2	208,2	207,8	207,6	207,5	100,0
<i>Восточная Европа:</i>									
Болгария	27,5	24,9	24,7	24,3	24,4	24,6	25,0	26,0	90,9
Венгрия	17,5	17,4	17,9	18,7	19,9	18,9	19,8	19,8	113,1
Латвия	4,6	4,8	5,2	5,5	5,9	6,0	6,4	6,6	139,1
Литва	8,6	11,8	11,8	13,5	14,3	14,9	15,1	16,7	175,6
Польша	99,0	98,9	101,6	105,3	109,5	113,1	116,2	121,0	117,4
Румыния	65,1	64,5	63,4	64,0	64,0	64,5	66,4	68,6	102,0
Словакия	12,4	12,4	12,2	12,2	12,2	12,7	13,1	13,1	105,6
Чехия	20,2	21,5	22,7	23,8	24,7	25,3	26,1	26,4	129,2
Эстония	6,3	6,0	6,1	6,0	6,2	6,3	6,7	6,8	106,3

Реперными точками для сравнения в таблице 1 избраны 2014 г. как начало новой «холодной войны» и 2020 г., по которому данные точны; в последнем случае фактор начала пандемии COVID-19 не оказал заметного влияния на общую динамику изменения численности ВС. Так, к 2021 г. из группы западноевропейских стран небольшое превышение численности ВС уровня 2014 г. наблюдалось только в Германии (!) – у остальных было «проседание»,

2. Кроме крайне правого столбца построено автором на основе: [Defence Expenditure 2021, p. 12] с учетом корректировок от 31.03.2022. См.: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/3/pdf/220331-def-exp-2021-en.pdf

3. Ориентировочные данные.

особенно заметное на примерах Великобритании и Бельгии. Из числа восточноевропейских стран наиболее быстрым прирост вооруженных сил был у Литвы, Латвии, Польши, Чехии (от 17 до 75%). Наряду с Эстонией, именно эти страны наиболее активно педалировали вопрос о «российской угрозе» и все, кроме официальной Праги (в силу географической отдаленности от восточных границ зоны ответственности НАТО), стали первыми региональными реципиентами многосторонних СПР Альянса. В первом полугодии 2022 г. этот рост еще более ускорился, особенно в случае Эстонии, а также Румынии, которые по темпам наращивания ВС стали догонять остальные республики Балтии и Польши (табл. 2).

Таблица 2

**ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЙСКОВОГО ПРИСУТСТВИЯ НАТО
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (июнь 2022 г.)⁴**

Государство – реципиент присутствия НАТО ⁵	Объем присутствия (тыс. военных) ⁶	Численность ВС самой страны (тыс. военных) ⁷	Доля первого показателя от второго (в %)
Эстония	2,2	10,5	21,0
Латвия	4,0	7,5	53,3
Литва	3,7	17,2	21,5
Польша	11,6	122,5	9,5
Словакия	1,1	13,5	8,1
Венгрия	0,9	21,4	4,2
Румыния	4,7	75,0	6,3
Болгария	1,7	27,4	6,2
Итого:	29,9	295,0	10,1

Следует подчеркнуть, что **третий** этап развития *FPF* в Восточной Европе стартовал не после 24 февраля 2022 г. (начала специальной военной операции РФ), а уже с января 2022 г., т.е. страны – участницы Евро-Атлантического сообщества *превентивно* перешли к ужесточению военного «сдерживания»

4. Нет данных по Чехии, так как она не стала реципиентом частей СПР НАТО.

5. Даны в порядке их географического расположения с севера на юг.

6. Построено автором на основе: [NATO's Eastern 2022]. Данные на июнь 2022 г. уточнены.

7. Построено автором на основе: [NATO's Eastern 2022]. Данные на июнь 2022 г. уточнены.

России. Так, уже в это время рядом государств – членов НАТО стали реализовываться шаги по увеличению контингентов в составе четырех имевшихся БТГ, что делало каждую уже не обычного, но усиленного состава [NATO's Enhanced 2022]. Параллельно США начали развертывать новую, т.е. вторую по счету, бригаду в Восточной Европе. Будучи мотопехотной (*Infantry Brigade Combat Team, IBCT*), она сосредоточивалась в Румынии, имея авангарды в Венгрии и Болгарии. Это соединение должно было дополнить такое бронетанковое («тяжелое»), действовавшие в Польше с выдвинутыми подразделениями в страны Балтии [ФАКТ SHEET 2022]. Кроме того, Соединенные Штаты перебросили аэромобильный батальон в Латвию (из Италии), эскадрильи боевой авиации в Литву (из Германии) и Польшу (из Великобритании), батареи систем *Patriot* в Польшу и Словакию (также из Германии) [ФАКТ SHEET 2022]. Вместо убывавших из указанных стран Западной и Южной Европы туда перебрасывались другие подразделения.

Уже 24 марта 2022 г., т.е. спустя неполный месяц после начала специальной военной операции РФ, решением внеочередного саммита НАТО были учреждены четыре новые батальонные тактические группы – по одной в Болгарии, Венгрии, Румынии, Словакии. Интересен состав «рамочных наций»: в первых двух случаях ими стали сами государства-реципиенты, в последнем – Чехия, т.е. региональный игрок-сосед, что вновь отражало ограниченную по сравнению с другими странами Восточной Европы заинтересованность в развертывании многостороннего военного присутствия НАТО. Логичным являлось исключение – Румыния, на территории которой была создана группа с ведущей ролью Франции по образцу четырех первых БТГ в странах Балтии и Польше [NATO's Forward 2022]. В целом стартовал процесс наполнения войсковыми частями структуры многонациональных дивизий «Центр» (силы в Венгрии, Словакии) и «Юго-Восток» (в Румынии и Болгарии).

7 июня 2022 г., т.е. на 100-й день с начала специальной военной операции РФ, канцлер ФРГ как «рамочной нации» БТГ в Литве заявил о прецедентном решении трансформировать ее в бригаду, что было согласовано с лидерами всех республик Балтии [Pressekonferenz 2022]. К концу июня 2022 г. численность каждой из расположенных в них батальонных тактических групп составляла почти от 1,5 до 1,9 тыс. военнослужащих [NATO's Forward 2022] с перспективой дальнейшего существенного роста. С учетом позиции Польши трансформация в полноценное соединение ожидает все четыре «старых» БТГ, что может быть осуществлено в срок до года. По осуществлении этого дивизии «Северо-Восток» и «Север» станут двухбригадного состава (по бригаде в Литве и Польше, Латвии и Эстонии соответственно) [NATO's Forward 2022]. Высока вероятность трансформации БТГ в Румынии и Болгарии также в бригады, что превратит дивизию «Юго-Восток» также в двухбригадное со-

единение. Реорганизация БТГ является уже существенным отходом от положений Основополагающего акта Россия–НАТО (1997) [Founding act 1997].

Наряду с полноценным функционированием военно-морских компонент в зоне I стратегического эшелона Альянса (две морские и две контрминные группы) уже к апрелю 2022 г. система патрулирования воздушного пространства под эгидой блока была организована для всех государств-реципиентов многонациональных БТГ: миссии ВВС в странах Балтии и Румынии были дополнены таковыми в Польше, Венгрии и Словакии (в единой связке) и Болгарии [NATO's Eastern 2022]. Соответственно, расширилась и система используемых авиации НАТО баз: они располагались не только в Эстонии и Литве, но также в Польше и Болгарии [NATO's Eastern 2022].

Многонациональная БТГ (будущая бригада) в Польше с ролью США как «рамочной нации» может быть передана в подчинение перебрасываемого в РП управления V армейского корпуса (АК) Соединенных Штатов [FACT SHEET 2022]. Он с приданным батальоном поддержки полевых войск является прецедентной военной единицей уже не ротационного, но *постоянного* состава [FACT SHEET 2022], т.е. это нарушение Основополагающего акта Россия–НАТО (1997) [Founding act 1997]. В подчинение V АК США перейдут две бригады их войск (одна – в Польше, странах Балтии, другая – в Румынии), для управления которыми развертывается в РП управленческое звено дивизионного уровня. Кроме того, в распоряжение V АК переходят многочисленные компоненты усиления (в частности, подразделения спецназа в Литве) и поддержки (особенно на территории Польши) [FACT SHEET 2022].

Территориально зона ответственности и расположение войсковых сил V АК в основном совпадают с таковой для штаба многонационального корпуса «Северо-Восток». В целом обе компоненты СПР, возникшие в 2016–2021 гг., *одна*, созданная США в национальном качестве, *другая* – многосторонняя (но также с участием Соединенных Штатов) – развивались параллельно и синхронно в первом полугодии 2022 г. Декларируемые и уже активно реализуемые шаги означают рост только наземных войск сил передового развертывания НАТО до двух бригад США и эквивалента пяти бригад (четыре бригады и группа новых БТГ, эквивалентная соединению данного уровня) многонационального состава. Эти силы сочетаются с соответствующими по силе военно-воздушной и морской компонентами. Активно выстраиваемая разноплановая инфраструктура и система штабов позволяют еще более нарастить СПР НАТО: так, только штабы соединений корпуса «Северо-Восток» могут принять под свое командование до десяти бригад. Эти показатели существенно превышали те объемы войск, которые допускались Основополагающим актом Россия–НАТО [Founding act 1997].

При развертывании компонент присутствия СПР всех родов войск, особенно наземных – БТГ, их последующей трансформации в бригады –

прослеживалось стремление на уровне Альянса к демонстрации равного вклада в усиление военной мощи каждого государства-реципиента. На практике, однако, объемы присутствия войск НАТО в конкретных странах Восточной Европы существенно различались, по состоянию на 22 июня 2022 г. (табл. 2). Логично, что наиболее многочисленные контингенты были размещены в странах, уже с 2016–2017 гг. принявших на своей территории многонациональные части СПР НАТО, а также в Румынии. Однако далеко не во всех случаях прослеживалась примерно равная зависимость между объемом группировки войск Альянса в стране и такими ее характеристиками, как: размеры территории, протяженность сухопутной границы с РФ, численность вооруженных сил, степень заинтересованности в роли реципиента. Так, к числу исключений из данной логики относились Латвия и Румыния. Поэтому необходимо учитывать еще одно положение: военно-логистическую значимость государства, т.е. удобства размещения на его территории резервов войск, складов с целью усиления ими по мере необходимости других направлений. С данной точкой зрения наиболее ценными представлялись Латвия, Литва, Польша и Румыния – именно в них по состоянию на конец июня 2022 г. было сосредоточено 80% всех сил войск *FPF* в Восточной Европе.

Какие составляющие их образовывали? Во-первых, восемь многонациональных БТГ, включая начавшие реорганизовываться в бригады, которые имели свыше 9,6 тыс. военных [NATO's Forward 2022]. С учетом штабов многосторонних соединений (корпус, три дивизии) этот показатель составлял порядка 10,5 тыс. человек. Кроме того, сюда следует отнести лётный и многочисленный обслуживающий персонал многосторонних сил по воздушному патрулированию (от 20 до 25 самолетов без учета вклада США в национальном статусе) [NATO's Eastern 2022].

Во-вторых, не меньшей была численность войск США в национальном качестве. Уже к февралю 2022 г. в Восточной Европе было сосредоточено 10 тыс. военных Соединенных Штатов: 7 тыс. личного состава было задействовано непосредственно в ротационных силах миссии *Atlantic Resolve*, еще 3 тыс. находились в Польше и Румынии [Number 2022]. Из числа последних, однако, лишь менее 1 тыс. солдат и офицеров входили в состав многосторонних сил НАТО [NATO's Enhanced 2022]. Иными словами, под национальным командованием оставалось более 9 тыс. военных уже к февралю 2022 г. Из общего прироста присутствия США на 20 тыс. (с 80 до 100 тыс. солдат и офицеров) в первом полугодии 2022 г. значительная часть пришлась именно на Восточную Европу [FACT SHEET 2022].

Наконец, в-третьих, в регион в марте 2022 г. были переброшены отдельные части сил быстрого реагирования (СБР) Альянса – совокупности группировок НАТО II стратегического эшелона: так, в Румынию было отправлено «ядро» БТГ французских войск (0,5 тыс. солдат и офицеров) [NATO Response

2022]. Вместе с тем доля СБР в составе группировки НАТО в Восточной Европе невелика (до 3%), т.е. ее безусловную основу составляют существенно наращиваемые войска СПР. Это позволяет сохранить СБР (штатная численность – 40 тыс. военных на ротационной основе) [NATO Response 2022] – наиболее ценную в боевом отношении часть войск НАТО – как мощный резерв для усиления востребованных направлений.

Национальные схемы участия в комплектовании многосторонних СПР НАТО

Многонациональная компонента сил передового развертывания, прежде всего БТГ, часть из которых уже реорганизуется в бригады – представляла собой пример реализации принципа *мультилатерализма* применительно к сфере строительства вооруженных сил. Его имплементация обеспечивала как принцип «круговой поруки» в смысле несения коллективной ответственности в военном отношении, так и обеспечение взаимной поддержки в деле стратегического проникновения в регионы развертывания присутствия. Круг наиболее заинтересованных в этом легко определить по масштабу и числу треков участия в комплектовании многосторонних БТГ (табл. 3).

Из числа держав Североатлантического альянса *США* основное внимание уделяли вкладу в СПР НАТО под национальным командованием, комплектование же многосторонних сил было для них скорее вспомогательной задачей. Примечательно, что этот подход прежде всего реализовывался администрациями президентов-демократов, декларировавших приверженность мультилатерализму. Так, при Б. Обаме принято решение о развертывании под национальным командованием – «тяжелой» бригады, многосторонним – лишь «ядра» БТГ. Администрация Дж. Байдена дополнила это к середине 2022 г.: по первому треку – штабом корпуса и дивизии (с силами поддержки), еще одной бригадой, отдельными батальонами, группами ВВС, ракетных сил и артиллерии, сил поддержки [FACT SHEET 2022], а по второму – только вспомогательным вкладом в комплектование трех новых БТГ в Болгарии, Венгрии, Румынии объемом в неполную роту в каждом случае [NATO's Forward 2022]. Притом географически вклад США в комплектование многосторонних частей СПР НАТО был синхронен наращиванию их войск под национальным командованием, представляя меру их усиления: с 2016–2017 гг. внимание было обращено на Польшу и страны Балтии, а с 2021–2022 гг. – также на Румынию, Болгарию, Венгрию и Словакию. Примечательно, что Д. Трамп не внес каких-либо существенных коррективов – ни количественно, ни качественно, своими намерениями подготавливая решения уже аппарата Дж. Байдена в 2021–2022 гг. О чем свидетельствовали данные факты? О наличии широкого консенсуса правивших элит в Вашингтоне: фактически

**СХЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ СИЛ ПЕРЕДОВОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НАТО
(на 22 июня 2022 г.)⁸**

Государство- вкладчик / страна размещения	Эстония	Латвия	Литва	Польша	Словакия	Венгрия	Румыния	Болгария	Всего
<i>Державы НАТО</i>									
США				780		130	120	135	1165
Великобритания	993			129					1122
Германия			1031		284				1315
Франция	219						550		769
<i>Иные страны – участницы НАТО</i>									
Албания		21						30	51
Бельгия			1				248		249
Болгария								803	803
Венгрия						710			710
Дания	217								217
Исландия	1	1	1						3
Испания		504							504
Италия		250							250
Канада		639							639
Люксембург			6						6
Нидерланды			270		125				395
Норвегия			188						188
Польша		177					230		407
Румыния				120					120
Сев. Македония		9							9
Словакия		152							152
Словения		42			101				143
Хорватия				4		60			64
Черногория		11							11
Чехия		81	135		133				349
Всего:	1430	1887	1632	1033	643	900	1148	968	9641

8. Построено автором на основе: [NATO's Forward 2022].

(признаваемое открыто лишь Д. Трампом) предельное отстаивание национального величия в увязке с декларированием приверженности мультилатерализму. Эта линия представляла собой один из примеров движения США от лидерства к гегемонии – жесткой при администрации 45-го президента Соединенных Штатов и облеченной в мягкие формы уже при Дж. Байдене. В связи с этим показательно желание США – единственной из «старых» стран – участниц НАТО – развернуть свое полноценное военное присутствие во всех (!) государствах – членах Альянса в Восточной Европе. С учетом стремления Белого дома укреплять свои позиции как безусловно ведущего центра влияния в «коллективном» Западе понятен особый интерес к Польше [ФАКТ SHEET 2022] – «малой державе» в регионе, а также Румынии, особенно по мере прочного стратегического закрепления в первом случае. В первом случае бригада США своими основными силами была развернута раньше (с января 2017 г.), будучи бронетанковой, во втором – позже (с января 2022 г.), притом мотопехотная.

Свои шаги США наиболее тесно координировали с другими англосаксонскими странами – участницами НАТО, что видно на примере присутствия в странах Балтии. **Великобритания** стала «рамочной нацией» для БТГ в Эстонии (внося также вспомогательный вклад в деятельность оной в Польше), **Канада** – для БТГ в Латвии (табл. 3), а сами США направили подразделения спецназа в Литву [ФАКТ SHEET 2022], не говоря уже о действующих во всех странах Балтии подразделениях «тяжелой» бригады Соединенных Штатов [Зверев 2021]. Тем самым группой англо-саксонских стран была выстроена общая схема военного присутствия в Прибалтике с опорой на группировку США в Польше. В отличие от северной части Восточной Европы в южной – Соединенные Штаты не опирались на поддержку Великобритании и Канады по линии многонациональных частей, чем во многом объяснялось участие США в комплектовании трех из четырех созданных здесь в марте 2022 г. БТГ (табл. 3).

Вклад США в комплектование *FPF* в Восточной Европе в национальном качестве уже к февралю 2022 г. составлял 0,6% от всей численности ВС, существенно увеличившись к концу июня 2022 г.; а по линии многонациональных батальонов – менее 0,1% [Number 2022; NATO's Forward 2022; Defence Expenditure 2021]. Соответственно, суммарно две компоненты участия Соединенных Штатов в силах быстрого реагирования составляли не менее 1% от численности всей «военной машины» Белого дома. Для других англосаксонских стран (участвовали в развертывании только многосторонних частей) этот показатель составлял: у Канады – 0,9%, Великобритании – 0,6% по состоянию на конец июня 2022 г. [NATO's Forward 2022; Defence Expenditure 2021]. В контексте трансформации БТГ в Эстонии в бригаду официальный Лондон как «рамочная нация» с высокой долей вероятности выйдет на отмет-

ку в 1%: это подтверждают заявления генералитета Соединенного Королевства о стремлении к резкому наращиванию потенциала армии как рода войск для «сдерживания» РФ [Глава 2022]. Канада может достичь отметки в 1%, однако едва ли будет стремиться к переваливанию за нее: в пользу этого свидетельствует исключительно широкий набор других стран-участниц, комплекующих БТГ в Латвии, которого в принципе нет в случае ни одной другой многонациональной батальонной тактической группы (табл. 3). Европейские страны – участницы НАТО дополняют ограниченные возможности «военной машины» официальный Оттавы. По численности она занимала к 2022 г. лишь десятое место в Альянсе [Defence Expenditure 2021], затем «вылетев» из топ-10 вследствие роста ВС Румынии (см. табл. 2). В целом для англо-саксонских стран уже в 2022–2023 гг. отметка в 1% от численности ВС представляется нижним пределом вклада в комплектование СПР в Восточной Европе.

Для *Германии* к июлю 2022 г. этот показатель составлял 0,7% [NATO's Forward 2022; Defence Expenditure 2021] с перспективой уверенного преодоления 1%. Прецедентное для Альянса решение от 7 июня 2022 г. о реорганизации БТГ в бригаду было озвучено канцлером О. Шольцем в контексте планов по превращению бундесвера в самые крупные конвенциональные вооруженные сил среди европейских стран – участниц НАТО [Pressekonferenz 2022], т.е. обгона Франции и занятия третьего места после США и Турции [Defence Expenditure 2021, p. 12]. По всем данным вопросам наблюдался широкий консенсус германской элиты в завершающий период «эры» А. Меркель и формирования нового трехпартийного кабинета. Весной 2022 г. ФРГ стала единственной страной – участницей Альянса, вносившей наибольший войсковой вклад в комплектование многонациональных частей СПР сразу в двух государствах-реципиентах: в дополнение к Литве, где Германия официально играла роль «рамочной нации», это также БТГ в Словакии. Формально ведущей комплекующей страной была Чехия, однако численность ее контингента была вдвое меньше, чем бундесвера (табл. 3). В отличие от США, ФРГ в принципе не будет стремиться к внесению вклада в функционирование СПР в сугубо национальном статусе. Целью официального Берлина будет являться обеспечение одной из ведущих позиций в деятельности многонациональных частей: помимо указанных фактов, иллюстрацией тому являлось нахождение Германии на первом месте по вкладу в комплектование многосторонних наземных частей среди всех стран – участниц НАТО (табл. 3). Притом бундесвер не будет расплывать свои подразделения по многим направлениям (что характерно для США в БТГ в южной части региона), но стремиться к концентрации их на нескольких (в реалиях 2022 г. двух) участках с занятием здесь ведущей роли де-факто, а по возможности и де-юре. Данная активность осуществлялась на флангах Восточной Европы – в Прибалтике (решение от

7 июня 2022 г. было озвучено на встрече с лидерами всех трех республик с позиционированием ФРГ как гаранта их безопасности и обороны [Pressekonferenz 2022]), а также в южной части Восточной Европы. Иными словами, бундесвер используется, особенно в плане наземных войск, вне РП, что отражает снижение доверие в германо-польском диалоге. Из числа стран – участниц НАТО основными партнерами Германии по комплектованию многосторонних группировок СПР выступали Нидерланды, Норвегия и Чехия (табл. 3), т.е. по одному государству из Западной, Северной и самой Восточной Европы. Тем самым ФРГ достаточно эффективно использовала свой возраставший вклад в комплектование сил передового развертывания для обеспечения лидерства в Евро-Атлантическом сообществе в целом.

Из держав НАТО **Франция** вносила в комплектование СПР наименьший вклад – менее 0,4% от численности ВС [NATO's Forward 2022; Defence Expenditure 2021] и единственной не приняла участие в развертывании многонациональных БТГ первой волны в роли «рамочной нации». Эту функцию для батальонной группы в Латвии, которую по логике должна была принять Пятая республика, стала выполнять Канада. Данное решение президента Ф. Олланда было компенсировано уже Э. Макроном в марте 2022 г., когда Франция стала «рамочной нацией» для БТГ в Румынии [NATO's Forward 2022] – второго по размерам ресурсной базы игрока в Восточной Европе. Одновременно в эту страну были переброшены подразделения войск Пятой республики из состава СБР НАТО [NATO Response 2022]. В данной позиции официального Парижа просматривается стремление к «державности» во внешней политике. Как и Германия, Франция участвовала в комплектовании двух БТГ – не только вновь созданной в Румынии, но и функционирующей в Эстонии, однако во втором случае вклад был вспомогательным. В дальнейшем весьма вероятен рост объемов участия Франции в комплектовании СБР, однако достижение отметки 1% в ближайшей перспективе отнюдь не гарантировано. Из стран – участниц НАТО Бельгия выступала ключевым партнером официального Парижа при комплектовании СПР (см. табл. 3).

Как ни парадоксально, в данном процессе в целом участвовали отнюдь не все страны-участницы (табл. 3). *Во-первых*, к числу исключений относились страны Балтии: обладая небольшой по объему ресурсной базой, они предельно сосредоточились на укреплении собственного военного потенциала в пределах государственных границ. Притом они не пошли по пути большинства региональных игроков (не только Польши и Румынии, но также Венгрии и Болгарии), которые выделяли подразделения национальных ВС в состав многонациональных БТГ. Уже отмечалось, что официальные Будапешт и София участвовали в их развертывании только на своей территории (притом в роли «рамочных наций»), демонстрируя определенную военную самодостаточность. Словакия, предоставив свою территорию для размещения много-

национальной части НАТО, сама участвовала в ее комплектовании в Латвии. Польша и Румыния перекрестно участвовали в создании БТГ на территории друг друга, тем стремясь продемонстрировать согласие наиболее мощных игроков в Восточной Европе.

Во-вторых, не принимала участия в комплектовании БТГ СПР Турция, ограничившись лишь точечным вкладом в воздушное патрулирование [NATO's Eastern 2022]. Это представляется одной из иллюстраций ее внешнеполитического поведения, девиантного по отношению к большинству стран – участниц Евро-Атлантического сообщества, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Наконец, *в-третьих*, к исключениям относились Греция и Португалия. Официальные Афины занимали позицию, симметричную подходу Анкары (учитывая традиционно глубокие разногласия между ними) и одновременно демонстрировали уважение к обеспокоенностям РФ. Португалия, учитывая ограниченность ресурсной базы, максимум внимания сосредоточила на средиземноморском направлении деятельности НАТО – прежде всего, в смысле отражения неклассических угроз безопасности. Уже в силу географического положения логична фокусировка на нем и других стран Южной Европы, что отражалось на объемах их вклада в комплектование многосторонних *FPF*. Так, крупнейшие региональные игроки – Италия и Испания – участвовали в комплектовании лишь одной БТГ (дислоцирована в Латвии), притом доля задействованных в этом войск составляла соответственно 0,4% и 0,1% от численности ВС [NATO's Forward 2022; Defence Expenditure 2021]. Контингенты Балканских стран – участниц НАТО (Албания, Словения, Хорватия, Черногория) имели скорее номинальные объемы.

Исследуемый показатель для северо- и континентальных западноевропейских стран – участниц НАТО (за исключением Германии и Франции) составлял порядка 0,1% [NATO's Forward 2022; Defence Expenditure 2021], притом наибольшую активность проявляли Нидерланды, вслед за Германией участвуя в комплектовании БТГ в Литве и Словакии одновременно.

* * *

Процесс развертывания *FPF* в Восточной Европе представляется тщательно продуманным и планомерно осуществляемым. От морской и первой воздушной компоненты страны – участницы НАТО переходили к развертыванию штабной системы (и тыловой инфраструктуры), наполняя ее войсковым содержанием в наземном, а также авиационном плане. От батальонной сетки СПР НАТО начали стремительно переходить к бригадной с перспективой создания полноценно функционирующих дивизий. Притом характеристикой *FPF* неизменно остается двусоставность – параллельность войск США в национальном статусе и многосторонних сил – с синхронностью и

сопоставимостью объемов каждой из компонент. Это один из катализаторов взаимоотношений Соединенных Штатов с остальными странами – участниками НАТО.

Общая схема развертывания СПР была определена *де-факто* еще до начала конфронтации 2014 г. и тем более специальной военной операции РФ (2022), которые использовались в качестве информационных поводов для реализации масштабных шагов по наращиванию СПР в контексте усиления потенциала «военных машин» стран – участниц НАТО в целом. *Де-юре* ранее задуманные контуры стратегического присутствия Альянса в Восточной Европе были детально обозначены на Варшавском саммите (2016). Наращивание первого полугодия 2022 г. не было некой надстройкой, оно планировалось структурой, созданной уже во второй половине 2010-х годов. Притом, как ни парадоксально, фактор COVID-19 не внес существенных корректив. Мадридский саммит (2022) – время оценки промежуточных результатов в наращивании СПР, а окончательные итоги с наброском перспективной архитектуры будут с высокой долей вероятности подведены на саммите в Вильнюсе (2023). Места проведения ключевых встреч – в Польше и Литве – подтверждали авангардную роль стран в северной части Восточной Европы – РП и республик Балтии – в апробации каждого нового качественного уровня в развитии *FPF*.

В реалиях 2022 г. при их комплектовании, особенно БТГ, вновь создаваемых на их основе бригад, от общей численности ВС ориентиром для массива малых и средних стран – участниц Альянса является отметка в 0,1%, для Испании и Франции – 0,5%, а группы англо-саксонских стран и Германии – 1%. Это отражает не только военную, но и политическую роль этой тетрархии (в которой место официального Парижа пока занимала Оттава) в количественном и качественном совершенствовании *FPF*.

Библиография

Глава британского генштаба призвал создать армию, способную победить Россию // ТАСС. 2022. 19.06. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14967633> (дата обращения: 18.07.2022).

Зверев Ю.М. США снова перебросили в Европу «Бригаду дьявола» // Евразия эксперт. 2021. 29.09. URL: <https://eurasia.expert/ssha-snova-perebrosili-v-evropu-brigadu-dyavola/> (дата обращения: 18.07.2022).

Останков В.И. Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сборник научных статей под ред. ген.-полк. Ю.Н. Балуевского. М.: ЦВСИ, 2004. С. 210–226.

Смирнов П.Е. Восточный фланг НАТО: преемственность и новые акценты в политике США в Восточной Европе при администрации Дж. Байдена // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017923-2-1/> (дата обращения: 18.07.2022).

American Armored Brigade Combat Team in Poland // US State of Department. 2017. 31.08. URL: <https://pl.usembassy.gov/abct/> (дата обращения: 18.07.2022).

Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2020) // Communiqué PR / CP (2021) 030. Brussels: NATO, 2021. 16 p.

Deni J.R. Modifying America's Forward Presence in Eastern Europe // US Army. 2016. URL: <https://press.armywarcollege.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2822> (дата обращения: 18.07.2022).

FACT SHEET – U.S. Defense Contributions to Europe // US Department of Defence. 2022.29.06. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 18.07.2022).

Founding act on mutual relations, cooperation and security between NATO and the Russian Federation // NATO. 1997.27.05. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/59451/1997_nato_russia_founding_act.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

Headquarters Multinational Corps Northeast forges bonds with allies during hands-on event in Hungary // NATO. 2021. 2.07. URL: <https://mncne.nato.int/newsroom/news/2021/headquarters-multinational-corps-northeast-forges-bonds-with-allies-across-hungary-during-handson-event> (дата обращения: 18.07.2022).

Madrid Summit Declaration // NATO. 2022. 29.06. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 18.07.2022).

NATO's Eastern Flank: Air Domain // NATO. 2022. 1.04. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2204-map-nato-eastern-flank-air-domain.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet // NATO. 2022. February. URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/General/factsheets/2022-factsheet_efp.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet // NATO. 2020. October. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/10/pdf/2010-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

NATO's Forward Presence // NATO. 2022. June. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

NATO Response Force units arrive in Romania // NATO. 2022. 2.03. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192695.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 18.07.2022).

Number of active-duty United States military personnel in Europe in 2022, by country // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1294271/us-troops-europe-country/> (дата обращения: 18.07.2022).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš // Bundeskanzleramt. 2022. 7.06. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (дата обращения: 18.07.2022).

Romania provides crucial support for NATO's enhanced vigilance on the Eastern Flank // NATO. 2022. 26.05. URL: https://ac.nato.int/archive/2022/COM_ROU_visit (дата обращения: 18.07.2022).

Standing NATO Maritime Group One conducts change of command // NATO. 2022. 12.01. URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2021/standing-nato-maritime-group-one-conducts-change-of-command> (дата обращения: 18.07.2022).

Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting 5 February 2015 // Brussels: NATO, 2015. 2 p.

Warsaw Summit Communiqué // NATO. 2016. 9.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 18.07.2022).

References

American Armored Brigade Combat Team in Poland // US State of Department. 2017. 31.08. URL: <https://pl.usembassy.gov/abct/> (date of access: 18.07.2022).

Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2020) // Communiqué PR / CP (2021) 030. Brussels: NATO, 2021. 16 p.

Deni J.R. Modifying America's Forward Presence in Eastern Europe // US Army. 2016. URL: <https://press.armywarcollege.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2822> (date of access: 18.07.2022).

FACT SHEET – U.S. Defense Contributions to Europe // US Department of Defence. 2022. 29.06. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 18.07.2022).

Founding act on mutual relations, cooperation and security between NATO and the Russian Federation // NATO. 1997. 27.05. URL: https://www.nato.int/nrc-website/media/59451/1997_nato_russia_founding_act.pdf (date of access: 18.07.2022).

Glava britanskogo genshtaba prizval sozdat' armiju, sposobnuju pobedit' Rossiju [The head of the British General Staff called for the creation of an army capable of defeating Russia] // TASS. 2022. 19.06. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14967633> (date of access: 18.07.2022). (In Russ.)

Headquarters Multinational Corps Northeast forges bonds with allies during hands-on event in Hungary // NATO. 2021. 2.07. URL: <https://mncne.nato.int/newsroom/news/2021/headquarters-multinational-corps-northeast-forges-bonds-with-allies-across-hungary-during-handson-event> (date of access: 18.07.2022).

Madrid Summit Declaration // NATO. 2022. 29.06. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (date of access: 18.07.2022).

NATO's Eastern Flank: Air Domain // NATO. 2022. 1.04. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2204-map-nato-eastern-flank-air-domain.pdf (date of access: 18.07.2022).

NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet // NATO. 2022. February. URL: https://shape.nato.int/resources/site16187/General/factsheets/2022-factsheet_efp.pdf (date of access: 18.07.2022).

NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet // NATO. 2020. October. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/10/pdf/2010-factsheet_efp_en.pdf (date of access: 18.07.2022).

NATO's Forward Presence // NATO. 2022. June. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/2206-factsheet_efp_en.pdf (date of access: 18.07.2022).

NATO Response Force units arrive in Romania // NATO. 2022. 2.03. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192695.htm?selectedLocale=en (date of access: 18.07.2022).

Number of active-duty United States military personnel in Europe in 2022, by country // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1294271/us-troops-europe-country/> (date of access: 18.07.2022).

Ostankov V.I. Uspeshnoe reshenie problem stroitel'stva Vooruzhennyh Sil – vazhnejshee uslovie obespechenija nacional'noj bezopasnosti [The successful decision of the problems of armed forces building is the key condition of national security]. Voennaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii v XXI veke: sbornik nauchnyh statej pod red. gen.-polk. Ju.N. Baluevskogo. Moscow: CVSI, 2004. P. 210–226. (In Russ.)

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš // Bundeskan-

zleramt. 2022. 7.06. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausêda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (date of access: 18.07.2022).

Romania provides crucial support for NATO's enhanced vigilance on the Eastern Flank // NATO. 2022. 26.05. URL: https://ac.nato.int/archive/2022/COM_ROU_visit (date of access: 18.07.2022).

Smirnov P.E. Vostochnyj flang NATO: preemstvennost' i novye akcenty v politike SShA v Vostoch-noj Evrope pri administracii Dzh. Bajdena [NATO Eastern Flank: Continuity and New Accents in the U.S. Policies in Eastern Europe under the Biden Administration] // Rossiya i Amerika v XXI veke. 2021. N 4. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760017923-2-1/> (date of access: 18.07.2022). (In Russ.)

Standing NATO Maritime Group One conducts change of command // NATO. 2022. 12.01. URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2021/standing-nato-maritime-group-one-conducts-change-of-command> (date of access: 18.07.2022).

Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting 5 February 2015 // Brussels: NATO, 2015. 2 p.

Warsaw Summit Communiqué // NATO. 2016. 9.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (date of access: 18.07.2022).

Zverev Yu.M. SShA snova perebrosili v Evropu «Brigadu d'javola» [The United States again deployed the «Devil's Brigade» to Europe] // Eurasia.expert. 2021. 29.09. URL: <https://eurasia.expert/ssha-snova-perebrosili-v-evropu-brigadu-dyavola/> (date of access: 18.07.2022). (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2022.04.07

Г.А. Филатов

ИСПАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА КОЛОНИЙ В XX в.¹

Аннотация. Колониальный аспект отношений между Испанией и Россией обычно оставался на периферии внимания исследователей. Тем не менее на протяжении XX в. пути обеих стран в этой сфере пересекались. Приобретение новых земель Испанией происходило при активном участии еще Российской империи. Санкт-Петербург внимательно следил за конференцией в Альхесирасе в 1906 г., в результате которой Мадрид получил права на часть Марокко. После Второй мировой войны франкистская Испания, несмотря на начало процесса деколонизации, пыталась укрепиться в своих немногочисленных владениях: Северное Марокко, Сахара, Ифни, Гвинея. Этому способствовали и взятая Мадридом на вооружение политика экономической самодостаточности – автаркии, и идеологические аспекты. С одной стороны, колонии оставались символом испанского престижа. С другой стороны, метрополия старалась за счет своих заморских владений компенсировать торговые ограничения, с которыми она столкнулась в 1940-х и 1950-х годах. Они были вызваны сначала глобальным конфликтом, а после его окончания международной изоляцией, в которой оказалась Испания, как страна, имевшая тесные отношения с государствами Оси. Советский Союз, верный своим принципам, традиционно выступал за освобождение угнетенных народов и активно способствовал развитию процесса деколонизации. Испания не могла этому противостоять и постепенно освобождала свои владения. Вместе с тем вопрос деколонизации представлял и точки сближения для Москвы и Мадрида. Так, Советский Союз с 1967 г. стал поддерживать резолюции, требующие деколонизировать Гибралтар – небольшой полуостров на юге Пиренейского полуострова, находящийся под властью Великобритании.

Ключевые слова: Испания; СССР; Россия; колонии; Гибралтар; Марокко; протекторат; франкизм.

**Филатов Георгий Андреевич – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИВИ РАН, доцент ИГСУ РАНХиГС.
Россия, Москва.
E-mail.ru: georgefilatov@gmail.com**

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00482). The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation under project № 20-18-00482.

Filatov G.A. Spanish-Soviet relations and the problem of colonies in the 20th century

***Abstract.** The Spanish-Russian relations in the 20th century had a colonial dimension, which remains understudied. Spain acquired new lands with the active participation of the Russian Empire. St. Petersburg closely followed the conference in Algeciras in 1906, that gave Madrid rights to claim a part of Morocco. After the Second World War, Francoist Spain, despite the beginning of decolonization, tried to gain a foothold in its few possessions, namely Northern Morocco, Sahara, Ifni, Guinea. This process was facilitated both by Madrid's policy of economic self-sufficiency and ideology. The metropolis tried to compensate for the trade restrictions that it faced in the 1940s and 1950s at the expense of its overseas possessions. They were caused first by global conflicts and later by the international isolation in which Spain found itself as a country that had close relations with the Axis states. The colonies remained a symbol of Spanish prestige. The Soviet Union, true to its principles, advocated the liberation of the oppressed peoples and actively contributed to decolonization. At the same time, decolonization provided points of convergence for Moscow and Madrid. Thus, since 1967, the Soviet Union began to support UN resolutions demanding the decolonization of Gibraltar, a British Overseas Territory.*

***Keywords:** Spain; USSR; Russia; colonies; Gibraltar; Morocco; protectorate; Francoism.*

**Filatov Georgy Andreevich – Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher at IVI RAS, Associate Professor at IGSU RANEPА.
Russia, Moscow.
E-mail.ru: georgefilatov@gmail.com**

На протяжении всего франкистского периода Испания и Советский Союз официально объявляли друг друга символами всего того, против чего они боролись. Несмотря на это, со второй половины 1950-х годов между странами начали налаживаться отношения, в первую очередь в области культуры и торговли. В 1970-е годы происходили даже контакты по политическим вопросам, связанным с проведением Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Еще в одной сфере Мадрид и Москва если не контактировали напрямую, то имели точки соприкосновения: таковой стала деколонизация. Стороны, казалось, находились по разные стороны баррикад. СССР традиционно поддерживал борьбу за освобождение угнетенных народов, а Испания, владея пусть и небольшими колониями, старалась этот процесс затормозить. Несмотря на разницу во взглядах, в некоторых вопросах позиции стран сближались: например по ситуации вокруг Гибралтара.

Хотя проблема испано-советских отношений рассматривается рядом российских и испанских ученых [Грозная 2004, Сагомоян 2004, Чечкин 2009, Филатов 2018, Shneidman 1980, Centenera Ulecia 2013, Garrido Caballero 2006,

Suarez Fernandez 1986, Pereira Castañares 1993], пересечение интересов Мадрида и Москвы в колониальной сфере ими не затрагивается. Этот вопрос упоминается косвенно, в основном в связи с Гибралтаром [Filatov 2016; Yányshev-Nésterova 2021]. Данная статья направлена на восполнение этой лакуны. При ее подготовке были использованы материалы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ): документы Международного отдела ЦК (Ф. 5 Аппарат ЦК КПСС) и протоколы заседаний Политбюро и Президиума ЦК (Ф. 3). Также в статье приводятся материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), связанные с приобретением Испанией колоний в Африке (в частности, Ф. 1622 Витте, гр. Сергей Юльевич (1849–1915). Испанский взгляд на события представлен с помощью документов из секретариата Франсиско Франко, хранящихся в архиве Национального фонда Франсиско Франко (Archivo de Fundación Nacional Francisco Franco – AFNFF).

К началу XX в. Испания потеряла все свои владения, которые она получила в результате экспансии XVI в. Последние из них были утрачены в ходе Американско-испанской войны 1898 г. Тем не менее у Испании сохранялся ряд территорий, которые она смогла приобрести и начать осваивать во второй половине XIX в. в ходе новой волны европейской колониальной экспансии. В результате к моменту установления власти Франсиско Франко Испания контролировала земли в разных частях Африки: Испанское Марокко, Испанская Сахара, Ифни и Испанская Гвинея. Эти земли довольно сильно различались: по роли в экономике метрополии, по степени интеграции в хозяйственные связи, по тому символическому значению, которое Мадрид им придавал.

Наиболее идеологически значимой колонией были марокканские земли. Их полное название – Испанский протекторат Марокко. Это было совместное владение Парижа и Мадрида. Испанская часть состояла из двух не связанных между собой территорий. На севере это был регион, расположившийся вдоль средиземноморского побережья и охватывающий небольшую часть атлантического берега с административным центром в городе Тетуан. В него не входили испанские города Сеута и Мелилья, которые принадлежали Испании с XV–XVI вв., а также Танжер. Он являлся международной зоной и находился под общим управлением Франции, Испании и Великобритании. Южная часть Протектората неофициально называлась Мыс Хуби. Административным центром был город Вилья-Бенс (современное название – Тарфая).

Испания с момента окончания Реконквисты в конце XV в. пыталась обосноваться на севере Африки для борьбы с пиратами, но смогла лишь установить контроль над различными опорными пунктами на побережье [Lacomba Vázquez 2005, p. 186]. Только во второй половине XIX в. страна начала предпринимать попытки настоящей колонизации этой части континента [Togoges Sánchez 2017]. Это вылилось в испано-марокканскую войну 1859–1860 гг.

(в испанской историографии также известную как Африканская война), которая закончилась победой Мадрида. Марокко признало испанские анклав на своем побережье: Сеуту, Мелилью и ряд других небольших островов и полуостровов [Albi de la Cuesta 2018]. Но самостоятельно установить власть над севером страны Испании оказалось не под силу. Ей удалось этого добиться лишь благодаря поддержке других европейских государств.

В 1906 г. в испанском городе Альхесирас была созвана международная конференция. Она должна была разрешить Первый марокканский кризис, вызванный стремлением Германии установить контроль над этой африканской страной. Ее проведение стало одним из первых случаев, когда Россия проявила живой интерес к испанским колониальным вопросам в этой части света. Так как в конфликте участвовали великие европейские державы, Санкт-Петербург пристально следил за происходящим. Об этом свидетельствуют донесения и телеграммы, полученные председателем Комитета министров Сергея Юльевича Витте от разных агентов [Письмо Ламздорфа]. Россия активно участвовала в этом мероприятии, поддерживая своего союзника Францию [Телеграмма Витте; Зайцев, Ковалев 2022]. На конференции Париж добивался получения протектората над Марокко для себя и для Испании, и таким образом Санкт-Петербург заодно поддерживал и претензии Мадрида. По итогам конференции Франция, а с ней и Испания, добились своего [Togte del Río 2007]. После этого колониальные притязания Мадрида надолго исчезают из внешнеполитической повестки России.

В 1912 г. по Фесскому договору Париж и Мадрид окончательно разграничили зоны контроля в Марокко. Франция получила самую большую часть – центральную, а Испания – северную и южную зоны. При этом до появления Протектората южные территории формально не являлись частью Марокко, так как еще в конце XVIII в. султан признал, что его власть на эти земли не распространяется [Martínez Milán 2003]. В 1912 г. началась оккупация северной зоны. Южная была занята испанскими частями лишь в 1916 г.

Несмотря на то, что формально Мадрид установил протекторат, полного контроля над полученными территориями ему добиться не удалось. Восстания и акты неповиновения продолжались все 1910-е годы и в конце концов вылились в полномасштабную войну, которая получила название Рифской. В ходе нее испанцам пришлось воевать против повстанцев, возглавляемых Абд аль-Кримом. Победить их удалось лишь к 1926 г. [Madariaga Alvarez-Prida 1999], но и после этого ситуация в регионе оставалась беспокойной. Именно поэтому части, расквартированные в Марокко, считались наиболее боеспособными войсками испанской армии. И то, что во время восстания 1936 г. они первыми перешли на сторону националистов, дало мятежникам огромное преимущество.

Параллельно происходило освоение и других испанских владений в Северной Африке: Испанской Сахары (современная Западная Сахара) и Ифни (небольшой анклав на атлантическом побережье напротив Канарских островов). Эти территории имели для Мадрида намного меньшее значение, чем Испанский протекторат Марокко. Они не играли такой роли в идеологическом дискурсе франкизма, как марокканские земли, и с ними не было особой ностальгической связи у военных. Территории эти были еще более бедными и малонаселенными, чем те, которые образовывали Протекторат. Тем не менее контроль над Испанской Сахарой и Ифни определялся их стратегическим и отчасти экономическим значением.

Колонизация этих территорий началась довольно поздно. На территорию Сахары испанцы начали проникать в конце 1870-х годов, устраивая там фактории и удобные стоянки для рыболовецких судов, базировавшихся на Канарских островах. В 1884 г. был провозглашен протекторат над этими землями, и с этого момента на побережье начали появляться испанские поселения. Окончательно границы владения были определены рядом договоров с Францией в начале XX в. Фактический контроль над всеми полученными территориями был установлен еще позже. Испанские войска и колониальная администрация охватили всю зону Испанской Сахары лишь к 1920 г. – до этого они находились в основном в прибрежных населенных пунктах [Salom Costa 2003].

Еще позднее испанцы появились в Ифни. Обоснованием претензий на владение этим небольшим анклавом служило то, что еще в середине XV в. там существовало небольшое испанское поселение Санта-Крус-де-Мар-Пекенья (Santa Cruz de Mar Pequeña), которое в 1524 г. было оставлено под натиском местных племен. В XVIII в. об этом эпизоде испанской экспансии вспомнили, и возвращение утраченных земель на западном побережье Марокко стало своеобразным лейтмотивом для внешней политики. Вернуть эти территории мешало противодействие местного населения, других европейских держав, а также внутренние неурядицы [Gil Pérez, Garrido Guijarro 2015]. Лишь в 1860 г. после испано-марокканской войны удалось добиться от султана признания испанских прав на земли вокруг Санта-Крус-де-Мар-Пекенья. Так как никто не знал, где было это поселение, определение его точного местоположения оставили на потом. К концу XIX в. испанские ученые сошлись на том, что оно находилось где-то в районе Ифни [Pérez García 2003]. Испанские войска появились там лишь во времена Второй Республики в 1934 г. [Martínez Milán 2011].

В годы гражданской войны Марокко стало надежным тылом для восставших, так как именно там им удалось сразу установить полный контроль. Мятежникам довольно быстро удалось достичь взаимопонимания с местным населением. Представителям марокканской элиты обещали соблюдать все прежние договоренности. Более того, назначенный националистами высший

комиссар Хуан Луис Бейгбедер (Juan Luis Beigbeder) стремился демонстрировать уважение к местным традициям и порядкам. Он распорядился объявить четыре мусульманских праздника официальными выходными, зарезервировал 75% административных мест за марокканцами. Не скупились испанская администрация на почести и награды, как символические, так и денежные, для местной элиты [Fleming 1983]. Тех, кого это не убеждало, отправляли в тюрьму или расстреливали, однако таких было немного. В результате республиканские попытки поднять восстание в Протекторате, предпринятые Ларго Кабальеро в бытность им главой правительства (4 сентября 1936 – 17 мая 1937), потерпели неудачу [Luna Alonso 2002]. Взаимопониманию между мятежниками и представителями марокканской элиты способствовала и пропаганда восставших. Она рисовала их защитниками веры, в данном случае ислама, от красных атеистов. Отчасти этот образ, а в большей степени – тяжелая экономическая ситуация в Марокко, вызванная неурожаем и безработицей [Aziza 2003], привели к тому, что многие местные жители записывались в армию националистов. По подсчетам историков, за годы войны во франкистских войсках служили в общей сложности около 50 тыс. марокканцев [Benjeloum 2003, p. 57].

После войны Протекторат, особенно северная зона, стал важнейшей для испанских властей колонией. Именно Марокко Мадрид уделял больше всего внимания. В 1940-е годы эта часть владений представлялась одним из немногих символов международного престижа, которые еще оставались у Испании. Орган, который отвечал за заморские владения страны, созданный националистическим правительством, назывался не иначе как Национальная служба Марокко и колоний (Servicio Nacional de Marruecos y Colonias) [La Ley de treinta de enero 1938]. Протекторату уделялось наиболее пристальное внимание в идеологии франкистского режима. Об этом свидетельствуют, в частности, выпуски кинохроники No-Do, которые в обязательном порядке показывали во всех испанских кинотеатрах. Из 96 сюжетов о колониях, вышедших с 1943 (год появления No-Do) по 1959 г., 81 – был посвящен Марокко [Филатов 2020, с. 160].

Франкистская администрация всячески стремилась развивать эти земли. С 1940 г. экономическая политика в Марокко приобрела системный характер [Albet i Mas 2001, p. 342]. В 1941 г. была проведена реформа административного управления, которая должна была способствовать культурному и экономическому развитию данных территорий. В подчинении комиссара была образована делегация по экономике, промышленности и торговле, а также делегация по образованию и культуре. Первоочередной задачей режим считал развитие инфраструктуры, поэтому на общественные работы в Протекторате за несколько лет планировалось потратить 32,6 млн песет [Azzuz Hakim 1952, p. 42]. Эта цифра явно была выше возможностей страны. Несмотря на

это, колонии получали существенные суммы. В первых послевоенных бюджетах количество средств, выделяемых на испанские заморские владения, было сопоставимо с ассигнованиями на образование. С 1941 по 1945 г. колонии получили 2320 млн песет, а министерство образования – 2499 млн [Tafunell Sambola, Carreras i Odriozola 2005, pp. 931, 934].

Несмотря на щедрое финансирование, реализовать все планы развития Протектората оказалось не под силу, по крайней мере в первые годы существования франкистского режима. После гражданской войны экономика Испании находилась в тяжелом состоянии, а Протекторат до 1942 г. переживал период неурожая, вызванных засухой [Salueña 2013]. Из-за этого приходилось думать не о развитии, а о поддержании жизни населения. Для этого вводилось нормированное питание. Одновременно режим пытался как-то улучшить ситуацию в аграрном секторе региона, но больших результатов добиться не удалось. Официальная испанская статистика в 1955 г., подчеркивая благодатную работу Мадрида на управляемых территориях, сообщала, что в сельскохозяйственном обороте находилось около 20% земли Протектората, в то время как в 1941 г. – лишь 7,5%. Историки склонны объяснять такой значительный прогресс первоначальной недооценкой сельхозугодий контролируемых территорий [Gozálvez Pérez 1993–1994, pp. 423–424].

Некоторых успехов в развитии Протектората Мадриду удалось добиться после окончания Второй мировой войны. В условиях глобального конфликта и попыток построить самодостаточную экономику Испания испытывала острую нехватку в ресурсах. Поэтому первоочередной задачей для государства стал поиск полезных ископаемых. В связи с этим в 1942 г. была создана национальная компания Adago. Она специализировалась на геологоразведке. Не менее острой проблемой было и развитие инфраструктуры, необходимой как для перспектив экономической эксплуатации, так и для сохранения военного контроля над территориями. Денег на это франкистский режим не собирался жалеть. В 1946 г. был принят масштабный План экономической переоценки Зоны (Revalorización Económica de la Zona), рассчитанный на 50 лет. Он предполагал создание транспортной инфраструктуры (железные дороги, порты), развитие энергетики, сельского хозяйства (ирригационные работы), высадку деревьев. О ходе его реализации информировали непосредственно Франко [Informe de la Alta Comisaría de España en Marruecos]. План был разбит на пятилетние этапы, из которых до предоставления независимости Марокко полностью осуществить удалось лишь два [Salueña 2013, pp. 101–102].

Большую роль режим уделял и культурному развитию Протектората. Еще в 1940 г. была принята обширная программа по развитию образования для марокканцев, которая в силу экономических трудностей не была выполнена в полном объеме. Тем не менее она позволяла режиму объявлять себя защитником интересов местного населения в противовес французам, кото-

рые, согласно франкистской пропаганде, заботились лишь о создании системы образования для европейцев [González González 2013, p. 355]. На протяжении первого франкизма подчеркнута дружественное отношение к марокканской культуре и религии было важным аспектом колониальной политики государства. Официальный нарратив режима делал акцент на историческом характере близости двух народов, особо отмечая наследие Аль-Андалуса [González González 2007]. Обычным стало использование словосочетания «испано-марокканское братство» [Mateo Dieste 2003]. Для укрепления этой идеи еще в 1937 г. был создан Халифатский институт марокканских исследований имени Мулая Хасана (Instituto Jalifiano Muley el Hassan de Estudios Marroquíes). Он, согласно учредительным документам, должен был служить центром изучения исламской культуры, способствовать ее возрождению и развитию, а также помогать связывать ее с культурой испанской. Директором назначали лидера происпанской националистической партии «Марокканское единство» Мекки Насири.

Более дружественная политика по отношению к арабской культуре, которую проводила Испания в своей зоне Марокко, контрастировала с действиями Франции. Благодаря этому Мадрид в годы после окончания Второй мировой войны старался преподнести себя защитником не только марокканской, но и всей арабской культуры. Это должно было обеспечить ему поддержку среди арабских стран, которые в связи с началом процесса деколонизации одними из первых среди европейских колоний начали получать независимость. Для франкистского режима, оказавшегося после 1945 г. в международной изоляции, эта поддержка имела огромное значение, так как позволяла компенсировать отсутствие нормальных отношений с традиционными испанскими партнерами: странами Европы и США. Политика в Протекторате должна была быть своеобразной витриной для арабских стран [Algora Weber 1993]. Особая роль в этом отводилась Египту, где существовал Дом Марокко в Каире (Casa de Marruecos en El Cairo, Bayt al-Magrib). Он отвечал за обмен студентами и учеными между арабскими землями [González González 2012].

Несмотря на то, что режим в Испанском Марокко был дружелюбнее к местному населению в сравнении с французским – или, по крайней мере, стремился преподнести себя таким – он оставался колониальным. Хотя марокканцы допускались до управления на низовом уровне, реальным руководством территориями занимались представители метрополии, что не могло не вызывать недовольства. Испанская администрация времен первого франкизма показала себя способной держать ситуацию под контролем, не допуская развития опасных сценариев. Тем не менее необходимо отметить, что протекторат над Марокко осуществлялся совместно двумя странами. Испанское присутствие в Марокко продолжалось не только благодаря способностям Мадрида, но и в значительно большей степени – благодаря возможностям

Франции сохранять контроль над своей зоной протектората. Париж, обладая большими ресурсами (военными и материальными), в этой ситуации играл ведущую роль. К тому же именно во французской зоне располагалась резиденция султана – формального правителя Марокко. Испания пыталась дистанцироваться от Франции, проводить независимую политику, выставляя халифа самостоятельным правителем, а не наместником султана, но из этого ничего не получилось [Ybarrá Enríquez de la Orden 1998]. Мадриду не нравилось его ведомое положение, особенно когда Париж предпринимал какие-либо односторонние действия в отношении Марокко без согласования с Испанией. В послевоенное время напряжение достигло пика, когда Франция свергла султана Мухаммеда V, отправила его вместе с семьей в ссылку на Мадагаскар, а на его место посадила более сговорчивого ставленника. Испанские власти эти изменения не признали, и на их территориях Мухаммед V продолжал считаться правителем Марокко [Madariaga Alvarez-Prida 2007].

Неудивительно, что испанское присутствие в Марокко завершилось именно тогда, когда Франция посчитала, что ей уже не выгодно сохранять контроль над этой страной. Попытки Парижа удержать свою власть, сместив султана Мухаммеда V с престола, окончились провалом. Широчайшая поддержка сосланного правителя со стороны населения вынудила французские власти не просто вернуть его в 1955 г., но предоставить полную независимость стране [Catala 2015]. Об этих планах Испанию уведомили в самый последний момент, что стало для нее неожиданностью. Мадрид не горел желанием оставлять протекторат, который был дорог отчасти из-за имперской ностальгии, отчасти из-за того, что испанский генералитет и сам Франсиско Франко много лет сражались там. Были и аргументы вполне практического характера. На побережье Марокко существовали анклав, самыми крупными из которых были Сеута и Мелилья, которые никогда не были частью протектората. Их Испания не собиралась оставлять, и это грозило в перспективе большими сложностями в отношениях с будущим независимым государством. Марокканские националисты давали понять, что собираются требовать возвращения и этих территорий [Vilar Ramírez 2005, p. 142]. Тем не менее вариантов у франкистского режима не было. Без французов испанцы оставаться не могли. К тому же многолетнее выстраивание дружественных отношений с арабскими странами, поощрение марокканского национализма в пик у французов не оставляли иных выходов, кроме как ухода из своей зоны протектората. Франция предоставила независимость своей зоне 2 марта 1956 г. Испания сделала то же самое через месяц – 7 апреля.

После ухода из Марокко под контролем Испании остался еще ряд территорий. Помимо анклавов на побережье Средиземного моря, Мадрид сохранял управление Испанской Сахарой и Ифни. Эти владения имели для него namно-

го меньшее значение, чем Испанский протекторат Марокко. Они не играли такой роли в идеологическом дискурсе франкизма, как марокканские земли, и с ними не было особой ностальгической связи у военных. Контроль над ними определялся их стратегическим и отчасти экономическим значением.

И Ифни, и Западная Сахара представляли собой бедные, пустынные и полупустынные области с малочисленным населением. В Ифни проблемы были как с водой, так и с коммуникациями. Большие корабли не могли подходить к берегу из-за рифа, выступающего на несколько километров в глубь моря. Присоединение этих территорий в то время имело лишь два смысла, помимо получения международного престижа. Стратегический – обеспечение безопасности Канарского архипелага. Экономический – рыбные ресурсы, которыми богаты прибрежные воды. В первые годы существования франкизма значение этого региона с точки зрения продовольственных ресурсов значительно возросло. Помимо того, что Испания испытывала в 1940-е годы проблемы с продовольствием, традиционные регионы ловли рыбы в Северной Атлантике стали опасны из-за боевых действий.

После окончания Второй мировой войны франкистский режим, оказавшийся в международной изоляции, постарался активизировать освоение этих земель. Произошла реорганизация административной системы управления. Отдельные территориальные единицы Рио де Оро, Сегиет-эль-Хамра, Мыс Хуби (Сектор Тарфая) и Ифни, которые до этого подчинялись Высшему комиссару по Марокко, образовали единую колонию под названием Испанская Западная Африка (*África Occidental Española*) [Decreto de 22 de marzo 1946]. Она получила собственное правительство, находящееся в ведении министерства внутренних дел.

О повышенном внимании к этим владениям свидетельствуют и частые визиты высокопоставленных чиновников. Так, министр промышленности и торговли Хуан Антонио Суансес в период с 1945 по 1951 г. трижды посещал эти территории. В 1950 г. в Ифни и Западную Сахару приезжал сам Франко. Одновременно государство активизировало свою роль в освоении Западной Сахары и прибрежных водных ресурсов. В 1947 г. для ловли рыбы в этом регионе, которой прежде занимались рыбаки с Канарских островов, было создано специальное государственное предприятие *Industrias Pesqueras Africanas, S.A. (IPASA)*. Создание этой компании обуславливалось не только необходимостью эксплуатации водных ресурсов, но и стремлением к повышению уровня жизни населения как в метрополии, так и в самой колонии. В метрополии она должна была облегчить все еще тяжелую ситуацию с продовольствием, в колонии – создать новые рабочие места для местного населения [Mediero 2013, p. 116]. Помимо развития традиционных сфер экономики региона, режим старался найти новые возможности для получения выгоды. Для этого активно происходило освоение территорий. В связи с реализацией по-

литики автаркии начались масштабные вложения в развитие инфраструктуры в Западной Сахаре. Параллельно Мадрид надеялся найти в регионе полезные ископаемые. И в случае с Западной Сахарой испанским властям повезло. Геологи национальной компании Adago в конце 1940-х годов обнаружили в этих землях богатые залежи фосфатов. Примечательно, что, несмотря на повышенный интерес, разработка этих залежей начнется лишь в 1960-х годах компанией Empresa Nacional Minera del Sahara (ENMINSA) [Ballestero 1993, p. 348]. Повидимому это связано с тем, что после ухода из протектората у Испании высвободились ресурсы на освоение других африканских территорий.

Тем не менее предоставление независимости Марокко повлекло за собой и ряд проблем для оставшихся у Испании владений. Марокканские националисты, поддерживаемые султаном, не скрывали, что будут добиваться возвращения и тех африканских территорий, которые Испания сохранила под своим контролем. В первую очередь это касалось анклав Ифни и Южной зоны бывшего испанского протектората. Испанцы остались там после 1956 г., аргументируя это договором 1860 г., по которому султан признавал, что его власть не распространяется на эти владения. Действия Рабата вызывали опасения, поэтому Мадрид после уделял пристальное внимание происходящему в Марокко. Среди докладных записок о бывшей испанской зоне, которые отправлялись Франко [Rafael Alvarez Claro se dirige al Caudillo], есть даже такие сведения, как изменения названий улиц в городах [Telegrama y noticia de O.I.D.].

Самым проблемным стал Ифни, который марокканские националисты, поддерживаемые Рабатом, попытались вернуть силой. Это вылилось в непродолжительную войну Ифни. Она шла с ноября 1957 по декабрь 1958 г. и носила партизанский характер [Aguirre 1993]. Испанские посты вокруг населенного пункта подвергались атакам со стороны Марокканской освободительной армии, которая формально действовала на свой страх и риск и к официальным властям африканского государства отношения не имела. Тем не менее благодаря их действиям непосредственную выгоду получал именно Рабат. Так, бои ускорили передачу ему Южной зоны бывшего протектората, которая перешла под контроль Марокко в 1958 г. [Montoro Obrero 1991, p. 189]. Сам Ифни Мадриду удалось сохранить, но территория анклава значительно сократилась. Испанцы контролировали только город Сиди-Ифни и несколько квадратных километров вокруг него.

В конфликте вокруг испанского анклава впервые упоминается СССР. Вину за беспорядки и нападения на испанские гарнизоны франкистские средства массовой информации возлагали на коммунистов, которые якобы подготавливали марокканских повстанцев. В испанской прессе их связывали непосредственно с «рукой» Москвы [González Sáez 2014, p. 79]. Испанская пропаганда эксплуатировала тот образ, который Советский Союз сам и соз-

давал – образ борца со всеми проявления колониализма. В то же время необходимо отметить, что в 1950-е годы франкистская пропаганда в принципе старалась преподнести все беспорядки, восстания, волнения в мире как часть плана, срежиссированного Советским Союзом [Филатов 2016].

Прямая связь между СССР и марокканскими повстанцами на данный момент документально не подтверждается. В реальности за ними стоял Рабат, который отрицал свое участие в конфликте, а все события представлял как спонтанное восстание местного населения [Pérez García 2006, p. 183]. Москва стремилась поддерживать освободительные движения, но в данном случае это можно было сделать лишь через контакты с правительством Марокко, а дипломатические отношения с Рабатом были установлены только 1 сентября 1958 г. После этого на протяжении 1960-х годов они успешно развивались, хотя и были ограничены идеологическими рамками. Несмотря на то, что советские идеологи относили Марокко к западному лагерю [Жерлицына 2018, с. 58], государство стало важным торговым партнером СССР [Подгорнова 2016, с. 147]. Советский Союз активно поставлял стране оружие, свидетельства о чем сохранились в российских архивах [О Марокко, л. 143]. Этот аспект вызывал проблемы, обсуждение которых отразилось в документах Политбюро ЦК. К советско-марокканскому военному сотрудничеству критически относился Алжир, с которым у Рабата был конфликт [Zoubir 2020]. Нарастивание сотрудничества СССР и Марокко не могло не беспокоить Испанию, так как в 1960-е годы, несмотря на завершение активной фазы конфликта вокруг Ифни, напряженность в отношениях двух стран сохранялась. Рабат продолжал требовать возвращения анклава и, более того, все активнее высказывал претензии на Испанскую Сахару. Марокканские власти заявляли, что эти земли являются колониями, а потому их необходимо освободить. С этим соглашались и в главной международной организации – ООН. Там Ифни и Испанскую Сахару внесли в список самоуправляющихся территорий, о которых владеющие ими государства должны были отчитываться [Santano 2016].

В связи с этим Испания старалась скрыть колониальный статус своих владений, для чего провела реформу, в соответствии с которой ее заморские территории стали провинциями и формально получили равные права с административными единицами метрополии. Эти трансформации, впрочем, никого не обманывали. Международное сообщество в лице ООН продолжало считать эти земли колониями и требовало их освобождения. В 1965 г. на XX генеральной ассамблее ООН была принята резолюция 2072 (XX), которая призывала Испанию как можно быстрее предоставить независимость Сахаре и Ифни. Среди проголосовавших за принятие этой резолюции 100 стран был и СССР. Против выступили только Испания с Португалией [General Assembly, 20th session, p. 226]. В результате анклав был возвращен Марокко в

1969 г. Испанская Сахара оставалась под контролем Мадрида вплоть до конца правления Франко, и Советский Союз последовательно выступал за предоставление ей независимости. Тем не менее в вопросах деколонизации у СССР и Испании были пункты, в которых их позиции сходились: такой точкой сближения стал Гибралтар.

Этот стратегически важный полуостров в одноименном проливе был потерян Мадридом еще в начале XVIII в. в ходе войны за испанское наследство. С тех пор разные испанские правительства периодически возвращались к этой проблеме в стремлении вернуть Гибралтар [Anguita Olmedo 2004]. После Второй мировой войны франкистский режим решил воспользоваться антиколониальным нарративом для того, чтобы в очередной раз заявить свои права на эту часть Пиренейского полуострова. Такую возможность Испания получила после вступления в ООН, так как Лондон не отрицал, что Гибралтар является колонией, и с 1947 г. отчитывался перед ООН о положении на этой территории в соответствии с правилами, установленными для подобных владений [United Nations Charter, ch. 12]. В 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1514-XV). В соответствии с ней Мадрид, казалось бы, получил возможность требовать от Лондона возвращения Гибралтара. Тем не менее в голосовании по этой декларации Испания оказалась в числе 11 воздержавшихся стран. Сдержанность объясняется тем, что у самого Мадрида были владения, которым следовало предоставить независимость. К тому же возникали серьезные опасения насчет того, насколько в реальности возможно этим путем добиться возвращения Гибралтара [Valle Gálvez 2015, p. 503]. Тем не менее испанские представители периодически выступали в ООН с заявлениями о ненормальности положения этого полуострова, при этом не вынося вопрос на рассмотрение организации.

Примечательно, что Гибралтар в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН появился благодаря совместным действиям двух стран, одна из которых находилась в советском блоке. В 1963 г. Болгария и Камбоджа потребовали включить в повестку дня специального комитета по деколонизации (Комитет 24) Генеральной Ассамблеи ООН вопрос об этой части Пиренейского полуострова. Решение этих стран поднять эту проблему, по всей видимости, связано не с отношениями с Испанией, которых официально ни у одной из них не было, а с их политикой в отношении Лондона. В условиях холодной войны Гибралтар был важным стратегическим пунктом, и, в частности, Болгария хотела поднять вопрос размещения на несомоуправляемых территориях военных баз [Remiro Brotóns 2004, p. 137].

Примечательно, что с 1964 г. Гибралтар фигурирует уже и в советских документах. В январе на заседании Президиума ЦК КПСС поднимается соответствующий вопрос. В частности, руководство СССР постановило узнать

мнение испанских коммунистов об этом британском владении [Постановление ЦК КПСС по вопросам работы Комитета, л. 74]. Как следует из указаний, направленных летом 1964 г. советскому представителю в ООН, «испанские друзья» считали полуостров частью своей страны, но передачу его франкистскому режиму не одобряли, так как это бы усилило позиции диктатуры. В результате советскому представителю было рекомендовано воздержаться при голосовании, но сделать заявление об «отторжении Англией Гибралтара от Испании». Одновременно в указаниях подчеркивалось, что Москва сможет в перспективе вернуться к этому вопросу [Постановление ЦК КПСС по вопросу о позиции Советского Союза, л. 70]. Впоследствии советские представители следовали этой линии. Так, на Генеральной Ассамблее ООН 1965 г., когда принималась резолюция по поводу Гибралтара (2070-XX), СССР был в числе других 11 стран, воздержавшихся при голосовании. Этой же позиции Москва придерживалась и в следующем году в ходе голосования по резолюции [General Assembly, 21st session: 1500th plenary meeting], призывавшей продолжить переговоры и ускорить деколонизацию Гибралтара [Question of Gibraltar 1969].

С 1967 г. наметилось изменение позиции Москвы. Советский Союз поддержал резолюцию [Question of Gibraltar. Resolution 1969], осуждающую проведение Великобританией референдума в Гибралтаре и в очередной раз призывающую к его скорейшей деколонизации [General Assembly, 22nd session: 1641st plenary meeting]. Через год Москва проголосовала за, возможно, один из самых жестких документов, принятых ООН по британскому владению на Пиренейском полуострове [General Assembly, 23rd session: 1747th plenary meeting]. В резолюции 1968 г. от Великобритании просили прекратить колониальное положение Гибралтара не позднее 1 октября 1969 г. и немедленно начать переговоры с Мадридом по его статусу [Question of Gibraltar 1969].

Позиция Советского Союза не осталась незамеченной испанским правительством. В конце 1960-х годов через различные каналы представители Мадрида благодарили Москву за поддержку в вопросе Гибралтара. Так, во время поездки специализированной туристской группы ССОД в Испанию официальные представители испанского министерства иностранных дел передавали благодарности советскому руководству [Отчет о поездке в Испанию, л. 53].

Такой поворот в советской позиции некоторые исследователи объясняют стремлением нейтрализовать военный потенциал этой колонии. Испания не была членом НАТО, и потеря этого полуострова могла бы ослабить если не весь блок, то, по крайней мере, одного из его ведущих членов [Yányshev-Nésterova, Luxán Meléndez 2021, p. 5]. В то же время нельзя исключать, что смена позиции по Гибралтару связана и с активизацией отношений с Испанией в самом конце 1960-х годов. В первую очередь это касалось расширения

сотрудничества в рыболовстве и захода советских судов в испанские порты. Переговоры о доступе кораблей СССР в испанские гавани прошли в начале февраля 1967 г. [О переговорах с представителем министерства] – за несколько месяцев до принятия резолюции ООН по Гибралтару, которую советский представитель поддержал. В начале 1969 г. шли переговоры уже о развитии отношений в вопросах рыболовства, и Гибралтар оказался одной из обсуждавшихся тем. Испанская сторона хотела включить в соглашение пункт, по которому советские корабли не должны заходить в этот порт, Москва же в принципе не хотела упоминать это британское владение. В результате компромисса было решено указать в договоре, что советская сторона «будет поощрять использование испанских портов» [Отчет о командировании делегации, л. 20]. Подписание этого договора стало важной частью программы развития советского судоходства и рыболовства во второй половине 1960-х годов. Таким образом, Гибралтар оказался одним из пунктов, где интересы Испании и Советского Союза в колониальных вопросах совпадали.

Проблема деколонизации стала одним из эпизодов испано-российских отношений в XX в. Россия, еще будучи империей, поучаствовала в процессе установления Испанией протектората над частью Марокко. В дальнейшем позиции стран по колониальным вопросам скорее противоречили друг другу. Во времена франкизма Испания по идеологическим и экономическим причинам стремилась сохранить свои владения. С одной стороны, они служили некоторым символом значения страны на международной арене. С другой стороны, в первые 20 лет своего существования франкистский режим пытался использовать их как сырьевую базу в условиях политики опоры на собственные силы. Процесс деколонизации, начавшийся после Второй мировой войны, не мог не затронуть колониальные владения Испании. Мадрид с волнением смотрел на национально-освободительное движение и не торопился предоставлять независимость своим заморским территориям. СССР традиционно выступал против империализма, и неудивительно, что процесс деколонизации стал еще одним проблемным вопросом в отношениях двух стран. Тем не менее деколонизация в случае Испании создавала и точки сближения. В первую очередь это касалось Гибралтара, который Мадрид пытался вернуть на основании резолюций ООН, требующих от Лондона оставить его. В этом Испания нашла поддержку со стороны Советского Союза. Москва стремилась ослабить влияние Великобритании в регионе, а также улучшить позиции для своего рыболовного флота, который теперь мог пользоваться испанскими портами.

Библиография

Грозная Е.А. Политика Советского Союза в отношении Испании 1963–1991 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург. 2004. 285 с.

- Жерлицына Н.А. Идеологический фактор в отношениях СССР со странами Магриба в 1950–1980 гг. // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 58–65.
- Зайцев М.В., Ковалев М.В. Государственная и общественная деятельность В.Н. Коковцова. Документальная монография. СПб.: Нестор-История, 2022. 280 с.
- Отчет о командировании делегации Министерства морского флота в Испанию с 4 по 14 февраля 1969 года // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 20.
- Отчет о поездке в Испанию специализированной туристской группы ССОД // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 53.
- О переговорах с представителем министерства морского торгового флота Испании // РГАНИ. Ф. 3 Оп. 68. Д. 374. Л. 123–130.
- Письмо Ламздорфа В.Н. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 863. Л. 16.
- Подгорнова Н.П. Страны Магриба в поисках оптимального пути развития. М.: Институт Ближнего Востока, 2016. 234 с.
- Постановление ЦК КПСС по вопросам работы Комитета 24-х государств // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 406. Л. 74.
- Постановление ЦК КПСС по вопросу о позиции Советского Союза в Комитете 24-х государств (вопрос о Гибралтаре) // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 491. Л. 70.
- О Марокко // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 710. Л. 143.
- Сагомоян А.А. Испанский узел холодной войны. М.: РОССПЭН, 2004. 272 с.
- Телеграмма (ответная) Витте С.Ю. Коковцову В.Н. // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 855. Л. 14.
- Филатов Г.А. Поездки советских специализированных туристических групп в Испанию в 1980-х гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2018. № 20. С. 358–375.
- Филатов Г.А. Идея превосходства в колониальном дискурсе первого франкизма (1939–1959 годы) в выпусках кинохроники Но-До // Новая и новейшая история. 2020. Вып. 6. С. 155–166.
- Филатов Г.А. Эволюция официальной идеологии франкизма: 1939–1975 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016. 230 с.
- Чечкин Д.А. Франкистская Испания и Советский Союз: зарождение и эволюция двусторонних отношений // Национальные приоритеты России. 2009. № 1. С. 52–63.
- Aguirre J.R. D. La última guerra colonial de España: Ifni-Sáhara (1957–1958). Málaga: Algazara, 1993. 334 p.
- Albet i Mas A. La ordenación del territorio en el Protectorado español en Marruecos // Aldaba: revista del Centro Asociado a la UNED de Melilla. 2001. № 31. Pp. 341–358.
- Albi de la Cuesta J. ¡Españoles, a Marruecos!: La Guerra de África 1859–1860. Madrid: Desperta Ferro, 2018. 416 p.
- Algora Weber M.D. La «cuestión española»: causa y efecto de las relaciones hispano-árabes en el marco internacional // Mélanges de la Casa de Velázquez. 1993. № 29–3. Pp. 281–305.
- Anguita Olmedo C. La cuestión de Gibraltar: orígenes del conflicto y propuestas de restitución (1704–1900). Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2004. 766 p.
- Aziza M. La sociedad rifeña frente al Protectorado español de Marruecos, 1912–1956. Barcelona: Bellaterra, 2003. 279 p.
- Azzuz Hakim M.A. Planes de revalorización económica de la zona jalifiana de Marruecos // Cuadernos de estudios africanos. 1952. № 18. Pp. 39–50.
- Ballester A. Juan Antonio suanzes, 1891–1977: la política industrial de la posguerra. Madrid: LID, 1993. 423 p.
- Benjeloum A. Las causas de la participación de los marroquíes en la guerra civil española (1936–1939) // Marroquíes en la Guerra Civil española : campos equívocos / Coord. por González Alcantud J.A. Anthropos: Diputación Provincial de Granada, 2003. Pp. 42–57.

La Ley de treinta de enero último al reorganizar los Servicios Centrales de la Administración del Estado. Boletín oficial del estado (BOE). 10.02.1938. № 477. Pp. 5707.

Decreto de 22 de marzo de 1946 por el que se dispone la división del litoral de los Territorios españoles de Soberanía de Marruecos, de África Occidental y la Guinea e islas adyacentes, en provincias y Distritos Marítimos. Boletín oficial del estado (BOE). 22.03.1946. № 94. P. 2555.

Catala M. La France, l'Espagne et l'indépendance du Maroc: 1951–1958. Paris: Indes savantes, 2015. 320 p.

Centenera Ulecia J. La transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quinquerreme S.L., 2013. 483 p.

Filatov G. La visita del grupo especial de «turistas soviéticos» a España en el año 1969 en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2016. Vol 38. Pp. 161–183.

Fleming S.E. Spanish Morocco and the Alzamiento Nacional, 1936–1939: The Military, Economic and Political Mobilization of a Protectorate // Journal of Contemporary History. 1983. Vol. 18. № 1. Pp. 35–37.

Informe de la Alta Comisaría de España en Marruecos // AFNFF. 25744. P. 1–6.

Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Tesis doctoral, Universidad de Murcia, 2006.

General Assembly, 20th session: 1398th plenary meeting, Thursday, 16 December 1965, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/728511?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

General Assembly, 21st session: 1500th plenary meeting, Tuesday, 20 December 1966, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1970. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/735373?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

General Assembly, 22nd session: 1641st plenary meeting, Tuesday, 19 December 1967, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/742767?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

General Assembly, 23rd session: 1747th plenary meeting, Wednesday, 18 December 1968, New York // ООН. Цифровая библиотека. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/750141?ln=ru> (дата обращения: 26.08.2022).

Gil Pérez J., Garrido Guijarro O. Santa Cruz de Mar Pequeña-Ifni en las relaciones hispanomarroquíes / Santa Cruz de Mar Pequeña-Ifni in the relations between Spain and Morocco // Anuario de Estudios Atlánticos. 2015. № 61. URL: <http://anuariosatlanticos.casadecolon.com/index.php/aea/article/view/9301> (дата обращения: 26.08.2022).

González González I. La hermandad hispano-árabe en la política cultural del franquismo, 1936–1956 // Anales de Historia Contemporánea. 2007. № 23. Pp. 183–198.

González González I. La política cultural de España en Egipto durante los años del Franquismo // No es país para jóvenes. Ibarra Aguirregabiria A. (coord. por). Vitoria-Gasteiz: Universidad del País Vasco, 2012. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4716470> (дата обращения: 26.08.2022).

González González I. Educación, cultura y ejército: aliados de la política colonial en el norte de Marruecos // Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 341–361.

González Sáez J.M. Ifni en el No-Do (1943–1969) // Revista internacional de Historia de la Comunicación. 2014. № 2. Pp. 62–85.

González Pérez V. Notas sobre la colonización agrícola en el protectorado de España en Marruecos // Sharq Al-Andalus: Estudios mudéjares y moriscos. 1993–1994. № 10–11. Pp. 423–424.

- Lacomba Vázquez J. La eterna frontera del sur. Cartografía de los encuentros y desencuentros entre España y Marruecos // *Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història*. 2005. № 55. P. 181–194.
- Luna Alonso M.A. La misión de Carlos Baraibar en Marruecos durante la guerra civil // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 2002. № 15. Pp. 391–406.
- Madariaga Alvarez-Prida M.R. España y el Rif: crónica de una historia casi olvidada. Melilla: UNED-Centro Asociado de Melilla, 1999. 535 p.
- Madariaga Alvarez-Prida M.R. El Protectorado Español en Marruecos: algunos rasgos distintivos y su proyección en el presente // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. № 23. Pp. 179–180.
- Martínez Milán J.M. España en el Sáhara occidental y en la zona sur del protectorado en Marruecos, 1885–1945. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia – UNED, 2003. 400 p.
- Martínez Milán J.M. Sidi Ifni en el contexto del colonialismo español en el sur de Marruecos, 1912–1956 // *Hesperis Tamuda*. 2011. № 46. Pp. 39–64.
- Mateo Dieste J.L. La «hermandad» hispano-marroquí. Política y religión bajo el Protectorado español en Marruecos (1912–1956). Barcelona: Bellaterra, 2003. 507 p.
- Mediero B.A. La búsqueda del Dorado en el Sahara. Intereses, colonización y proceso migratorio de los canarios. Tesis doctoral, 2013. 721 p.
- Montoro Obrero G. La retrocesión de Tarfaya e Ifni // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 1991. № 4. Pp. 181–190.
- Pereira Castañares J.C. España y la U.R.S.S. en una Europa en transformación // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 1993. № 15. Pp. 189–206.
- Pérez García G. La falacia histórica sobre la colonia de Ifni // *Historia y comunicación social*. 2003. № 8. Pp. 207–222.
- Pérez García G. La guerra de Ifni y la falsa culpabilización al comunismo internacional por parte del régimen franquista // *Zer: Revista de estudios de comunicación*. 2006. № 20. Pp. 179–196.
- Question of Gibraltar. Resolution 2231 (XXI) // UN. Digital Library. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/203289?ln=en> (дата обращения: 26.08.2022).
- Question of Gibraltar. Resolution 2353 (XXII) // UN. Digital Library. 1968. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202992?ln=en> (дата обращения: 26.08.2022).
- Question of Gibraltar. Resolution 2429 (XXIII) // UN. Digital Library. 1969. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202696?ln=en> (дата обращения: 26.08.2022).
- Rafael Alvarez Claro se dirige al Caudillo en un escrito // *AFNFF*. 21905. P. 2.
- Remiro Brotóns A. Regreso a Gibraltar: acuerdos y desacuerdos hispano-británico // *Revista jurídica Universidad Autónoma de Madrid*. 2004. № 10. Pp. 133–181.
- Santano A.S. El papel de la ONU en las descolonizaciones tardías del Sáhara Occidental y Timor Leste 1974–1976. Tesis. Doct. 2016. 345 p.
- Salom Costa J. Los orígenes coloniales del Sáhara Occidental en el marco de la política española // *Cuadernos de historia contemporánea*. 2003. № Extra 1. Pp. 247–272.
- Salueña J.A. La economía del Protectorado español en Marruecos y su coste para España // *Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1*. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 83–107.
- Shneidman L.J. *Eastern Europe and Soviet Union* // Ed. by Cortada J. *Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978*. Westport: Praeger, 1980. Pp. 155–183.
- Suarez Fernandez L. Franco y la URSS: la diplomacia secreta (1946–1970). Madrid: Rialp, 1986. 317 p.
- Tafunell Sambola X., Carreras i Odriozola A. *Estadísticas históricas de España: siglo XIX–XX*. Bilbao: Fundación BBVA, 2005. 1440 p.
- Telegrama y noticia de O.I.D. // *AFNFF*. 3492. P. 1.

Togores Sánchez L.E. O'Donnell y la política de prestigio de la Unión Liberal en la Europa de su tiempo // *Revista de historia militar*. 2017. № Extra 2. Pp. 123–158.

Torre del Río R.D. L. Preparando la Conferencia de Algeciras: el acuerdo hispano francés de 1 de septiembre de 1905 sobre Marruecos // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2007. № extra 1. Pp. 313–320.

United Nations Charter. Ch. 12 // UN. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 26.08.2022).

Valle Gálvez J.A. Gibraltar en las resoluciones y decisiones de la Asamblea General de la ONU, 1965–2015. Algunas valoraciones // *Coord. por Quintero A., Pons Rafols X. Las Naciones Unidas desde España: 70 aniversario de las Naciones Unidas: 60 aniversario del ingreso de España en las Naciones Unidas*. Madrid: Asociación para las Naciones Unidas en España, 2015. Pp. 501–518.

Vilar Ramírez J.B. Franquismo y descolonización española en África // *Historia contemporánea*. 2005. № 30. Pp. 129–158.

Yányshev-Nésterova I., Luxán Meléndez S. Sovhispan: a collaboration model between Spain and the USSR in the Canary Islands (1967–1991) // *Investigaciones de Historia Económica*. 2021. Vol. 17, № 3. Pp. 1–13.

Ybarra Enríquez de la Orden M.C. España y la descolonización del Magreb: rivalidad hispano-francesa en Marruecos (1951–1961). Madrid: UNED, 1998. 420 p.

Zoubir Y.H. The Algerian-Moroccan Rivalry: Constructing the Imagined Enemy // *Eds. by Mansour I., Thompson W.R. Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa*. Georgetown: Georgetown University Press, 2020. Pp. 179–199.

References

Aguirre J.R. D. La última guerra colonial de España: Ifni-Sáhara (1957–1958). Málaga: Algazara, 1993. 334 p.

Albet i Mas A. La ordenación del territorio en el Protectorado español en Marruecos // *Aldaba: revista del Centro Asociado a la UNED de Melilla*. 2001. N 31. Pp. 341–358.

Albi de la Cuesta J. ¡Españoles, a Marruecos!: La Guerra de África 1859–1860. Madrid: Desperta Ferro, 2018. 416 p.

Algora Weber M.D. La «cuestión española»: causa y efecto de las relaciones hispano-árabes en el marco internacional // *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 1993. N 29–3. Pp. 281–305.

Anguita Olmedo C. La cuestión de Gibraltar: orígenes del conflicto y propuestas de restitución (1704–1900). Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2004. 766 p.

Aziza M. La sociedad rifeña frente al Protectorado español de Marruecos, 1912–1956. Barcelona: Bellaterra, 2003. 279 p.

Azzuz Hakim M.A. Planes de revalorización económica de la zona jalifiana de Marruecos // *Cuadernos de estudios africanos*. 1952. N 18. Pp. 39–50.

Ballester A. Juan Antonio suanzes, 1891–1977: la política industrial de la posguerra. Madrid: LID, 1993. 423 p.

Benjeloum A. Las causas de la participación de los marroquíes en la guerra civil española (1936–1939) // *Marroquíes en la Guerra Civil española: campos equívocos* / *Coord. por González Alcantud J.A. Anthropos: Diputación Provincial de Granada*, 2003. Pp. 42–57.

La Ley de treinta de enero último al reorganizar los Servicios Centrales de la Administración del Estado. *Boletín oficial del estado (BOE)*. 10.02.1938. N 477. Pp. 5707.

Decreto de 22 de marzo de 1946 por el que se dispone la división del litoral de los Territorios españoles de Soberanía de Marruecos, de África Occidental y la Guinea e islas adyacentes, en provincias y Distritos Marítimos. *Boletín oficial del estado (BOE)*. 22.03.1946. N 94. P. 2555.

Catala M. La France, l'Espagne et l'indépendance du Maroc: 1951–1958. Paris: Indes savantes, 2015. 320 p.

Centenera Ulecia J. La transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quinquerre S.L., 2013. 483 p.

Chechkin D.A. Frankistskaya Ispaniya i Sovetskij Soyuz: zarozhdeniye i evolyutsiya dvustoronnih otnosheniy [Francoist Spain and the Soviet Union: the Birth and Evolution of Bilateral Relations]. Nacional'nye priority Rossii (National Priorities of Russia). 2009. N 1. P. 52–63.

Filatov G. La visita del grupo especial de «turistas soviéticos» a España en el año 1969 en el contexto de las relaciones URSS-España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2016. Vol 38. Pp. 161–183.

Filatov G.A. Evolyutsiya ofitsial'noy ideologii frankizma: 1939–1975 gg. [The Evolution of the Official Ideology of Francoism: 1939–1975]. Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD in history thesis]. Moscow, 2016. 230 p.

Filatov G.A. Ideya prevoskhodstva v kolonial'nom diskurse pervogo frankizma (1939–1959) v vypuskah kinohroniki No-Do [Concept of Superiority in the Colonial Discourse of the First Francoism (1939–1959) in the No-Do Newsreels]. Novaya i noveyshaya istoriya (Modern and Contemporary History). 2020. N 6. Pp. 155–166. (In Russ.)

Filatov G.A. Poyezdki sovetskikh spetsializirovannykh turisticheskikh grupp v Ispaniyu v 1980-h gg. [Trips of the Soviet Specialized Tourist Groups to Spain in the 1980s]. Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manah (Latin-American Historical Almanac). 2018. N 20. Pp. 358–375. (In Russ.)

Fleming S.E. Spanish Morocco and the Alzamiento Nacional, 1936–1939: The Military, Economic and Political Mobilization of a Protectorate // Journal of Contemporary History. 1983. Vol. 18. N 1. Pp. 35–37.

Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Tesis doctoral, Universidad de Murcia, 2006.

General Assembly, 20th session: 1398th plenary meeting, Thursday, 16 December 1965, New York // UN. Digital Library. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/728511?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

General Assembly, 21st session: 1500th plenary meeting, Tuesday, 20 December 1966, New York // UN. Digital Library. 1970 URL: <https://digitallibrary.un.org/record/735373?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

General Assembly, 22nd session: 1641st plenary meeting, Tuesday, 19 December 1967, New York // UN. Digital Library. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/742767?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

General Assembly, 23rd session: 1747th plenary meeting, Wednesday, 18 December 1968, New York // UN. Digital Library. 1971. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/750141?ln=ru> (date of access: 26.08.2022).

Gil Pérez J., Garrido Guijarro O. Santa Cruz de Mar Pequeña-Ifni en las relaciones hispanomarroquíes // Anuario de Estudios Atlánticos. 2015. N 61. URL: <http://anuariosatlanticos.casadecolon.com/index.php/aea/article/view/9301> (date of access: 26.08.2022).

González González I. La política cultural de España en Egipto durante los años del Franquismo // No es país para jóvenes. Ibarra Aguirregabiria A. (coord. por). Vitoria-Gasteiz: Universidad del País Vasco, 2012. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=4716470> (date of access: 26.08.2022).

González González I. Educación, cultura y ejército: aliados de la política colonial en el norte de Marruecos // Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 341–361.

González González I. La hermandad hispano-árabe en la política cultural del franquismo, 1936–1956 // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. N 23. Pp. 183–198.

González Sáez J.M. Ifni en el No-Do (1943–1969) // *Revista internacional de Historia de la Comunicación*. 2014. N 2. Pp. 62–85.

Gozálvez Pérez V. Notas sobre la colonización agrícola en el protectorado de España en Marruecos // *Sharq Al-Andalus: Estudios mudéjares y moriscos*. 1993–1994. N 10–11. Pp. 423–424.

Groznaya E.A. Politika Sovetskogo Soyuza v otnoshenii Ispanii 1963–1991 gg. [Soviet Union's Policy towards Spain]. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [PhD in history thesis]. Yekaterinburg, 2004. 285 p. (In Russ.)

Informe de la Alta Comisaría de España en Marruecos // AFNFF. 25744. P. 1–6.

Lacomba Vázquez J. La eterna frontera del sur. Cartografía de los encuentros y desencuentros entre España y Marruecos // *Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història*. 2005. N 55. P. 181–194.

Luna Alonso M.A. La misión de Carlos Baraibar en Marruecos durante la guerra civil // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 2002. N 15. Pp. 391–406.

Madariaga Alvarez-Prida M.R. España y el Rif: crónica de una historia casi olvidada. Melilla: UNED-Centro Asociado de Melilla, 1999. 535 p.

Madariaga Alvarez-Prida M.R. El Protectorado Español en Marruecos: algunos rasgos distintivos y su proyección en el presente // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. N 23. Pp. 179–180.

Martínez Milán J.M. España en el Sáhara occidental y en la zona sur del protectorado en Marruecos, 1885–1945. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia – UNED, 2003. 400 p.

Martínez Milán J.M. Sidi Ifni en el contexto del colonialismo español en el sur de Marruecos, 1912–1956 // *Hesperis Tamuda*. 2011. N 46. Pp. 39–64.

Mateo Dieste J.L. La «hermandad» hispano-marroquí. Política y religión bajo el Protectorado español en Marruecos (1912–1956). Barcelona: Bellaterra, 2003. 507 p.

Mediero B.A. La búsqueda del Dorado en el Sahara. Intereses, colonización y proceso migratorio de los canarios. Tesis doctoral, 2013. 721 p.

Montoro Obrero G. La retrocesión de Tarfaya e Ifni // *Espacio, tiempo y forma. Serie V, Historia contemporánea*. 1991. N 4. Pp. 181–190.

O Marokko [On Morocco]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 16. F. 710. P. 143. (In Russ.)

O peregovorah s predstavitelem ministerstva torgovogo flota Ispanii [On Negotiations with the Representative of the Ministry of the Merchant Marine of Spain]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 68. F. 374. (In Russ.)

Otchet o komandirovanii delegatsii Ministerstva morskogo flota v Ispaniyu s 4 po 14 fevralya 1969 goda [Report. The Ministry of the Maritime Fleet Delegation's Visit to Spain 4–14 February 1969]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 5. Inv. 61. F. 590. P. 20. (In Russ.)

Otchet o poyezdke v Ispaniyu spetsializirovannoy turistskoy gruppy SSOD [Report. Trip to Spain of the Specialized Tourist Group of the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 5. Inv. 61. F. 590. P. 53. (In Russ.)

Pereira Castañares J.C. España y la U.R.S.S. en una Europa en transformación // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 1993. N 15. Pp. 189–206.

Pérez García G. La falacia histórica sobre la colonia de Ifni // *Historia y comunicación social*. 2003. N 8. Pp. 207–222.

Pérez García G. La guerra de Ifni y la falsa culpabilización al comunismo internacional por parte del régimen franquista // *Zer: Revista de estudios de comunicación*. 2006. N 20. Pp. 179–196.

- Pismo Lamzdorfa V.N. [V.N. Lamzdorf's Letter]. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1622. Inv. 1. F. 863. (In Russ.)
- Podgornova N.P. Strany Magriba v poiskah optimalnogo puti razvitiya [The Maghreb Countries in Search of an Optimal Development Path]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka (Institute of the Middle East), 2016. 234 p. (In Russ.)
- Postanovleniye CK KPSS po voprosam raboty Komiteta 24 gosudarstv [The CC CPSU Decree on the Work of the C-24 Committee]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 16. F. 406. P. 74. (In Russ.)
- Postanovleniye CK KPSS po voprosu o pozitsii Sovetskogo Soyuz v Komitete 24 gosudarstv (vopros o Gibraltare) [The CC CPSU Decree on the Soviet Union's Position in the C-24 Committee. Gibraltar's Problem]. RGANI (Russian State Archive of Contemporary History). F. 3. Inv. 16. F. 491. P. 70. (In Russ.)
- Question of Gibraltar. Resolution 2231 (XXI) // UN. Digital Library. 1967. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/203289?ln=en> (date of access: 26.08.2022).
- Question of Gibraltar. Resolution 2353 (XXII) // UN. Digital Library. 1968. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202992?ln=en> (date of access: 26.08.2022).
- Question of Gibraltar. Resolution 2429 (XXIII) // UN. Digital Library. 1969. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/202696?ln=en> (date of access: 26.08.2022).
- Rafael Alvarez Claro se dirige al Caudillo en un escrito // AFNFF. 21905. P. 2.
- Remiro Brotóns A. Regreso a Gibraltar: acuerdos y desacuerdos hispano-británico // Revista jurídica Universidad Autónoma de Madrid. 2004. N 10. Pp. 133–181.
- Sagomonyan A.A. Ispankiy uzal holodnoy voyny [Spanish Cold War Knot]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 272 p. (In Russ.)
- Salom Costa J. Los orígenes coloniales del Sáhara Occidental en el marco de la política española // Cuadernos de historia contemporánea. 2003. N Extra 1. Pp. 247–272.
- Salueña J.A. La economía del Protectorado español en Marruecos y su coste para España // Coord. por Aragón Reyes M. El Protectorado español en Marruecos: la historia trascendida. Vol. 1. Bilbao: Iberdrola D.L., 2013. Pp. 83–107.
- Santano A.S. El papel de la ONU en las descolonizaciones tardías del Sáhara Occidental y Timor Leste 1974–1976. Tesis. Doct. 2016. 345 p.
- Shneidman L.J. Eastern Europe and Soviet Union // Ed. by Cortada J. Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978. Westport: Praeger, 1980. Pp. 155–183.
- Suarez Fernandez L. Franco y la URSS: la diplomacia secreta (1946–1970). Madrid: Rialp, 1986. 317 p.
- Tafunell Sambola X., Carreras i Odriozola A. Estadísticas históricas de España: siglo XIX–XX. Bilbao: Fundación BBVA, 2005. 1440 p.
- Telegrama y noticia de O.I.D. // AFNFF. 3492. P. 1.
- Telegramma (otvetnaya) Vitte S.Yu. Kokovtsovu V.N. [Telegram Response of S. Vitte to V.N. Kokovtsev]. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 1622. Inv. 1. F. 855. (In Russ.)
- Togores Sánchez L.E. O'Donnell y la política de prestigio de la Unión Liberal en la Europa de su tiempo // Revista de historia militar. 2017. N Extra 2. Pp. 123–158.
- Torre del Río R.D. L. Preparando la Conferencia de Algeciras: el acuerdo hispano francés de 1 de septiembre de 1905 sobre Marruecos // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2007. N Extra 1. Pp. 313–320.
- United Nations Charter. Ch. 12 // UN. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (date of access: 26.08.2022).
- Valle Gálvez J.A. Gibraltar en las resoluciones y decisiones de la Asamblea General de la ONU, 1965–2015. Algunas valoraciones // Coord. por Quintero A., Pons Rafols X. Las Naciones Unidas

desde España: 70 aniversario de las Naciones Unidas : 60 aniversario del ingreso de España en las Naciones Unidas. Madrid: Asociación para las Naciones Unidas en España, 2015. Pp. 501–518.

Vilar Ramírez J.B. Franquismo y descolonización española en Africa // Historia contemporánea. 2005. N 30. Pp. 129–158.

Yányshev-Nésterova I., Luxán Meléndez S. Sovhispan: a collaboration model between Spain and the USSR in the Canary Islands (1967–1991) // Investigaciones de Historia Económica. 2021. Vol. 17, N 3. Pp. 1–13.

Ybarra Enríquez de la Orden M.C. España y la descolonización del Magreb: rivalidad hispano-francesa en Marruecos (1951–1961). Madrid: UNED, 1998. 420 p.

Zaitsev M.V., Kovalev M.V. State and social activities of V.N. Kokovtsov. The Documentary monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 280 p. (In Russ.)

Zherlitsyna N.A. Ideologicheskiy factor v otnosheniyah SSSR so stranami Magriba v 1950–1980 gg. [Ideology in the USSR's Relations with the Maghreb Countries in 1950–1980]. Novaya i noveyshaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2018. N 2. Pp. 58–65. (In Russ.)

Zoubir Y.H. The Algerian-Moroccan Rivalry: Constructing the Imagined Enemy // Eds. by Mansour I., Thompson W.R. Shocks and Rivalries in the Middle East and North Africa. Georgetown: Georgetown University Press, 2020. Pp. 179–199.

Д. Хайнциг

**ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОТЧИСЛЕНИЕ ИЗ ГУМБОЛЬДТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 1954 г. ВОСПОМИНАНИЯ**

*Перевод с немецкого и подготовка к публикации Д.В. Стерхова,
вступительная статья В.П. Любина*

Аннотация. Публикуются воспоминания Дитера Хайнцига, немецкого сиолога с мировой известностью, бывшего замдиректора Института ВIOST в Кёльне (ФРГ), с которым у ИНИОНа было партнерское соглашение в период 1977–1990 гг. По этому соглашению Д. Хайнциг с семьей был на стажировке в ИНИОНе в течение года в 1980–1981 гг. Хайнциг является автором нескольких публикаций в журнале «Россия и современный мир». В данной статье он делится воспоминаниями о своем преподавании русского языка в послевоенной средней школе в районе Рудных гор (Erzgebirge) в Саксонии, затем учебе как будущего специалиста по Китаю в расположенном в Восточном Берлине в Университете им. Гумбольдта. Особое внимание Хайнциг уделяет восстанию в Восточном Берлине 17 июня 1953 г. и его последствиям как для общественно-политической жизни в ГДР, так и для себя лично. На 1954 г. пришелся пик противостояния Дитера Хайнцига с партийными властями ГДР, в результате которого молодой студент-сиолог был принудительно отчислен из Гумбольдтского университета и направлен на бессрочную производственную работу. Эти события вынудили Хайнцига бежать из Восточного Берлина на Запад и продолжить обучение уже в западногерманском Гамбургском университете. Эти воспоминания представляют ценность для исследователей противостояния восточного и западного блоков в Европе периода холодной войны, для историков, изучающих историю Германии.

Ключевые слова: Дитер Хайнциг; Гумбольдтский университет; ГДР; холодная война; восстание 17 июня 1953 г.; мемуары; воспоминания.

Стерхов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

**Heinzig D. Forced expulsion from the Humboldt university in 1954.
A memoir**

*Translation from German and preparation for publication by D.V. Sterkhov,
introductory article by V.P. Lubina*

Abstract. *The memoirs of Dieter Heinzig, a world-famous German sinologist, former deputy director of the BIOST Institute in Cologne (Germany), with which INION had a partnership agreement in the period between 1977 and 1990. Under this agreement, D. Heinzig and his family were on an internship at INION for a year in 1980–1981. Heinzig is the author of several publications in the «Russia and the Modern World» journal. In this article, he shares his memories of teaching Russian at a post-war high school in the Ore Mountains (Erzgebirge) in Saxony, then studying as a future Chinese specialist at the Humboldt University in East Berlin. Heinzig pays special attention to the uprising in East Berlin on June 17, 1953 and its consequences both for the social and political life in the GDR and for himself personally. 1954 saw the peak of the confrontation between Dieter Heinzig and the party authorities of the GDR, as a result of which the young Sinologist student was forcibly expelled from the Humboldt University and sent to indefinite production work. These events forced Heinzig to flee East Berlin to the West and continue his studies at the West German University of Hamburg. These memoirs are of value to researchers of the confrontation between the Eastern and Western blocs in Europe during the Cold War, as well as to historians studying the history of Germany.*

Keywords: *Dieter Heinzig; Humboldt University; East Germany; Cold War; June 17 1953 uprising; memoirs.*

**Sterkhov Dmitrii Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Research Assistant of the Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com**

**Lyubin Valery Petrovich – Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com**

Дитер Хайнциг, синолог с мировой известностью, бывший замдиректора Института BIOST в Кёльне (ФРГ), с которым у ИНИОНа было партнерское соглашение в период 1977–1990 гг. По этому соглашению Д. Хайнциг с семьей был на годовой стажировке в ИНИОНе (1980–1981). Он автор нескольких публикаций в журнале «Россия и современный мир». В данной статье он делится воспоминаниями о своем преподавании русского языка в послевоенной средней школе в районе Рудных гор (Erzgebirge) в Саксонии, затем об учебе как будущего специалиста по Китаю в расположенном в Восточном Берлине Гумбольдт-университете и своем столкновении с партийными властями ГДР, переезде из Восточного Берлина на Запад и продолжении обучения уже в западногерманском Гамбургском университете. Эти воспоминания представляют ценность для исследователей противостояния восточного и западного блоков в Европе периода холодной войны, для историков, изучающих историю Германии.

В.П. Любин

Наконец-то мне это удалось: в 1952 г. я поступил в университет ГДР. После сдачи экзамена на аттестат зрелости в средней школе города Тум (район Рудных гор) в 1950 г., моим самым большим желанием было изучение иностранных языков. Еще во время обучения в средней школе я самостоятельно начал изучать китайский и арабский языки. Меня давно уже привлекали чужие культуры – чем экзотичнее, тем лучше.

Тернистый путь к учебе

Однако учеба в университете поначалу была для меня невозможной, так как «детям не из рабоче-крестьянских семей», таким как я, в ГДР тогда не выплачивалась стипендия. Решающим моментом в определении того, относился ли человек к «рабоче-крестьянской» или «не рабоче-крестьянской семье», являлся период непосредственно перед окончанием войны. Мой отец был школьным учителем, в 1945 г. как член НСДАП он был уволен, а после возвращения из британского плена трудился в качестве подсобного рабочего. Он зарабатывал так мало, что о финансировании учебы в университете не могло быть и речи. Заработать денег на учебу с помощью подработок также не представлялось возможным, потому что, насколько я мог судить из своего района Рудных гор, нигде не было работы для студентов. Я уехал в Лейпциг, к профессору синологии Лейпцигского университета Эдуарду Эркесу. Он был бы рад принять меня на обучение в качестве студента, но и сам не знал, где взять на это деньги.

В 1950 г. многие абитуриенты находились в той же ситуации, что и я. Когда мы спрашивали у руководства школы, что же нам делать в такой ситуации, то нам говорили: «Станьте учителями русского языка!» Тогда они очень требовались, так как, согласно распоряжению советских оккупационных властей, в школах, начиная с 5 класса, вводились обязательные уроки русского языка, причем не только в ГДР, но и во всех странах советского блока. Как грибы после дождя повсеместно появлялись многочисленные школы по подготовке учителей русского языка. Я и два моих одноклассника в сентябре 1950 г. подали документы в недавно основанную школу для подготовки учителей русского языка в городе Цвиккау, Саксония. Так как в средней школе мы брали уроки русского языка у профессиональной славистки (большое на тот момент исключение), нас тут же записали в самый продвинутый класс, и уже через два месяца мы закончили обучение и могли быть задействованы в качестве учителей.

Начиная с октября 1950 г. я преподавал русский язык и другие предметы в восьмиклассной средней школе в районе Рудных гор, не имея при этом педагогического образования и не проведя ни единого пробного урока. В качестве учителя русского языка я имел большие проблемы с дисциплиной в классе: я был ненамного старше своих учеников, а русский был самым нелюбимым предметом в школе, так как это был язык оккупационных властей. Родители давали понять своим детям, что им абсолютно все равно, какие оценки они будут получать по русскому языку. Это часто приводило к тому, что ученики рассматривали учителей как законный объект издевательств. Моего предшественника они запирали в шкафу и сажали в корзину для бумаг.

В 1952 г. я узнал, что отныне и «детям не из рабоче-крестьянских семей» выплачивалась стипендия для обучения в университете. Вскоре после этого я подал документы в Гумбольдтский университет, на специальность синология, и был принят. Было очень трудно получить разрешение на увольнение из школы у районного школьного совета в городе Аннаберг и у районного комитета коммунистической юношеской организации Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ), так как повсеместно требовались учителя русского языка. Согласие Союза свободной немецкой молодежи было обязательным, так как я был членом этой организации. Без него нельзя было получить доступ к сдаче экзамена на аттестат зрелости. В конечном счете я все же получил необходимое разрешение.

Политические конфликты в «Институте китаистики»

В августе 1952 г. я начал изучать синологию как основной предмет и японистику как дополнительный в Гумбольдтском университете в Восточном Берлине. Закончилось мое обучение в июне 1954 г. принудительным отчислением.

Город Берлин произвел на меня неизгладимое впечатление, ведь я вырос в сельской местности района Рудных гор. Послевоенный Берлин был очень сильно разрушен, особенно что касается центра города. Я тогда снимал комнату в местечке Кляйнмахнов, расположенном на самой границе с Западным Берлином.

До строительства Берлинской стены в 1961 г. по решению четырех оккупационных держав было разрешено свободное перемещение по всем районам Берлина, т.е. по улицам города можно было свободно перемещаться на общественном транспорте. С 1952 г. на внешней границе между Западным Берлином и территорией ГДР имелись пограничные заставы и контрольно-пропускные пункты. До 1955 г. пограничный контроль осуществлялся советскими солдатами. Когда я отправился поездом из Хемница в Восточный Берлин, то выяснилось, что все пассажиры должны были предъявлять специальные документы, разрешающие им въезд в Восточный Берлин. Для нас, студентов, было достаточно студенческого билета Гумбольдтского университета.

Мне хватало 45 минут, чтобы доехать из Кляйнмахнова до университета на городской электричке через Западный Берлин. Такой путь хоть и был легальным, но с точки зрения правительства ГДР незаконным. Нам, студентам, постоянно напоминали в университете, что мы не должны ступать на «вражескую» территорию Западного Берлина. Я и мои политические соратники, конечно же, не собирались придерживаться подобных указаний.

Я вспоминаю одного убежденного члена правящей тогда Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), который был моим однокурсником. Он также жил на территории ГДР, прилегавшей к Западному Берлину. Чтобы доехать до дома, он садился на скоростной поезд, позже прозванный в народе «Спутником», который объезжал Западный Берлин по территории ГДР. В связи с этим ему требовалось полтора-два часа, чтобы добраться до дома.

Впоследствии я снимал комнату в просторной квартире фрау Шмидт, вдовы машиностроителя, в Трептов-парке. Меня всегда удивляло, как моей хозяйке удавалось вести привычный буржуазный образ жизни, живя при этом в коммунистическом государстве. К примеру, она пользовалась услугами скромной домработницы из Силезии по имени Лизбет, которая спала в крохотной комнатке рядом с кухней и называла хозяйку «сударыней». На свои лекции я добирался с помощью городской электрички, которая ходила от Трептов-парка до Фридрихштрассе.

Институт китаистики располагался по адресу Университетская улица 3b, между станцией Фридрихштрассе и главным зданием Гумбольдтского университета. При входе в здание университета мы должны были предъявлять студенческий билет.

На университетскую жизнь оказывал сильное влияние дух «классовой борьбы» и холодной войны. По одну сторону баррикад находились студенты

из «рабоче-крестьянских семей», которые, в отличие от нас, не проходили восьмиклассное обучение в средней школе, а были направлены с предприятий на двух- или трехгодичные подготовительные курсы на «рабоче-крестьянских факультетах» (РКФ). В основном здесь были представлены так называемые «верные линии партии», т.е. те, кто был предан идеалам СЕПГ. По другую сторону находились мы, «буржуи», на партийном жаргоне тогда это слово было ругательством, а сами себя мы воспринимали как противников режима.

Насколько я помню, студенты рабоче-крестьянских факультетов получали тогда стипендию в размере 170 марок, а мы – 130 марок. Тогда эта сумма составляла примерно половину от среднего заработка. Тем не менее раз в месяц я мог себе позволить пачку западного маргарина «Рама», который по вкусу был для меня чем-то вроде манны небесной, особенно по сравнению с прогорклым гдровским маргарином. Также раз в месяц я ходил с моим другом и однокурсником Вольфгангом Липпертом в западноберлинский джазовый клуб «Каюта», который располагался в разбомбленном подвале неподалеку от Шёнебергской ратуши. Там играла группа «Spree City Stompers», которая исполняла классический джаз. Для нас это была первая в жизни возможность послушать живую осуждаемую в ГДР музыку. Мы были в полном восторге! За проход мы платили по билету студента ГДР 50 пфеннигов западными деньгами, за эту же сумму мы заказывали на весь вечер бутылку кока-колы. Таким образом, это приключение стоило мне 4 гдровских марки (при тогдашнем курсе 1:4).

Мы, противники режима, воспринимали Западный Берлин как рай на земле, и не только из-за более высокого уровня жизни. «Запад» с его свободлюбивым образом жизни казался нам полной противоположностью диктатуры ГДР с ее борьбой против инакомыслия и слежкой за всеми неугодными. Западный Берлин магическим образом манил почти каждого жителя ГДР. Я вспоминаю своих друзей, которые жили в моей родной деревне к югу от Хемница (с 1953 г. – Карл-Маркс-Штадт) и каждый вечер по пятницам, после окончания рабочего дня, ездили на велосипеде по автобану через Дрезден в Западный Берлин. Тогда это еще не было запрещено. Ночевали она на скамейках в парках, так как у них не было западных денег. Ночью в воскресенье они отправлялись обратно и уже утром в понедельник они были на своих рабочих местах.

В Институте сторонники режима и противники режима были полностью идентичны со студентами РКФ и «буржуями». Между обеими группами существовала почти что самая настоящая вражда. Никто никому не доверял. Различный уровень образования только усиливал политические разногласия. Если мы, «буржуи», обычно хорошо знали иностранные языки, то студенты РКФ ими не владели. В то время имелся только один уже устаревший немецко-

китайский словарь, поэтому мы пользовались китайско-английским и китайско-русским словарями, что было не под силу студентам РКФ.

Предмет «синология» появился в Гумбольдтском университете только в 1951 г. Под руководством Эдуарда Эркеса, заведующего кафедрой синологии в Лейпцигском университете, был основан «Институт китаистики». В 1953 г. руководителем института стал синолог и монголист Пауль Рачневски. Моими учителями были Эдуард Эркес (история Древнего Китая), Рачневски (классический китайский язык), Зигфрид Берзинг (новая история Китая и китайская литература) и Ювоон Чен (современный китайский язык). На занятиях по современному китайскому языку мы в том числе читали произведения Мао Цзэдуна. Занятия по разговорному китайскому языку были полной катастрофой, потому что чудаковатый китаец доктор Чен совершенно не владел навыками педагога. Занятия по классическому и современному японскому языку проводили профессора Мартин Рамминг и Герберг Цахерт. Последний был нашим самым любимым преподавателем. С 1933 по 1947 г. он жил в Японии, поэтому мог рассказать нам много разных захватывающих историй об этой стране.

Вскоре мы узнали, что профессор Эркес опубликовал брошюру, в которой осмелился оспорить наличие рабовладельческого общества в Китае. После этого мы стали еще больше уважать нашего преподавателя, ведь тем самым он открыто выступил против марксистско-ленинского учения о формациях, которое относилось ко всем обществам и странам, а также против того, что писалось в советских учебниках по истории Китая.

Со мной вместе обучались 34 человека по основному предмету «синология», обучение длилось четыре года. В качестве дополнительных предметов предлагались японистика, корейнистика и тибетология. Учеба доставляла мне большое удовольствие. На экзаменах я получал оценки «хорошо» и «отлично», даже по ненавистному предмету «Основы марксизма-ленинизма», по которому я чуть не получил «удовлетворительно». Этот предмет читался в главном здании университета, соглядатаи среди студентов вели списки присутствующих.

В 1953 г. я, мой друг Хайнц Фризе и еще один однокурсник получили задание дать несколько уроков немецкого языка дипломатам китайской торговой миссии, расположенной в берлинском районе Карлсхорст (китайского посольства тогда еще не было). В том же году Фризе бежал в ФРГ, чтобы продолжить изучение синологии у профессора Вольфганга Франке в Гамбурге.

Смерть Сталина

Самым важным политическим событием во время моего студенчества в Восточном Берлине стала смерть Сталина 5 марта 1953 г. Для нас, «буржу-

ев», Сталин был главным виновником создания той системы угнетения, от которой мы ежедневно страдали. Его смерть стала поводом для радости и многочисленных надежд. Об этом событии я узнал в семь часов утра благодаря новостям, передававшимся по РИАС – Радио в американском секторе, которое я слушал каждый день. В Институте я мог поделиться этой новостью лишь с несколькими друзьями, так как радио ГДР об этом еще пока не сообщало. Официально об этом событии мы узнали лишь тогда, когда наша секретарь Союза свободной немецкой молодежи вошла в учебную аудиторию с заплаканными глазами. В Лейпциге профессор Эркес со слезами на глазах объявил о смерти Сталина. От студентов славистики я узнал, что они выстроились перед своим институтом с большим портретом Сталина, чтобы нести почетный караул. Несущим вахту был замечен и профессор славистики Билефельдт, на плече он держал малокалиберную винтовку.

Восстание 17 июня 1953 г.

Самым крупным политическим событием того времени стало восстание рабочих 17 июня 1953 г. Мы, студенты-синологи, должны были во время каникул перевести с русского языка на немецкий книгу советского синоведа Драгунова «Исследования по грамматике китайского языка». Когда я вечером 16 июня шел от института к станции метро «Фридрихштрассе», чтобы поехать домой, то я заметил на улице целые группы возбужденных людей, которые резко критиковали правительство. Впервые нечто подобное происходило публично.

По Фридрихштрассе в сторону северной части города маршировала организованная СЕПГ демонстрация, как положено с транспарантами и флагами. Участники демонстрации хором скандировали боевые песни. Как я узнал позднее, демонстранты направлялись в театр Фридрихштадтпаласт, где выступал с речью Вальтер Ульбрихт. Один из моих однокурсников видел, как эта же демонстрация возвращалась вечером из театра. Он слышал, как участники распевали песенку: «Да здравствует, да здравствует, да здравствует Вильгельм Пик, и наша, и наша, и наша республика!».

17 июня мы снова сидели в институте и переводили Драгунова, когда вдруг в аудиторию ворвался один студент и заявил: «Пока вы тут сидите, на Унтер-ден-Линден идет демонстрация!». Мы тут же все бросили и помчались на Унтер-ден-Линден. Я сразу влился в ряды демонстрантов, которые маршировали от Дома министерств на Лейпцигской улице в сторону Площади Маркса и Энгельса. Один из демонстрантов посоветовал мне снять мою куртку оливкового цвета, которую тогда носили все члены Союза свободной немецкой молодежи, так как совсем недавно якобы избили какого-то парня точно в такой же куртке. Такие куртки, насколько я помню, тогда не являлись

обязательным атрибутом членства в ССНМ, их тогда носила вся молодежь, так как они были удобными и дешевыми. Тем не менее у многих они ассоциировались именно с Союзом свободной немецкой молодежи. Поэтому я все же снял куртку и просто оставил ее в одном из подвалов на обочине улицы.

Демонстранты собрались на площади Маркса и Энгельса. С импровизированных трибун велись речи, призывавшие к свержению правительства. Я заметил, как один из моих однокурсников тайком снял со своей куртки значок члена СЕПГ и спрятал его в кармане. Внезапно послушался глухой гул. К площади подъезжали советские танки. Мы все тут же бросились бежать и рассеялись по боковым улицам. Я видел, как люди прямо с моста падали в реку Шпрее. Одна черная легковая машина, на которой обычно ездили партийные функционеры, была остановлена с криком: «Народный контроль! Немедленно выходите! Ваша машина будет сожжена!». После этого машина была опрокинута и подожжена. Я убежал к Александерплатц и оттуда на городской электричке уехал домой.

После подавления восстания мы, студенты-синологи, должны были «охранять» наш институт. По ночам мы спали прямо на столах. Также нас по одному водили на допросы, мы должны были рассказывать, чем мы занимались во время событий 17 июня.

Три «маленьких показательных процесса»

Как я позднее узнал, в 1954 г. в Государственном секретариате высшего образования, которому подчинялся Гумбольдтский университет, возникло мнение, что «идеологический уровень» в Институте китаистики оставляет желать лучшего, поэтому нужны «чистки».

Для меня и моих однокурсников чистки начались совершенно неожиданно 5 апреля 1954 г. В этот день состоялось ежемесячное собрание всех членов Союза свободной немецкой молодежи, на который мы поплелись сами того не желая.

Секретарь университетской группы ССНМ озвучила первый пункт повестки, который звучал как обычно – «улучшение нашей работы». Она констатировала, что нашу работу нужно улучшать, и затем величественным голосом продолжила: «Разве может быть хорошей наша работа, если есть такие люди, как друзья молодежи Хайнциг, Бурхардт и Берндт?». «Друг молодежи» – так тогда называли членов ССНМ. Затем она достала листочек и стала с него зачитывать: «Хайнциг, такого-то числа заявил то-то и то-то». Затем последовали якобы мои цитаты с указанием точных дат. Таким же образом она прошла и по Карлу («Джимми») Бурхардту и Юргену Берндту. Мне были поставлены в вину три высказывания, моим друзьям по одному. В конце она потребовала с нас дать объяснения по поводу наших слов и призвала нас к самокритике.

Для нас троих это заявление прозвучало как гром среди ясного неба. В таких ситуациях в то время человек обычно должен был публично признать все свои ошибки. Насколько я помню, мы тогда так и сделали. Но наши обвинители были непреклонны. Они постоянно пытались продемонстрировать неприемлемость наших высказываний и выяснить причину нашего недостойного поведения, которая, конечно же, заключалась в «реакционном характере» нашего классового происхождения. Положение наше было плачевным, потому что мы действительно делали те самые высказывания, в которых нас обвиняли. Доносчики очень точно сообщили наши слова в вышестоящие инстанции. Поэтому отрицать вину было бесполезно, так как в любой момент можно было выслушать доносчиков в качестве свидетелей.

Что предъявляли лично мне? Я помню два пункта. Первое обвинение было связано с исторически недостоверным фильмом «Тельман», который тогда как раз показывали во всех кинотеатрах ГДР. Все члены ССНМ в обязательном порядке должны были его посмотреть. Я неоднократно отказывался идти на него. В самый последний раз, когда от меня потребовали назвать причины моего отказа, то я раздраженно ответил: «Я уже насмотрелся пропагандистских фильмов при нацистах!».

Второе обвинение было связано с моим утверждением, что председатель ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт в начале 1930-х годов якобы содержал бордель. Эту новость я услышал по РИАС и тут же пересказал ее своим друзьям. Одна однокурсница подслушала наш разговор и тут же на меня донесла.

Когда на заседании ССНМ мне были предъявлены эти обвинения, я сразу же понял, что мне грозит большая опасность. Мои слова подпадали под статью 6, абзац 2 Конституции ГДР 1949 г. «злонамеренный призыв к бойкоту». Эта статья была сформулирована таким образом, что под нее могли попасть любые высказывания, которые так или иначе противоречили интересам партии. Несмотря на то, что сама статья не предусматривала каких-либо санкций, ее положения позволяли «немедленно начать уголовное преследование». В некоторых случаях обвинения в злонамеренном призыве к бойкоту могли заканчиваться смертным приговором, как, например, это было в 1952 г., когда активный участник сопротивления против диктатуры СЕПГ Йоханн Бурианек был казнен в Дрездене на гильотине.

Я мгновенно принял решение опровергнуть предъявляемые мне обвинения. Якобы я ничего не слышал и никакой информации не распространял. Сегодня мы уже знаем, что передаваемое РИАС сообщение было всего лишь «уткой». Об этом я узнал от Илько-Саши Ковальчука, который как раз работает над биографией Вальтера Ульбрихта.

Джимми Бурхардту было предъявлено совершенно абсурдное обвинение. Когда он вместе с другими студентами стоял в главном здании университета перед аудиторией, в которой проходил экзамен по предмету «Основы

марксизма-ленинизма», то он якобы с улыбкой на лице заявил: «Пришить бы мне сейчас вместо моей головы голову Джона Фостера Даллеса!». Он вроде как где-то услышал, что тогдашний государственный секретарь США Даллес является превосходным знатоком марксизма-ленинизма. Но Джимми не повезло, потому что Даллес тогда считался главным «поджигателем войны» и был главной целью коммунистической пропаганды за рубежом.

Юргену Берндту ставили в вину его высказывание: «Из этого государства мы (имелись в виду “буржуи”) никогда не уедем в Китай!». Но это действительно было так. Поехать по обмену в Китай тогда могли только политически благонадежные студенты рабоче-крестьянских факультетов. Более того, тех студентов, кто хотел выехать в Китай, партия принуждала жениться или выйти замуж, точно так же, как это описано в романе Германна Канта «Актный зал». Китайцы впускали в страну тогда только женатых студентов, дабы избежать любовных связей между иностранцами и китайцами.

Участники заседания единогласно решили, что нам троим нужно объявить выговор – тогда это было самое мягкое наказание, которое мог получить член ССНМ. Заседание затянулось до вечера.

Во время обеденного перерыва ко мне подошел секретарь СЕПГ Герберт Бройтигам и посоветовал мне добровольно отправиться на производство. «Исправление через производство» – в то время это была расхожая фраза. Эта мера дисциплинарного наказания, применявшаяся в 1950–1970 гг., пришла из СССР и назначалась государственными органами для политических противников режима. Таких людей принуждали к тяжелому физическому труду на производстве, чтобы, как тогда считали, они могли повысить свой «идеологический уровень» через работу в «социалистическом трудовом коллективе» в промышленности. В случае «исправления» человек возвращался на свое обычное рабочее место. Чаще всего эта мера применялась к студентам, деятелям искусства и работникам умственного труда, но иногда и к государственным служащим. Мера эта по времени была ограничена обычно одним-двумя годами, но в случае добровольного согласия могла быть бессрочной, как, собственно, это впоследствии и окажется в моем «безнадежном» случае.

Уже тогда я мог предположить, что меня в конечном счете будет ожидать. Но я был настолько ошеломлен предложением Бройтигама, что резко отклонил его и заявил: «Да ты с ума сошел!».

Партийная группа СЕПГ, которая тайно вела наш процесс, уже давно все решила. Нужно было устроить показательную порку на одном из диссидентов. Выбор пал на меня, так как против меня имелось больше всего доказательств.

У меня возникло ощущение, что все закончится на объявленном мне выговоре. Но уже на следующем заседании ССНМ, состоявшемся две недели спустя на философском факультете, я понял, что жестоко ошибался. Вновь

нас троих заклеили позором и призвали к самокритике. Джимми Бурхардт назвал впоследствии это заседание «нашим маленьким показательным процессом». В конце концов на заседании было принято решение ограничиться выговором в отношении Бурхардта и Берндта, а вот меня ожидало «порицание» – второе по тяжести наказание, применяемое к членам ССНМ.

О том, что на этом мои беды еще не закончились, я узнал от секретаря института Инге Бюхнер, которая очень хорошо ко мне относилась. До нее дошла информация, что партийная ячейка института решила добиться моего отчисления. Впервые мне стало понятно, чего именно добивается партия. И все же я был полон решимости ни в коем случае не соглашаться на добровольное «исправление через производство».

Чтобы придать всему этому делу псевдодемократическую окраску, на 31 мая было назначено расширенное заседание ССНМ, в котором принимали участие в том числе и индологи. Демократическая оболочка всегда казалась крайне важной функционерам из СЕПГ. Например, в мае 1945 г. Вальтер Ульбрихт напутствовал своего товарища Вольфганга Леонхарда такими словами: «Всё должно выглядеть демократически, но власть при этом должна быть в наших руках».

Решающее заседание

Мне с самого начала было ясно, что заседание так или иначе закончится решением о моем отчислении. Своих политических друзей я попросил в случае голосования выступить против меня, дабы не навлечь на себя ненужных неприятностей.

На заседании присутствовала заместитель проректора по работе со студентами Кэти Ганца. Всё заседание целиком и полностью было посвящено мне. Против меня были выдвинуты все те же обвинения, в том числе и история с Вальтером Ульбрихтом, но я снова все отрицал. Тогда вызвали мою однокурсницу, ведь якобы она точно слышала, что именно я сказал. Она вдруг начала плакать и, глотая слезы, заявила: «Он сказал, что Вальтер Ульбрихт в начале 1930-х годов якобы содержал бордель». После этих слов воцарилось полное молчание. По каким-то причинам эту тему развивать не стали, почему именно – я не знаю, ведь мне могли спокойно предъявить обвинение в злонамеренном призыве к бойкоту.

Зато меня уличили в другом. Было объявлено о необходимости доподлинно выяснить, являются ли мои проступки следствием моего мелкобуржуазного происхождения, от которого мне никак не избавиться, или я просто-напросто являюсь фашистом. «Фашист» – в коммунистическом лексиконе это был самый худший термин, который применялся к политическим противникам. Тут поднялся один мой однокурсник, матерый коммунист и ярый член

СЕПГ, ткнул в меня пальцем и громогласно заявил: «Он фашист! Я видел, как он однажды использовал гитлеровское приветствие!».

Однажды я действительно нагло открыл дверь в институтский секретариат, резко вошел, щелкнул каблуками, поднял вверх правую руку и выкрикнул: «Хайль Гитлер!». При этом я широко улыбался, потому что это всего лишь была шутка, любому это было понятно. Я хоть и воспитывался в нацистской детской организации «Юнгфольк», но к 1954 г. уже давным-давно не симпатизировал национал-социализму. На заседании я объяснил, что моя выходка была всего лишь глупым розыгрышем, так оно и было на самом деле.

Тем не менее единогласно было решено исключить меня из рядов ССНМ. Я должен был публично сдать свое членское удостоверение. Затем собрание должно было решить, стоит ли подать заявление на имя ректора с требованием отчислить меня из университета. Как обычно все проголосовали за, никто – против, по крайней мере так все выглядело. Но когда был задан вопрос, воздерживается ли кто-либо от голосования, то тут внезапно поднял руку Готтфрид Шпис. Все в изумлении уставились на него. Тогда это было просто немисливо – выступить против решения большинства. «Но Готтфрид, – в ужасе спросила секретарь ССНМ, – почему ты воздерживаешься от голосования?». Тот тихо и медленно ответил: «Товарищ Хайнциг действительно допустил немало ошибок. Но я не считаю, что они настолько ужасны, чтобы исключать его из университета». Затем вновь воцарилась тишина.

Поведение Готтфрида можно было объяснить следующим образом: он был единственным из моих политических друзей, кого я не предупредил о заседании, так как не смог с ним связаться. Поэтому он не знал о моей договоренности с друзьями голосовать на заседании против меня. Позже он рассказал мне, что из-за нежелания высказаться против меня его «хорошенько так пропесочили».

В самом конце заседания фрау Ганца спросила меня, готов ли я добровольно отправиться на производственную работу. Я отказался, после чего она предоставила мне две недели для размышлений, по истечении которых я должен был явиться к ней.

Угроза преследования со стороны Штази

Через неделю после заседания, 8 июня, я явился в кабинет фрау Ганцы, расположенный в главном здании университета. Она спросила меня, не изменил ли я своего решения. Я заявил, что не готов добровольно отправиться на производственную работу. После этого она отвела меня в кабинет своего начальника, проректора по работе со студентами Роберта Девай. Он как раз в этом году сменил на этой должности Роберта Хафеманна и занял его роскошный кабинет с видом на улицу Унтер-ден-Линден.

Даже не взглянув на меня, он движением руки указал мне на место перед его рабочим столом, куда я и сел. Некоторое время он молча листал мое дело. Затем, впервые посмотрев на меня, он сказал: «Китайский язык – отлично, японский язык – хорошо, марксизм-ленинизм – удовлетворительно. Такая хорошая успеваемость! И вы такое творите, товарищ Хайнциг! Зачем?». Я уже не помню, что я ему ответил. Затем он задал мне сакраментальный вопрос: «Вы сами все понимаете, поэтому я спрошу вас еще раз: вы готовы добровольно пойти на производственную работу?». Я снова отказался. Тогда он громким голосом ответил: «Что ж, раз вы все-таки ничего не понимаете, то придется прибегнуть к помощи государственных органов!». Он схватил телефонную трубку и начал набирать какой-то номер телефона. Под «государственными органами» в то время понимали, конечно же, Службу государственной безопасности ГДР – Штази.

Внутренне я был готов к такому повороту событий. Незадолго до всего этого я впервые обратился в консультационную службу для восточногерманских студентов, расположенную в Западном Берлине. В случае серьезного обострения моего положения мне там посоветовали формально принять все предъявляемые мне требования, а затем уехать из ГДР.

Вспомнив о данных рекомендациях, я заявил Деваю, что я все-таки готов принять его предложение и отправиться на производственную работу. Он тут же повесил трубку, пропустил мимо ушей весь цинизм моих слов, подошел ко мне и, положив по-отечески свою руку на мое плечо, сказал: «Вот видите, товарищ Хайнциг, я так и знал, что в конце концов мы с вами договоримся». – Затем, уже более мягким тоном, он добавил: «Мы не хотим вам навредить. А если вы хорошо проявите себя на производственной работе, то мы обязательно об этом узнаем, и тогда через три-четыре года вы сможете продолжить учебу в Гумбольдтском университете».

Он нажал на кнопку звонка, и вскоре в кабинете появилась фрау Ганца. Радостным тоном он ей сообщил: «Товарищ Хайнциг все осознал!». С едва заметной улыбкой на лице она ответила: «О, это очень хорошо!». Она отвела меня в свой кабинет и спросила, в какой отрасли промышленности я хотел бы работать. Я спросил ее, что бы она сама могла порекомендовать. После некоторых раздумий она предложила мне должность экскаваторщика на подземных работах. Тут я отважился на то, чтобы возразить ей. «Нет, – сказал я, – я хотел бы работать на заводе “Висмут”. Как мне показалось, ее растрогала мысль о том, что я хочу работать на наших «советских друзей», как тогда говорилось. Ведь добыча урана в районе Железных гор тогда осуществлялась советским акционерным обществом «Висмут». Она спросила меня, каким образом я собираюсь туда устроиться. Я ответил ей, что это не составит никакого труда, так как мой отец как раз работал на предприятии «Висмут» в городке Шнеберг. Мне нужно было всего лишь поехать туда и зайти в отдел

кадров. Мой ответ ее удовлетворил. Она сказала, что ей нужно подать на меня заявку на отчисление, после чего я был свободен.

Я до сих пор спрашиваю себя, действительно ли фрау Ганца была такой наивной, чтобы поверить мне. Она не могла не знать, что только в 1953 г. более 300 000 граждан ГДР бежали в ФРГ через Западный Берлин. Кроме того, мне до сих пор непонятно, почему именно в моем случае все настаивали на том, чтобы я добровольно вызвался на производственную работу.

Решение бежать на Запад

Решение было принято. Я не собирался «добровольно» отправляться на неопределенный срок на производственную работу с целью «повысить свой идеологический уровень среди рабочего коллектива». О продолжении учебы в таком случае можно было и не думать. Мое отвращение к коммунистическому режиму в ГДР было таким сильным, что я точно не смог бы его скрыть даже на производственной работе, к тому же все, кого на нее отправляли, находились под пристальным контролем со стороны органов госбезопасности. Поэтому я был полон решимости «сбежать», как тогда говорили в ГДР, дабы продолжить свою учебу в западной Германии.

18 июня я подал в секретариат университета заявление об отчислении. В формуляре нужно было заполнить пункт о причине отчисления. Я спросил у одного из секретарей, что я должен был написать. С насмешкой в голосе она поинтересовалась: «Ну и какая у вас причина?». Я тут же дал стандартный ответ, который к тому времени стал рутинной формулировкой: «Отправляется на производственную работу в связи с сильной идеологической неблагонадежностью». На это она заметила: «Ну так и напишите». Прежде чем я сдал в секретариат свое заявление об отчислении, я сделал его копию в Ка-Де-Ве (универмаг Kaufhaus des Westens в берлинском районе Шёнеберг) и заверил ее в участковом суде района Шарлотенбург.

Когда я прощался с директором Института китаистики профессором Паулем Рачневски, он с грустью в глазах посмотрел на меня и сказал, что жалеет о моем уходе, ведь я мог бы стать перспективным молодым ученым.

Я подавал заявление на отчисление в надежде, что мне дадут документ о прохождении двух курсов обучения. Но руководство не дало мне такого документа, вероятно, не желая помогать мне в случае моего «бегства» на запад. Когда я обо всем этом рассказал Инге Бюхнер, она тайно раздобыла для меня свидетельство о прохождении промежуточных экзаменов. Я никогда не забуду ее мужество и ту помощь, которую она мне оказала. Я сделал копию свидетельства в Западном Берлине и заверил в участковом районном суде, прежде чем вернуть его назад.

Прощание

Сразу же после отчисления я поехал домой, чтобы попрощаться с родителями и сестрой. Прощание далось нам тяжело. Мы не знали, что меня ждет на Западе и когда мы снова увидимся. Если бы не принудительное отчисление, я никогда не решился бы на такой шаг, потому что учиться мне всегда нравилось. Разлука с семьей причинила мне много горя. Мне становилось страшно от одной мысли о моем туманном будущем на Западе. Но мне совсем не хотелось работать строителем подземных сооружений, я хотел закончить университет и получить высшее образование.

Через две недели я вернулся в мою квартиру в районе Трептов-парка и собрал все свои вещи. Их у меня было немного: кое-какая одежда, в том числе оливкового цвета куртка члена ССНМ, которую я все-таки забрал из подвала на улице Унтер-ден-Линден, и несколько книг. Тем не менее далеко не все вещи вошли в мой маленький чемодан.

17 июля 1954 г. я сел на городскую электричку на станции Фридрихштрассе и отправился в Западный Берлин. Там я сразу же обратился в главный лагерь для беженцев в районе Мариенфельде. Затем я снова вернулся в мою квартиру в Трептов-парке и забрал оставшиеся вещи, в том числе 12-томное собрание сочинений Иосифа Сталина на немецком языке, которое мы как студенты в обязательном порядке должны были приобретать. Сегодня мне кажется абсолютно абсурдным тот факт, что мне внезапно захотелось увезти с собой на Запад книги ненавистного мне автора. Вероятно, это был приступ алчности заядлого библиофила. Собрание сочинений Сталина до сих пор хранится в подвале моего дома и напоминает мне о тяжелых временах.

В августе я вместе с некоторыми другими беженцами из ГДР улетел в Гамбург, а оттуда на автобусе добрался до молодежного лагеря Зандбостель. Во времена национал-социализма это был концентрационный лагерь и лагерь для военнопленных, расположен он был на севере Нижней Саксонии, посреди болот.

В середине сентября 1954 г. я вернулся в Гамбург, чтобы продолжить свое обучение в местном университете у профессора синологии Вольфганга Франке.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

DOI: 10.31249/rsm/2022.04.09

С.И. Коданева

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: ПЕРСПЕКТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Возрастающая обеспокоенность мирового сообщества проблематикой устойчивого развития побуждает многие страны проводить политику, направленную на снижение потребления углеродов и выбросов парниковых газов. Это формирует негативный тренд для добывающей промышленности, который многократно усилился в результате распространения пандемии COVID-19.

Кризис, который переживают современные рынки углеродов может повлечь за собой значительные изменения в энергетической системе и вытеснение старых источников энергии в общем объеме энергопотребления. Чтобы соответствовать новым требованиям устойчивого развития компаниям Теплоэнергетического комплекса (ТЭК) необходимо перестраивать свои бизнес-практики. Необходима немедленная реакция со стороны компаний ТЭК, в частности внедрение стратегий устойчивого развития.

Настоящее исследование посвящено актуальной проблеме: выработке методологии внедрения в компаниях ТЭК корпоративной социальной ответственности и привлечения социально ответственных инвестиций. Новизна исследования обусловлена тем, что, с одной стороны, компании ТЭК сами по себе не демонстрируют приверженности целям устойчивого развития, а с другой – в научной литературе практически отсутствуют публикации по рассматриваемой проблематике в ракурсе ТЭК.

На основе проведенного анализа предложены механизмы, сочетающие жесткое государственное регулирование и концепцию ESG, используемую в корпоративном управлении и инвестиционной практике. В ходе исследования применялись методы экономического и логического анализов, анализа научной и деловой литературы, сравнительного анализа, экспертных оценок, систематизации, обобщения, системного подхода.

Ключевые слова: устойчивое развитие; корпоративная социальная ответственность; социально ответственные инвестиции; зеленые инвестиции; топливно-энергетическая отрасль; концепция ESG.

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Отдела правоведения ИНИОН РАН, Россия, Москва.

E-mail: kodaneva@inion.ru
Researcher ID: V-2683-2018
ORCID: 0000-0002-8232-9533

Kodaneva S.I. Energy transition: perspectives and mechanisms of realization

Abstract. *The growing concern of the world community with the issue of sustainable development encourages many countries to pursue policies aimed at reducing carbon consumption and greenhouse gas emissions. This creates a negative trend for the extractive industry, which has greatly increased due to spread of the COVID-19 pandemic. An immediate response from fuel and energy companies is needed, in particular, the introduction of sustainable development strategies. This research is devoted to an urgent problem – the development of a methodology for implementing corporate social responsibility in fuel and energy companies and attracting socially responsible investments. Its novelty is based on the fact that the fuel and energy companies themselves do not demonstrate commitment to sustainable development goals, and there are practically no publications in the scientific literature on the subject from the perspective of the fuel and energy sector. In addition, the authors propose a methodology based on a combination of strict government regulation and the ESG concept used in corporate governance and investment practices. The research used methods of economic and logical analysis, analysis of scientific and business literature, comparative analysis, expert assessments, systematization, generalization, and a systematic approach.*

Keywords: *sustainable development; corporate social responsibility; socially responsible investments; green investments; fuel and energy industry; ESG concept.*

**Kodaneva Svetlana Igorevna – Candidate of Law Science,
Senior researcher, Department of Jurisprudence, INION RAN,
Institute of scientific information on social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Russia, Moscow.
E-mail: kodaneva@inion.ru
Researcher ID: V-2683-2018
ORCID: 0000-0002-8232-9533**

Введение

Высокие темпы экономического роста второй половины XX в. сформировали основные глобальные мегатренды современности – урбанизацию и смену климата. Многие исследователи отмечают, что в структуре глобальных выбросов углекислого газа, приводящих к изменению климата, наибольшую долю занимают энергетический сектор и промышленность [Коданева 2020b]. Сегодня международное экологическое сотрудничество стало насущной необходимостью. Первым важным шагом было принятие Стокгольмской декларации 1972 г. [Hossain 2014]. Затем последовало издание Доклада ООН

«Наше общее будущее» 1987 г. Постепенно проблематика устойчивого развития стала настолько очевидной, что вошла в повестку многих международных организаций, включая ООН и ЮНЕСКО, и нашла отражение в трех базовых документах. Итоговым документом Конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 2012 г. «Будущее, которого мы хотим» признается необходимость продвижения идеи устойчивого развития на всех уровнях и интеграции его экономической, социальной и экологической составляющих, а также учета их взаимосвязи [Коданева 2020b]. Парижским соглашением 2015 г. признается, что изменение климата является общей проблемой человечества и закрепляется цель удержания прироста глобальной средней температуры ниже 2°С сверх доиндустриальных уровней [Парижское соглашение 2015]. Но наиболее значимый документ – Цели устойчивого развития ООН до 2030 года [Коданева 2020b].

Эксперты во всем мире говорят о важности и неизбежности энергетического перехода. На протяжении последнего десятилетия возобновляемая энергетика укрепила свои позиции в качестве источника энергии во всем мире, во многом благодаря снижению себестоимости и политической поддержке. В 2019 г. был достигнут новый рекорд – прирост генерации на 200 ГВт, что более чем в 3 раза превышает уровень прироста генерации на ископаемом топливе и ядерной энергетике. В настоящее время более 27% мировой электроэнергии поступает из возобновляемых источников (в 2010 г. – 19%). Доля солнечной и ветроэнергетики выросла более чем в 5 раз по сравнению с 2009 г. Дания, Уругвай, Ирландия и Германия в 2019 г. перешагнули порог в 30% от всей электроэнергии полученной из этих источников. К концу 2019 г. 32 страны имели генерацию, превышающую 10 ГВт (19 стран в 2009 г.) и 47 стран, включая несколько развивающихся экономик, получают из возобновляемых источников не менее 1 ГВт, что покрывает потребности в электроэнергии почти 150 000 европейских домохозяйств (18 стран в 2009 г.). В настоящее время происходит социальная революция: люди во всем мире требуют более активных действий по борьбе с изменением климата, и 1480 юрисдикций в 28 странах объявили «чрезвычайную климатическую ситуацию». Это подталкивает крупных инвесторов вкладывать средства в возобновляемые источники энергии. Так, в 2019 г. зеленые инвестиции достигли рекордных уровней, увеличившись более чем на 40%, причем соглашения были подписаны в 23 странах, а количество членов RE100 выросло на 27%, в течение года до 229 глобальных корпораций [Renewables 2020].

Государственная политика также будет стимулировать развитие «зеленой» энергетике, что следует, в частности, из заявлений европейских политиков [Speech by President 2020]. По мнению, Европейского центра политических исследований пандемия COVID-19 является хорошим поводом

разработать новую повестку для ускоренного перехода Европы к низкоуглеродному будущему [The European Green Deal 2020].

Безусловно, энергетический переход – это явление сложное, сопряженное со множеством рисков и высокой неопределенностью. Особенно это актуально для ТЭК, поскольку именно она является основой современной «коричневой» экономики и несет ответственность за основную долю выбросов парниковых газов. Поэтому при любом сценарии, энергетический переход усилит политическое, социальное и финансовое давление на компании ТЭК.

А это значит, что экономика многих стран, где развит добывающий сектор, подвергается серьезным «углеродным» рискам, которые могут усугубляться неожиданными и непрогнозируемыми факторами. Одним из таких факторов стала пандемия COVID-19.

Для отраслей ТЭК коронакризис наносит тройной удар:

1) непосредственное воздействие на работников и устойчивость работы предприятий;

2) последствия ограничительных мер, ведущие к сбоям в цепочках поставок и сокращению спроса на энергоресурсы;

3) спровоцированная падением спроса жесткая ценовая конкуренция и, как следствие, резкое падение цен [Коронакризис 2020].

Все это привело к серьезным негативным последствиям для нефтяных рынков, который можно охарактеризовать даже не как кризис, а как шок. Основной удар по нефтяному рынку нанесло беспрецедентное падение спроса – на 30% в апреле и почти на 10% в среднем по году (9,3 млн барр. / сут., по оценкам МЭА). С января до середины апреля 2020 г. цена Brent упала в 3,5 раза, а фьючерсы на WTI впервые за всю историю биржевых торгов продавались по отрицательной цене [Коронакризис 2020].

Газовая отрасль пострадала от падения спроса в меньшей степени, чем нефтяная. Спрос на газ сокращается в основном в промышленности и в коммерческом секторе. В электроэнергетике его динамика в первую очередь зависит от особенностей национального регулирования и структуры мощностей. В целом можно говорить о 3–5% сокращении среднегодового мирового спроса на газ [Коронакризис 2020].

Что касается электроэнергетики, то здесь ситуация в большей степени зависит от сезонности и политики государств, многие из которых, как уже отмечалось выше, стимулируют развитие альтернативной энергетики. Кроме того, при сокращении спроса в большинстве стран разгружается в первую очередь тепловая генерация, а выработка электроэнергии на ВИЭ, напротив, растет на 10–14%. Падение спроса ведет к снижению рыночных цен на электроэнергию – так, на европейских рынках они снизились на 25–50% в тех странах, где были введены жесткие карантинные меры [Коронакризис 2020].

Обвал цен приводит к дискуссиям о том, является ли это просто экстремальной версией привычного товарного цикла или же может привести к поворотному моменту для рынков углеродов, ускоряя переход от ископаемого топлива к возобновляемой энергетике или энергетический переход. Некоторые комментаторы видят в этих событиях начало конца для нефти и газа, они уверены, что высокие цены на энергоносители больше никогда не восстановятся. С этой точки зрения возобновляемые источники энергии и новые энергетические технологии, доступные при постепенно снижающихся затратах, возьмут на себя энергетические балансы. Ископаемые виды топлива будут находиться в постоянном избытке по низким ценам и в конечном итоге окажутся вытеснены с рынка, поскольку инвесторы уйдут в более прибыльные сектора [Stern, Imsirovic 2020].

В результате в топливно-энергетическом секторе (далее – сектор ТЭК) сегодня, как никогда становится актуальным вопрос адаптации к происходящим изменениям, включая как развитие малой генерации, так и переход компаний на модели устойчивого развития.

Это тем более актуально, что в посткоронавирусном мире могут серьезно измениться подходы к финансированию инвестиционных проектов. Уже сегодня поведение инвесторов серьезно меняется. Институциональные инвесторы все чаще выражают свою озабоченность по поводу экологической, социальной и финансовой практики компаний, в которые они инвестируют. В ежегодных опросах, предлагавших оценить характеристики компании, которую инвесторы больше всего уважают, «этическая деловая практика» поднялась на первое место по сравнению с другими категориями, такими как «сильное управление». Примерно четверть всех глобальных активов в настоящее время инвестируется с учетом социальных и экологических факторов [Hill 2020]. Так, только в Соединенных Штатах на начало 2018 г. социально ответственные инвестиции оценивались в 12 трлн долл. Это примерно 26% от общего объема активов, находящихся под профессиональным управлением. Сегодня многие инвесторы стремятся классифицировать стратегии компаний как «зеленые», «альтернативные» или «социально ответственные», посылая рынку сигналы об их востребованности [Gond et al. 2018] и тем самым они фактически формируют новые рынки инвестиционного капитала [Arjaliès, Durand 2019].

Еще большую актуальность тема социального инвестирования приняла в связи с распространением пандемии COVID-19. Так в конце марта 2020 г. Ассоциация ответственного инвестирования PRI разместила на своем сайте Рекомендации для институциональных инвесторов: «пандемия COVID-19 и глобальный ответ на нее – представляют серьезную угрозу не только для глобального здравоохранения, но и для наших сообществ, наших экономик и наших инвестиций. Будучи долгосрочными управляющими капиталом, ин-

весторы могут и должны действовать сейчас, чтобы помочь уменьшить вредное воздействие» [How responsible investors 2020].

Таким образом, складывается ситуация, при которой инвесторы все больше проявляют интерес к социально-ответственному бизнесу, предпочитая формировать «зеленые» портфели инвестиций. Это ставит серьезные вызовы перед компаниями ТЭК, инвестиционные проекты которых имеют долгосрочный характер и рассчитаны на десятилетия, а планируемые и реализуемые сегодня проекты будут проходить через множество циклов. Как отмечено в аналитическом докладе The Oxford Institute of Energy Studies, в течение этих циклов энергетические компании не должны отвлекаться от структурных тенденций, формирующих отрасль. Проблема энергетического перехода будет оставаться доминирующей, обусловленной экологическими проблемами, изменениями в общественном восприятии, отношением инвесторов, энергетической и климатической политикой, а также развитием новых технологий. Фактически можно утверждать, что нынешняя нестабильность на нефтяных рынках и ее глубинные причины могут сделать нефтегазовый сектор менее привлекательным для инвесторов и усилить призывы к еще более быстрому отказу от углеводородов [Decarbonization pathways for oil and gas 2020, p. 1].

Но в то же время, при условии внедрения компаниями отрасли новых технологий и бизнес-моделей, направленных на декарбонизацию, они смогут сохранить лидирующие позиции в экономике, одновременно обеспечивая решение экологических проблем. Для удовлетворения спроса на энергоносители, который, по прогнозам, будет продолжать расти в течение следующих нескольких десятилетий, наиболее реалистичным и экономически эффективным вариантом на среднесрочную перспективу представляется максимально эффективное использование существующей системы энергоснабжения путем декарбонизации.

Энергетическая отрасль больше не может позволить себе сосредоточиваться исключительно на прибыли, но должна учитывать, какое социальное и экологическое воздействие будут иметь новые энергетические проекты.

Проблема экологизации сектора ТЭК

Хотя и на международном, и на государственном уровнях, и в обществе, и все в большей степени в инвестиционной сфере признается важность внедрения практик устойчивого развития в деятельность компаний, есть примеры, когда даже простая публикация отчетов приводит к падению стоимости акций, поскольку инвесторы расценивают это как свидетельство необходимости дополнительных ничем не обоснованных расходов, которые неизбежно приведут к уменьшению прибыли. Так, проведенное Kh. Alsaifi и др. исследова-

дование продемонстрировало явно выраженную негативную реакцию инвесторов на опубликование информации о выбросах CO₂ средними предприятиями, особенно в отношении фирм, работающих в высококорбанизированных отраслях. В то же время, опубликование отчетности по выбросам парниковых газов крупными компаниями практически не отражалось на котировках их акций. Эффект размера фирмы объясняется тем, что инвесторы понимают: в небольших фирмах инвестиции в экологические инициативы не являются приоритетом, а крупные фирмы имеют больше финансов для несения экологических издержек, чем их более мелкие коллеги [Alsaifi et al. 2020]. В практическом плане результаты, полученные в приведенных выше исследованиях, свидетельствуют о том, что раскрытие информации о выбросах углерода должно сопровождаться разъяснениями их целесообразности, и выражение результирующей стоимости должно быть как можно более ощутимым.

В то же время эмпирические исследования показывают, что институциональные инвесторы используют нефинансовые показатели компаний в основном как инструмент спекуляций [Leins 2020]. Результатом стала сложная экосистема показателей, источников данных и рейтингов, которые нуждаются в правильной контекстуализации для интерпретации и успешного использования при анализе и принятии инвестиционных решений, поскольку в зависимости от применяемых разными агентствами измерений и весов оценки, показатели одной и той же компании могут существенно отличаться, что может использоваться для манипулирования на рынке [Eccles et al. 2019].

При этом большинство инвесторов при принятии инвестиционных решений избегают строгого учета показателей социальной ответственности, поскольку это может привести к недофинансированию портфеля, что влечет существенные финансовые риски, основным из которых была низкая доходность. А поскольку в странах – лидерах внедрения в финансовую практику концепции социальной ответственности (США, Великобритания) основными инвесторами являются пенсионные фонды, то этот риск рассматривался как крайне серьезный, поскольку может привести к нарушению прав пенсионеров и других бенефициаров [Hill 2020].

Опыт одной из крупнейших стран – поставщиков углеводородов – России – демонстрирует крайне низкий уровень социально ответственных инвестиций. И хотя на Московской бирже заработал Сектор устойчивого развития – первая на финансовом рынке России полноценная платформа поддержки экологических проектов, по состоянию на 14 апреля 2020 г. четыре российских компании разместили на нем всего шесть выпусков «зеленых» облигаций на сумму 7,55 млрд руб. [Коданева 2020а]. Таким образом, объем привлечения зеленых инвестиций в России крайне незначителен, причем компании нефтегазового сектора пока что не пользуются этим инструментом. Серьезным

препятствием является отсутствие единых критериев и стандартов отнесения компаний и реализуемых ими проектов к «зеленым». Система верификации и сертификации зеленых облигаций и иных финансовых инструментов в России не создана, отсутствуют единые принципы зеленых финансов [Зеленые финансы 2018].

Анализ практики многих, даже крайне либеральных стран, таких как Америка, показывает, что государство является хорошо зарекомендовавшим себя лидером в области экологической политики и играет ведущую роль в ее продвижении [Vogel 2019]. Проведенные в разных странах мира исследования показывают, что наиболее успешные примеры перехода к устойчивому развитию включают правительство в качестве ключевого игрока [Delmas et al. 2019]. Если обратиться к опыту стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, то, как показывают эмпирические исследования за период 1960–2015 гг., в государствах, чья экономика базируется на добыче природных ископаемых (экономика рантье) в сфере устойчивого развития преобладают государственные инвестиции, и политика в отрасли ТЭК, включая социально ответственное инвестирование, определяется преимущественно государством [Ari et al. 2019].

Если обратиться к опыту России, то, как отмечает Всемирный банк, развитию «зеленого» финансирования в России препятствует ряд факторов, являющихся результатом разобщенности и нескоординированности действий участвующих сторон, в том числе отсутствие единого центра, отвечающего за межведомственную координацию; недостаточная развитость «зеленых» государственных закупок; слабый контроль за исполнением нормативных правовых актов в области защиты окружающей среды, а также за достижением целевых показателей на уровне отдельных секторов экономики (например, в части требований к энергетической эффективности зданий); отсутствие нормативно-правовой базы для инструментов «зеленого» финансирования; слабая вовлеченность государственных финансовых институтов развития в реализацию повестки дня в области экологизации [Зеленые финансы в России 2018].

Это подтверждают и статистические данные. К примеру, наиболее острой является проблема сжигания попутного газа. Так, по различным оценкам, ежегодно сжигается 20–35 млрд м³ газа, что сопоставимо с энергопотреблением всей Москвы [Устойчивое развитие 2013]. И хотя в последние годы наблюдается положительная динамика, трудно назвать ее достаточно выраженной. Так, в 2018 г. добыча попутного газа увеличилась по сравнению с 2017 г. всего на 4,8% (на 4,1 млрд м³), однако это сопровождалось ухудшением общеотраслевого показателя его полезного использования, который снизился по отношению к прошлому году на 15% [Государственный доклад 2019].

Сравнение суммарных значений показателей деятельности нефтегазодобывающих компаний в области охраны окружающей среды за 2017 и 2018 гг. позволяет отметить незначительное снижение по всем показателям физического воздействия на окружающую среду (от 0,4% по объему оборотной воды до 16,2% по водоотведению на рельеф), кроме изменения площади нарушенных земель на начало года (рост 37%). При этом очень красноречиво выглядят цифры по затратам компаний на охрану окружающей среды в 2017–2018 гг.: при росте платы за негативное воздействие на окружающую среду на 9,8% и текущих затрат на охрану окружающей среды на 7%, инвестиции в основной капитал, направляемые на охрану окружающей среды, снизились на 20% [Государственный доклад 2019]. Очевидно, что подобные инвестиционные стратегии в одном из самых доходных секторов российской экономики трудно назвать «социально ответственными». Более того, необходимые инвестиции не направляются также на обеспечение нормального функционирования основных средств. К примеру, по вине нефтяных компаний в 2018 г. произошло 13 129 прорывов трубопроводов и 7771 прорывов нефтепроводов, 90% – из-за коррозии. В результате 53 151 т нефти попали в окружающую среду [Государственный доклад 2019].

Эти же проблемы отражены и в Энергетической стратегии России на период до 2030 г. (утверждена Распоряжением Правительства от 13.11.09 г. № 1715-р), согласно которой основными проблемами в сфере энергетической безопасности являются высокая степень износа основных фондов топливно-энергетического комплекса (в электроэнергетике и газовой промышленности – почти 60%, в нефтеперерабатывающей промышленности – 80%); низкая степень инвестирования в развитие отраслей топливно-энергетического комплекса (за последние пять лет объем инвестиций в топливно-энергетический комплекс составил около 60% от объема, предусмотренного Энергетической стратегией России на период до 2020 г.); а также несоответствие производственного потенциала топливно-энергетического комплекса мировому научно-техническому уровню, включая экологические стандарты.

Что касается ответственного инвестирования, то следует признать, что в России данный сектор крайне мало развит. «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов» Банка России всего лишь констатируют, что глобальные вызовы способствовали созданию и развитию на зарубежных рынках специальных финансовых инструментов, таких как «зеленые» облигации, и что России также предстоит подключиться к этому глобальному процессу [Коданева 2020а].

Несколько более конкретно звучит поручение Президента РФ от 18 декабря 2018 г. «обеспечить скорейший запуск механизма “зеленых” облигаций, позволяющего снизить стоимость заемных средств при реализации проектов экологической направленности». В рамках реализации данного поручения

30 апреля 2019 г. Правительство РФ приняло постановление № 541, в соответствии с которым, в случае привлечения инвестиций на реализацию инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий через выпуск “зеленых” облигаций, российским организациям будут предоставляться субсидии на возмещение затрат на выплату купонного дохода по таким облигациям [Коданева 2020a].

Однако на сегодняшний день этот механизм пока еще не заработал в связи с отсутствием всех необходимых подзаконных актов Минпромторга России.

В ЕС признано, что вовлечение частного сектора требует системных изменений в инвестиционной культуре, а также в вопросах раскрытия компаниями своей нефинансовой информации. Так, например, закон Франции о переходе к «зеленой» энергетике заставляет институциональных инвесторов отчитываться в том, как они способствуют сокращению выбросов CO₂ и, в более широком смысле, в том, как они управляют климатическими рисками [Коданева 2020a]. Банк Англии также выпустил требования по продвижению и развитию зеленых рынков облигаций, а в соответствии с Законом Великобритании о корпорациях, последние обязаны с 1 октября 2013 г. публиковать отчет о выбросах парниковых газов и методологию, применяемую при их расчете [Коданева 2020a].

В июне 2018 г. была образована Technical Expert Group on Sustainable Finance (TEG), которая в числе прочего разработала Guidance to Improve Corporate Disclosure of Climate-Related Information. Принятые меры вынуждают компании публиковать свою нефинансовую отчетность.

В России на сегодняшний день отсутствует подобная нормативная база. Вместе с тем на добровольной основе такая информация обнародуется и, начиная с 2006 г., администрируется РСПП. На конец 2019 г. в Реестре РСПП находились 186 компаний, которые представили 1044 отчета, из них 362 – по устойчивому развитию, 361 социальный отчет, 92 экологических отчета и 229 интегрированных отчетов. Следует признать, что наибольшее количество отчетов по устойчивому развитию и экологических отчетов представили компании нефтегазовой отрасли, на втором месте находится энергетика (табл. 1).

RAEX-Eurore, начиная с 2018 г., также реализует проект по оценке отчетов ESG российского корпоративного сектора. Данный рэнкинг позволяет компаниям оценить существующие ESG-риски и показать инвесторам качество соблюдения соответствующих практик. В основе ESG-рейтинга лежит принцип оценки набора из восьми индикаторов, отражающих уровень воздействия компании на экологическую и социальную среду, а также степень подверженности компании социальным и управленческим рискам. База данных охватывает 30 крупнейших нефинансовых организаций России (из анализа исключены компании из отраслей, оказывающих незначительное воздействие на окружающую среду, таких как розничная торговля, финансовый

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

сектор, телекоммуникации и холдинги, а также дочерние и зависимые компании международных компаний, работающих в России) (табл. 2).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТЧЕТОВ ПО ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОМПАНИЙ (октябрь 2019 г.)

Отраслевая принадлежность компаний	Число компаний	Количество отчетов				
		ИО	ОУР	СО	ЭО	Итого
Нефтегазовая	21	9	118	9	43	179
Энергетика	49	92	55	45	7	199
Металлургическая и горнодобывающая	20	29	47	55	3	134
Производство машин и оборудования	2	12	0	0	0	12
Химическая, нефтехимическая и парфюмерная	12	43	18	20	6	83
Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	5	0	2	4	18	24
Производство пищевых и других потребительских товаров	10	0	29	23	0	52
Телекоммуникационная	11	6	14	22	0	42
Финансы и страхование	19	7	23	69	0	99
Жилищно-коммунальное хозяйство	5	2	0	14	1	17

Источник: составлено по: [National Register 2019].

Таблица 2

ОЦЕНКА ОТЧЕТОВ ESG РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ RAEX-EUROPE

Компания	E	S	G	ESG2019	ESG2018
Лукойл	6	5	2	1	1
Татнефть	7	2	14	2	4
Газпром	14	3	8	3	3
Норильский Никель	18	4	4	4	10
Россети	2	9	10	5	8
РЖД	5	6	16	6	6
ММК	13	12	9	7	2

Источник: ESG Рейтинг российских компаний 2019 г. [ESG Ranking 2019].

Данные этого рейтинга показывают, что за прошедший год крупнейшие российские корпорации добились прогресса в реализации принципов отчетности ESG и ответственного инвестирования. Это объясняется, с одной стороны, растущим спросом на такие отчеты со стороны международных инве-

стором, а с другой – внутренними российскими процессами, связанными с разрабатываемым нормативным регулированием.

Механизмы обеспечения энергетического перехода

Как показало проведенное исследование, ключевую роль в повышении социальной ответственности компаний ТЭК и развития сектора социально ответственных инвестиций играет государство.

Таким образом, методология зеленого энергетического перехода должна включать пять ключевых элементов.

– Жесткие нормативные требования к повышению экологизации сектора ТЭК, включая конкретные и высокие показатели в сферах энергоэффективности, снижения негативного воздействия на окружающую среду и развития зеленой энергетики.

– Усиление контроля за соблюдением нормативных правовых актов в области защиты окружающей среды, а также за достижением целевых показателей.

– Законодательное закрепление единых подходов к социально ответственному и зеленому инвестированию, а также социальной ответственности в целом (включая единство терминологии, критериев соответствия, принципов сертификации и верификации).

– Установление единых нормативных требований по раскрытию нефинансовой отчетности.

– В качестве методологии для раскрытия нефинансовой отчетности и принятия инвестиционных решений использовать концепцию ESG (инвестиционная стратегия, которая учитывает экологические (E), социальные (S) и управленческие (G) вопросы при оценке акций компании). Особенно значим подход, основанный на ESG, для добывающей промышленности, поскольку при использовавшемся ранее отрицательном скрининге, компании добывающих отраслей, особенно в сфере добычи и переработки углеводородов, автоматически получали негативные оценки как «плохие».

Традиционно аналитики работают с финансово-экономическими показателями, такими как прибыль компании, объем продаж или денежный поток (финансовые показатели), а также с изменением процентных ставок или оценками перспективы экономического роста (макроэкономические показатели). Однако они также всегда интересовались другими источниками данных, которые могли бы в конечном итоге повлиять на рынок. Соответственно, концепция ESG, основанная на оценке данных нефинансового рынка компании, и направлена на то, чтобы дать инвесторам представление о социальных и экологических обязательствах компании, позволить институционализировать этот скрининг того, что аналитики называют нефинансовыми

данными [Leins 2018]. Иными словами, финансовые аналитики сумели переосмыслить моральные проблемы таким образом, чтобы они могли быть использованы для обоснования мотивов инвесторов, которые в первую очередь стремились увеличить свою финансовую прибыль.

Безусловно, портфели ценных бумаг ESG, которые финансовые аналитики предлагают своим клиентам, во многом представляют собой маркетинговый ход, да и включение нефинансовых оценок в аналитические отчеты по обычным акциям, как свидетельствует эмпирическое исследование S. Leins тоже зачастую имеет чисто спекулятивные цели, однако сам по себе факт обращения финансовых аналитиков и консалтинговых компаний к этому инструменту свидетельствует о серьезном изменении отношения к проблемам устойчивого развития и о растущем интересе инвесторов [Leins 2020].

Примечательно, что упоминавшееся выше эмпирическое исследование Kh. Alsaifi и др. рынка акций в Великобритании показало, что в кризисные годы (2007–2008) раскрытие информации не только не приводило к снижению стоимости акций, как в прочие годы, а, напротив, было связано со значительной положительной реакцией рынка. Авторы объясняют это тем, что инвесторы воспринимали объявления о раскрытии информации как сигнал о финансовой устойчивости фирмы [Alsaifi et al. 2020].

Со временем менялся и подход к скринингу для социально ответственного инвестирования. Если на начальном этапе он, как правило, заключался в отказе от инвестирования в «плохие» акции – акции добывающих компаний, компаний, деятельность которых связана с большими выбросами парниковых газов, компаний, торгующих алкоголем, сигаретами и т.д., то со временем инструмент ESG стал использоваться не для «наказания» фирм, демонстрирующих низкий уровень социальной ответственности, а для стимулирования ответственных компаний. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, отказ от инвестирования в крупные компании с низкими показателями ESG стал приводить к недофинансированию портфеля, что влекло существенные финансовые риски, основным из которых была низкая доходность. А поскольку в странах – лидерах внедрения в финансовую практику концепции ESG (США, Великобритания) основными инвесторами являются пенсионные фонды, то этот риск рассматривался как крайне серьезный, поскольку мог привести к нарушению прав пенсионеров и других бенефициаров [Hill 2020].

Второй причиной является возникающая напряженность в цепочках поставок [Wannags, Gold 2020], если этические и моральные принципы различаются в странах, задействованных в таких цепочках (например, отношение к труду несовершеннолетних или сверхурочной работе).

Соответственно, возникала необходимость в определении критериев для скрининга ценных бумаг с учетом концепции ESG. Ведущие консалтинговые компании стали формулировать такие критерии. В таблице 3 показана струк-

тура ESG, которая была распространена во многих отчетах об «ответственном инвестировании», начиная с 2010 г. Она состоит из трех колонок, соответствующих концепции (экология, социальная сфера и корпоративное управление). Следует отметить, что показатели, включенные в эту таблицу, являются довольно общими, что позволяло аналитикам применять эти критерии при оценке различных компаний из самых разных отраслей. Кроме того, аналитики учитывают вовлеченность компаний в различные скандалы (такие, например, как разлив нефти компании BP в Мексиканском заливе), поскольку высокие оценки по критериям ESG таких компаний могут свидетельствовать о желании восстановить «подмоченную» репутацию, а не стремление к достижению целей устойчивого развития. Однако следует отметить и негативный результат такой неопределенности: в зависимости от применяемых разными агентствами измерений и весов оценки, показатели ESG одной и той же компании могут существенно отличаться, что может использоваться для манипулирования на рынке. Результатом стала сложная экосистема показателей ESG, источников данных и рейтингов, которые нуждаются в правильной контекстуализации для интерпретации и успешного использования при анализе и принятии инвестиционных решений [Eccles et al. 2019].

Таблица 3

**КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОРТФЕЛЕЙ
В СООТВЕТСТВИИ С КОНЦЕПЦИЕЙ ESG В 2010-х годах**

<i>Экологические</i>	<i>Социальные</i>	<i>Управленческие</i>
Выбросы углекислого газа. Энергоэффективность. Риск изменения климата. Загрязнение воды. Использование сырья. Отходы. Возможности использования экологических технологий. Возможности использования зеленой энергетики.	Охрана здоровья. Условия труда в компании. Условия труда в цепочках поставок. Качество и безопасность продукции. Конфиденциальность и защита данных. Влияние на местные сообщества. Возможности в сфере здравоохранения. Улучшение доступа к коммуникациям, здравоохранению и финансам.	Состав правления. Участие в коррупции. Компенсационные схемы.

Источник: [Leins 2020].

Постепенное изменение подходов к скринингу инвестиционных портфелей ESG привело к тому, что все больше инвесторов стали считать, что устойчивость и прибыльность – это две взаимодополняющие стороны одной медали. Это подтверждают и метаисследования, показывающие, что компа-

нии с высокой эффективностью ESG также демонстрируют и хорошие традиционные финансовые показатели [Hill 2020].

Таким образом, на сегодняшний день не существует единых критериев оценки того, насколько сами компании, а также реализуемые ими проекты или выпускаемые ценные бумаги являются «зелеными», «устойчивыми» или «социально ответственными», что повышает риск мошенничества и недобросовестных практик, когда компании будут позиционировать себя и свои проекты как «зеленые» и «социально ответственные» только для получения финансовых выгод.

Соответственно, работа по выработке единых критериев и стандартов ведется довольно активно.

Так, в 2005 г. 20 институциональных инвесторов из 12 стран по предложению ООН разработали шесть принципов ответственного инвестирования [Principles of responsible investment 2005]:

Включать экологические, социальные аспекты и вопросы управления в процессы проведения инвестиционного анализа и принятия решений.

Включать экологические, социальные аспекты и вопросы управления в политику и практическую деятельность.

Требовать от получателей инвестиций надлежащего раскрытия информации об экологических, социальных проблемах и вопросах управления.

Содействовать принятию и осуществлению принципов в рамках инвестиционного сектора.

Повышать эффективность осуществления принципов.

Сообщать о деятельности и достигнутом прогрессе в плане осуществления принципов.

В апреле 2006 г. они стали применяться на Нью-Йоркской бирже. С того момента число компаний, подписавших данные принципы, возросло до более 1500 в более 50 странах мира. Соответственно, в 2006 г. была создана Ассоциация ответственного инвестирования PRI, которая в мае 2016 г. выступила с инициативой по включению факторов ESG в оценку кредитного риска и рейтинги. В настоящее время 151 финансовая компания с совокупным капиталом под управлением в объеме более 30 трлн долл. взяла на себя обязательство включить факторы ESG в инвестиционный анализ и процессы реализации инвестиционной стратегии, проводить диалог с компаниями-эмитентами по вопросу раскрытия информации о факторах ESG, а также осуществлять раскрытие информации по вопросам ответственного инвестирования. В феврале 2019 г. PRI выступила с инициативой с 2020 г. ввести для своих членов обязательное раскрытие информации о принятых мерах в области управления рисками изменения климата.

В 2009 г. рядом некоммерческих и общественных организаций была создана неправительственная организация Climate Bonds Initiative (Инициатива

по климатическим облигациям), которая в 2011 г. опубликовала первый добровольный стандарт климатических облигаций. В 2012–2015 гг. были разработаны и утверждены еще четыре отраслевых стандарта СВИ – для проектов по солнечной энергетике, низкоуглеродному общественному транспорту и энергоэффективным зданиям. Кроме того, были разработаны отраслевые стандарты, которые относятся к выпуску облигаций для реализации программ и проектов в сфере ветроэнергетики, энергетике приливов, а также геотермальной энергетике.

В 2012 г. по инициативе Китая была создана Sustainable Banking Network (Сеть устойчивого банковского финансирования), которая объединяет финансовых регуляторов развивающихся стран. Сеть способствует коллективному обучению членов и поддерживает их в разработке политики и связанных с ней инициатив. В октябре 2018 г. было опубликовано исследование SBN «Отчет о рынках зеленых облигаций», в котором была зафиксирована необходимость движения к общим целям устойчивого банковского финансирования с учетом особенностей национальных экономик и рынков. Опыт стран SBN указывает на ряд общих целей, которые могут помочь странам избежать трудностей и координировать разработку руководств и рекомендаций в области зеленых облигаций и других компонентов рынка. Реализация этих целей способствует гармонизации терминов и определений в сфере зеленых облигаций в мире при полном уважении условий и особенностей национальных рынков [Зеленые финансы 2018].

Европейский союз занимает самую активную позицию в вопросах реализации принципов устойчивого развития ООН и создания финансовой системы, поддерживающей устойчивый рост. Дефицит финансирования для достижения целей ЕС только в области климата и энергетике к 2030 г. оценивается в 180 млрд евро в год. Финансовый сектор призван сыграть важную роль в достижении этих целей. Вовлечение частного сектора требует системных изменений в инвестиционной культуре, а также в вопросах раскрытия компаниями своей нефинансовой информации. Так, например, закон Франции о переходе к «зеленой» энергетике заставляет институциональных инвесторов отчитываться в том, как они способствуют сокращению выбросов CO₂ и, в более широком смысле, в том, как они управляют климатическими рисками. Банк Англии также выпустил требования по продвижению и развитию зеленых рынков облигаций [Gianfrate, Peri 2019], а в соответствии с Законом Великобритании о корпорациях, последние обязаны с 1 октября 2013 г. публиковать отчет о выбросах парниковых газов и методологию, применяемую при их расчете [Alsaifi et al. 2020].

В июне 2018 г. была образована Technical Expert Group on Sustainable Finance (Группа технических экспертов по устойчивому финансированию при Европейской комиссии – TEG), которая работает в четырех направлениях:

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- создание единой системы классификации (Unified Classification System) в области устойчивой экономической деятельности;
- разработка стандарта ЕС по зеленым облигациям (European Green Bond Standard);
- разработка эталонных показателей или бенчмарков в области изменения климата для создания низкоуглеродных инвестиционных стратегий (Climate-Related Benchmarks);
- разработка Руководства по улучшению раскрытия корпоративной информации, связанной с изменением климата (Guidance to Improve Corporate Disclosure of Climate-Related Information).

В марте 2020 г. TEG опубликовала «Taxonomy: Final report of the Technical Expert Group on Sustainable Finance» (Итоговый отчет по разработке Таксономии). Это единая система классификации и терминологии в области финансирования устойчивого развития. Она позволит четко определять, какие виды экономической деятельности соответствуют принципам устойчивого развития, а какие нет. Данная классификация будет постепенно интегрирована в законодательство через принятие нормативных актов ЕС в период до 31 декабря 2022 г. Чтобы соответствовать Таксономии ЕС экономическая деятельность должна вносить существенный вклад по крайней мере в одну экологическую цель и не наносить существенного ущерба остальным пяти, а также отвечать минимальным социальным гарантиям.

Представляется, что и Таксономия ЕС и иные приведенные выше инструменты должны быть детально проанализированы и использованы при формировании нормативной базы РФ в качестве основы для определения критериев оценки уровня социальной ответственности компаний ТЭК.

Заключение

Современные тенденции рынков углеродов свидетельствуют о ситуации кризиса и даже шока, который, по мнению ряда ученых, может привести к ускоренному энергетическому переходу. Поэтому компаниям ТЭК крайне важно адаптироваться к существующей ситуации и трансформировать свои бизнес-практики в соответствии с требованиями устойчивого развития. Однако сами по себе компании данной отрасли не проявляют заинтересованности во внедрении социально ответственных практик и даже снижают расходы на охрану окружающей среды.

Представленное исследование свидетельствует о том, что требования рынков не служат достаточным стимулом, тем более что несмотря на проявляемый институциональными инвесторами интерес к социально ответственным инвестициям, фактически их объем даже в таких странах-лидерах, как США и Великобритания, не слишком высок (всего 26%), а опубликование

нефинансовой отчетности вызывает в определенных случаях даже падение котировок акций. При этом выявлена ключевая роль государственной политики как в странах Запада (включая США, Великобританию и ЕС), так и в странах Азии и Персидского залива.

В то же время, компании ТЭК демонстрируют готовность публиковать свою нефинансовую отчетность в тех случаях, когда это предусмотрено требованиями законодательства или растущим спросом на такие отчеты со стороны международных инвесторов. Вместе с тем на сегодняшний день в мире отсутствуют единые подходы к пониманию социально ответственных инвестиций.

С учетом проведенного исследования предлагается сочетать жесткое государственное регулирование с использованием одной из наиболее эффективных практик корпоративного управления – системы ESG, а также обеспечить закрепление на уровне законодательства и стандартов Московской биржи стандартизации критериев социальной ответственности.

Библиография

Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия. 20–22 июня 2012 г. (2012) // Система официальных документов ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.11.2020).

Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». М.: Минприроды России; НПП «Кадастр». 2019. 844 с.

Зеленое финансирование в России: создание возможностей для «зеленых инвестиций» / аналитическая записка // Группа Всемирного Банка. Москва. 2018. 127 р. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).

Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка // Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. 2018. Окт. URL: https://m.minfin.ru/common/upload/20181102_Green_finance.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

Коданева С.И. Зеленые инвестиции в России и за рубежом: Проблемы, механизмы и перспективы // Россия и современный мир. 2020 а. № 3(108). С. 68–88.

Коданева С.И. От «коричневой экономики» – к «зеленой». Российский и зарубежный опыт // Россия и современный мир. 2020 б. № 1(106). С. 46–66.

Коронакризис: влияние COVID-19 на ТЭК в мире и в России / Т. Митрова, Е. Грушевенко, С. Капитонов, Ю. Мельников, А. Пердеро, Н. Доброславский. М.: СКОЛКОВО. 2020. 65 с.

Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <http://old.rspp.ru/simplepage/157> (дата обращения: 01.11.2020).

Парижское соглашение. Конференция Сторон. Двадцать первая сессия. Париж, 30 ноября – 11 декабря 2015 г. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (2015) // United Nations. Climate Change. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

Устойчивое развитие России / под. ред. С. Бобылева и Р. Перелета. Берлин – Санкт-Петербург. 2013. 224 с.

Alsaifi Kh., Elnahass M., Salama A. Market responses to firms' voluntary carbon disclosure: Empirical evidence from the United Kingdom // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 262. URL: https://eprints.ncl.ac.uk/file_store/production/265739/7C155CC6-D9D6-4C1D-96EB-C09F96912594.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

Ari I., Akkas E., Asutay M., Koç M. Public and private investment in the hydrocarbon-based rentier economies: A case study for the GCC countries // *Resources Policy*. 2019. Vol. 62. P. 165–175.

Arjaliès D.L., Durand R. Product categories as judgment devices: The moral awakening of the investment industry // *Organization Science*. 2019. URL: <https://pubsonline.informs.org/doi/full/10.1287/orsc.2018.1267> (дата обращения: 01.11.2020).

Decarbonization pathways for oil and gas // *A Quarterly Journal for Debating Energy Issues and Policies*. 2020. № 121. P. 1–4.

Delmas M.A., Lyon T.P., Maxwell J.W. Understanding the Role of the Corporation in Sustainability Transitions // *Organization & Environment*. 2019. Vol. 32, № 2. P. 87–97.

Eccles R.G., Lee L.-E., Strohle Ju.C. The Social Origins of ESG: An Analysis of Innovest and KLD // *Organization & Environment*. 2019. 1–22.

ESG Ranking of Russian companies 2019 // *RAEX-Europe*. URL: https://www.raexpert.eu/esg_corporate_ranking/ (дата обращения: 01.11.2020).

Garcia D.J., Lovett B.M., You F. Considering agricultural wastes and ecosystem services in Food-Energy-Water-Waste Nexus system design // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 228. P. 941–955.

Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds // *Journal of cleaner production*. 2019. Vol. 219. P. 127–135.

Gond J.-P., O'Sullivan N., Slager R., Viehs M., Homanen M., Mosonyi S. How ESG engagement creates value for investors and companies: Principles for Responsible Investment // *UNEP*. 2018. URL: <https://www.unpri.org/download?ac=4637> (дата обращения: 01.11.2020).

Hill J. Environmental, Social, and Governance (ESG) Investing: A Balanced Analysis of the Theory and Practice of a Sustainable Portfolio. Elsevier. 2020. 370 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/environmental-social-and-governance-esg-investing/hill/978-0-12-818692-3> (дата обращения: 01.11.2020).

Hossain K. The effectiveness of international law in «greening» the economy: challenges for the developed and developing world // *American society of international law*. 2014. Vol. 108. P. 407–410.

How responsible investors should respond to the COVID-19 crisis? // *PRI*. 2020. 27 Mar. URL: <https://www.unpri.org/covid-19-resources/how-responsible-investors-should-respond-to-the-covid-19-coronavirus-crisis/5627.article> (дата обращения: 01.11.2020).

Leins S. «Responsible investment»: ESG and the post-crisis ethical order // *Economy and Society*. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03085147.2020.1702414?journalCode=reso20> (дата обращения: 01.11.2020).

Leins S. *Stories of Capitalism: Inside the Role of Financial Analysts*. Chicago: University of Chicago Press. 2018. 224 p.

Principles of responsible investment // *PRI*. URL: <https://www.unpri.org/pri> (дата обращения: 01.11.2020).

Renewables 2020 Global status report // *REN21*. 2020. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the EU coordinated action to combat the coronavirus pandemic and its consequences // *European Commission*. 2020. 16 Apr. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_675 (дата обращения: 01.11.2020).

Stern J., Imsirovic A. A Comparative History of Oil and Gas Markets and Prices: is 2020 just an extreme cyclical event or an acceleration of the energy transition? // The Oxford Institute for energy studies. 2020. Apr. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/a-comparative-history-of-oil-and-gas-markets-and-prices-is-2020-just-an-extreme-cyclical-event-or-an-acceleration-of-the-energy-transition/> (дата обращения: 01.11.2020).

The European Green Deal after Corona: Implications for EU climate policy // CEPS. 2020. 31 Mar. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-european-green-deal-after-corona/> (дата обращения: 01.11.2020).

Vogel D. Promoting Sustainable Government Regulation: What We Can Learn From California // Organization & Environment. 2019. Vol. 32, № 2. P. 145–158. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1086026619842517> (дата обращения: 01.11.2020).

Wannags L., Gold S. Assessing tensions in corporate sustainability transition: From a review of the literature towards an actor-oriented management approach // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 264. URL: https://www.researchgate.net/publication/340660764_Assessing_tensions_in_corporate_sustainability_transition_From_a_review_of_the_literature_towards_an_actor-oriented_management_approach (дата обращения: 01.11.2020).

References

Alsaifi Kh., Elnahass M., Salama A. Market responses to firms' voluntary carbon disclosure: Empirical evidence from the United Kingdom // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 262. URL: https://eprints.ncl.ac.uk/file_store/production/265739/7C155CC6-D9D6-4C1D-96EB-C09F96912594.pdf (date of access: 01.11.2020).

Ari I., Akkas E., Asutay M., Koç M. Public and private investment in the hydrocarbon-based rentier economies: A case study for the GCC countries // Resources Policy. 2019. Vol. 62. P. 165–175.

Arjaliès D.L., Durand R. Product categories as judgment devices: The moral awakening of the investment industry // Organization Science. 2019. URL: <https://pubsonline.informs.org/doi/full/10.1287/orsc.2018.1267> (date of access: 01.11.2020).

Budushhee, kotorogo my` xotim. Itogovy`j dokument Konferencii OON po ustojchivomu razvitiyu [The future we want. Outcome Document of the UN Conference on Sustainable Development]. Rio-de-Zhanejro, Braziliya. 20–22 iyunya 2012 g. (2012) // Sistema oficial`ny`x dokumentov OON [United Nations Official Documents System]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/12/PDF/N1147612.pdf?OpenElement> (date of access: 01.11.2020). (In Russ.)

Decarbonization pathways for oil and gas // A Quarterly Journal for Debating Energy Issues and Policies. 2020. N 121. P. 1–4.

Delmas M.A., Lyon T.P., Maxwell J.W. Understanding the Role of the Corporation in Sustainability Transitions // Organization & Environment. 2019. Vol. 32, N 2. P. 87–97.

Eccles R.G., Lee L.-E., Strohle Ju.C. The Social Origins of ESG: An Analysis of Innovest and KLD // Organization & Environment. 2019. 1–22.

ESG Ranking of Russian companies 2019 // RAEX-Europe. URL: https://www.raexpert.eu/esg_corporate_ranking/ (date of access: 01.11.2020).

Garcia D.J., Lovett B.M., You F. Considering agricultural wastes and ecosystem services in Food-Energy-Water-Waste Nexus system design // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 228. P. 941–955.

Gianfrate G., Peri M. The green advantage: Exploring the convenience of issuing green bonds // Journal of cleaner production. 2019. Vol. 219. P. 127–135.

Gond J.-P., O'Sullivan N., Slager R., Viehs M., Homanen M., Mosonyi S. How ESG engagement creates value for investors and companies: Principles for Responsible Investment // UNEP. 2018. URL: <https://www.unpri.org/download?ac=4637> (date of access: 01.11.2020).

Gosudarstvennyj doklad «O sostoyanii i ob ohrane okruzhayushhej sredej Rossijskoj Federacii v 2018 godu» [State hedgehog report «On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2018»]. M.: Minprirody Rossii; NPP «Kadastr». 2019. 844 p. (In Russ.)

Hill J. Environmental, Social, and Governance (ESG) Investing: A Balanced Analysis of the Theory and Practice of a Sustainable Portfolio. Elsevier. 2020. 370 p. URL: <https://www.elsevier.com/books/environmental-social-and-governance-esg-investing/hill/978-0-12-818692-3> (date of access: 01.11.2020).

Hossain K. The effectiveness of international law in «greening» the economy: challenges for the developed and developing world // American society of international law. 2014. Vol. 108. P. 407–410.

How responsible investors should respond to the COVID-19 crisis? // PRI. 2020. 27 Mar. URL: <https://www.unpri.org/covid-19-resources/how-responsible-investors-should-respond-to-the-covid-19-coronavirus-crisis/5627.article> (date of access: 01.11.2020).

Kodaneva S.I. Zeleny'e investicii v Rossii i za rubezhom: Problemy, mexanizmy i perspektivy [Green Investments in Russia and Abroad: Problems, Mechanisms and Prospects] // Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern hedgehog world]. 2020 a. N 3(108). P. 68–88. (In Russ.)

Kodaneva S.I. Ot «korichnevoj e'konomiki» – k «zelenoj». Rossijskij i zarubezhnyj opyt [From «brown economy» to «green». Russian and foreign hedgehog opium] // Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the modern hedgehog world]. 2020 b. N 1(106). P. 46–66. (In Russ.)

Koronakrizis: vliyanie COVID-19 na TE`K v mire i v Rossii [Coronacrisis: the impact of COVID-19 on TEOK in the world and in Russia] / T. Mitrova, E. Grushevenko, S. Kapitonov, Yu. Mel'nikov, A. Perdero, N. Dobroslavskij. M.: SKOLKOVO. 2020. 65 p. (In Russ.)

Leins S. «Responsible investment»: ESG and the post-crisis ethical order // Economy and Society. 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03085147.2020.1702414?journalCode=reso20> (date of access: 01.11.2020).

Leins S. Stories of Capitalism: Inside the Role of Financial Analysts. Chicago: University of Chicago Press. 2018. 224 p.

Nacional'nyj Registr i Biblioteka korporativnyx nefinansovyx otchetov [National Hedgehog Register and Library of Corporate Non-Financial Reports] // Rossijskij soyz promy'shlennikov i predprinimatelej [Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs]. URL: <http://old.rssp.ru/simplepage/157> (date of access: 01.11.2020). (In Russ.)

Parizhskoe soglasenie. Konferenciya Storon. Dvadczat' pervaya sessiya. Parizh, 30 noyabrya – 11 dekabrya 2015 g. Ramochnaya konvenciya Organizacii Ob`edinennyx Nacij ob izmenenii klimata (2015) [Parisian agreement. Konferenciya Party. Dvadczat' pervaya sessiya. Paris, November 30 – December 11, 2015 Ramochnaya konvenciya Organizacii Ob`edinennyx Nacij ob izmenenii klimata (2015)] // United Nations. Climate Change [United Nations. climate change]. URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (date of access: 01.11.2020). (In Russ.)

Principles of responsible investment // PRI. URL: <https://www.unpri.org/pri> (date of access: 01.11.2020).

Renewables 2020 Global status report // REN21. 2020. URL: https://www.ren21.net/wp-content/uploads/2019/05/gsr_2020_full_report_en.pdf (date of access: 01.11.2020).

Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the EU coordinated action to combat the coronavirus pandemic and its consequences // European Commission. 2020. 16 Apr. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_675 (date of access: 01.11.2020).

Stern J., Imsirovic A. A Comparative History of Oil and Gas Markets and Prices: is 2020 just an extreme cyclical event or an acceleration of the energy transition? // The Oxford Institute for energy studies. 2020. Apr. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/a-comparative-history-of-oil-and-gas-markets-and-prices-is-2020-just-an-extreme-cyclical-event-or-an-acceleration-of-the-energy-transition/> (date of access: 01.11.2020).

The European Green Deal after Corona: Implications for EU climate policy // CEPS. 2020. 31 Mar. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-european-green-deal-after-corona/> (date of access: 01.11.2020).

Ustojchivoe razvitie Rossii [Sustainable development of Russia] / pod. red. S. Boby`leva i R. Pereleta. Berlin – Sankt-Peterburg. 2013. 224 p. (In Russ.)

Vogel D. Promoting Sustainable Government Regulation: What We Can Learn From California // Organization & Environment. 2019. Vol. 32, N 2. P. 145–158. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1086026619842517> (date of access: 01.11.2020).

Wannags L., Gold S. Assessing tensions in corporate sustainability transition: From a review of the literature towards an actor-oriented management approach // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 264. URL: https://www.researchgate.net/publication/340660764_Assessing_tensions_in_corporate_sustainability_transition_From_a_review_of_the_literature_towards_an_actor-oriented_management_approach (date of access: 01.11.2020).

Zelenoe finansirovanie v Rossii: sozdanie vozmozhnostej dlya «zeleny`x investicij» [Green Finance in Russia: Creating Opportunities for Green Investments] / analiticheskaya zapiska // Gruppy Vsemirnogo Banka [World Bank Group]. Moskva. 2018. 127 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (date of access: 01.11.2020). (In Russ.)

Zeleny`e finansy`: povestka dnya dlya Rossii. Diagnosticheskaya zapiska [Green finance: an agenda for Russia. Diagnostic note] // E`kspertny`j sovet po ry`nku dolgosrochny`x investicij pri Banke Rossii [expert advice on the formation of long-term investments at the Bank of Russia]. 2018. Okt. URL: https://m.minfin.ru/common/upload/20181102_Green_finance.pdf (date of access: 01.11.2020). (In Russ.)

А.И. Захаров

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА ДЛЯ ИНДИИ**

Аннотация. Пандемия COVID-19 стала настоящим испытанием для Индии, поразившим экономику и социальную сферу страны и изменившим образ жизни населения. Вхождение в постпандемийную эпоху принесло постепенное восстановление деловой активности и экономического развития Индии.

Период кризиса стал временем новых возможностей, прежде всего в политической сфере. Во внутренней политике правящая Бхаратия джаната парти постаралась воспользоваться моментом для консолидации своей власти. Политическая гонка не прерывалась даже в острые фазы роста заболеваний, совпавшие по времени с проведением выборов на региональном уровне. Во внешней политике Нью-Дели использовал пандемию для укрепления своих позиций в Южной Азии и регионе Индийского океана. Проведение «вакцинной дипломатии» позволило Индии показать себя как ответственного члена международного сообщества и выдвинуть собственные инициативы по преодолению кризиса системы глобального управления.

В статье анализируется трансформация индийской внешней политики, вызванная новыми кризисными обстоятельствами периода пандемии COVID-19. Автор предлагает периодизацию пандемии в Индии и формулирует выводы о произошедших в политической жизни страны изменениях.

Ключевые слова: Индия; пандемия; внешняя политика; БДП; Южная Азия; Китай; США.

Захаров Алексей Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

E-mail: azaharov@hse.ru

Scopus Author ID: 57210834142

Web of Science Researcher ID: AАН-3869–2020

Zakharov A.I. The COVID-19 pandemic's implications for India's foreign policy

***Abstract.** The COVID-19 pandemic became as a real test for India, hitting the economy and social sphere of the country and changing the way of life of the population. The post-pandemic era has brought a gradual recovery of economic development and business activity in India.*

The period of crisis has become a time of new opportunities, primarily in the political sphere. In domestic politics, the ruling Bharatiya Janata Party tried to seize the moment to consolidate its power. The political race was not interrupted even during the acute phases of the spread of diseases, which coincided in time with the holding of elections at the regional level.

In foreign policy, New Delhi has used the pandemic to strengthen its position in South Asia and the Indian Ocean region. The implementation of «vaccine diplomacy» allowed India to show itself as a responsible member of the international community and put forward its own initiatives to overcome the crisis of the global governance system.

This article analyzes the transformation of India's foreign policy caused by the new crisis circumstances of the COVID-19 pandemic. The author proposes a periodization of the pandemic in India and draws conclusions about the changes that have taken place in the political life of the country and its external policy approaches.

Keywords: India; pandemic; foreign policy; BJP; South Asia; China; U.S.

**Zakharov Aleksei Igorevich – Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow at the International Laboratory on World Order Studies
and the New Regionalism, National Research University Higher School
of Economics. Russia, Moscow.**

E-mail: azaharov@hse.ru

Scopus Author ID: 57210834142

Web of Science Researcher ID: AАН-3869–2020

Введение

24 марта 2020 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди сделал неожиданное объявление о введении общенационального локдауна сроком на три недели. В своем обращении к нации он особо подчеркнул, что, несмотря на серьезные экономические последствия, первоочередной задачей правительства, местных властей и его лично является сохранение жизни «каждого индийца». Приняв это непростое, но необходимое решение, правительство Индии пошло на невероятный эксперимент в попытке обеспечить полную изоляцию населения в 1,3 млрд человек.

В отличие от соседнего Китая и стран Запада, индийское общество менее дисциплинировано. Введение строгих мер, вплоть до уголовного наказания, затруднительно ввиду демократической системы управления страной, при которой любые перегибы получают широкое медиаосвещение и могут обер-

нуться против действующей власти. Угроза административных мер малоэффективна в силу большого числа бедных, которым в условиях полного карантина оказалась нужна экономическая поддержка. По этим причинам реализация решения правительства встретила сложности с точки зрения контроля за населением, особенно на местном уровне. Тем не менее поправки в Уголовный кодекс Индии узаконили серьезные меры за нарушение режима изоляции: аресты сроком от 1 до 6 месяцев и / или штраф до 1000 рупий (примерно 1050 руб.).

В первые дни изоляции людям пришлось адаптироваться к правилам комендантского часа, исключением из которого для большинства населения стали лишь утренние часы для приобретения продуктов первой необходимости. За выход на улицу вне разрешенного времени несколько сотен человек оказались под стражей, в том числе и с конфискацией личного транспорта. В некоторых случаях уголовные наказания применялись за распространение фейковых новостей о коронавирусе в социальных сетях.

Ко многим нарушителям режима со стороны полиции применялись меры физического воздействия: их принуждали к возвращению домой ударами палок. В некоторых случаях под наказания полицейских попадали даже медработники и журналисты, которым на период карантина было предоставлено право на передвижение.

Для многих индийских граждан, не имеющих накоплений и зависящих от ежедневных доходов в сферах мелкой торговли или оказания услуг, период изоляции превратился в борьбу за выживание. Серьезным вызовом соблюдению карантина в Индии стали толпы трудовых мигрантов, которые устремились домой из крупнейших агломераций, прежде всего Дели и Мумбаи. В силу перекрытия транспортного сообщения между индийскими регионами многие люди отправились в путь пешком, преодолевая сотни и даже тысячи километров. Когда власти организовали специальные автобусы для вывоза рабочих, образовались огромные очереди из многочисленных желающих уехать. Толпы ожидающих на автовокзалах и плотно заполненные как внутри, так и снаружи автобусы (многие люди разместились на крышах и даже на окнах) свели на нет понятие «социальное дистанцирование».

Очевидно, что ни население, ни местные органы власти не были готовы к исполнению положений о национальном карантине, поэтому хаоса и насилия избежать не удалось.

Краткосрочная разрядка напряжения

Распространение коронавируса в Индии в определенной степени сыграло на руку правительству Нарендры Моди, поскольку позволило отвлечь внима-

ние населения от негативной повестки во внутренней политике, связанной с рядом решений властей.

В августе 2019 г. правительство приняло историческое решение, отменив положения статьи 370 Конституции Индии, гарантировавшие особую автономию штата Джамму и Кашмир. В соответствии с реформой появившиеся союзные территории Джамму и Кашмир и Ладакх стали зависеть от федерального центра, а их земли стали доступны для приобретения жителям других регионов Индии. Для претворения решения в индийской части Кашмира были установлены повышенные меры безопасности: введен дополнительный воинский контингент, арестованы местные оппозиционные политики, закрыты школы, отключены Интернет и мобильная связь.

В декабре 2019 г. парламент Индии одобрил принятие поправок к закону о гражданстве, предполагающих возможность получения индийского гражданства иммигрантами из Афганистана, Пакистана и Бангладеша, являющихся последователями индуизма, буддизма, христианства, сикхизма, джайнизма, зороастризма (т.е. представителям всех основных религий, кроме ислама), въехавшими в страну до начала 2015 г. Правительство представило данный шаг в качестве попытки защитить от преследования религиозные группы, являющиеся меньшинствами в соседних странах, а также сохранить лингвистическую, культурную и общественную идентичность на северо-востоке Индии. Оппозиция и часть населения выступили с протестами, которые затянулись на три месяца. Протестные акции встретили жесткий ответ со стороны полиции: зачистки в мусульманских университетах и применение силы против уличных манифестантов. Апогеем напряжения стали столкновения в Дели в конце февраля 2020 г. между противниками закона, преимущественно мусульманами, и «сторонниками» закона, представленными вооруженными бойцами индусских националистических организаций. По сути, столкновения свелись к антимусульманским погромам, на которые силы полиции отреагировали не сразу. В результате погибли около 50 человек, а раненые исчислялись сотнями.

Действия индийских властей в Кашмире и межрелигиозные столкновения в Дели приковали внимание мировых СМИ, осуждавших Н. Моди и его партию БДП за недемократические шаги, направленные против представителей религиозного меньшинства. Они отразились и на внешней политике, в частности на отношениях с Китаем и Пакистаном.

Стоит заметить, что оба шага правительства были включены в предвыборную программу БДП накануне всеобщих выборов в апреле-мае 2019 г., в которой партия обещала улучшить управление территориями Кашмира и разобратся с нелегальной иммиграцией мусульман в пограничные регионы Индии. БДП традиционно опирается на индуистский электорат, поэтому националистические призывы со стороны ее политиков не являются чем-то

удивительным. Однако столь стремительная реализация предвыборных обещаний стала неожиданной.

В конце 2019 – начале 2020 г. не самым благополучным образом развивалась ситуация в экономике Индии. Рост безработицы достиг высоких показателей и варьировался в пределах 7–8%, произошло снижение доходов населения, и, как следствие, упало потребление. И индийские, и международные финансовые организации несколько раз пересматривали свои прогнозы роста экономики в сторону понижения. По оценкам официального бюро статистики Индии и Всемирного банка, сделанным еще до появления коронавируса, в 2020 фин. г. рост индийской экономики оценивался в 5%, а по прогнозу МВФ – 4,8% [IMF cuts 2020]. После введения тотального карантина по всей Индии рейтинговое агентство Moody's предположило, что рост экономики страны по итогам 2020 г. составит лишь 2,5%.

Реальное воздействие первых недель пандемии на экономику Индии превзошло все прогнозы. В первом квартале 2020 финансового года¹ ВВП Индии упал на 23,9%, что стало худшим показателем среди всех стран мира и абсолютным минимумом для индийской экономики с момента публикации ежеквартальных данных в 1996 г. [GDP contracts 2020]. По итогам 2020 г. МВФ оценил падение экономики Индии в 8%, а правительство Индии – в 7,7%.

Периодизация пандемии в Индии

За время пандемии COVID-19 Индия пережила несколько волн эпидемии, локдаунов и иных ограничительных мер, а также их ослаблений. Следует выделить пять основных периодов и дать их краткую характеристику.

1 этап (март–июнь 2020 г.) начался с введения общенационального локдауна с комендантским часом, выделением разных зон в зависимости от уровня заражений населения и серьезными ограничениями общественной и экономической активности.

Министерство финансов Индии приняло пакет экономических мер для поддержки нуждающихся, выделив около 22,5 млрд долл. Эти средства использовались на прямые денежные переводы и распределение пищевых продуктов людям с низким доходом, неполным семьям; работникам сельского хозяйства и строителям. Однако этой суммы оказалось недостаточно для поддержки населения в стране, где, по данным ООН, проживают около 370 млн бедных [Global Multidimensional 2019].

Лишь спустя 50 дней карантина правительство решилось на объемный пакет государственной помощи в 20 трлн рупий (примерно 265 млрд долл.), направленный на поддержку малого и среднего бизнеса, небанковских кре-

1. Финансовый год в Индии начинается в апреле.

дитных организаций, компаний – производителей электроэнергии, а также трудовых мигрантов, фермеров и уличных торговцев. Параллельно был запущен курс на увеличение местного производства и «самодостаточность». «Индия должна быть самодостаточной, независимой страной, в таком случае она будет определять XXI век», – так звучал призыв премьер-министра Н. Моди, выдвинувшего пять основных направлений успеха страны на этом пути: экономика, инфраструктура, высокие технологии, демография и рост спроса [PM Modi shares 2020].

Показатели безработицы выросли с 7% до 27%, и это только официальные данные, не учитывающие неформальный сектор, в котором, по оценке МОТ, работают до 90% населения. По оценочным данным, от 120 до 140 млн трудовых мигрантов остались без работы. В реальности количество людей, переехавших из сельской местности в крупные города и находившихся в зависимости от ежедневного дохода, в разы больше. Внутренняя миграция в Индии, вызванная началом пандемии, оценивалась в 450 млн человек [Nair 2020].

Система здравоохранения Индии оказалась не готова к кризисной ситуации такого масштаба. Как и многие другие страны, по мере роста числа заболевших Индия столкнулась с дефицитом защитных средств, нехваткой больничных мест, аппаратов ИВЛ и медперсонала. В зоне наибольшего риска оказались густонаселенные регионы, где проживает значительная доля малообеспеченных людей.

В начале марта 2020 г. правительство Индии ограничило экспорт 26 фармацевтических продуктов – ингредиентов и лекарств, производимых из них, включая парацетамол. Ограничения затрагивали примерно 10% всего индийского экспорта фармацевтики. Отдав приоритет внутреннему спросу, Индия также запретила поставки гидроксихлорохина – медицинского препарата, используемого против малярии. Тем не менее столкнувшись с недовольством Соединенных Штатов, 30% фармацевтического импорта которых составляют индийские лекарства и компоненты для их производства, а также получив несколько запросов от Израиля, Бразилии и европейских стран, индийское правительство ослабило ограничения на экспорт важных медикаментов.

Правительство Н. Моди постаралось использовать начальный период пандемии для улучшения глобального образа Индии, активизировав для достижения этой цели многостороннюю дипломатию. По инициативе Нью-Дели впервые за долгое время состоялась видеоконференция лидеров Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК). Премьер-министр Индии предложил создать экстренный фонд по борьбе с коронавирусом и объявил о выделении в него 10 млн долл. Он также принял участие в виртуальном саммите глав государств «Большой двадцатки» и впервые за время нахождения на своем посту выступил на встрече лидеров Движения неприсоединения.

В своих выступлениях на международных форумах индийские политики использовали инструменты «мягкой силы», позиционируя Индию как «мировую аптеку» и ссылаясь на философский постулат из древнеиндийских текстов «Васудхайва Кутумбакам» (с санскрита «Весь мир – одна семья»).

II этап (июнь–декабрь 2020 г.) ознаменовался проведением поэтапного снятия введенных ограничений. Меры по ослаблению локдауна продолжались даже на фоне возникновения очагов инфекций в отдельных регионах страны. Очевидно, что основным мотивом решения правительства стали экономические проблемы, вынудившие принять меры по восстановлению работы ключевых секторов экономики.

Несмотря на отмену общенационального локдауна, центральное правительство сохранило разделение территорий на три зоны: зеленую, оранжевую и красную – в зависимости от эпидемиологической обстановки в них. Однако определение размеров этих зон и разрешенных видов деятельности в них было оставлено на усмотрение региональных властей.

Снятие локдауна было поделено на пять фаз, каждая из которых продолжалась около месяца и подразумевала возобновление работы предприятий, религиозных учреждений, общественного транспорта, ресторанов и кафе. Международное сообщение долгое время оставалось закрытым, исключения были сделаны лишь для определенных категорий иностранных граждан: бизнесменов, специалистов сферы здравоохранения, руководителей и специалистов финансового и IT секторов, дизайнеров, инженеров, представлявших зарубежные компании с филиалами в Индии; технических специалистов и инженеров, направлявшихся в Индию для установки, ремонта и постпродажного обслуживания оборудования зарубежного производства.

Основное внимание общественности было перенесено с ситуации в области здравоохранения на внешнеполитические вопросы. На Линии фактического контроля в Гималаях 15 июня 2020 г. между индийскими и китайскими военными произошла стычка, унесшая жизни более 20 военнослужащих². Несмотря на давний территориальный конфликт между странами, данный инцидент стал первым случаем столкновения с жертвами между ними с 1975 г. и положил начало полномасштабному противостоянию стран в политической и экономической сферах.

III этап (январь–март 2021 г.) характеризуется началом программы вакцинации населения Индии. В начале 2021 г. индийский правительственный регулятор одобрил для использования две вакцины: совместную разработку

² Индия подтвердила потерю 20 солдат, Китай не стал разглашать точное число жертв со своей стороны. На официальном уровне награды посмертно получили четыре китайских солдата. В СМИ предполагается, что число жертв среди китайских военнослужащих может варьироваться от 38 до 45 человек.

шведской компании AstraZeneca и Оксфордского университета, производство которой было локализовано в Индии под брендом Covishield, а также вакцину Covaxin производства индийской компании Bharat Biotech и государственного совета по медицинским исследованиям. Местная вакцина была одобрена лишь для использования в экстренных случаях, так как ее клинические испытания еще продолжались.

Объявляя о начале всеиндийской прививочной программы против COVID-19, премьер-министр Н. Моди заявил: «Мы запускаем крупнейшую в мире кампанию вакцинации, и это покажет всему мировому сообществу наши возможности». Приоритет в получении вакцин был отдан медицинским работникам, служащим полиции и армии [PM to launch 2021]. Помимо этого, Нью-Дели запустил внешнеполитическую инициативу «Вакцина дружбы», начав предоставление произведенных на своей территории вакцин AstraZeneca³ развивающимся странам, с акцентом на соседях по региону Южной Азии и Индийского океана. Поставки проводились на грантовой (бесплатной) и коммерческой основе, а также в рамках глобальной программы COVAX, проводимой под эгидой Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Менее чем за месяц с начала «вакцинной дипломатии» Индия отправила 23 млн вакцин, из них 6,5 млн – на безвозмездной основе [Trofimov 2021].

IV этап (апрель–июнь 2021 г.) – «вторая волна» массового распространения COVID-19, охватившая всю территорию Индии. Рост заболеваемости начался на фоне празднования ряда крупных религиозных праздников, таких как «Кумбх мела»⁴, и проведения массовых митингов в рамках предвыборной кампании в ряде индийских регионов.

В отличие от первой волны пандемии, центральное правительство не ввело общенациональный локдаун, оставив решение о принимаемых мерах региональным органам власти. В пиковые периоды в Индии фиксировалось более 350 тыс. новых случаев заболеваний. За две недели апреля в стране начался настоящий гуманитарный кризис: нехватка мест в госпиталях, недостаток аппаратов ИВЛ и кислородных установок и, как следствие, резкий рост смертности.

Правительство и лично премьер-министр Н. Моди подверглись критике за допущение кризиса в системе здравоохранения и организацию массовых мероприятий в рамках региональной предвыборной кампании. Глава прави-

3. Позже Индия начала поставки и других вакцин собственного производства: Covaxin и Covovax (производства Института сыворотки Индии по лицензии американской компании Novavax).

4. «Кумбх мела» – букв. праздник кувшина; сакральный фестиваль, в ходе которого десятки миллионов индусов совершают паломничество и ритуальное омовение в реке Ганг.

тельства и руководители БДП участвовали в митингах во всех регионах, где в мае-июне 2021 г. состоялись выборы в законодательные собрания – в Ассаме, Западной Бенгалии, Тамил Наду, Керале и Пондичерри. Митинги собирали тысячи участников и проводились без соблюдения защитных мер. Избирательная комиссия Индии отреагировала на ситуацию лишь после вынесения предписаний со стороны местных судов, но к тому времени эпидемия охватила уже всю страну [Дека 2021].

Столкнувшись с чрезвычайной ситуацией, Индия была вынуждена приостановить программы внешней помощи в сфере здравоохранения. В связи с осложнившейся эпидемиологической обстановкой индийские официальные лица отменили или перенесли в онлайн-формат ряд встреч с зарубежными партнерами.

На фоне кризисной ситуации многие страны мира оказали помощь Индии с поставками медицинского оборудования и средств защиты. Одной из договоренностей в рамках российско-индийских отношений стало соглашение о поставках в Индию вакцины «Спутник V».

V этап (июль–декабрь 2021 г.) – постепенный переход Индии в постпандемийный период. Индийские власти сделали выводы из поразившей страну волны заражений и устремились ускорить кампанию по вакцинации населения. Индийцы продемонстрировали высокую степень осознанности в необходимости вакцинирования. По состоянию на декабрь 2021 г. в Индии было сделано более 1,4 млрд доз вакцин: полностью привитыми оказались около 60% населения, 90% получили один компонент вакцины. Достижение целевых показателей позволило правительству перейти к расширению возрастного охвата вакцинации и включения в нее детей в возрасте от двух до 18 лет.

В Индии одобрены девять вакцин, из них три – местной разработки, шесть – зарубежных, производимых индийскими компаниями и институтами. Следует отметить, что три вакцины, производимые на индийской территории, одобрены для использования ВОЗ: Covishield и Covovax (производитель – Институт сыворотки Индии) и Covaxin (разработка компании «Бхарат Биотек»).

Основным внешнеполитическим событием для Индии этого периода стала новая фаза афганского кризиса, связанная с захватом в середине августа 2021 г. власти в Кабуле Движением талибов (организация запрещена на территории России) и выводом из Афганистана воинского контингента США. Приход к власти талибов значительно изменил положение дел для индийского правительства, инвестировавшего в Афганистан с начала 2000-х годов около 3 млрд долл. и поддерживавшего тесные связи с различными этническими группами в стране. В индийской экспертной среде превалировало мнение, что установление контроля «Талибана» над Афганистаном отрежет для Индии доступ к этой стране и приведет к разрыву как политических, так и экономических связей.

Тем не менее Индия смогла внести изменения в свои региональные подходы, установив, пусть и ограниченный, дипломатический контакт с представителями талибов⁵ и усилив обсуждение проблемы безопасности и стабильности в Афганистане с Россией и государствами Центральной Азии.

Новые вызовы для внешней политики Индии

Ключевым внешнеполитическим сюжетом пандемии для Индии, безусловно, стало китайское направление. Китай раньше других государств преодолел эпидемию, начал восстановление экономики, продолжил политическую и экономическую активность в регионе, Индия же на долгое время застряла в карантине.

Между странами исторически сложились неоднозначные и многоуровневые отношения, в которых имели место сотрудничество, соперничество и военные конфликты. С одной стороны, после поражения в войне 1962 г. в индийском общественном мнении укоренилось негативное восприятие Китая и подозрительное отношение к усилению его позиций, с другой – страны поддерживали тесные экономические, религиозные и культурные связи.

В конце 1980-х годов лидеры Индии и Китая Раджив Ганди и Дэн Сяопин договорились оставить пограничные споры в стороне и развивать сотрудничество. Причины такого прагматизма крылись в экономических и стратегических факторах: обоим государствам требовалась стабильная внешняя среда для содействия внутреннему экономическому развитию. В КНР к тому времени уже около десяти лет проводились масштабные экономические реформы, а Индия только вставала на этот путь. На тот момент это были две равные страны с сопоставимыми ВВП (297 млрд долл. у Индии против 312 млрд долл. у Китая) и военными затратами (10,6 млрд долл. против 11,4 млрд долл.) [Ganguly 2020].

Пришедшему к власти в 2014 г. правительству Н. Моди, несмотря на некоторые инциденты в отношениях с КНР, удалось укрепить экономическое и политическое сотрудничество: объем двусторонней торговли устанавливал новые рекорды; китайские компании увеличили свои инвестиции в индийскую экономику; к регулярным контактам на высшем уровне добавились «неформальные саммиты» лидеров [Куприянов 2020].

Однако к началу 2020-х годов разрыв между странами заметно увеличился. КНР превосходит Индию по экономическим возможностям, что определяет и разницу военных потенциалов. Для сравнения – ВВП Китая в 2020 г. составил 14,5 млрд долл., а Индии – 2,7 млрд [GDP contracts 2020]; оборон-

5. До августа 2021 г. Нью-Дели не признавал наличие каналов коммуникаций с Движением талибов в рамках политики «нулевой терпимости к терроризму».

ный бюджет КНР в том же году достигал 252 млрд долл., а Индии – около 73 млрд долл. [Silva 2021].

Решение индийского правительства об изменении статуса штата Джамму и Кашмир, принятое в начале августа 2019 г., встретило негативную реакцию в Пекине. Посетивший КНР с официальным визитом министр иностранных дел Индии Субрахманьям Джайшанкар стремился заверить китайских официальных лиц в отсутствии территориальных претензий и исключительно «внутреннем характере» принятого решения. Ни в Нью-Дели, ни в Пекине не хотели приносить в жертву намеченный на октябрь того же года «неформальный саммит» Н. Моди и Си Цзиньпина, с которым обе стороны связывали большие надежды. В ходе визита индийского министра стороны даже подписали ряд соглашений, хотя они, в большей степени, имели лишь протокольное значение. Несмотря на сам факт встреч на высшем уровне и обсуждение ситуации в Кашмире, в отношениях между странами усилилось недоверие, а «куханьский дух», установленный лидерами государств во время их «неформального саммита» в 2018 г., оказался подорван.

Наличие разногласий стало очевидным спустя всего несколько дней после визита С. Джайшанкара в Китай: Пекин организовал специальную встречу Совета Безопасности ООН, впервые с 1965 г. посвященную исключительно проблеме Кашмира. И хотя консультации носили закрытый характер и значительных итогов не имели, сам факт их проведения оставил у Нью-Дели неприятный осадок, поскольку никто из остальных постоянных членов СБ ООН не заблокировал китайскую инициативу.

Начало пандемии принесло новые проблемы в индийско-китайские отношения. С момента распространения коронавируса по миру Индия последовательно поддерживала инициативу ВОЗ о проведении расследования об источнике появления коронавируса [Laskar 2021]. Китай, в свою очередь, рассматривал этот шаг как попытку политизации пандемии. Недолгий период дипломатии, когда обе страны помогали друг другу медицинскими средствами защиты, сменился напряжением. Использование тестов китайского производства на определение коронавируса было прекращено в Индии после того, как власти некоторых штатов пожаловались на их неточные результаты.

Помимо этого, в середине апреля 2020 г. правительство Индии внесло изменения в политику в области прямых иностранных инвестиций для ограничения возможностей поглощения индийских компаний в сложное для них время. В документе указывалось на необходимость получения одобрения «компаниям страны, имеющей сухопутную границу с Индией» [Government amends 2020]. Новые правила явно указывали, что в качестве инвесторов-хищников рассматривались китайские компании, поэтому их вложения предписывалось внимательным образом отслеживать на правительственном уровне. Правда, парадокс ситуации заключался в том, что Индия нуждалась в за-

рубежных инвестициях, поэтому удар по китайским инвесторам был нанесен не в самое подходящее время.

К середине мая 2020 г. стало очевидно, что кризис в отношениях Пекина и Нью-Дели носит глубокий характер. Стычки между пограничниками на спорных территориях переросли в противостояние войск в долине реки Галван в Аксай-Чине (индийская союзная территория Ладакх). Установленные для разрешения кризисных ситуаций протоколы перестали работать, а через СМИ начались обмены обвинениями и даже угрозами. Примечательно, что прежние инциденты на спорных территориях не всегда напрямую были связаны с ростом напряженности в экономических или даже политических отношениях двух стран. Как правило, они происходили чаще именно в теплое время года, более благоприятное для патрулирования границ. О многих таких эпизодах общественность не узнавала.

Чтобы урегулировать ситуацию, Нью-Дели и Пекин организовали встречу на уровне военных представителей, а также переговоры в видеоформате между руководителями профильных департаментов МИДа. Стороны договорились о постепенном отводе войск с точек соприкосновения в западном секторе Линии фактического контроля (де-факто граница между странами, по поводу прохождения которой между ними имеются разногласия): озера Пангонг-Цо, где первоначально и началось противостояние, района Хот Спрингс и долины реки Галван [Kaushik Roy 2020].

Однако в ходе отвода войск в долине Галван произошел трагический инцидент, в результате которого погибли по меньшей мере 20 индийских солдат и несколько китайских. Можно утверждать, что этот эпизод оказал существенное влияние на отношения Индии и Китая на несколько лет вперед, снизив перспективы взаимодействия стран на международных форумах. Пожалуй, данный инцидент также определил некоторые сдвиги в индийской внешней политике, в частности продолжение сближения с США и рост вовлеченности в региональные многосторонние форматы.

Снизить уровень напряженности в пограничной зоне в Гималаях удалось благодаря сохранению переговоров на уровне командующих корпусов, дислоцированных в Аксай-Чине / Ладакхе, а также проведению телефонных переговоров между министрами иностранных дел и спецпредставителями Индии и Китая по урегулированию пограничных споров. Удачным образом совпало председательство России в организациях и объединениях с участием обеих сторон. В начале сентября 2020 г. на полях встречи Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) министры обороны Индии и Китая Раджнатх Сингх и Вэй Фэнхэ провели переговоры в Москве, обменявшись позициями по ситуации на Линии фактического контроля в Гималаях. Затем, также на полях ШОС, в Москве встретились главы МИД стран С. Джайшанкар и Ван И. Переговоры министров завершились изданием совместного заявления,

которое с тех пор неформально именуется «Московским соглашением». Договоренности министров включили несколько пунктов:

1) руководствоваться консенсусом лидеров по развитию отношений и не позволять разногласиям превращаться в споры;

2) продолжать диалог между пограничными войсками стран, быстро проводить отвод войск, сохранять надлежащую дистанцию и ослаблять напряженность;

3) соблюдать все существующие соглашения и протоколы по вопросам границы, поддерживать мир и спокойствие в приграничных районах и избегать любых действий, которые могут обострить ситуацию;

4) продолжать диалог и общение через механизм Специальных представителей по вопросу о границе между Индией и Китаем, продолжать заседания Рабочего кабинета;

5) по мере улучшения ситуации ускорить работу по заключению новых мер доверия для поддержания и укрепления мира и спокойствия в пограничных районах [Joint Press Statement 2020].

Соглашение министров позволило снизить напряжение в военном противостоянии сторон. В феврале 2021 г. Индия и Китай начали согласованный отвод войск от линии соприкосновения. На северном берегу озера Пангонг-Цо индийские и китайские войска отошли к своим исходным позициям до начала конфликта, а патрулирование спорных территорий было прекращено. На северном и на южном берегу озера стороны начали отвод тяжелых вооружений, а также снесли построенные сооружения. Началось обсуждение «разъединения» в долине реки Галван и в районе местечка Гогра, где аналогичным образом предлагалось не патрулировать буферную зону между позициями сторон во избежание новых стычек [Kaushik 2021].

С тех пор, однако, сторонам не удалось значительно продвинуться в области урегулирования конфликта. С июня 2020 по январь 2022 г. Индия и Китай провели 14 раундов переговоров на уровне командующих корпусов, однако присутствие их войск вдоль спорных участков западного сектора Линии фактического контроля сохраняется.

Военное противостояние с силами Национально-освободительной армии Китая оказало влияние на внешнюю политику Индии. Фактор напряженности в отношениях с КНР лег в основу изменений, которые начали происходить в сотрудничестве со странами Запада и участии Индии в многосторонних механизмах по обеспечению безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Влияние конфликта с Китаем на внешнюю политику Индии

Кризис в индийско-китайских отношениях стал поводом для переосмысления некоторых подходов во внешней политике Индии. Фундаментальные

принципы остались прежними: максимизация возможностей от взаимодействия с различными государствами мира и участия в многосторонних форматах без присоединения к альянсам. Тем не менее индийское правительство пошло на более решительные действия в сотрудничестве с США и другими зарубежными партнерами и отказалось от ряда «красных линий», соблюдаемых ранее во имя сохранения диалога с Пекином. Произошедшие изменения следует рассматривать в двух основных областях: военно-политической и экономической.

Новые шаги по сближению с США

Разрыв в отношениях с Китаем значительно повлиял на публичную дискуссию в Индии. В частности, заметные сдвиги произошли в дискурсе об осторожном подходе к партнерству с США. На фоне военных столкновений индийских и китайских войск в Гималаях некоторые авторитетные индийские эксперты в качестве меры противодействия Китаю предложили «открыть» Андаманские и Никобарские острова для регулярных визитов ВМС США и других дружественных стран и усилить совместные усилия по наблюдению за проливами Индийского океана [Chinoy 2020]. Данный шаг стал бы серьезным решением для Индии, разрешающей использовать свою территорию военным судам и авиации других стран – даже в логистических целях – только в редких случаях. По-видимому, рекомендации экспертов были использованы правительством лишь частично. В сентябре 2020 г. Индия разрешила дозаправку на своей базе в Порт-Блэр (столица Андаманских и Никобарских островов) американскому патрульному противолодочному самолету P8 «Посейдон», применив положения меморандума о логистическом обмене между странами.

Еще одним сигналом Пекину стали заявления начальника генштаба индийских вооруженных сил Бипина Равата о важности обеспечения со стороны членов Quad свободы морской и воздушной навигации в Индийском океане и ближайших с ним регионах для недопущения единоличного доминирования одного из государств [Quad should 2020].

Наконец, Нью-Дели нарастил усилия по взаимодействию с индо-тихоокеанскими партнерами. В октябре 2020 г. в Токио прошла первая отдельная встреча министров иностранных дел государств Quad, четырехстороннего диалога Австралии, Индии, США и Японии. Помимо этого, по приглашению индийской стороны австралийский флот впервые присоединился к участию в военно-морских учениях «Малабар», объединивших ВМС этих четырех стран в Бенгальском заливе и Аравийском море.

Развитие дипломатического и военного взаимодействия государств Quad получило новый импульс после прихода к власти в США президента Джоозефа Байдена. Новая американская администрация продолжила курс на укрепление

многосторонних механизмов в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе и развитие сотрудничества с партнерами по Quad. По инициативе США в марте 2021 г. состоялся первый виртуальный саммит лидеров «четверки». Встреча дала основу институционализации объединения: выпуску совместного заявления по его итогам, выделению нескольких новых направлений сотрудничества в таких сферах, как борьба с ухудшением климата; совместное производство вакцин от COVID-19; новые технологии. Примечательно, что премьер-министр Н. Моди в своем выступлении отметил: «Quad окреп и достиг зрелости и теперь останется оплотом стабильности в регионе» [Prime Minister's 2021]. Последовавшая личная встреча лидеров четырех стран, которая прошла в сентябре 2021 г. в Нью-Йорке, позволила закрепить договоренности и включить в повестку объединения взаимодействие в области кибербезопасности, развития инфраструктуры и космоса.

С одной стороны, можно заметить отход повестки «четверки» от вопросов региональной безопасности, составлявших основу их взаимодействия с момента возрождения объединения в 2017 г., в сторону вопросов экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества. С другой стороны, институционализация формата Quad показала готовность Индии к более системному встраиванию в повестку США и их союзников в рамках нарастающего американо-китайского противостояния, охватывающего не только военно-политические, но и экономические и технологические аспекты.

Экономические изменения

На фоне ограничений, введенных для китайских инвесторов, заметной стала опора ведущих индийских технологических компаний на американские инвестиции. Американские технологические гиганты Facebook, Google и Amazon продемонстрировали значительный интерес к участию в цифровизации Индии, вложив миллиарды долларов в сектор информационных технологий и телекоммуникаций. Между ними усилилась конкуренция за долю индийского рынка цифровых платежей.

Подозрительное отношение к инвестициям со стороны Китая, напротив, стало только расти. Если в начале 2020 г., несмотря на попытки отговорить со стороны американских официальных лиц, правительство Индии заявляло о допуске китайских компаний до испытаний мобильных сетей пятого поколения, сразу после начала противостояния в Гималаях это решение стало подвергаться сомнению и в итоге было пересмотрено. Сначала аукцион частот для 5G был перенесен на 2021 г., а затем индийское правительство приняло решение об исключении китайских компаний Huawei и ZTE из списка участников испытаний [Telecom Department 2021], наглядно показав нежелание допускать Китай к развитию инфраструктуры.

Вероятнее всего, будущими партнерами индийского телекома станут европейские компании Nokia и Ericsson и южнокорейская Samsung. Американские технологические гиганты Facebook, Google и Amazon, инвестировавшие во время пандемии в индийские компании миллиарды долларов, также сыграют ключевую роль в развитии цифровой экономики Индии.

Парадоксально, но на фоне продолжающегося территориального конфликта, объем торгового оборота между Индией и Китаем достиг исторического рекорда – отметки в 125 млрд долл. Значительную долю от общего объема составляет индийский импорт из Китая (97,5 млрд долл.), в частности электронного и машинного оборудования, активных фармацевтических субстанций и медицинских товаров [Krishnan 2022]. Таким образом, несмотря на ухудшение политических отношений и ряд шагов индийского правительства по запрету китайских инвестиций, у Индии сохраняется зависимость от поставок из Китая по целому ряду товарных позиций.

Индия в условиях растущей конфронтации США и Китая

С начала 2000-х годов Индия стала гораздо более благосклонно, чем раньше, относиться к военному присутствию США в Азии и даже в собственной зоне влияния – регионе Индийского океана. По индийской логике отсутствие или незначительное участие США в делах региона открывает возможности для Китая использовать свою мощь для подрыва индийских региональных интересов.

Растущий разрыв в экономических и военных возможностях с Китаем ставит перед Нью-Дели непростые задачи: справиться в одиночку с китайским присутствием в регионе уже невозможно. Индии все труднее предлагать малым странам Южной Азии альтернативу китайской помощи, которая от вопросов экономического развития все чаще переходит в политическую плоскость. Именно поэтому Нью-Дели нуждается в США как уравнителе китайской военной и экономической мощи.

В то же время многие эксперты в Индии традиционно выступают против гегемонии одной из великих держав в Азии, в том числе установления превосходства США в Индо-Тихоокеанском регионе, к которому, судя по американским стратегическим документам [U.S. Strategic Framework 2021], Вашингтон продолжает стремиться. Даже несмотря на все сложности в отношениях с Китаем, в Индии существует консенсус в отношении того, что присоединение к одной из сторон американо-китайского противостояния невыгодно для индийских интересов.

Индия вряд ли станет брать на себя характерные для альянса формальные обязательства. Статус союзника США неизбежно подорвет возможности для

маневра в отношениях с развивающимися странами, не говоря про удар по связям с Россией и Китаем. Кроме того, потеря «стратегической автономии» будет иметь внутривнутриполитические последствия для находящейся у власти партии в виде давления оппозиции и индийского общественного мнения. Нью-Дели выгодно сохранять США «на своей стороне» по важным региональным вопросам и опираться на американскую поддержку своих глобальных амбиций, оставляя при этом пространство для сотрудничества с другими странами, включая американских оппонентов.

Вашингтон хотел бы повысить уровень партнерства с Индией и даже включить ее в список союзников в Азии, но, не раз обжегшись на индийских отказах присоединиться к его региональным инициативам, осознает чувствительность вопроса для индийских внутривнутриполитических дискуссий. Тем более повышать уровень взаимодействия странам хорошо удастся и в текущем статусе отношений. Лучшее всего американский подход отразили слова замгоссекретаря в администрации Д. Трампа Стивена Бигана, сказанные им во время визита в Нью-Дели в октябре 2020 г.: «США видят условия для органичного и более глубокого партнерства с Индией, не альянса на основе послевоенной модели, но фундаментального сближения на основе общих целей в области безопасности и геополитики, общих интересов и ценностей» [Remarks by Deputy 2020].

Заключение

Нью-Дели постарался воспользоваться периодом пандемии COVID-19 для закрепления своих позиций на международной арене в качестве распространителя необходимых глобальных благ. Новыми инструментами реализации индийских внешнеполитических интересов стали «вакцинная дипломатия» и поставки в другие страны медикаментов, считавшихся эффективными при лечении COVID-19. Более того, борьба с коронавирусной инфекцией легла в основу усиления сотрудничества в рамках ряда международных объединений с участием Индии.

Следует выделить наиболее значимые изменения, произошедшие во внешней политике правительства Н. Моди на фоне кризисных явлений периода пандемии, а также отметить индийские традиционные подходы, сохраняющие свою актуальность.

1. Обострение территориального конфликта с Китаем стало поводом для пересмотра Индией своего подхода к осторожной политике в Индо-Тихоокеанском регионе. С формальной точки зрения индийское правительство продолжило выступать за открытость и «инклюзивность» данного региона, подтверждая свою ставку на экономическое процветание всех входящих в него стран. Акцент на экономическом и гуманитарном взаимодействии на-

глядно проявился в таких программах правительства Н. Моды, как SAGAR, SagarMala⁶, Инициатива Индо-Тихоокеанских океанов и Концепция по развитию «синей экономики» Индии.

2. В стратегических расчетах Нью-Дели наступило осознание, что без опоры на гибкие коалиции справиться с ростом военно-морской активности Китая не получится. В то же время Индия сохранила свой курс на поддержание «стратегической автономии» и отрицание военных альянсов, не желая, чтобы в Азиатском регионе нарастала конфронтация двух великих держав – США и Китая. Большинство индийских исследователей придерживаются мнения, что в интересах Индии сохранение многополярного мира, в том числе и многополярного порядка в Азии. В связи с этим Индии необходимо не только сохранять дистанцию от каждой из сторон американо-китайского противостояния, но и поддерживать крепкие связи с Россией.

3. Одним из прямых последствий начавшегося весной-летом 2020 г. противостояния индийских и китайских войск в Гималаях стало более активное участие Индии в многосторонних региональных механизмах, направленных на обсуждение морской безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, а также развития транспортной инфраструктуры, технологического сотрудничества, вопросов стабильности логистических цепочек и производства вакцин. Если ранее звучавшая со стороны китайских официальных лиц критика в отношении формата Quad оказывала воздействие на участников объединения, прежде всего Австралию и Индию, то ухудшение отношений этих стран с КНР стало поводом для институционального оформления четырехстороннего диалогового формата в качестве объединения. Изменение позиции Индии сыграло в этом процессе решающую роль.

4. Новый расклад сил в Афганистане вынудил Индию пересмотреть свое взаимодействие с Движением талибов. Если раньше контакты с представителями «Талибана» носили неофициальный характер, то после захвата ими власти Нью-Дели был вынужден установить прямой дипломатический диалог. Хотя уровень политического влияния Индии на ситуацию в Афганистане снизился, Нью-Дели постарался сохранить поддержание торговых и гуманитарных связей, в том числе для поддержания афганского населения в условиях кризиса. Тем не менее Индия по-прежнему не готова к признанию правительства

6. SAGAR (Security and Growth for All, в переводе с хинди – «океан, море») – озвученное в 2015 г. премьер-министром Н. Моды видение Индийского океана как региона «безопасности и роста для всех» стран; SagarMala (букв. с хинди – «морское ожерелье») – запущенная в 2015 г. программа правительства Индии по улучшению эффективности логистического сектора страны, прежде всего раскрытие потенциала морских коммуникаций и развития инфраструктуры вдоль протяженной береговой линии страны.

талибов и настаивает на соблюдении ими гарантий нераспространения террористической угрозы за пределы афганской территории и соблюдения прав женщин и этнических меньшинств.

5. Развитие ситуации в Афганистане заставило Нью-Дели усилить внимание к взаимодействию с Россией и государствами Центральной Азии для продвижения своих интересов в вопросах безопасности. Несмотря на некоторую дипломатическую активизацию, отразившуюся в организации Делийского диалога по региональной безопасности и саммита «Индия – Центральная Азия», евразийский вектор внешней политики Индии уступает место индо-тихоокеанскому направлению как с точки зрения концептуального осмысления, так и практического сотрудничества с государствами-партнерами.

Библиография

Куприянов А.В. Индия и Китай: игра с ненулевой суммой // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 133–141.

Chinoy S. Time to Leverage the Strategic Potential of Andaman & Nicobar Islands // *IDS Policy Brief*. 2020. 26 Jun. 11 p.

Deka K. India's covid collapse, part 10: Where is the government response needed to manage the situation? // *India Today*. 2021. 10 May. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/20210517-india-s-covid-collapse-part-10-where-is-the-government-response-needed-to-manage-the-situation-1800866-2021-05-10> (дата обращения: 06.03.2022).

Ganguly S., Pardesi M. Why We Should Worry About China and India's Border Skirmishes // *Foreign Policy*. 2020. 23 May. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/23/india-china-border-skirmishes/> (дата обращения: 06.03.2022).

GDP contracts by 23,9%: India second-worst performer after US among major global economies // *India Today*. 2020. 31 Aug. URL: <https://www.indiatoday.in/business/story/gdp-contracts-by-23-9-india-second-worst-performer-after-us-among-major-global-economies-1717173-2020-08-31> (дата обращения: 06.03.2022).

GDP (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 10.01.2022).

Global Multidimensional Poverty Index 2019: Illuminating Inequalities // *United Nations Development Programme*. 2019. 26 p.

Government amends the extant FDI policy for curbing opportunistic takeovers/acquisitions of Indian companies due to the current COVID-19 pandemic // *Ministry of Commerce and Industry, Government of India*. 2020. 18 Apr. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1615711> (дата обращения: 06.03.2022).

IMF cuts India's FY20 growth forecast to 4,8% // *The Economic Times*. 2020. 20 Jan. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/imf-cuts-indias-fy20-gdp-growth-forecast-to-4-8/articleshow/73435183.cms> (дата обращения: 06.03.2022).

Joint Press Statement – Meeting of External Affairs Minister and the Foreign Minister of China (September 10, 2020) // *Ministry of External Affairs, Government of India*. 2020. 10 Sep. URL: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32962/Joint_Press_Statement__Meeting_of_External_Affairs_Minister_and_the_Foreign_Minister_of_China_September_10_2020 (дата обращения: 06.03.2022).

Kaushik K. Explained: What is the new disengagement in eastern Ladakh? // The Indian Express. 2021. 18 Feb. URL: <https://indianexpress.com/article/explained/india-china-ladakh-disengagement-rangong-tso-explained-7184040/> (дата обращения: 06.03.2022).

Kaushik K., Roy Sh. Signs of de-escalation: China, India pull back troops from key LAC points // The Indian Express. 2020. 10 Jun. URL: <https://indianexpress.com/article/india/india-china-border-dispute-lac-face-off-chinese-troops-6451357/> (дата обращения: 06.03.2022).

Krishnan A. India-China trade crossed \$125 bn in 2021 // The Hindu. 2022. 15 Jan. URL: <https://www.thehindu.com/business/india-china-trade-crossed-125-bn-in-2021/article38275450.ece> (дата обращения: 06.03.2022).

Laskar R.H. India backs fresh WHO probe into Covid origin // Hindustan Times. 2021. 15 Oct. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-backs-fresh-who-probe-into-covid-origin-101634237632539.html> (дата обращения: 06.03.2022).

Nair Sh., Verma D. A Policy Framework For India's Covid-19 Migration // Bloomberg Quint. 2020. 19 May. URL: <https://www.bloomberquint.com/coronavirus-outbreak/a-policy-framework-for-indias-covid-19-migration> (дата обращения: 06.03.2022).

PM Modi shares 5 pillars that will make India self-reliant in Covid-19 times // India Today. 2020. 12 May. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-speech-5-pillars-atm-nirbhar-india-self-reliance-covid-19-lockdown-1677293-2020-05-12> (дата обращения: 06.03.2022).

PM to launch Pan India Rollout of COVID-19 Vaccination drive on 16 January // Prime Minister's Office India. 2021. 14 Jan. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pm-to-launch-pan-india-rollout-of-covid-19-vaccination-drive-on-16-january/ (дата обращения: 10.01.2022).

Prime Minister's opening remarks at the first Quadrilateral Leaders' Virtual Summit // Ministry of External Affairs. Government of India. 2021. 12 Mar. URL: https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/33618/Prime_Ministers_opening_remarks_at_the_first_Quadrilateral_Leaders_Virtual_Summit (дата обращения: 06.03.2022).

Quad should ensure Freedom of Navigation in Indian Ocean: Gen. Rawat // The Hindu. 2020. 4 Sep. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/quad-should-ensure-freedom-of-navigation-in-indian-ocean-gen-rawat/article32517321.ece> (дата обращения: 06.03.2022).

Remarks by Deputy Secretary Stephen E. Biegun at India-U.S. Forum // U.S. Embassy in India. 2020. 12 Oct. URL: <https://in.usembassy.gov/remarks-by-deputy-secretary-stephen-e-biegun-at-india-u-s-forum/> (дата обращения: 06.03.2022).

Silva D.L., Tian N., Marksteiner A. Trends in world military expenditure, 2020 // SIPRI Fact Sheet. 2021. April. 12 p.

Telecom Department gives go-ahead for 5 G Technology and Spectrum Trials // Ministry of Communications. Government of India. 2021. 4 May. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1715927> (дата обращения: 06.03.2022).

Trofimov J., Bellman E. In Covid-19 Diplomacy, India Emerges as a Vaccine Superpower // Wall Street J. 2021. 12 Feb. URL: <https://www.wsj.com/articles/covid-19-vaccines-are-becoming-important-diplomatic-currency-11613152854> (дата обращения: 06.03.2022).

U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific // The White House. 2021. January. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (дата обращения: 06.03.2022).

References

Chinoy S. Time to Leverage the Strategic Potential of Andaman & Nicobar Islands // IDSA Policy Brief. 2020. 26 Jun. 11 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Deka K. India's covid collapse, part 10: Where is the government response needed to manage the situation? India Today. 2021. May 10. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/20210517-india-s-covid-collapse-part-10-where-is-the-government-response-needed-to-manage-the-situation-1800866-2021-05-10> (date of access: 06.03.2022).

Ganguly S., Pardesi M. Why We Should Worry About China and India's Border Skirmishes. Foreign Policy. 2020. May 23. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/23/india-china-border-skirmishes/> (date of access: 06.03.2022).

GDP contracts by 23,9%: India second-worst performer after US among major global economies. India Today. 2020. August 31. URL: <https://www.indiatoday.in/business/story/gdp-contracts-by-23-9-india-second-worst-performer-after-us-among-major-global-economies-1717173-2020-08-31> (date of access: 06.03.2022).

GDP (current US\$). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (date of access: 10.01.2022).

Global Multidimensional Poverty Index 2019: Illuminating Inequalities // United Nations Development Programme. 2019. 26 p.

Government amends the extant FDI policy for curbing opportunistic takeovers / acquisitions of Indian companies due to the current COVID-19 pandemic. Ministry of Commerce and Industry. Government of India. 2020. 18 Apr. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1615711> (date of access: 06.03.2022).

IMF cuts India's FY20 growth forecast to 4,8%. The Economic Times. 2020. 20 Jan. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/imf-cuts-indias-fy20-gdp-growth-forecast-to-4-8/articleshow/73435183.cms> (date of access: 06.03.2022).

Joint Press Statement – Meeting of External Affairs Minister and the Foreign Minister of China (September 10, 2020). Ministry of External Affairs. Government of India. 2020. 10 Sep. URL: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/32962/Joint_Press_Statement__Meeting_of_External_Affairs_Minister_and_the_Foreign_Minister_of_China_September_10_2020 (date of access: 06.03.2022).

Kaushik K. Explained: What is the new disengagement in eastern Ladakh? The Indian Express. 2021. 18 Feb. URL: <https://indianexpress.com/article/explained/india-china-ladakh-disengagement-pangong-tso-explained-7184040/> (date of access: 06.03.2022).

Kaushik K., Roy Sh. Signs of de-escalation: China, India pull back troops from key LAC points. The Indian Express. 2020. 10 Jun. URL: <https://indianexpress.com/article/india/india-china-border-dispute-lac-face-off-chinese-troops-6451357/> (date of access: 06.03.2022).

Krishnan A. India-China trade crossed \$125bn in 2021. The Hindu. 2022. 16 Jan. URL: <https://www.thehindu.com/business/india-china-trade-crossed-125-bn-in-2021/article38275450.ece> (date of access: 06.03.2022).

Kupriyanov A.V. Indiya i Kitai: igra s nenulevoi summoi [India and China: the Non-Zero-Sum Game]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy & International Relations]. 2020. Vol. 64. N 6. P. 133–141. (In Russ.)

Laskar R.H. India backs fresh WHO probe into Covid origin. Hindustan Times. 2021. 15 Oct. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-backs-fresh-who-probe-into-covid-origin-101634237632539.html> (date of access: 06.03.2022).

Nair Sh., Verma D. A Policy Framework For India's Covid-19 Migration. Bloomberg Quint. 2020. 19 May. URL: <https://www.bloombergquint.com/coronavirus-outbreak/a-policy-framework-for-indias-covid-19-migration> (date of access: 06.03.2022).

PM Modi shares 5 pillars that will make India self-reliant in Covid-19 times. India Today. 2020. 12 May. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-speech-5-pillars-atm-nirbhar-india-self-reliance-covid-19-lockdown-1677293-2020-05-12> (date of access: 06.03.2022).

PM to launch Pan India Rollout of COVID-19 Vaccination drive on 16 January. Prime Minister's Office India. 2021. 14 Jan. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pm-to-launch-pan-india-rollout-of-covid-19-vaccination-drive-on-16-january/ (date of access: 10.01.2022).

Prime Minister's opening remarks at the first Quadrilateral Leaders' Virtual Summit. Ministry of External Affairs. Government of India. 2021. 12 Mar. URL: https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/33618/Prime_Ministers_opening_remarks_at_the_first_Quadrilateral_Leaders_Virtual_Summit (date of access: 06.03.2022).

Quad should ensure Freedom of Navigation in Indian Ocean: Gen. Rawat. The Hindu. 2020. 4 Sep. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/quad-should-ensure-freedom-of-navigation-in-indian-ocean-gen-rawat/article32517321.ece> (date of access: 06.03.2022).

Remarks by Deputy Secretary Stephen E. Biegun at India-U.S. Forum. U.S. Embassy in India. 2020. 12 Oct. URL: <https://in.usembassy.gov/remarks-by-deputy-secretary-stephen-e-biegun-at-india-u-s-forum/> (date of access: 06.03.2022).

Silva D.L., Tian N., Marksteiner A. Trends in world military expenditure, 2020. SIPRI Fact Sheet. 2021. April. 12 p.

Telecom Department gives go-ahead for 5G Technology and Spectrum Trials. Ministry of Communications. Government of India. 2021. 4 May. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1715927> (date of access: 06.03.2022).

Trofimov J., Bellman E. In Covid-19 Diplomacy, India Emerges as a Vaccine Superpower. Wall Street J. 2021. 12 Feb. URL: <https://www.wsj.com/articles/covid-19-vaccines-are-becoming-important-diplomatic-currency-11613152854> (date of access: 06.03.2022).

U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. The White House. 2021. January. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (date of access: 06.03.2022).

Е.О. Шебалина

**СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ И ИЕРУСАЛИМ КАК ПЕРЕКРЁСТОК
ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В данной статье автор ставит задачу проанализировать некоторые аспекты взаимодействия христианских конфессий в привязке к их активности на территории, исторически представляющей для них одну из главных святынь. Древний город Иерусалим, являвшийся на протяжении веков «камнем» преткновения в отношениях христианских конфессий, в настоящее время превратился в пространство для сотрудничества. Автор рассматривает роль Иерусалимского патриархата в урегулировании противоречий в мировом православии, изучает российско-ватиканский диалог применительно к защите христианского населения, а также акцентирует внимание на межправославных проблемах, сохраняющихся в регионе, выявляя таким образом важность «иерусалимского» фактора в современной церковной дипломатии.

Ключевые слова: Иерусалим; Русская православная церковь (РПЦ); Иерусалимский патриархат; Святой Престол; Римско-католическая церковь (РКЦ); Константинопольский патриархат; Фанар.

Шебалина Екатерина Олеговна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, старший преподаватель Кафедры романских языков МГИМО МИД России, младший научный сотрудник Центра по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории РАН. Россия, Москва.
E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

**Shebalina E.O. The Holy Land and Jerusalem as the crossroads of
Christian confessions: the diplomatic aspect**

Abstract. This article seeks to analyze some aspects of the interaction of Christian denominations in relation to their activity in the territory which for them has historically represented one of the main holy sites. The ancient city of Jerusalem, which for centuries has been a stumbling block in relations between Christian denominations, has now turned into a space for cooperation. The article examines the role of the Jerusalem Patriarchate in

resolving contradictions in global Orthodoxy, studies the Russian-Vatican dialogue in regards to the protection of the Christian population, and also focuses on inter-Orthodox problems that persist in the region, thus revealing the importance of the «Jerusalem» factor in modern church diplomacy.

Keywords: *Jerusalem; Russian Orthodox Church (ROC); Jerusalem Patriarchate; Holy See; Roman Catholic Church (RCC); Patriarchate of Constantinople; Fener.*

**Shebalina Ekaterina Olegovna – Ph.D. in History, Researcher at the Center for European Studies of the Institute for International Studies of the MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Senior Lecturer at the Department of Romance Languages of the MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Junior Researcher at the Center for the Study of the History of Religion and the Church of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Russia Moscow.
E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru**

Введение

В данной статье автор ставит цель проанализировать геополитическое значение Святой Земли и, в частности, города Иерусалима в качестве «точки соприкосновения» интересов ведущих христианских церквей. Для получения соответствующего комплексного результата, охватывающего различные аспекты заявленной проблемы, автор полагает целесообразным решить следующие задачи:

- 1) определить роль Иерусалимского патриархата в межправославных отношениях в контексте противостояния двух наиболее влиятельных патриархатов – Московского и Константинопольского;
- 2) изучить текущие взаимоотношения Русской православной и Римско-католической церквей на территории Святой Земли;
- 3) рассмотреть отношения Ватикана с государством Палестина, выявить, насколько они отвечают интересам российской внешней политики;
- 4) провести анализ внутрицерковных противоречий в РПЦ на территории Святой Земли.

Ввиду актуальности тематики статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ИППО и представляет практический интерес как для научной сферы, так и для ведомств, занимающихся внешней политикой.

Хронологические рамки исследования охватывают новейший период современных международных отношений с акцентом на последнее десятилетие (2012–2022). Ввиду стремительного развития современной международной ситуации, описанная в статье картина фиксирует положение дел на начало 2022 г.

Указанная проблема нашла свое отражение в ряде трудов российских и зарубежных исследователей. При этом анализ современной внешнецерковной деятельности Иерусалимского патриархата слабо представлен в отечественной историографии. Из имеющихся источников стоит отметить работы К.В. Бирюковой («Российская духовная миссия в Иерусалиме и Императорское Православное Палестинское Общество» [Бирюкова 2017], Н.Н. Лисового («Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI века») [Лисовой 2007], А.В. Крылова и Н.В. Сорокиной («Палестина. К 125-летию Императорского Православного Палестинского Общества и 160-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме») [Крылов 2015], в которых скорее рассматривается деятельность ИППО, нежели непосредственно политика Иерусалимского патриархата. Российско-ватиканский диалог на территории Святой Земли и ватикано-палестинские отношения вскользь освещались Т.В. Зоной («Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы») [Зона 2000], А.В. Крыловым («Во имя мира – Ватикан и Палестина») [Крылов 2015], и более подробно – иностранными авторами А. Борромео («Le rétablissement du Patriarcat latin de Jérusalem et le réforme de l'Ordre équestre du Saint-Sépulcre»), М. Кальво («The Holy See and Israel») и Р. Паломино («L'Accordo sulla personalità giuridica tra Israele e la Santa Sede»). Практически неисследованной остаются взаимоотношения РПЦ с РПЦЗ на территории Святой Земли, отдельные моменты, а также вопросы историографии вопроса изложены в статье М.В. Шкаровского («Актуальные проблемы русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты») [Шкаровский 2012].

Вместе с тем все указанные источники не формируют полноценной картины Святой Земли как перекрестка интересов христианских конфессий на современном этапе международных отношений. Именно попыткой устранить данную научную лакуну обуславливается актуальность данного исследования, в котором автор делает попытку изучить отдельные аспекты межхристианского взаимодействия на Святой Земле для формирования комплексного понимания ситуации. Кроме того, исследование приобретает особую значимость в контексте усиления противоречий между основными православными церквями, обострившегося с началом Специальной военной операции РФ на Украине.

1. Иерусалим как инициатор «Амманского формата», его влияние на расклад сил в мировом православии

26 февраля 2020 г. в Аммане состоялось совещание предстоятелей и делегаций шести поместных православных церквей, на котором обсуждались вопросы единства мирового православия [Святейший Патриарх 2020]. В нем приняли участие главы четырех поместных православных церквей: Патриарх

Московский и всея Руси Кирилл, патриарх Иерусалимский Феофил III, патриарх Сербский Ириней и митрополит Чешских земель и Словакии Ростислав (Гонт), а также предстоятель Украинской православной церкви митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий (Березовский). Две православных церкви – Румынская и Польская – направили на встречу свои делегации [Патриарх Иерусалимский 2022].

Одной из центральных тем стало обсуждение ситуации вокруг созданной в 2018 г. Православной церкви Украины (ПЦУ). Московский патриархат, равно как и ряд других православных церквей, не признает ее автокефалию и канонический статус, подтвержденные константинопольским патриархом Варфоломеем [Священный Синод 2018]. Со времени создания ПЦУ формально ее признали близкие Фанару церкви – Элладская, Александрийская и затем Кипрская. При этом участники совещания в Аммане подчеркнули, что вопросы автокефалии должны решаться «при общеправославном согласии» [Святейший Патриарх 2020].

Организатором «Амманской встречи» выступил именно патриарх Иерусалимский Феофил. В Иерусалимском патриархате разделяют позицию Москвы в отношении ПЦУ и не поддаются давлению Константинопольского патриархата в рамках легитимизации автокефалии украинской церкви. Таким образом, можно сделать вывод о разделении мирового православия на два противоборствующих лагеря – «греческого» и «славянского» – сторонников Константинополя и, соответственно, Москвы. РПЦ, будучи первой по численности верующих среди православных церквей (160 млн человек) [История религий 2016], но не обладая каноническими правами на первенство, по факту поставила во главе блока своих «доверенных церквей» Иерусалимский патриархат (ИП). Исторически первое место в диптихе занимал Святейший Архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский Патриарх (поминовение патриарха Константинопольского Русской православной церкви приостановлено 14 сентября 2018 г. решением Священного синода Русской православной церкви). Однако в древнем христианстве наибольшим авторитетом пользовались патриаршая кафедра Иерусалимская как место земной жизни Иисуса Христа. Кроме того, близость Иерусалима к РПЦ обусловливается отчасти значительным вкладом Московского патриархата в приток паломников на Святую Землю, во многом обеспечивающих пополнение казны ИП, а также крупными пожертвованиями Москвы на реставрацию Кувуклии Храма Гроба Господня в Иерусалиме [Воггомео 2012].

Следует также отметить духовную и политическую близость Иерусалимского патриархата внешнеполитическому курсу Москвы. Регулярно поддерживаются контакты между посольством России в Израиле и офисом Феофила [Состоялась встреча 2021]. В 2021 г. одним из почетных гостей на приеме в российской дипмиссии в Израиле по случаю Дня России стал именно Иеруса-

лимский патриарх, что позволяет констатировать высокий уровень взаимодействия России с указанным религиозным институтом [О встрече 2021].

Иерусалимский патриархат высоко ценит усилия российской дипломатии на Ближнем Востоке. В частности, в интервью российской газете «Известия» патриарх Феофил отметил: «Президенту Путину следует отдать должное за его усилия по поддержке христианского сообщества по всему миру. Мы глубоко воодушевлены и благодарны за его поддержку...».

Таким образом, Иерусалим – как «штаб-квартира» Феофила – является стратегически важной для России точкой для укрепления влияния РПЦ в межправославном расколе, который в настоящее время набирает обороты. В ответ на недружественные действия со стороны Александрийского патриархата (признание самопровозглашенной ПЦУ), «Священный синод Русской православной церкви 26 декабря 2019 года постановил, среди прочего, вывести “приходы Русской православной церкви, находящиеся на Африканском континенте” из юрисдикции Александрийского патриархата и наделить их ставропигиальным статусом, представительство Патриарха Московского и всея Руси при патриархе Александрийском преобразовать в приход Русской православной церкви в Каире» [Об участии 2019].

Данное решение стало серьезным ударом по «греческому» блоку церквей, вызывая в том числе опасения Константинопольского патриархата о возможном создании по африканскому сценарию экзархата РПЦ в Турции при поддержке официальной Анкары. В связи с этим, понимая «накал страстей» в православном мире, лидеры относительно нейтральных поместных церквей выступили с рядом заявлений о необходимости интенсификации диалога для ослабления напряженности в межправославных отношениях. И здесь опять лидирующую роль сыграл Патриарх Иерусалима Феофил, выразив надежду на проведение новой встречи глав православных церквей в «Амманском формате».

С учетом вышеизложенного Иерусалимский патриархат является важнейшим игроком мирового православия и одним из наиболее значимых союзников РПЦ, который может сыграть существенную роль в деэскалации конфликта между Москвой и Константинополем.

2. Россия и Святой Престол: тактические союзники в деле защиты христиан на Святой Земле, однако потенциальные соперники в реализации геополитических амбиций в регионе

Святая земля является не только центром Иерусалимского патриархата, играющего, как мы рассмотрели ранее, значимую роль в межцерковном диалоге, но и местом пересечения религиозных дипломатий, в том числе в рамках российско-ватиканского диалога [Маслова 2017].

Как на уровне межгосударственного, так и межцерковного взаимодействия Россия и Святой Престол на протяжении последних лет были «активистами» в деле защиты христиан на Ближнем Востоке. В частности, основным мотивом декларации, подписанной по итогам встречи Патриарха Московского Кирилла и Папы Римского Франциска 12 февраля 2016 г. в аэропорту г. Гавана (Куба), стало указание на проблему усилившихся гонений на христиан в мире.

«Наш взор устремлен, прежде всего, к тем регионам мира, где христиане подвергаются гонениям. Во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки наши братья и сестры во Христе истребляются целыми городами... Мы с большой болью наблюдаем массовый исход христиан из той земли, где началось распространение нашей веры», – говорится в тексте документа.

Как отмечается в декларации, террористическое насилие в Сирии и Ираке «унесло тысячи жизней, оставив без крова и средств к существованию миллионы людей». Патриарх и Папа Римский призвали международное сообщество «к незамедлительным действиям для предотвращения дальнейшего вытеснения христиан с Ближнего Востока», а также к сплоченности, «чтобы покончить с насилием и с терроризмом» [Совместное заявление 2016].

Необходимо отметить, что совместная декларация нашла поддержку и в российском внешнеполитическом ведомстве. В марте 2016 г. Министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул значимость заявления двух религиозных лидеров: «Расчитываем, что этот призыв получит практический отклик, в том числе, и в деятельности СПЧ. Мы будем этому способствовать» [Лавров 2016].

Плодотворное и взаимовыгодное российско-ватиканское сотрудничество в решении ближневосточных проблем подтверждается постоянными межгосударственными контактами на высоком уровне. Из последних стоит отметить визит в Москву председателя Папского совета по межрелигиозному диалогу М. Аюсо Гиксота, которые провел встречи с спецпредставителем Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителем министра иностранных дел России М. Богдановым и послом К. Шуваловым, специальным представителем МИД России по взаимодействию с организациями мусульманских государств: стороны обсудили защиту христиан в регионе ДБВСА [Ayuso Guixot 2021].

Подобные совместные инициативы России и Святого Престола свидетельствуют об обоюдном настрое двух государств, а также религиозных институтов сотрудничать на данном направлении. Вместе с тем весьма интересным представляется вопрос влияния на территориях, освобожденных от антихристианского доминирования, так называемой «выжженной земли». Здесь у каждой стороны имеются свои собственные интересы, которые в данном случае могут не во всех случаях совпадать с точкой зрения партнера.

Для России Святая Земля исторически являлась важнейшим геополитическим и стратегическим пунктом. Неслучайно именно из-за ключей от церкви Рождества Христова в Вифлееме формально началась Крымская война. И сейчас как РПЦ, так и Ватикан проводят политику по укреплению своих позиций в этом регионе.

Первой и главной задачей ближневосточной политики Святого Престола является поддержка и укрепление позиций христианских общин (в особенности, католических) на земле, где зародилась христианская вера. Памятные места, связанные с жизненным путем Иисуса Христа, а также древнейшие христианские церкви и святыни располагаются по всему региону и концентрируются вокруг себя незначительное число католиков (латинского и восточного обряда), проживающих на Ближнем Востоке [Крылов 2017].

В частности, Святой Престол осуществляет свою деятельность на Ближнем Востоке посредством Кустодии Святой Земли – самостоятельный административный округ ордена францисканцев, который включает в себя территории Израиля, Палестинской автономии, Иордании, Сирии, Ливана и Кипра. При этом центр Кустодии располагается именно в Иерусалиме и находится под контролем Латинского патриарха Иерусалима П. Пиццабалла. В структуру Кустодии входят 55 храмов, 25 приходов и 15 школ [Calvo 2021]. Кроме того, РКЦ развивает проекты по развертыванию центров приема граждан, пострадавших от религиозных конфликтов. Успешно функционируют католические учебные заведения – обладая развитой научной и профессорско-преподавательской базой из числа католического клира – данные центры становятся популярными не только среди христиан, но и у мусульманского населения. Необходимо также отметить, что средства на реализацию данных инициатив собираются Ватиканом в Европе, и за 2020 г. было привлечено более 20 млн евро.

Отдельно стоит отметить усилия Святого Престола по укреплению своих позиций непосредственно в Иерусалиме. В частности, в собственности РКЦ находятся 600 квартир, которые сдаются за символическую плату христианам, пострадавшим от вооруженных конфликтов. В ближайших планах Кустодии – постройка отдельного квартала в городе для расселения новобрачных граждан (вне зависимости от их вероисповедания). Подобные гуманитарные инициативы Святого Престола поднимают популярность РКЦ на Святой Земле и способствуют к переходу в католицизм представителей других конфессий, что, безусловно, представляет определенную угрозу для интересов РПЦ.

Таким образом, именно Святая Земля является важнейшей областью для взаимодействия между РПЦ и РКЦ: той самой площадкой, где оба религиозных института наиболее тесно сотрудничают, каждый реализуя при этом собственные интересы.

3. Святой Престол – Палестина: союзнические отношения, выгодные российской внешней политике

Как отмечает А.В. Крылов, «Ватикан всегда последовательно поддерживал право палестинского народа на создание собственного государства». Именно поэтому Святой Престол присоединился к 135 государствам, которые признали законное право на существование палестинского государства.

Кроме того, в израильско-палестинском конфликте, демонстрируя желание выполнять роль нейтрального медиатора, Ватикан фактически отдает предпочтение Палестине [Di Ramzy 2022].

На территориях Западного берега и сектора Газа проживают около 47 000 палестинцев-христиан. На момент создания Государства Израиль в 1948 г. христиан в Палестине насчитывалось около 145 000 человек, что составляло 7,6% населения [Mouzahem 2015]. В 2012 г. Святой Престол сделал официальное заявление относительно статуса Палестины при ООН, поощряя статус государства в качестве международного наблюдателя: «Пусть будет общепризнано, что Государство Израиль имеет право на существование и на мир и безопасность в пределах границ, признанных международным сообществом. Пусть в равной степени будет признано, что палестинский народ имеет право на независимую суверенную родину, на достойную жизнь и на свободное передвижение. Необходимо, чтобы “two-state solution” превратилось из мечты в реальность» [Nota della Santa 2012].

26 мая 2015 г. было подписано Глобальное соглашение между Палестиной и Святым Престолом [Scaramuzzi 2015]. Положения данного документа касаются различных аспектов жизни и деятельности Римско-католической церкви в Государстве Палестина, а главной задачей палестино-ватиканского взаимодействия называется содействие установлению мира в регионе. Однако Израиль довольно резко отреагировал на данное соглашение, заявив официальный протест, опубликованный посольством Израиля при Святом Престоле, и оставил за собой право подробно изучить текст документа, угрожая последствиями для конструктивного взаимодействия между Израилем и Ватиканом [Mancini 2015].

В соглашении зафиксированы многие положения в интересах Ватикана. Во-первых, юридическое признание за Церковью предоставления верующим права на отказ от военной службы по религиозным соображениям (никогда не фигурировало настолько однозначно в международных договорах Святого Престола) [Palomino 1998]. При этом соглашение определяет свободу Церкви не только в местах отправления культа, но и в благотворительной и общественной деятельности, в обучении, в средствах массовой информации, в общественной жизни, и это впервые зафиксировано в документе, касающемся государства с исламским большинством. Кроме того, соглашение рассматри-

валось Ватиканом в качестве основы для мирного решения израильско-палестинского конфликта. Архиепископ Пол Ричард Галлахер, «министр иностранных дел Ватикана» выразил надежду на то, что «это соглашение может каким-то образом послужить стимулом для окончательного прекращения давнего израильско-палестинского конфликта».

Для палестинцев подписание соглашения также стало важной вехой на пути международного признания государства. «Впервые, – подчеркивает министр иностранных дел Палестины Риад аль Малики, – Соглашение включает официальное признание Палестины в качестве государства Святым Престолом в знак признания права палестинского народа на самоопределение, свободу и достоинства в своем собственном независимом государстве, свободном от цепей оккупации».

Глобальное соглашение с Палестиной представляет собой – в намерениях Святого Престола – именно один из шагов по защите христиан региона. Соглашение состоит из преамбулы и 32 статей, распределенных по восьми главам. По словам профессора В. Буономо, советника города-государства Ватикан, «соглашение имеет свой особый характер, состоящий из обновленной преемственности и необходимой актуальности». И новшеством является, прежде всего свобода, «признанная за католической церковью, каноническими юридическими лицами и каждым католиком (статья 2, пар. 3), закон совести, веры и религии».

В документе подтверждается право палестинского народа на самоопределение, подчеркивается символическое значение Иерусалима, его священный характер для евреев, христиан и мусульман, а также его универсальная религиозная и культурная ценности как сокровища человечества.

В 2017 г. по инициативе Ватикана представители 13 христианских церквей, представленных в Иерусалиме подписали документ, в котором были выражены опасения «в связи с любым изменением статуса-кво» нейтрального города а также подтвердили необходимость соблюдения правил, регламентирующих управление Святыми местами в этом районе и во всем Старом городе Иерусалима, и гарантирующими свободу доступа и богослужения верующих различных религиозных общин [Minister al Maliki 2021].

Израильские власти и посольство обвинили текст соглашения в «односторонности», указывая, что он «игнорирует исторические права еврейского народа на землю Израиля и еврейские святыни в Иерусалиме», и подчеркнули, что Государство Израиль «не может принять односторонние определения в соглашении, которые не учитывают существенные интересы Израиля» [Христианская община 2017].

В мае 2021 г. Госсекретариат Святого Престола посетил с визитом министр иностранных дел Палестины Аль Малики, затем Папа Римский провел консультации с палестинским послом. Вместе с тем со стороны ватиканцев

не было отмечено попыток обсудить положение дел с властями Израиля. Таким образом, негласная нацеленность Святого Престола на поддержку Палестины является одним из важных объединяющих факторов внешней политики России и Ватикана.

4. Святая Земля и Иерусалим как источник территориальных противоречий в самой РПЦ (линия РПЦ – РПЦЗ)

Иерусалим в качестве точки пересечения интересов различных христианских конфессий в последние годы стал «камнем преткновения» и в отношениях РПЦ и Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Некоторые клирики РПЦЗ не только стремятся оказать давление на израильские судебные органы (на данный момент областной суд Иерусалима отклонил апелляцию РПЦЗ на решение о передаче Александровского подворья в ведение Российской Федерации), но и «разжигают» общественный резонанс вокруг данного подворья, на которое исторически претендуют обе православные церкви.

Присоединение РПЦЗ (с сохранением автономного статуса) к РПЦ в 2007 г. стало важной вехой в преодолении межправославных разногласий, вместе с тем не решило все существовавшие (в большей степени бюрократические) проблемы, которые остались во взаимоотношениях между двумя церковными институтами. Центром для развития подобного сюжета стал именно Иерусалим, выступая в очередной раз в качестве точки пересечения различных религиозных структур. В январе 2021 г. председатель Императорского православного палестинского общества (ИППО) С. Степашин обратился к израильским властям с просьбой о предоставлении охраны Александровского подворья после того, как один из клириков РПЦЗ попытался осуществить попытку захвата здания [Литвинова 2020]. Это произошло в результате того, что областной суд Иерусалима отказал Духовной миссии РПЦЗ в удовлетворении апелляции на решение суда о регистрации данного религиозного комплекса за Россией. В конечном счете конфликт был урегулирован, представители РПЦЗ объяснили инцидент провокацией «группы лиц, находящихся в подчинении у гражданина Германии Николая Воронцова-Гофмана» [Лисовой 2007]. Кроме того, в заявлении канцелярии Священного Синода РПЦЗ было отмечено: «вызывает тревогу и то, что некоторые общественные деятели стремятся отделить Русскую Зарубежную Церковь от Русской Православной Церкви, канонической частью которой она является, и отделить русских людей, живущих в России, от тех, кто живет за границей, которые были объединены усилиями Президента России Владимира Путина, светлой памяти покойных Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Лавра».

Ситуация была урегулирована. Но данный эпизод современных межправославных отношений свидетельствует о том, что именно Иерусалим является «пороховой бочкой» даже в отношениях РПЦ с ее автономным структурным подразделением.

Выводы

Значение Иерусалима как духовного центра для многих православных церквей значительно возрастает с эскалацией напряженности в мировом православии, вызванной предоставлением Константинопольским патриархатом автокефалии самопровозглашенной религиозной структуре «Православной церкви Украины» (ПЦУ). Роль главы Иерусалимского патриарха Феофила III чрезвычайно важна для Москвы в качестве авторитетного союзника, который продолжает, несмотря на непризнание ПЦУ, поддерживать нейтральные отношения с Константинополем. Последние действия иерусалимских иерархов на международной арене подтверждают серьезные и прочные связи данной церковной структуры с Русской православной церковью.

С учетом того, что Иерусалим является духовным и геополитическим центром Ближнего Востока для многих христианских конфессий, все они заинтересованы в увеличении количества и защите христианского населения, однако при этом желают укрепить свои собственные позиции иногда в ущерб партнерам. Именно в данном контексте международное признание получила активность Москвы и Ватикана, направленная на защиту преследуемых в регионе БВСА христиан. Если ранее Иерусалим являлся «камнем преткновения» в отношениях православных и католиков, то сейчас он скорее стал «точкой соприкосновения», составляющей важный аспект межрелигиозного диалога несмотря на то, что каждая конфессия преследует свои прагматические интересы в регионе.

Немаловажным фактором, способствующим развитию российско-ватиканского диалога на территории Святой Земли, является отвечающая внешнеполитическим интересам Москвы позиция Ватикана в отношении государства Палестины. Фактическая поддержка Святым Престолом Рамаллы, в некоторых упомянутых в статье ситуациях в ущерб отношениям с Тель-Авивом, действует «на руку» российской дипломатии.

При всех дипломатических «плюсах» Иерусалима и Святой Земли, являющейся связующим звеном для вышеупомянутых межправославных связей, существует и негативный аспект – территориальные притязания всех религиозных акторов, ведущих свою деятельность в регионе, приводит к возникновению противоречий даже внутри самих религиозных институтов. Так, неурегулированными остаются споры внутри самой РПЦ (Московский патриархат – РПЦЗ) относительно принадлежности ряда объектов паломни-

чества, включая Александрийское подворье. Именно поэтому указанный регион имеет серьезное геополитическое значение для Москвы и требует пристального изучения как со стороны научного сообщества, так и политико-формирующих кругов страны.

Библиография

Бирюкова К.В. Российская духовная миссия в Иерусалиме и Императорское православное Палестинское общество // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2(75). С. 11–17.

Завершена первая за 200 лет реставрация Гроба Господня // Информационное агентство «Интерфакс». 21.03.2017. URL: <https://www.interfax.ru/culture/554565> (дата обращения: 17.02.2022).

Заявление из канцелярии Архиерейского Синода Русской зарубежной церкви в связи с недавними событиями на Александровском подворье в Иерусалиме // Официальная страница Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей. 23.01.2021. URL: https://www.synod.com/synod/2021/20210123_rem.html (дата обращения: 15.02.2022).

Зонова Т.В. Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы. М.: РОССПЭН, 2000. 200 с.

Иерусалимский патриарх ожидает новой встречи в «амманском формате» в ближайшие месяцы // Официальный сайт ТАСС. 29.01.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13563429> (дата обращения: 15.02.2022).

История религий. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2016. 776 с.

Крылов А.В. Во имя мира – Ватикан и Палестина. «Говорят эксперты МГИМО» // Официальный сайт МГИМО-Университета. 18.05.2015. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/271576/> (дата обращения: 15.02.2022).

Крылов А.В., Морозов В.М., Федорченко А.В. Государство Палестина: право на будущее. М.: МГИМО-Университет, 2018. 418 с.

Крылов А.В., Морозов В.М. Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4. С. 99–112.

Крылов А.В., Сорокина Н.М. Русская Палестина. К 125-летию Императорского Православного Палестинского Общества и 160-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Аналитические записки. 2007. Март. С. 141–164.

Лавров: РФ ждет ответа на призыв остановить исход христиан с Ближнего Востока // Официальный сайт ТАСС. 2016.01.03. <https://tass.ru/politika/2708271> (дата обращения: 15.02.2022).

Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: XIX–XX–XXI века // Отечественная история. 2007. № 1. С. 3–22.

Маслова Е.А., Шебалин Д.Д., Шебалина Е.О. Российско-ватиканский диалог на современном этапе: основные тенденции и динамика // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 70–75.

О встрече Посла России в Израиле с Патриархом Иерусалима // Официальный сайт Посольства РФ в Израиле. 2021.16.06. URL: https://israel.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vstreche_posla_rossii_v_izraile_s_patriarkhom_iusalima/ (дата обращения: 15.02.2022).

Об участии Посла России в Израиле А.Д. Викторова в торжественном приеме от имени Патриарха Святого града Иерусалима и всей Палестины Феофила III // Официальный сайт Посольства РФ в Израиле. 2019.16.11. URL: https://israel.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_uchastii_posla_rossii_v_izraile_a_d_viktorova_v_torzhestvennom_prieme_ot_imeni_patriarkha_svyatog/ (дата обращения: 15.02.2022).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Патриарх Иерусалимский Феофил: с каждым годом увеличивается число людей, которые страдают из-за своих религиозных убеждений // Официальный сайт Московского патриархата. 2022.29.01. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5891835.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Литвинова Е.В., Морозов В.М. Поселенческая политика Израиля на современном этапе в контексте ближневосточного урегулирования. М.: МГИМО-Университет, 2020. 418 с.

Святейший Патриарх Кирилл принял участие во встрече Предстоятелей и делегаций Поместных православных церквей в Аммане // Официальный сайт Московского патриархата. 2020.26.02. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5597933.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Священный Синод постановил приостановить молитвенное поминовение за богослужением Патриарха Константинопольского Варфоломея и сослужение с иерархами Константинопольского Патриархата // Официальный сайт Московского патриархата. 2018.14.09. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5268355.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла // Официальный сайт Московского патриархата. 2016.13.02 URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Состоялась встреча Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Феофила с послом России в Израиле // Официальный сайт Московского патриархата. 2021.09.09. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5841467.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Шкаровский М.В. Актуальные проблемы русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты // Христианское чтение. 2012. № 1. С. 44–97.

Журнал № 151 заседания Священного Синода РПЦ от 26 декабря 2019 года // Официальный сайт Московского патриархата. 26.12.2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5553804.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Христианская община осудила Израиль // Anadolu Agency. 2017.06.09. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/заголовки-дня/христианская-община-осудила-израиль-902389> (дата обращения: 15.02.2022).

Ayuso Guixot a Mosca // Osservatore Romano. 2021. 26 nov. URL: <https://www.osservatoreromano.va/it/news/2021-11/quo-270/visita-del-cardinale-ayuso-guixot-a-mosca.html> (дата обращения: 15.02.2022).

Borromeo A. Le rétablissement du Patriarcat latin de Jérusalem et le réforme de l'Ordre équestre du Saint-Sépulcre, La France et la Terre Sainte (Collective Work of the Lieutenancy of France) // Parole et silence, Ed. (Monts), 2012.

Calvo M.A. The Holy See and Israel // Jewish Political Studies Review. Vol. 31. № 3/4 (2021). PP. 29–37.

Di Ramzy B. La pulizia etnica israeliana dei palestinesi cristiani di cui nessuno parla // InfoPal. Palestinian-Italian News. URL: <https://www.infopal.it/la-pulizia-etnica-israeliana-dei-palestinesi-cristiani-di-cui-nessuno-parla/> (дата обращения: 15.02.2022).

Firma dell'Accordo Globale tra la Santa Sede e lo Stato di Palestina, 26.06.2015 // Bollettino – Sala Stampa della Santa Sede. 2015. 26 juin. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2015/06/26/0511/01117.html> (дата обращения: 17.02.2022).

Mancini A. L'accordo Vaticano-Palestina irrita Israele // Avantonline. 2015. 26 juin. URL: <https://www.avantonline.it/palestina-vaticano-accordo-israele/> (дата обращения: 15.02.2022).

Minister al Maliki: there is no Holy Land without Christians Minister al Maliki: there is no Holy Land without Christians // Agenzia Fides. 2021. 7 May. URL: http://www.fides.org/en/news/70075-ASIA_PALESTINE_Minister_al_Maliki_there_is_no_Holy_Land_without_Christians (дата обращения: 11.02.2022).

Mouzahem H. Cristiani in Palestina: emigrazione forzata? // L'INDRO.it. 2015. 4 gui. URL: <https://lindro.it/cristiani-in-palestina-emigrazione-forzata/> (дата обращения: 15.02.2022).

Palomino R. L'Accordo sulla personalità giuridica tra Israele e la Santa Sede (nota a documento n. 20) / Quaderni di diritto e politica ecclesiastica. Il Mulino. 1998. № 2. P. 419–428.

Scaramuzzi I. Firmato l'accordo tra Santa Sede e Stato di Palestina // La Stampa. 2015. 28 gen. URL: <https://www.lastampa.it/vatican-insider/it/2015/06/28/news/firmato-l-accordo-tra-santa-sede-e-stato-di-palestina-1.35256026> (дата обращения: 15.02.2022).

Sede in merito alla decisione dell'ONU sullo status della Palestina // Il Sismografo. 2012. 29 nov. URL: <http://ilsismografo.blogspot.com/2012/11/vaticano-nota-della-santa-sede-in.html> (дата обращения: 15.02.2022).

References

Biryukova K.V. Rossijskaya duhovnaya missiya v Ierusalime i Imperatorskoe pravoslavnoe Palestinskoe obshchestvo [Russian Spiritual Mission in Jerusalem and the Imperial Orthodox Palestine Society]. Scientific comments of Orlov State University. 2017. N 2(75). P. 11–17. EDN ZHCDGL. (In Russ.)

Borromeo A. Le rétablissement du Patriarcat latin de Jérusalem et le réforme de l'Ordre équestre du Saint-Sépulcre, La France et la Terre Sainte (Collective Work of the Lieutenancy of France) // Parole et silence, Ed. (Monts), 2012.

Calvo M.A. The Holy See and Israel // Jewish Political Studies Review. Vol. 31, N 3/4 (2021). PP. 29–37. (9 pages) Published By: Jerusalem Center for Public Affairs.

Di Ramzy B. La pulizia etnica israeliana dei palestinesi cristiani di cui nessuno parla // InfoPal. Palestinian-Italian News. URL: <https://www.infopal.it/la-pulizia-etnica-israeliana-dei-palestinesi-cristiani-di-cui-nessuno-parla/> (date of access: 15.02.2022).

Firma dell'Accordo Globale tra la Santa Sede e lo Stato di Palestina, 26.06.2015 // Bollettino – Sala Stampa della Santa Sede. 2015. 26 juin. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2015/06/26/0511/01117.html> (date of access: 15.02.2022).

Hristianskaya obshchina osudila Izrail'. [The Christian community condemned Israel]. Anadolu Agency. 06.09.2017. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/zagolovki-dnya/hristianskaya-obshchina-osudila-izrail-902389> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Ierusalimskij patriarh ozhidaet novej vstrechi v «ammanskom формате» v blizhajshie mesyacy. [Patriarch of Jerusalem expects a new meeting in the «Amman format» in the coming months]. TASS agency. 29.01.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13563429> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Istoriya religij. [History of religions]. M.: Church-wide postgraduate and doctoral studies. Saints Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius, 2016. 776 p. (In Russ.)

Kasatkin P.I. Cennosti i priority deyatelnosti Russkoj Pravoslavnoj cerkvi na mezhdunarodnoj arene. [Values and priorities of the Russian Orthodox Church in the international arena]. Bulletin of Moscow University. Issue 12: Political Science. 2012. N 3. P. 68–72. (In Russ.)

Krylov A.V. Vo imya mira – Vatikan i Palestina. [In the name of peace – the Vatican and Palestine]. MGIMO official website. 18.05.2015. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/271576/> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Krylov A.V., Morozov V.M. Palestino-izrail'skij trek: proval blizhnevostochnoj politiki administracii B. Obamy. [The Palestinian-Israeli track: the failure of the Middle East policy of the Obama administration]. Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. N 4. P. 99–112. (In Russ.)

Krylov A.V., Morozov V.M., Fedorshenko A.V. Gosudarstvo Palestina: pravo na budushchee. [State of Palestine: the right to the future]. M.: MGIMO University publisher. 2018. 418 p. (In Russ.)

Krylov A.V., Sorokina N.M. Russkaya Palestina. K 125-letiyu Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva i 160-letiyu Russkoj Duhovnoj Missii v Ierusalime. [To the 125th Anni-

versary of the Imperial Orthodox Palestine Society and the 160th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem]. Analytical comments (book). March 2007. P. 141–164. (In Russ.)

Lavrov: RF zhdet otveta na prizyv ostanovit' iskhod hristian s Blizhnego Vostoka. [Lavrov: Russia is waiting for a response to the call to stop the exodus of Christians from the Middle East]. TASS information agency. 01.03.2016. <https://tass.ru/politika/2708271> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Lisovoj N.N. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obschestvo: XIX–XX–XXI veka. [Imperial Orthodox Palestinian Society: XIX–XX–XXI centuries.]. National history. N 1. 2007. P. 3–22. (In Russ.)

Litvinova E.V., Morozov V.M.. Poselencheskaya politika Izrailya na sovremennom etape v kontekste blizhnevostochnogo uregulirovaniya. [Israel's Settlement Policy at the Present Stage in the Context of the Middle East Settlement]. Moscow: MGIMO University publisher, 2020. 418 p. (In Russ.)

Mancini A. L'accordo Vaticano-Palestina irrita Israele // Avantonline. 2015. 26 Jun. URL: <https://www.avantonline.it/palestina-vaticano-accordo-israele/> (date of access: 15.02.2022).

Maslova E.A., Shebalin D.D., Shebalina E.O. Rossijsko-vatikanskij dialog na sovremennom etape: osnovnye tendencii i dinamika. [Russian-Vatican Dialogue at the Present Stage: Main Trends and Dynamics]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 3. P. 70–75. (In Russ.)

Minister al Maliki: there is no Holy Land without Christians Minister al Maliki: there is no Holy Land without Christians // Agenzia Fides. 2021. 7 May. URL: http://www.fides.org/en/news/70075-ASIA_PALESTINE_Minister_al_Maliki_there_is_no_Holy_Land_without_Christians (date of access: 15.02.2022).

Mouzahem H. Cristiani in Palestina: emigrazione forzata? // L'INDRO.it. 2015. 4 giu. URL: <https://lindro.it/cristiani-in-palestina-emigrazione-forzata/> (date of access: 15.02.2022).

Nota della Santa Sede in merito alla decisione dell'ONU sullo status della Palestina // Il Sismografo. 2012. 29 nov. URL: <http://ilsismografo.blogspot.com/2012/11/vaticano-nota-della-santa-sede-in.html> (date of access: 15.02.2022).

O vstreche Posla Rossii v Izraile s Patriarhom Ierusalima. [On the meeting of the Russian Ambassador to Israel with the Patriarch of Jerusalem]. Official website of the Russian Embassy in Israel. 16.06.2021. URL: https://israel.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vstreche_posla_rossii_v_izraile_s_patriarkhom_ierusalima/ (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Ob uchastii Posla Rossii v Izraile A.D. Viktorova v torzhestvennom prieme ot imeni Patriarka Svyatogo grada Ierusalima i vsej Palestiny Feofila III. [On the participation of the Ambassador of Russia to Israel A.D. Viktorov in a solemn reception on behalf of the Patriarch of the Holy City of Jerusalem and All Palestine Theophilus III]. Official website of the Russian Embassy in Israel. 16.11.2019. URL: https://israel.mid.ru/ru/press-centre/news/ob_uchastii_posla_rossii_v_izraile_a_d_viktorova_v_torzhestvennom_prieme_ot_imeni_patriarka_svyatog/ (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Palomino R. L'Accordo sulla personalità giuridica tra Israele e la Santa Sede (nota a documento n. 20) / Quaderni di diritto e politica ecclesiastica. Il Mulino. 1998. N 2. P. 419–428.

Patriarh Ierusalimskij Feofil: S kazhdym godom uvelichivaetsya chislo lyudej, kotorye stradayut iz-za svoih religioznyh ubezhdenij. [Patriarch Theophilus of Jerusalem: Every year the number of people who suffer because of their religious beliefs is increasing]. Official website of the Moscow Patriarchate. 29.01.2022. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5891835.html> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Rapporto sommario della Custodia di Terra Santa su progetti e opere realizzati con la colletta 2019/2020 // La Colletta del Venerdì Santo. URL: <https://www.collettavenerdisanto.it/la-colletta-del-venerdi-santo/rendiconto-custodia-di-terra-santa/> (date of access: 15.02.2022).

Scaramuzzi I. Firmato l'accordo tra Santa Sede e Stato di Palestina // La Stampa. 2015. 28 gen. URL: <https://www.lastampa.it/vatican-insider/it/2015/06/28/news/firmato-l-accordo-tra-santa-sede-e-stato-di-palestina-1.35256026> (date of access: 15.02.2022).

Shkarovskij M.V. Aktual'nye problemy russkoj cerkovnoj emigracii v 20 veke: istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty. [Actual Problems of Russian Church Emigration in the 20th Century: Historiographical and Source Studies Aspects]. Christian reading journal. 2012. N 1. P. 44–97. (In Russ.)

Sostoyalas' vstrecha Blazhennejshego Patriarha Ierusalimskogo Feofila s poslom Rossii v Izraile. [His Beatitude Patriarch Theophilos of Jerusalem met with the Russian Ambassador to Israel]. Official website of the Moscow Patriarchate. 09.09.2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5841467.html> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Sovmestnoe zayavlenie Papy Rimskogo Franciska i Svyatejshego Patriarha Kirilla. [Joint Statement by Pope Francis and His Holiness Patriarch Kirill]. Official website of the Moscow Patriarchate. 13.02.2016. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Svyashchennyj Sinod postanovil priostanovit' molitvennoe pominovanie za bogoslužheniem Patriarha Konstantinopol'skogo Varfolomeya i sosluzhenie s ierarhami Konstantinopol'skogo Patriarhata. [The Holy Synod decided to suspend the prayer commemoration of Patriarch Bartholomew of Constantinople and concelebrations with the hierarchs of the Patriarchate of Constantinople]. Official website of the Moscow Patriarchate. 14.09.2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5268355.html> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Svyatejšij Patriarh Kirill prinyal uchastie vo vstreche Predstoyatelej i delegacij Pomestnyh Pravoslavnyh Cerkvej v Ammane. [His Holiness Patriarch Kirill took part in the meeting of the Primate and delegations of the Local Orthodox Churches in Amman]. Official website of the Moscow Patriarchate. 26.02.2020. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5597933.html> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Terra Santa News Speciale Colletta – La Custodia di Terra Santa // Christian Media Center «Custodia Terae Sanctae». 2020. 1 set. URL: <https://cmc-terrasanta.org/it/media/collectapro/20808/terra-santa-news-speciale-colletta---la-custodia-di-terra-santa> (date of access: 15.02.2022).

Visita del cardinale Ayuso Guixot a Mosca // Osservatore Romano. 2021. 26 nov. URL: <https://www.osservatoreromano.va/it/news/2021-11/quo-270/visita-del-cardinale-ayuso-guixot-a-mosca.html> (date of access: 15.02.2022).

Zavershena pervaya za 200 let restavraciya Groba Gospodnya. [The first restoration of the Holy Sepulcher in 200 years has been completed]. Interfax information agency. 21.03.2017. URL: <https://www.interfax.ru/culture/554565> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Zayavlenie iz kancelyarii Arhierejskogo Sinoda Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi v svyazi s nedavnimi sobytijami na Aleksandrovskom podvor'e v Ierusalime. [Statement from the Chancellery of the Synod of Bishops of the Russian Church Abroad in connection with the recent events at the Alexander Compound in Jerusalem]. Holy Synod official website. 23.01.2021. URL: https://www.synod.com/synod/2021/20210123_rem.html (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Zhurnal N 151 zasedaniya Svyashchennogo Sinoda RPC ot 26 dekabrya 2019 goda. Oficial'nyj sajt Moskovskogo patriarhata. 26.12.2021. [Journal N 151 of the meeting of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church of December 26, 2019. Official website of the Moscow Patriarchate.] 26.12.2021. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5553804.html> (date of access: 15.02.2022). (In Russ.)

Zonova T.V. Diplomatiya Vatikana v kontekste evolyucii evropejskoj politicheskoj sistemy. [Diplomacy of the Vatican in the context of the evolution of the European political system] M.: ROSSPEN, 2000. 200 p. (In Russ.)

М.А. Качян

**РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В РАСПРОСТРАНЕНИИ
РОССИЙСКИХ ИНТЕРЕСОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ**

Аннотация. К главным задачам внешней политики Российской Федерации по-прежнему относится сохранение и закрепление своего влияния в странах СНГ. Данный регион традиционно занимает приоритетное направление на внешнеполитическом треке России.

В современных реалиях государства достигают своих геополитических задач посредством новых возможностей. В условиях глобализации, роста взаимозависимости и углубления региональных связей использование традиционных «жестких» методов влияния не представляется актуальным. В то же время влияние и контроль, которое государства могут распространять на другие территории, также может зависеть от имиджа на международной арене. В связи с этим страны стремятся распространять свои ценности, которые непосредственно зависят от культурного контекста. Неслучайно, что уже не первый год для продвижения своих интересов и распространения культуры многие европейские государства, США, Китай используют «мягкую силу» как основной инструмент внешней политики.

При этом одним из эффективных инструментов, способным решить внешнеполитические задачи, выступает «мягкая сила» образования. Отмечается, что роль образования в современном мире увеличилась – теперь оно выступает формой внешнеполитической стратегии государств.

Россия также стремится применять новые технологии с целью распространения культуры, языка и ценностей. В статье особое внимание уделяется потенциалу российского образования, которое выступает в качестве инструмента долгосрочного политического влияния на пространстве СНГ, а также созданию благоприятного имиджа на международной арене. Рассмотрены потенциал России в странах СНГ в области применения «мягкой силы» образования и примеры использования таких ресурсов.

Ключевые слова: геополитика; внешняя политика; внешнеполитические интересы России; СНГ; образование; «мягкая сила»; имидж страны; ценности; русский язык и культура; продвижение русского языка за рубежом.

Качян Марина Аршаковна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: marinakachyan@gmail.com

Kachyan M.A. The role of education in spreading Russian foreign interests in the CIS

***Abstract.** The main priority of the Russian foreign policy still includes the preservation and consolidation of its influence in the CIS countries. This region traditionally occupies a priority area on the foreign policy track.*

Nowadays, modern states achieve their geopolitical objectives through new opportunities. Due to globalization, growing interdependence and deepening regional ties, the use of traditional «hard» methods of influence does not seem relevant. At the same time, the influence and control that states can extend to other territories may also depend on their image in the international arena. In this regard, countries tend to spread their values. Many European states, the United States and China have been using soft power as the main instrument of foreign policy to promote their interests and spread their culture.

Russia also seeks to apply new technologies to spread Russian culture, language and values. The author pays special attention to the potential of Russian education, which acts as an instrument of long-term political influence in the CIS, as well as creating a favorable image in the international arena. The potential of Russia in the CIS countries in the field of application of «soft power» of education and examples of the use of such resources are considered.

***Keywords:** geopolitics; foreign policy; foreign policy interests of Russia; CIS; education; «soft power»; country's image; values; Russian language and culture; promotion of the Russian language abroad.*

**Kachyan Marina Arshakovna – PhD student, Faculty of Global Processes,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Russia, Moscow.
E-mail: marinakachyan@gmail.com**

Введение

Любое государство стремится укрепить свои позиции и престиж на международной арене, а также создать благоприятные условия для его долгосрочного социально-экономического развития. Для достижения этих целей страны используют различные инструменты внешней политики. В настоящее время особое внимание уделяют именно «мягкой силе» как важному элементу выстраивания внешнеполитического курса, а также обеспечения геополитических задач.

Рассматривая роль, которую может играть образование в качестве инструмента влияния во внешней политике государств, важно обратиться к концепции политического теоретика Джозефа Ная из Гарвардского университета. В его концепции отмечено, что именно образование и культура могут выступать в качестве самых эффективных инструментов мягкого влияния. Американским автором противопоставляются два феномена «мягкой» и «жесткой» силы, последняя из которых подразумевает под собой использование военной силы и других инструментов принуждения. В этом контексте

представляется важным не только использовать военную силу или экономические санкции в целях принуждения к необходимым изменениям в других странах, но и привлекать эти страны при формировании повестки дня мировой политики [Nyе 2005].

В современных реалиях страны используют культуру и образование в целях формирования положительного имиджа. Здесь необходимо отметить успешный опыт ряда стран. Эффективны в продвижении своих интересов на международной арене зарубежные организации – Институт имени Гёте, Институт Сервантеса, Альянс Франсез, Институт Конфуция.

Так, приковывая особое внимание к духовной и материальной культуре, государства повышают привлекательность и формируют особый ресурс, который и определяется как «мягкая сила» влияния. В результате построения положительного имиджа страны формируются условия для применения «мягкой силы». Кроме того, как отмечается, применяя мягкие инструменты воздействия, страны способны продвигать национальную идею и реализовывать свою миссию в глобальном мире [Леонова 2013].

Интересы России на пространстве СНГ

Для России страны СНГ традиционно представляет сферу жизненно важных интересов. Так, развитие сотрудничества с государствами – участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) в двустороннем и многостороннем форматах, а также дальнейшее укрепление действующих интеграционных процессов на пространстве СНГ с российским участием являются основными приоритетами в утвержденной 30 ноября 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации [Концепция 2016].

Представляется, что в обозримом будущем геополитические интересы России в данном регионе сохранятся. Такой характер взаимосвязей можно обосновать географической близостью, историческими связями и культурной общностью стран Содружества. Подтверждают данную позицию и многочисленные заявления лидера России В.В. Путина, в том числе на оперативном совещании с постоянными членами Совета Безопасности: «Здесь наши наиболее развитые экономические, культурные, гуманитарные связи, родственные, дружеские. В общем, это особое направление нашей работы на внешнеполитическом треке» [Совещание 2020].

Исходя из этого необходимо отметить, что государства СНГ представляют собой пространство, которое необходимо России для сохранения статуса ключевого геополитического игрока.

Выстраивание эффективной политики, реализуя интеграционные проекты, которые будут представлять интерес для стран СНГ, позволит обеспечить России также и статус мирового экономического центра [Стратегические 2010].

Таким образом, для реализации российских геополитических задач необходимо создавать и предлагать наиболее интересные проекты и использовать более гибкие механизмы влияния на страны Содружества, в том числе путем формирования положительного имиджа России.

В одном из своих выступлений Президент России В.В. Путин выразил озабоченность о неиспользованном потенциале в сфере нетрадиционных методов российского влияния в мировой политике, отметив: «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например так называемой “мягкой силы”, есть над чем подумать» [Совещание 2012].

Американские социологи из международной ассоциации Gallup International, проводящей исследования, попытались узнать мнение о России жителей постсоветского пространства.

Среди вопросов были, в частности, насколько положительно внешняя политика РФ влияет на обстановку в мире и удастся ли России через десять лет стать сверхдержавой. Результаты исследования показали, что страны положительно оценивают международное влияние Москвы.

Оценка влияния России в ряде стран СНГ представлена на рис. 1 и 2 [Gallup International 2018].

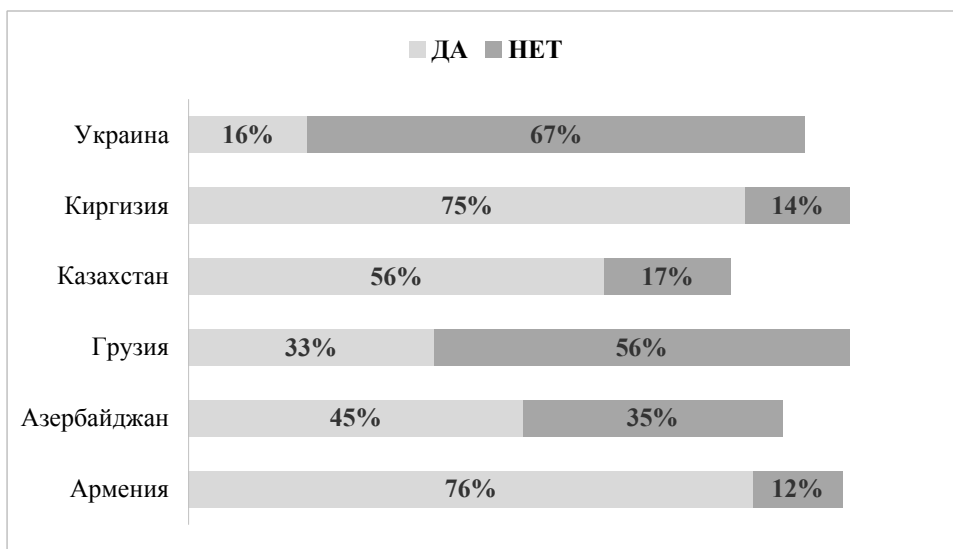

Рис. 1 Станет ли Россия сверхдержавой к 2030 году?

Источник: Gallup International

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

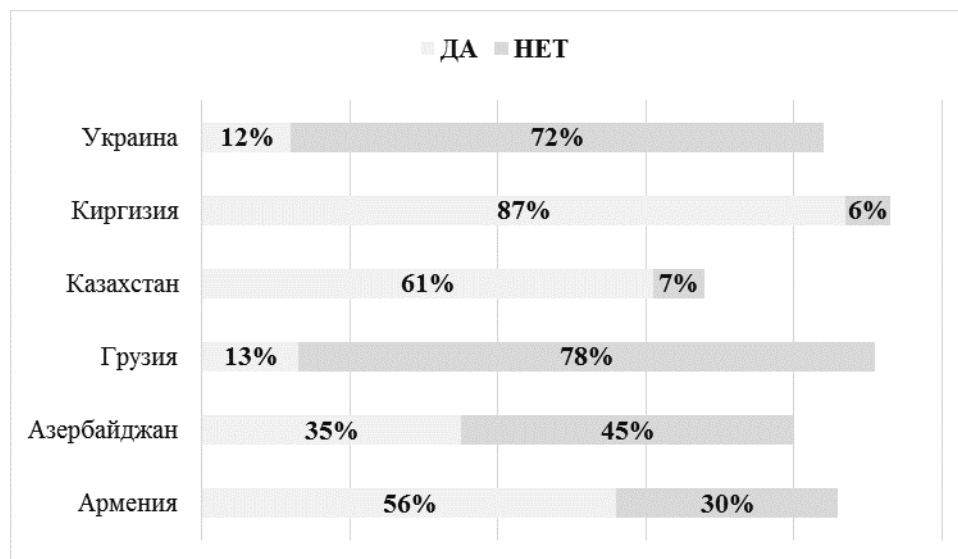

Рис. 2 Внешняя политика России положительно влияет на обстановку в мире?

Источник: Gallup International

Согласно результатам приведенного опроса, можно сделать вывод, что к странам, которые оценивают положительно результаты внешнеполитической деятельности России, можно в первую очередь отнести Киргизию, Казахстан и Армению.

Роль русского языка и продвижение российского образования

Глобализация оказывает сильное влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на сферу образования. В условиях глобализации и формирования экономики глобального знания университеты пересматривают учебные программы и находят важным развивать активнее международное академическое сотрудничество [Липоватая 2017]. В связи с этим вопросы взаимодействия в сфере образования приобретают все большее значение.

Консолидирующую роль в продвижении российского образования, а также углубления международного гуманитарного сотрудничества на пространстве СНГ играет русский язык.

Несмотря на усиление статуса национальных языков на постсоветском пространстве, русский язык, как язык межнационального общения и документооборота, продолжает оставаться основным средством коммуникации между странами СНГ и рядом стран постсоветского пространства.

Вместе с тем активно распространяется английский язык, а уровень владения русским языком особенно среди молодежи заметно снижается. Это объясняется уменьшением часов преподавания русского языка в школах в странах СНГ, а также сокращением эфирного вещания на русском языке.

Бывший руководитель Россотрудничества Э.В. Митрофанова не раз подчеркивала о таком приоритете, как придание русскому языку статуса официального в странах СНГ. «Через поколение мы придем к тому, что люди перестанут говорить на русском языке. Поэтому здесь нужно прилагать особые усилия, и постановка на высоком уровне вопроса о придании русскому языку законодательного статуса в этих странах должна быть во внешнеполитической повестке дня» [Статус 2016].

Важным условием продвижения российского образования, отстаивания позиций русского языка и закрепления российского присутствия в регионе является развитие филиалов в странах СНГ.

В настоящее время за рубежом действуют 40 филиалов в 17 странах, в частности 30 филиалов функционируют в странах СНГ. В общей сложности в филиалах за рубежом обучаются порядка 17 тыс. студентов.

Другой мерой по популяризации русского языка и культуры, а также продвижению российского образования выступает комплекс мероприятий, организатором которых выступает Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Институт Пушкина определен в качестве базовой организации СНГ по преподаванию русского языка.

Институтом осуществляются несколько значимых проектов, среди которых стоит особенно отметить Международную волонтерскую программу «Послы русского языка» и Портал «Образование на русском».

О деятельности совместных университетов

Более 20 лет назад в целях сохранения, развития и взаимообогащения культур, языков, исторических и национальных традиций в Армении, Белоруссии, Киргизии и Таджикистане были созданы российско-национальные университеты: Российско-Армянский университет, Белорусско-Российский университет, Киргизско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина и Российско-Таджикский Славянский университет.

Такие совместные университеты являются уникальной правовой формой взаимодействия России со странами СНГ. Их создание и успешное функционирование подтверждает высокий уровень состояния двусторонних связей с данными странами, а также демонстрирует наличие потенциал для дальнейшего наращивания гуманитарного сотрудничества.

Одной из стратегических миссий российско-национальных университетов является выступление в качестве опорных точек для продвижения за рубежом русского образования и русского языка. Российско-национальные университеты используют свой потенциал и инфраструктуру для создания единого образовательного пространства на пространстве СНГ, развития академической мобильности, углубления гуманитарных связей с российскими образовательными и научными организациями.

Университеты находятся в совместном ведении Российской Федерации и страны пребывания. Обучение в университетах ведется в том числе и на русском языке по российским образовательным стандартам с обязательным применением национального компонента. Используются передовые российские методики преподавания. На базе совместных университетов действуют курсы русского языка, ежегодно проходят курсы повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава.

Необходимо отметить, что совместные университеты являются не только ведущими вузами в странах пребывания, оказывающие образовательные услуги, но они весьма способствуют сохранению культурной идентичности соотечественников за рубежом, а также созданию комфортных условий для молодежи, стремящихся получить достойное образование и приобщаться к культурно-историческому достоянию народов СНГ.

Так, к примеру, согласно рейтингу «QS EESA (Emerging Europe and Central Asia) University Rankings», Российско-Армянский университет на протяжении нескольких лет является лучшим университетом Армении, опережая при этом государственные университеты Армении.

В 2020 г. Киргизско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина занял лидирующие позиции среди вузов – участников рейтинга НААР / IAAR (Независимого агентства аккредитации и рейтинга).

Деятельность совместных университетов способствуют сохранению традиционно дружественных отношений между странами СНГ, развитию многовекторных связей, и отвечают российским интересам. Таким образом, конкурентоспособность совместных университетов не только в стране нахождения, но и в регионе напрямую влияет на реализацию геополитических задач Российской Федерации на пространстве СНГ.

Таблица 1

**ИНФОРМАЦИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РОССИЙСКО-НАЦИОНАЛЬНЫХ
УНИВЕРСИТЕТАХ ПО СОСТОЯНИЮ НА КОНЕЦ 2020 г.**

	<i>Белорусско- Российский университет</i>	<i>Киргизско- Российский Славянский университет</i>	<i>Российско- Армянский университет</i>	<i>Российско- Таджикский Славянский университет</i>
Общая численность обучающихся по всем формам обучения	5112	8500	3716	6775
Численность обучающихся по российским образовательным программам	513	1822	3246	6775
Имеет статус государственного в стране пребывания	Да	Да	Да	Да
Выдается диплом страны пребывания	Да	Да	Да	Нет

Источник: Составлено автором на основании информации, опубликованной на сайтах Белорусско-Российского университета, Киргизско-Российского Славянского университета, Российско-Армянского университета, Российско-Таджикского Славянского университета.

Еще одним успешным примером продвижения российского образования является Сетевой университет Содружества Независимых Государств.

В целях дальнейшего развития сотрудничества государств Содружества в гуманитарной сфере учрежден Сетевой университет СНГ. Данный образовательный проект инициирован Российским университетом дружбы народов при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ.

Сетевой университет СНГ направлен на формирование единого образовательного пространства государств – участников СНГ и выступает в качестве аналога программы «Erasmus Mundus».

На площадке Сетевого университета СНГ реализуются совместные программы вузов СНГ, которые осуществляются в рамках сформированного Консорциума образовательных организаций. Консорциум вузов Сетевого университета представляют 16 ведущих вузов из восьми стран, в том числе Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Молдовы, России, Таджикистана и Украины. Таким образом, открываются новые возможности для молодежи из этих стран. Получив базовое образование в университетах, вошедших в Консорциум, студенты могут поступить и учиться по российским программам магистратуры ведущих вузов, таких как РУДН, МГУ, МГИМО и т.д.

Примечательно, что перед Сетевым университетом СНГ стоит очень важная задача – подготовить высококвалифицированных профессионалов по специальностям, которые представляют наибольший интерес для экономик стран СНГ и будут способствовать их социальному развитию.

Обучение в Сетевом университете СНГ осуществляется по согласованным вузами совместным образовательным программам. При этом особенность таких программ заключается в том, что к зачислению в российские вузы-партнеры допускаются только те абитуриенты, которые были отобраны и зачислены в зарубежные вузы-партнеры в соответствии с национальным законодательством. Кроме того, важно отметить, что реализация программ не предполагает большого числа обучающихся, так как их реализация ориентирована исключительно на наиболее талантливых студентов из зарубежных вузов-партнеров.

Конкурентоспособность российских университетов

Несомненно, Россия обладает огромным потенциалом и ресурсами в фундаментальной науке и в образовании. Вместе с тем гуманитарное влияние страны в мире, к сожалению, не соответствует ее возможностям.

При разработке стратегии, направленной на привлечение иностранных студентов, а также применение образования в качестве инструмента «мягкой силы», в первую очередь необходимо учитывать следующее. Потребности в подготовке кадров для национальных экономик различаются, т.е. не все направления подготовки и специальности одинаково востребованы в каждой отдельной стране.

По данным Всемирного доклада по образованию, в настоящее время наиболее привлекательными для иностранных студентов становятся именно естественно-научные направления обучения [Всемирный доклад 2006].

Согласно данным, опубликованным Минобрнауки России, наблюдается общая тенденция к увеличению числа иностранных студентов. Так, за последние три года количество иностранных студентов выросло более чем на 26 тыс. человек: в 2019 г. в России учились 298 тыс. иностранных студентов, в 2020 – 315 тыс., в 2021 г. – 324 тыс. Особый интерес у иностранных студентов к медицинскому образованию. В основном граждане Казахстана, Узбекистана, Китая, Туркменистана и Таджикистана делают свой выбор в пользу российского образования [Число иностранных студентов 2022]. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158

Исходя из этого, можно сделать вывод, что российское образование является привлекательным преимущественно для студентов постсоветского пространства, в том числе за счет соотношения цены и качества.

Другим критерием для выбора высшего учебного заведения является мировые рейтинги. Одним из основных показателей конкурентоспособности университетов для иностранных студентов является число российских университетов, входящих в первую сотню ведущих мировых университетов, согласно мировому рейтингу университетов [Государственная 2012].

Этим и объясняется стремление университетов к рейтингам, таким как Times Higher Education и QS World University Rankings. Такая задача также была поставлена Минобрнауки России, которое координирует проект «5/100» [Проект повышения]. Цель данного проекта в кратчайшие сроки повысить конкурентоспособность вузов и войти в мировой рейтинг.

Название проекта объясняется Указом Президента «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», который предполагал достижение следующей цели: к 2020 г. пять российских университетов должны быть включены мировой рейтинг и быть представлены в первой сотне.

За период существования программы «Проект 5–100» эксперты отметили вклад в развитие экспорта российского образования за границу: в вузах – участниках программы выросло в 2,6 раз количество иностранных студентов на один вуз и в 2,4 раза – иностранных аспирантов.

На смену этому проекту была разработана и внедрена программа «Приоритет-2030», которая имеет более комплексный подход. Акцент в этом проекте сделан на сбалансированное развитие науки и высшего образования во всех регионах страны, повышение роли университетов в социально-экономическом и научно-техническом развитии регионов и России в целом, сокращение разрыва между вузами [Проект 5–100].

Кроме того, на государственном уровне поддержана еще одна важная инициатива, которая выступает важным элементом выбранного политического курса – проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», реализация которого рассчитана до 2025 г.

Заключение

Осознание же важности знания и информации, разумеется, гораздо старше, оно является ровесником самого человечества [Науменко 2018]. Размышляя об инструментах управления людьми и влияния на умы, еще греческий философ подметил, что судьбы империй зависят от воспитания молодежи.

Ценность образования осознается и на высоком политическом уровне. Об этом свидетельствует наличие государственных проектов, которые стоят на постоянном контроле.

Стремление Российской Федерации к наращиванию образовательного потенциала не только отвечают национальным интересам, но и на все вызовы

современного мира. Таким образом, формируя потенциал «мягкой силы», Россия создает благоприятный имидж нации и укрепляет свою позицию на международной арене.

Эффективность образования как инструмента «мягкой силы» уже не вызывает сомнения. Тем не менее оценить насколько успешна проводимая российская политика на данном направлении возможно только в долгосрочной перспективе. Принимая во внимание процессы глобализации, а также быстро меняющуюся политическую конъюнктуру, именно образование может стать одним из конкурентных преимуществ России в борьбе за международное лидерство.

Библиография

Белорусско-Российский университет. Университет сегодня // Официальный сайт Белорусско-Российского университета. URL: <http://bru.by/content/university/universitytoday> (дата обращения: 10.12.2021).

Всемирный доклад по образованию // UNESDOC, 2006. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70643472/> (дата обращения: 20.10.2021).

Киргизско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина. Общая информация // Официальный сайт Киргизско-Российского Славянского университета имени первого Президента Б.Н. Ельцина URL: https://www.krsu.edu.kg/general_information (дата обращения: 10.12.2021).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 25.10.2021).

Липоватая М.С. Вопросы сотрудничества стран БРИКС в сфере высшего образования // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2017. № 4. С. 55–63.

Науменко Т.В. Методологический анализ концепции информационного общества // Информационное общество. 2018. № 2. С. 6–10.

Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации // Проект 5–100. URL: <http://5top100.ru/about/more-about/> (дата обращения: 26.10.2021).

«Проект 5–100» умер, да здравствует «Приоритет-2030»? // Проект 5–100. URL: <https://5top100.ru/about/mass-media/143590/> (дата обращения: 26.10.2021).

Российско-Армянский университет. Очерк истории // Официальный сайт Российско-Армянского университета. URL: <https://rau.am/content/ocherk-istorii> (дата обращения: 10.12.2021).

Российско-Таджикский Славянский университет. Развитие образовательной деятельности // Официальный сайт Российско-Таджикского Славянского университета. URL: <https://www.rtsu.tj/ru/university/about/istoriya/razvitie-obrazovatelnoy-deyatelnosti.php> (дата обращения: 10.12.2021).

Статус русского языка в СНГ должен быть в повестке РФ // РИА Новости. 2016. 17 ноября. URL: <https://ria.ru/20161117/1481576522.html> (дата обращения: 25.10.2021).

Совещание послов и постоянных представителей России // Сайт президента России. 2012. 9 июля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 27.10.2021).

Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Сайт президента России. 2020. 25 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64750/print> (дата обращения: 25.10.2021).

Стратегические интересы России на постсоветском пространстве. Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 8 // MEMO Journal. 2010. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/08_2010/4-Strategicheskiye.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 85–93.

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Российская газета. 2012. 9 мая. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> (дата обращения: 25.10.2021).

Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. 2022. 18 января. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (дата обращения: 19.01.2022).

Gallup International's 42nd Annual Global End of Year Survey // Voice of people. 2018. URL: https://www.gallup-international.com/fileadmin/user_upload/surveys/2018/GIA-Voice-of-the-People_2018.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

Nye J. Soft Power and Higher Education / J.S. Nye // The coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – New York: Basic Books, 1999. – P. 41–70.

References

Belorussko-Rossijskij universitet. Universitet segodnya [University nowadays] URL: <http://bru.by/content/university/universitytoday> (date of access: 10.12.2021). (In Russ)

Vsemirnyj doklad po obrazovaniju [World Education Report] 2006. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001457/145753r.pdf>. (date of access: 25.10.2021). (In Russ)

Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» na 2013–2020 gody [State Program of the Russian Federation «Development of Education» for 2013–2020]. Spravochno-pravovaya sistema «Garant». URL: <https://base.garant.ru/70643472/> (date of access: 20.10.2021). (In Russ.)

Kirgizsko-Rossijskij Slavyanskij universitet imeni B.N. El'cina. Obshchaya informaciya [General Information] URL: https://www.krsu.edu.kg/general_information (date of access: 10.12.2021). (In Russ.)

Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 30 noyabrya 2016 g. N 640) [The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of November 30, 2016 N 640)]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/ (date of access: 25.10.2021). (In Russ.)

Leonova O.G. Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva [Soft power as resource of the state's foreign policy]. Obozrevatel'. 2013. N 4. (In Russ)

Lipovataya M.S. Voprosy sotrudnichestva stran BRIKS v sfere vysshego obrazovaniya. [Issues of cooperation between the BRICS countries in the field of higher education]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika. 2017. N 4. (In Russ.)

Naumenko T.V. Metodologicheskij analiz koncepcii informacionnogo obshchestva [Methodological analysis of the concept of the information society]. *Informacionnoe obshchestvo*. 2018. N 2. (In Russ.)

Proekt povysheniya konkurentosposobnosti vedushchikh rossijskikh universitetov sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh centrov. [Project to improve the competitiveness of leading Russian universities among the world's leading scientific and educational centers]. URL: <http://5top100.ru/about/more-about/> (date of access: 26.10.2021). (In Russ.)

«Proekt 5–100» umer, da zdravstvuet «Prioritet-2030»? [«Project 5–100» is dead, long live «Priority-2030»?] URL: <https://5top100.ru/about/mass-media/143590/> (date of access: 26.10.2021). (In Russ.)

Rossijsko-Armyanskij universitet. Ocherk istorii [History] URL: <https://rau.am/content/ocherk-istorii> (date of access: 10.12.2021). (In Russ.)

Rossijsko-Tadzhikskij Slavyanskij universitet. Razvitie obrazovatel'noj deyatel'nosti [Development of educational activities] URL: <https://www.rtsu.tj/ru/university/about/istoriya/razvitie-obrazovatelnoydeyatelnosti.php> (date of access: 10.12.2021). (In Russ.)

Status russkogo yazyka v SNG dolzhen byt' v povestke RF [The status of the Russian language in the CIS should be on the agenda of the Russian Federation]. URL: <https://ria.ru/20161117/1481576522.html> (date of access: 25.10.2021). (In Russ.)

Soveshchanie poslov i postoyannykh predstavitelej Rossii [Meeting of Ambassadors and Permanent Representatives of Russia]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15902> (date of access: 27.10.2021). (In Russ.)

Soveshchanie s postoyannymi chlenami Soveta Bezopasnosti [Meeting with permanent members of the Security Council]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64750/print> (date of access: 25.10.2021). (In Russ.)

Strategicheskie interesy Rossii na postsovetskom prostranstve [Russia's strategic interests in the post-Soviet space. *World Economy and International Relations*] *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010. N 8. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-8-32-45> (date of access: 25.10.2021). (In Russ.)

Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [Education as an instrument of «soft power» in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO*. 2012. N 4. (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2012 g. № 599 «O merakh po realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovaniya i nauki» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 N 599 «About measures on the implementation of state policy in the field of education and science»]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> (date of access: 25.10.2021). (In Russ.)

Chislo inostrannykh studentov v Rossii za tri goda vyroslo na 26 tysyach [The number of foreign students in Russia has grown by 26,000 in three years] URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (date of access: 19.01.2022). (In Russ.)

Gallup International's 42nd Annual Global End of Year Survey. 2018. URL: https://www.gallup-international.com/fileadmin/user_upload/surveys/2018/GIA-Voice-of-the-People_2018.pdf (date of access: 25.10.2021).

Nye J. *Soft Power and Higher Education* / J.S. Nye // *The coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. – New York: Basic Books, 1999. P. 41–70.

А.С. Левченков

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ
В ОСМЫСЛЕНИИ ИСТОРИКА. РЕЦЕНЗИЯ НА: Е.И. ПИВОВАР ПРОСТРАНСТВО
БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ XXI ВЕКА. СПБ.: АЛЕТЕЙЯ. 2022. 468 с.**

Аннотация. Новая книга известного российского историка Е.И. Пивовара посвящена анализу истории, современного состояния и перспектив дальнейшего развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и в рамках макрорегиона Большой Евразии в контексте трансформирующегося миропорядка в первой четверти XXI в.

В центре внимания автора как сами интеграционные идеи, объединения и организации с их структурой и механизмами управления, так и различные внутренние и внешние факторы, влияющие на успешность тех или иных интеграционных инициатив. При этом особая роль отводится изучению роли и места Российской Федерации в интеграционных процессах и потенциале устойчивого развития евразийского пространства.

В рецензируемой работе перед нами предстает во всей своей полноте междисциплинарный анализ с использованием широкого методологического инструментария из различных отраслей гуманитарных наук, хотя именно историческое наследие, по мнению автора, во многом предопределило характер интеграционных процессов.

Ключевые слова: *постсоветское пространство; евразийская интеграция; Содружество Независимых Государств; Союзное Государство России и Белоруссии; Евразийский экономический союз; Организация Договора о коллективной безопасности; Шанхайская организация сотрудничества.*

Левченков Александр Станиславович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета. Россия, Москва.
E-mail: bohem2001@mail.ru
Web of Science Researcher ID: P-8294-2016
Scopus Author ID: 57212920894

Levchenkov A.S. Integration processes in the Greater Eurasia in a historian's understanding. The review of Pivovarov E.I. The space of Greater Eurasia of the XXI century. SPb.: Aletejya. 2022. 468 p.

***Abstract.** A new book by the famous Russian historian E.I. Pivovarov is devoted to the analysis of the history, current state and prospects for further development of integration processes in the post-Soviet space and within the macro-region of Greater Eurasia in the context of the transforming world order in the first quarter of the XXI century.*

The author focuses on the integration ideas themselves, associations and organizations with their structure and management mechanisms, as well as various internal and external factors affecting the success of various integration initiatives. At the same time, a special role is assigned to the study of the role and place of the Russian Federation in the integration processes and the potential for sustainable development of the Eurasian space.

In the reviewed work, we see in its entirety an interdisciplinary analysis using a wide methodological toolkit from various branches of the humanities, although it is the historical heritage, according to the author, that largely predetermined the nature of integration processes.

Keywords: *post-Soviet space; Eurasian integration; Commonwealth of Independent States; Union State of Russia and Belarus; Eurasian Economic Union; Collective Security Treaty Organization; Shanghai Cooperation Organization.*

Alexander Levchenkov – candidate of historical sciences, associate professor, senior researcher, the Russian State University for the Humanities. Russia, Moscow.

E-mail: bohem2001@mail.ru

Scopus Author ID: 57212920894;

Web of Science Researcher ID: P-8294-2016

Е.И. Пивовар далеко не в первый раз обращается к проблематике интеграционных процессов на евразийском пространстве. Результаты его научных изысканий по данной проблематике легли, помимо многочисленных публикаций в ведущих периодических изданиях, в основу ряда ранее вышедших монографических исследований, на страницах которых рассматривались этапы генезиса и развития различных интеграционных организаций и объединений, преимущественно географически охватывающих постсоветское пространство, но также и выходящих за его пределы, таких как Шанхайская организация сотрудничества [Пивовар 2008; Пивовар 2016; Пивовар 2019].

Однако любые работы по данной проблематике, анализируя и суммируя накопленный опыт и потенциал на определенную точку времени, в условиях стремительно меняющейся мировой экономической системы и миропорядка в целом, неизменно требовали продолжения исследовательской работы.

В 2021 г. старейшая из интеграционных организаций, объединивших большую часть постсоветских государств – Содружество Независимых Государств отметило 30-летний юбилей. В 2022 г., уже вписанном в историю важнейшими для мировой политико-экономической системы событиями в различных частях земного шара и, в особенности, на постсоветском пространстве, подведение предварительных итогов интеграционных и дезинтеграционных процессов на евразийском пространстве за минувшие десятилетия стало особенно актуальным для российской академической мысли. Это, безусловно, и предопределило подготовку и выход новой книги [Пивовар 2022].

В рецензируемой работе перед нами предстает во всей своей полноте междисциплинарный анализ с использованием широкого методологического инструментария историков и международников, политологов и экономистов. Вместе с тем прежде всего автор – историк, поэтому отправной точкой для исследования стал период распада Советского Союза, поскольку, по справедливому замечанию Е.И. Пивовара, «то, что произошло тогда, оказало существенное влияние и на дальнейшую судьбу многих государств и народов в самых разных уголках планеты, привело к формированию новой геополитической и геоэкономической конфигурации на пространстве Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в Центральной Азии, на Кавказе, в Каспийском бассейне, в Черноморско-Балтийском регионе и т.д.» [Пивовар 2022, с. 15]. Именно внимание к общему историческому прошлому и культурному наследию стран и народов постсоветского пространства позволило автору выделить предпосылки и причины многих тенденций, определяющих текущее состояние отношений между этими государствами.

Структурно работа состоит из четырех разделов, посвященных наиболее важным интеграционным проектам на евразийском пространстве. В центре внимания автора как сами интеграционные идеи, объединения и организации с их структурой и механизмами управления, так и различные внутренние и внешние факторы, влияющие на успешность тех или иных интеграционных инициатив. При этом особое значение отводится изучению роли и места Российской Федерации в интеграционных процессах и потенциале устойчивого развития евразийского пространства.

В фокусе первого раздела – образование и развитие Содружества Независимых Государств в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов с момента распада СССР до начала 2022 г. [Пивовар 2022, с. 14–171]. При этом особое внимание Е.И. Пивовар уделяет отдельным проектам в рамках СНГ, которые зачастую обходятся стороной другими исследователями. Так, подробно анализируется деятельность Экономического совета СНГ, информация о которой, по мнению автора, говорит, «с одной стороны, о кропотливой работе, целью которой является успешная реализация интеграционного потенциала СНГ, а с другой – показывают и всю сложность этой

задачи, обусловленную, в том числе, и несовпадением декларативной и реальной сторон интеграционного процесса» [Пивовар 2022, с. 94].

Е.И. Пивовар останавливается и на работе Ассоциации «Деловой Центр экономического развития Содружества Независимых Государств», основная цель которой заключается в укреплении международного интеграционного сотрудничества деловых кругов стран СНГ. По его мнению, одним из важнейших проектов Делового Центра можно рассматривать ежегодный Международный экономический форум в Москве, работа которого направлена на содействие дальнейшему росту потенциала международных интеграционных объединений на постсоветском пространстве [Пивовар 2022, с. 132–133].

Появление и дальнейшая деятельность Международной Ассамблеи столиц и крупных городов СНГ оценивается автором как «реальное свидетельство центростремительных тенденций на пространстве СНГ на уровне так называемых горизонтальных связей» [Пивовар 2022, с. 134]. В книге подчеркивается, что Ассамблее удалось найти свое уникальное место в развитии и укреплении многогранных связей между городами постсоветского пространства, и тем самым на практике реализовать возможности интеграционных усилий городов-участников [Пивовар 2022, с. 171].

Второй раздел книги посвящен Союзному государству России и Белоруссии. Объективно анализируя этапы становления и развития Союзного государства, Е.И. Пивовар обоснованно отмечает, что на практике в данном проекте проявились как центростремительные, так и центробежные тенденции, сделав ход реализации проекта противоречивым и неоднозначным [Пивовар 2022, с. 172]. Очень важным с точки зрения анализа современных процессов стало обращение автора к политическому кризису в Беларуси в 2020–2021 гг., его причинам и последствиям для будущего Союзного государства. В книге отмечается, что «процесс расширения интеграции и рост влияния Союзного государства на постсоветском пространстве сталкивается с деструктивным противодействием недружественных политических игроков – внутренней оппозиции в Беларуси и внешних сил» [Пивовар 2022, с. 205]. Тем не менее проект выдерживает данные испытания и, по мнению автора, его перспективы связаны «как с углублением на новом правовом, организационном и институциональном уровне уже сложившихся направлений интеграции России и Беларуси, так и с формированием интеграционных механизмов цифровой экономики будущего, постиндустриального информационного общества» [Пивовар 2022, с. 229].

Особое внимание автор уделяет экономической интеграции и, в первую очередь, процессу становления и развития Евразийского экономического союза. В книге анализируются история создания, основные этапы истории и современного состояния экономической интеграции в рамках ЕАЭС, работа таких важных для организации структур, как Евразийская экономическая ко-

миссия и Евразийский банк развития. Автор приходит к обоснованному выводу, что перед ЕАЭС в настоящее время стоит ряд сложных задач фактически экзистенциального характера, вытекающих из внешних и внутренних вызовов и угроз, однако организация представляет собой пример союза, «основанного на принципе нерушимости политического суверенитета и общности их истории, языка, менталитета и экономических интересов» [Пивовар 2022, с. 289–290].

Наконец, специальный раздел монографии посвящен проблемам безопасности на евразийском пространстве. В качестве ключевой структуры, играющей важную роль в обеспечении коллективной безопасности на постсоветском пространстве, выделяется Организация Договора о коллективной безопасности, а в качестве проекта, претендующего на координацию межрегионального взаимодействия в рамках значительной части всего Евразийского континента, автором рассматривается Шанхайская организация сотрудничества. Отдельно автором рассматриваются вопросы определения особого правового статуса Каспия, включая Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, подписанную 12 августа 2018 г. на Пятом каспийском саммите в Актау. По мнению автора, действующая Концепция «укрепляет доверие между прикаспийскими государствами, усиливает их безопасность, будет способствовать росту их экономической кооперации и конкурентоспособности, реализации совместных проектов...» [Пивовар 2022, с. 441].

В заключение автор неслучайно обратился к докладам и инициативам, прозвучавшим в ходе V Восточного экономического форума [Пивовар 2022, с. 445–461]. На примере форумных дискуссий и обсуждений Е.И. Пивовар показал наличие заинтересованности у всех ключевых игроков на евразийском пространстве в укреплении межстранового взаимодействия и реализации масштабных совместных проектов, в которых Россия выступает цементирующим звеном.

Рассуждения и выводы автора подкрепляются огромным фактологическим материалом, включая международные, российские и зарубежные нормативно-правовые акты, выдержки из заявлений, интервью и публикаций ведущих государственных деятелей, что позволяет использовать данный труд в качестве учебного пособия, обязательной или дополнительной литературы при изучении современной политической и социально-экономической истории, международных отношений и интеграционных процессов, гуманитарного сотрудничества.

Отличительной чертой анализа, представленного на страницах книги, является скрупулезное изучение интеграционных проектов и процессов с ведущим участием России в широком контексте межрегионального сотрудничества и решения общих проблем как регионального, так и глобального характера. Именно это позволило Е.И. Пивовару рассмотреть интеграцион-

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

ные структуры как неотъемлемую часть новейшей истории, современности и будущего развития Большой Евразии.

Знакомство с книгой, без сомнения, позволит лучше понять не только специфику ключевых процессов взаимодействия между государствами Евразийского региона, но и оценить перспективы развития и укрепления их сотрудничества, а также потенциал действующих интеграционных организаций и объединений в новой, формирующейся на наших глазах системе международных отношений.

Библиография

Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2008. 320 с.

Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект на постсоветском пространстве: 1991–2015 гг. (предпосылки, становление, развитие). СПб.: Алетейя. 2016. 720 с.

Пивовар Е.И. Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие: глобальные процессы на постсоветском пространстве. СПб.: Алетейя, 2019. 904 с.

Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. СПб.: Алетейя. 2022. 468 с.

References

Pivovar E.I. Postsovetskoe prostranstvo: al'ternativy integracii. Istoricheskij ocherk [Post-Soviet space: alternatives to integration. Historical essay]. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2008. 320 p. (In Russ.)

Pivovar E.I. Evrazijskij integracionnyj proekt na postsovetskom prostranstve: 1991–2015 gg. (predposylki, stanovlenie, razvitie) [Eurasian integration project in the post-Soviet space: 1991–2015 (background, formation, development)]. Sankt-Peterburg: Aletejya. 2016. 720 p. (In Russ.)

Pivovar E.I. Evrazijskij integracionnyj proekt: predposylki, stanovlenie, razvitie: global'nye processy na postsovetskom prostranstve [Eurasian integration project: prerequisites, formation, development: global processes in the post-Soviet space]. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2019. 904 p. (In Russ.)

Pivovar E.I. Prostranstvo Bol'shoj Evrazii XXI veka. Integracionnye processy: instituty, napravleniya, vyzovy [The space of Greater Eurasia of the XXI century. Integration processes: institutions, directions, challenges]. Sankt-Peterburg: Aletejya. 2022. 468 p. (In Russ.)

М.В. Ковалев

**НОВЫЙ ТРУД ЧЕШСКИХ ИСТОРИКОВ О РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1920–1930-е годы**

Аннотация. История российской диаспоры в Чехословакии 1920–1930-х годов стала предметом многочисленных исследований в чешской гуманитарной науке. Показательно, что в наши дни к теме обращаются молодые исследователи. Примером является рецензируемая коллективная монография «Институции и действующие лица русской межвоенной эмиграции в Чехословакии» (2021). Круг авторских задач состоял в стремлении соотнести личный и общественный опыт в истории русской эмиграции в Чехословакии, показать роль как конкретных персон (Е.А. Ляцкий, А.В. Флоровский, И.И. Лапшин, Н.Е. Осипов и др.), так и институций (журнал «Воля России», русские гимназии). Важное место при этом было отведено взаимодействию русских с чехословацким окружением.

Ключевые слова: русская эмиграция в Чехословакии; Карлов университет; историография.

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: kovalevmv@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: C-6747–2014
Scopus Researcher ID: 53984354100
ORCID: 0000–0002–4722–818 X

**Kovalev M.V. A new work by Czech historians on Russian emigration
in Czechoslovakia in the 1920s–1930s**

Abstract. The history of the Russian diaspora in Czechoslovakia in the 1920s–1930s has become the subject of numerous studies in the Czech humanities. It is noteworthy that young researchers today are turning to this research problem. An example of that is the reviewed collective monograph «Institutions and Actors of the Russian Interwar Emigration in Czechoslovakia» (2021). The scope of the authors' tasks comprised an attempt to correlate personal and social experience in the history of Russian emigration in Czechoslo-

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

vakia, as well as to show the role as persons (E.A. Lyatsky, A.V. Florovsky, I.I. Lapshin, N.E. Osipov, etc.), and institutions (the «Volya Rossii» journal, Russian gymnasiums). Particular attention was paid to the interaction of the Russians with the Czechoslovak environment.

Keywords: *Russian emigration in Czechoslovakia; Charles University; historiography.*

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IVI RAN); Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747-2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

ORCID: 0000-0002-4722-818 X

История российской диаспоры в Чехословакии 1920–1930-х годов, в особенности культурный феномен «Русской Праги», давно привлекает внимание ученых. Огромный опыт в этом направлении вполне закономерно был накоплен чешскими исследователями. Труды В. Вебера, З. Сладека, Л. Белошевой, М. Бубениковой, С. Тейхмановой, А. Копрживовой, Л. Бабки, И. Вацка, М. Кутхановой и др. стали значительным вкладом в изучение темы [Серапионова 2004]. История российской эмиграции сделалась предметом многочисленных рефлексий в современном чешском культурном пространстве. О ней снимают документальные фильмы, ей посвящают специальные выставки, в память о ней проводят мемориальные мероприятия. Нельзя не отметить большого участия властей Чешской Республики (а равно и Словацкой Республики) в деле сохранения исторического наследия российской послереволюционной эмиграции. О важности этого говорили послы Чехии и Словакии на открытии международного коллоквиума в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына в октябре 2021 г. Интерес к теме не снижается и в современной чешской гуманитарной науке. Появляются новаторские труды, в которых затрагиваются ранее не изучавшиеся сюжеты (как, например, работы Д. Гашковой о российских инженерах и техниках в Чехословакии). Показательно, что к теме Зарубежной России обращаются молодые исследователи. Яркий пример тому – коллективная монография «Институции и действующие лица русской межвоенной эмиграции в Чехословакии», вышедшая в Праге в 2021 г. [Nykl a col. 2021]. Ее инициатором, идейным вдохновителем и редактором стал известный специалист по истории русской общественной и философской мысли доцент Гануш Никл [Nykl 2013; 2018; 2019; 2022]. Своим интересом он сумел заразить молодых ученых из Карлова университета и

подвигнуть их к рассмотрению различных проблем интеллектуальной истории российской эмиграции в межвоенной Чехословакии.

Во введении к монографии Г. Никл вводит читателя в круг проблем современного эмигрантоведения, обрисовывает место Чехословакии на карте Зарубежной России, акцентируя внимание на том, что русские эмигранты стали неотделимой частью чехословацкой истории. Он справедливо говорит, что эмиграция с территории бывшей Российской империи была пестрой и социально, и этнически, и религиозно, и это задавало разные модели личного и коллективного поведения, определяло создание разных институций. Так, хорошо известно, что в межвоенной Праге параллельно развивались русские, украинские и белорусские культурные организации. А ведь еще были меньшие по численности, но от того не менее яркие объединения калмыков, грузин, армян. Конечно, в рамках одной книги, пусть даже написанной усилиями научного коллектива, невозможно охватить все многообразие сюжетов. Потому круг авторских задач был ограничен стремлением понять соотношение личного и общественного в истории русской эмиграции, показать роль как конкретных персон, так и институций. Важное место при этом было отведено взаимодействию с чехословацким окружением. Подобная задача видится весьма важной, поскольку чешско-словацко-русские интеллектуальные пересечения 1920–1930-х годов до сих пор изучены недостаточно.

Первая глава книги, написанная Анной Ивановой, посвящена истории журнала «Воля России» – важнейшего издательского проекта левых эсеров, который вышел далеко за сугубо политические рамки. Журнал издавался в Праге с 1922 по 1932 г. и сумел собрать вокруг себя множество видных эмигрантских деятелей. А. Иванова рисует коллективный портрет редакции и верно подмечает связь издания с идейным наследием народничества, а равно с дореволюционной традицией «толстых журналов» [Nykl a col. 2021, s. 21]. Тем самым подчеркивается преемственность в истории эмигрантской общественной мысли. Автором обрисованы тематические структуры выпусков, охарактеризован круг важнейших проблем и дискуссий на страницах журнала. Важнейшей его особенностью, как отмечает А. Иванова, стала попытка разрыва с неписаной эмигрантской этикой, видевшей в событиях 1917 г. абсолютное зло. «Воля России» делала прагматичную попытку понять революцию. Хотя автор не закрывает глаза на то, что среди пражских эсеров бытовали разные оценки советского настоящего. Попытка нового взгляда предопределила большой интерес издания к развитию литературного процесса в Советской России. С подобным же устремлением была связана деятельность Института изучения России во главе с В.М. Черновым. Заметим попутно, что автор, к сожалению, не использовала современные российские исследования об этом интереснейшем политическом деятеле и о пражских эсерах вообще (А.И. Аврус, А.П. Новиков, А.А. Голосеева, А.Ю. Суслов).

Отметим авторскую ремарку, что «Воля России» не ограничивалась собственно эмигрантским и советским мирами, а проявляла интерес к чехословацкой жизни. Потому в ней печатались переводы текстов Томаша Масарика, Эдварда Бенеша, Йозефа Стивина, отводилось много места чешской литературе (Карел Чапек, Ян Неруда, Отокар Бржезина, Мария Пуйманова).

Вторая глава монографии, подготовленная Марией Прохазковой, посвящена эмигрантским школам в Чехословакии – Русской реформированной реальной гимназии в Моравской Тржебове и Русской реформированной реальной гимназии в Праге. Хотя истории русских образовательных учреждений в Чехословакии уже освещалась в ряде исследований, представленный раздел книги вносит немало интересных деталей в изучение темы. Например, анализируется социальный портрет учащихся (гражданство, конфессиональная и национальная принадлежность и др.). Так вырисовывается интересный факт, что среди учащихся было много калмыков, исповедовавших буддизм [Nykl a col. 2021, s. 50–51]. В главе описывается повседневная жизнь гимназий, процесс обучения и досуг учеников, анализируются церемонии, в том числе празднование в русской среде памятных дат чехословацкой истории (100-летие со дня рождения основателя Сокольского движения Мирослава Тырсы в 1931 г., 100-летие со дня рождения поэта Яна Неруды в 1934 г., ежегодные памятные торжества в честь Яна Гуса, именины Томаша Масарика). В последующих исследованиях было бы интересно проследить послевоенную историю Русской гимназии в Праге, которая в 1945 / 46 учебном году была преобразована по советским образцам, а затем превращена в школу для советских дипломатов.

Ладислав Земанек подготовил раздел «Социальный либерализм Павла Новгородцева и его философские предпосылки: анализ и критика». Автор не ограничивается лишь эмигрантским периодом жизни профессора, когда тот стал одним из виднейших деятелей русской Праги, но поэтапно прослеживает его интеллектуальную биографию. Подчеркивается, что искания Новгородцева, как главного представителя школы естественного права в России на рубеже XIX–XX вв., в полной мере вписывались в развивавшиеся в Европе в то время учения о человеке, либерализме и правовом государстве. Автор глубоко проник в суть правовой доктрины Новгородцева, проследил ее связь с предшествующими философскими учениями, показал постепенную эволюцию от классического либерализма к либеральному социализму. Л. Земанек приходит к выводу, что революция, Гражданская война и изгнание произвели перелом в мировоззрении Новгородцева. В его эмигрантских публикациях славянофильские мотивы берут верх над западническими. Значение наследия Новгородцева видится в том, что тот «преодолевал атомизм и в либеральных рамках реабилитировал смысл общности и солидарности», «демистифицировал принципы и механизмы “реальной демократии”» [Nykl a col. 2021, s. 84].

Каролина Конвалинкова осветила научно-педагогическую деятельность в Чехословакии литературоведа и издателя Евгения Александровича Ляцкого. Она проанализировала большой пласт материалов из личного фонда ученого в Литературном архиве Музея национальной литературы. На основе документов архива Карлова университета она впервые в историографии детально реконструировала работу Ляцкого в этой старейшей высшей школе. Правда, и ей не удалось ответить на вопрос, давно волнующий исследователей: как же удалось литературоведу, не имевшему докторской степени и значительных научных заслуг, быть избранным в 1922 г. профессором Карлова университета [Nykl a col. 2021, s. 99]. Касаясь педагогической деятельности Ляцкого, К. Конвалинкова не обошла стороной созданные им учебники по русскому языку и литературе для чехословацких студентов. Была обрисована издательская деятельность Ляцкого в период эмиграции – сначала в Стокгольме, затем в Праге, где он создал знаменитое издательство «Пламя». К. Конвалинкова показала, что Ляцкий был известной фигурой в культурном мире Зарубежной России тесно соприкасался с эмигрантами в других странах. Особо крепкими были его связи с русским Белградом.

Наталия Бажантова в своем очерке анализирует вклад Николая Евграфовича Осипова в изучение русской литературы XIX в. Он был учеником З. Фрейда и одним из первопроходцев психоанализа в России. Осипов оказался в числе тех ученых, кто получил работу в Карловом университете, что предопределило его взаимодействие с чехословацкой интеллектуальной средой. Осипова по праву считают одним из крупнейших психоаналитиков в межвоенной Чехословакии. Заметное место занимал он и в эмигрантской научной жизни, основав в 1925 г. Русский психиатрический кружок. Именно в период жизни в Чехословакии Осипов обратился к психоаналитическому изучению русской классической литературы, в особенности к пониманию феномена страха. Он предпринял попытку с новых ракурсов взглянуть на произведения Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Он видел в них интереснейший источник изучения человеческой психики, о чем не раз сообщал своему учителю Фрейду. В контексте представленного материала позволю заметить, что не меньшего внимания заслуживает изучение научной биографии ученика Осипова – Ф.Ф. Досужкова, чей личный фонд хранится в Архиве Карлова университета.

Раздел, подготовленный Рене Андрейсом, посвящен фигуре Надежды Филаретовны Мельниковой-Папоушковой, литературного критика и переводчицы, ставшей одной из ключевых фигур российско-чешского интеллектуального сближения. Она много публиковалась в журнале «Центральная Европа», который в 1927–1938 гг. издавал ее супруг Ярослав Папоушек. Это издание само по себе заслуживает специального изучения. Р. Андрейс делает акцент на размышлениях о Советской России в творчестве Мельниковой-

Папоушковой, в частности останавливается на ее книге «Россия вблизи и издалека» (1929), в которой была представлена репортажная мозаика о жизни в СССР. Эта книга рассматривается в контексте других чехословацких текстов о советской жизни того времени (Я. Славик, В. Тилли, Й. Копта, Й. Шром) [Nykř a col. 2021, s. 125–127]. Несомненным достоинством главы является привлечение обширного архивного материала из личного фонда Мельниково-Папоушковой в Государственном краевом архиве города Чешская Липа.

Войтех Франк остановился на творческом наследии Ивана Ивановича Лапшина, который был ученым-обществоведом широкого профиля. В специальной главе рассматриваются его музыковедческие труды, в особенности связанные с чешской музыкой. В годы эмиграции Лапшин живо интересовался творчеством как чешских классиков (Б. Сметана и А. Дворжак), так и новаторов (Л. Яначек). Он выступал культурным посредником между чешской и русской музыкальной культурой, а его музыковедческое наследие наглядно демонстрирует возможность сравнительных и контекстуальных перспектив. Тем не менее В. Франк не закрывает глаза на недостатки исследований Лапшина, в частности, почти полное игнорирование им специальной чешской музыковедческой литературы.

Заключительная глава книги, написанная Николой Допитовой, посвящена профессору Антонию Васильевичу Флоровскому, крупнейшему исследователю российско-чешских связей. Стоит отметить, что в последние годы к изучению жизни и творчества ученого активно обращаются российские, украинские, болгарские, чешские исследователи. Недавно в Москве был издан сборник ранее не публиковавшихся сочинений ученого [Флоровский 2020]. Многие сюжеты, которые он исследовал, получают продолжение в трудах современных исследователей [Гребикова 2020; Серапионова 2021; Шварц 2022; Stellner 2009, 2012]. Все эти обстоятельства определяют важность изучения научной биографии Флоровского и его творческого наследия. Н. Допитова проштудировала не только важнейшие опубликованные труды ученого, но и обратилась к его обширному творческому наследию, проработав материалы Архива РАН и Отдела рукописей Славянской библиотеки в Праге. Несомненным достоинством раздела стало то, что Н. Допитова предприняла успешную попытку вписать Флоровского и его творчество в контекст развития чехословацкой историографии и чехословацкое культурное пространство вообще. Она проследила его контакты с историками М. Пауловой, Я. Ваврой, Ф. Гейлом, Ф. Граусом и др. Хотя было бы неплохо, если бы автор большее внимание уделила вопросу о тематическом влиянии Флоровского на чехословацкую историографию, о чем немного писал автор этих строк [Ковалев 2016, с. 108, 111; 2017, с. 139]. В связи с этим было бы также интересно проследить биографию одной из его учениц Алены Завадовой.

Несмотря на очерковый характер монографии, она представляет собой единое лицо. Авторам книги в полной мере удалось показать соотношение индивидуального и коллективного, частного и публичного в истории российской эмиграции в Чехословакии. Люди и институты сосуществуют, не заслоня друг друга. Хотелось бы отметить, что авторам книги удалось довольно беспристрастно взглянуть на феномен российской диаспоры, не вдаваясь в крайности, которые нередко свойственны российской историографии. Российская диаспора представлена без излишней идеализации. Отдельно хотелось бы отметить широкую источниковую базу и использование материалов чешских архивов. Тем не менее в некоторых случаях, напротив, хотелось бы покритиковать авторов за недостаточное внимание к архивным материалам. Например, при изучении истории Русской гимназии в Праге можно было бы обратиться к ее архивному фонду в Архиве столичного города Праги. Однако будем помнить, что перед нами труд молодых и начинающих исследователей, у которых еще все впереди. В их способности и дальше профессионально изучать историю российской эмиграции и российско-чешских связей я ни капли не сомневаюсь.

Библиография

Гребикова А. Стефан Вильгельм Кинский – дипломат Священной Римской империи в России в 1721–1722 гг. // Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII–XXI вв. / Под общ. ред. О.В. Хавановой. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 71–80.

Ковалев М.В. А.В. Флоровский: пражская жизнь одесского профессора // Новая и Новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140.

Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 6. С. 98–113.

Серапионова Е.П. Российская эмиграция «первой волны» в чешской и словацкой историографии // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). М.: ИРИ РАН, 2004. С. 210–229.

Серапионова Е.П. Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. 332 с.

Флоровский А.В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / Под ред. В.Ю. Афиани; вступ. ст. М.В. Ковалева, сост., подг. к публ. и коммент. В.Ю. Афиани, М.В. Ковалева, Е.В. Косыревой, Т.Н. Лаптевой. СПб.: Нестор-История, 2020. 576 с.

Шварц И. Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе. СПб.: Европейский Дом, 2022. 414 с.

Nykl H. Náboženství v ruské kultuře. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2013. 368 s.

Nykl H. Reflexe ruské revoluce v memoárech ruských filosofů-emigrantů // Slovanský přehled. 2018. Roč. 104. № 3. S. 723–738.

Nykl H. Svoboda v myšlení Pavla Florenského v kontextu kritiky Nikolaje Berďajeva // Oriens Aliter. 2022. № 6. S. 31–48.

Nykl H. Zkoumání ruské exilové filosofie v meziválečném Československu: kritické vymezení diskursu // Slovanský přehled. 2019. Roč. 105. № 3. S. 419–433.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Nykl H., Ivanova A., Procházková M., Zemánek L., Konvalinková K., Bažantová N., Andrejs R., Frank V., Dopitová N. Instituce a osobnosti ruské meziválečné emigrace v Československu. Praha, Karolinum, 2021. 196 s.

Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Díl. I. Praha: Setoutbooks, 2009. 331 s.

Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Díl. II. Praha: Setoutbooks, 2012. 271 s.

References

Florovsky A.V. Trudy po istorii Rossii, Tsentral'noy Yevropy i istoriografii: Iz arkhivnogo naslediya [Proceedings on the history of Russia, Central Europe and historiography: From the archival heritage] / Ed. by V.Yu. Afiani; introd. by M.V. Kovalev, comp., prep. to publ. and comment. by V.Yu. Afiani, M.V. Kovalev, E.V. Kosyreva, T.N. Lapteva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 576 p. (In Russ.)

Hrebiková A. Stefan Wilhelm Kinsky – diplomat Svyashchennoy Rimskey imperii v Rossii v 1721–1722 gg. [Stefan Wilhelm Kinsky – diplomat of the Holy Roman Empire in Russia in 1721–1722] // View of a foreigner: the diplomats, publicists, scientists-travelers between East and West in the XVIII–XXI centuries [Vzglyad chuzhezemtsa: diplomaty, publitsisty, uchenyye-puteshestvenniki mezhdru Vostokom i Zapadom v XVIII–XXI vv.] / Ed. by O.V. Khavanova. Moscow: Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. P. 71–80. (In Russ.)

Kovalev M.V. A.V. Florovsky: prazhskaya zhizn' odesskogo professor [A.V. Florovsky: the Prague life of an Odessa professor] // Novaya i Noveyshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2017. N 6. P. 123–140. (In Russ.)

Kovalev M.V. Zigzagi sud'by: professor A.V. Florovsky i yego sovetskiye kollegi [Zigzags of fate: Professor A.V. Florovsky and his Soviet colleagues] // Rossiya XXI [Russia XXI]. 2016. N 6. P. 98–113. (In Russ.)

Nykl H. Náboženství v ruské kultuře. Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2013. 368 s.

Nykl H. Reflexe ruské revoluce v memoárech ruských filosofů-emigrantů // Slovanský přehled. 2018. Roč. 104. N 3. S. 723–738.

Nykl H. Svoboda v myšlení Pavla Florenského v kontextu kritiky Nikolaje Berďajeva // Oriens Aliter. 2022. N 6. S. 31–48.

Nykl H. Zkoumání ruské exilové filosofie v meziválečném Československu: kritické vymezení diskursu // Slovanský přehled. 2019. Roč. 105. N 3. S. 419–433.

Nykl H., Ivanova A., Procházková M., Zemánek L., Konvalinková K., Bažantová N., Andrejs R., Frank V., Dopitová N. Instituce a osobnosti ruské meziválečné emigrace v Československu. Praha, Karolinum, 2021. 196 s.

Schwartz I. Petr I i Avstriya: Issledovaniya o Petrovskoy epokhe [Peter I and Austria: Studies on the Petrine era]. St. Petersburg: European House, 2022. 414 p. (In Russ.)

Serapionova E.P. Chekhi i slovaki v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' 19 – nachlo 20 vv. [Czechs and Slovaks in the Russian Empire (last third of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. 332 p. (In Russ.)

Serapionova E.P. Rossiyskaya emigratsiya «pervoy volny» v cheshskoy i slovatskoy istoriografii [Russian emigration of the «first wave» in Czech and Slovak historiography] // Istoriya rossiyskogo zarubezh'ya. Problemy istoriografii (konets XIX – XX vv.) [History of the Russian Abroad. Problems of historiography (the end of the 19th – 20th centuries)]. Moscow: IRI RAN, 2004. P. 210–229. (In Russ.)

Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Díl. I. Praha: Setoutbooks, 2009. 331 s.

Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Díl. II. Praha: Setoutbooks, 2012. 271 s.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.gossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: gossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква p. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // *Общественные науки и современность*. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: *Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha* [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (дата обращения: 02.08.2019); *Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii»* [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 4 – 2022 (117)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И. К. Летунова

Корректор

О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 01.12.2022 г.

Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 20,3 Уч.-изд. л. 16,6

Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 85

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У